

НОУ ВПО «Академия МНЭПУ»
Негосударственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Академия МНЭПУ»

Т.В. ДУБРОВСКАЯ

**СУДЕБНЫЙ ДИСКУРС:
РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ СУДЬИ
(на материале русского и английского языков)**

Москва

Издательство «Академия МНЭПУ»

2010

УДК811+34

ББК81.2+67.71

Д79

Дубровская Т.В.

Д79 Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). – М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. – 351 с.

ISBN 978-5-7383-0333-3

В монографии на современном материале стенограмм судебных заседаний изучается речевое поведение русских и английских судей в разных ситуациях речевого взаимодействия в ходе судебных процессов и строится модель речевого поведения судьи. Рассматривается также речь судей в ситуациях, выходящих за рамки собственно судебного дискурса. Наряду с прагматическими и языковыми характеристиками речевого поведения судей выявляется национально-культурная специфика судебного дискурса.

Для филологов, правоведов и широкого круга исследователей, интересующихся проблемами функционирования языка в разных типах дискурса.

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор И.И. Прибыток

Доктор филологических наук, профессор К.Ф. Седов

УДК811+34

ББК81.2+67.71

ISBN 978-5-7383-0333-3

© Т.В. Дубровская, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Теоретические основы изучения дискурса правовой сферы	7
1.1 Многогранность дискурса и его свойства	8
1.2 Юридический и судебный дискурс: понятия и границы.....	13
1.3 Судебный дискурс как дискурс институционального типа	16
1.4 Юридический дискурс: парадигма исследования	21
1.4.1 Изучение письменных юридических документов.....	23
1.4.2 Изучение устного юридического дискурса.....	28
1.4.3 Методы исследования судебного дискурса	42
Выводы	45
Глава 2. Структура языковой личности судьи	48
2.1 Понятие языковой личности.....	48
2.2 Социологический портрет русских и английских судей.....	50
2.3 Судья как рефери.....	52
2.3.1 Функции судьи-рефери.....	52
2.3.2 Метакоммуникация как средство организации судебного процесса.....	54
2.4 Судья как участник драматического действия.....	83
2.4.1 Невербальный компонент как средство организации драматического действия.....	84
2.4.2 Вербальный компонент судебной драмы	89
2.5 Судья как лингвист.....	111
2.5.1 Лингвистический аспект правовой деятельности.....	111
2.5.2 Типы ситуаций на процессе.....	114
2.5.3 Анализируемые языковые аспекты	122
2.6 Судья – простой смертный или «бесстрастная мыслящая машина»? ..	125
Выводы	136
Глава 3. Речь судьи в жанровом аспекте	139
3.1 Теория речевых жанров как основа анализа судебного дискурса	139
3.1.1 Концепция речевых жанров М.М. Бахтина.....	139
3.1.2 Речевой жанр как тип текста	141
3.1.3 Жанры юридической сферы и их классификация	145
3.1.4 Модель анализа жанров судебного дискурса.....	153
3.2 Жанр «судебный допрос»	155
3.2.1 Судебный допрос в инквизиционной и состязательной системах правосудия: общая характеристика	155
3.2.2 Речевое взаимодействие судьи и допрашивающего.....	162
3.2.3 Речевое взаимодействие судьи и допрашиваемого.....	175

3.2.4 Судья и подсудимый: оценочный характер речи русских судей.....	197
3.2.5 Взаимодействие судьи и присяжных в английском суде.....	203
3.3 Напутственное слово председательствующего, или summing-up	206
3.3.1 Функции напутственного слова и диалогичность как способ их реализации.....	206
3.3.2 Отражение граней языковой личности судьи в напутственном слове.....	217
3.3.3 Интертекстуальность напутственного слова.....	231
3.3.4 Языковые характеристики жанра.....	235
3.4 Решение и приговор суда как заключительные жанры судебного процесса.....	238
3.4.1 Функции и адресованность судебных решений и приговоров.....	238
3.4.2 Способы мотивирования решений и приговоров.....	242
3.4.3 Субъективные оценки и интерпретации.....	251
3.4.4 Регламентированность формальной и семантической структуры жанров.....	254
3.4.5 Интертекстуальность решений и приговоров.....	259
3.4.6 Национально-культурная специфика решений и приговоров..	262
Выводы.....	268
Глава 4. Речевое поведение судей в гибридных типах дискурса.....	272
4.1 Интертекстуальность и интердискурсивность.....	272
4.2 Публичные речи судей.....	275
4.2.1 Диалог с обществом.....	277
4.2.2 О роли интертекстуальных ссылок на законодательные тексты.....	286
4.2.3 Интертекст как способ укрепления авторитета судебной власти.....	291
4.3 Речь судей в дискурсе СМИ.....	296
4.3.1 Интервью с судьями.....	297
4.3.2 Эссе «День из жизни судьи»: английские судьи о своей работе.....	312
Выводы.....	316
Заключение.....	318
Список литературы.....	320
Список исследованных материалов.....	346
Список сокращений	350

Введение

К изучению разных типов дискурса, формирующихся в условиях разнообразных сфер человеческой деятельности, обращаются многие отечественные и зарубежные исследователи речевой коммуникации. Среди дискурсивных исследований особое место занимают работы, посвященные общению в институциональной обстановке, накладывающей определенные ограничения на речевое поведение участников общения. Несмотря на существование значительного количества работ, целью которых является рассмотрение институциональных типов дискурса, некоторые типы институциональной коммуникации не были до настоящего времени объектом всестороннего исследования. К таким типам дискурса относится судебный дискурс. Судебный дискурс представляет собой сложное, многоголосое образование с большим количеством участников, выполняющих предписанные им институциональными правилами функции. Организующим центром речевого взаимодействия в зале суда является судья, который как ключевая фигура заслуживает особого внимания. Кроме собственно судебного дискурса судья выступает как говорящий субъект в иных типах дискурса, проявляя разные грани своей языковой личности.

В настоящей работе мы исследуем речевое поведение русских и английских судей в разных ситуациях речевого взаимодействия в ходе судебных процессов, а также в ситуациях, выходящих за рамки собственно судебного дискурса и находящих выражение в жанрах публичного выступления, интервью, газетной публикации, эссе. Свою основную цель мы видим в том, чтобы создать модель речевого поведения судьи, выявив прагмалингвистические характеристики, а также национально-культурную специфику речевого поведения русских и английских судей.

Внимание к личности судьи как отправителю и получателю речи определяет актуальную для современной науки антропоцентрическую направленность исследования, а осмысление судебной коммуникации с точки зрения теории речевых жанров, активно развивающейся в настоящее время, открывает новые возможности для выявления закономерностей институционального общения. Именно теория речевых жанров позволяет подойти к речевому общению с социологических позиций, что согласуется с исследованием дискурса как социально значимого явления. Жанроведческий подход базируется на понимании диалогической природы человеческой коммуникации и выдвигает на первый план взаимодействие коммуникантов. Изучению именно диалогических форм судебного дискурса посвящена значительная часть нашего исследования. Актуальность исследования судебного диалога очевидна, поскольку до последнего времени анализу подвергались преимущественно монологические высказывания в зале суда – речи обвинителей и защитников. Отдельные попытки исследования диалогического взаимодействия между участниками судебного процесса требуют дальнейшего развития и упорядочения. Кроме того, материалом для большинства отечественных исследований судебного дискурса по-прежнему

служат речи выдающихся русских юристов XIX-XX вв., тогда как современная реально существующая картина судебной коммуникации практически игнорируется. Такое положение дел представляется нам несправедливым. Поиск риторического идеала в речах прошлого столетия, конечно, может дать определенные результаты. Однако следует понимать, что условия осуществления правосудия, включая процессуальное законодательство, нравственные ценности, общий социальный климат, значительно изменились с тех пор и продолжают претерпевать изменения. Поэтому, как нам кажется, назрела необходимость переориентировать исследования судебного дискурса на современность. Осознавая эту проблему, мы проводим исследование на материалах последних лет (1991-2009 гг.), включающих стенограммы судебных процессов, ручные записи, сделанные автором в русских и английских судах, тексты русских и английских судебных решений и приговоров. Речевое поведение судей вне зала суда исследуется на материале публичных речей русских и английских судей, видео и печатных интервью с ними, а также эссе, размещенных на сайте судейского сообщества (2000-2009 гг.).

Изучение языка института правосудия может помочь понять процессы, происходящие в этом институте, и выявить существующие проблемы, для решения которых можно использовать зарубежный опыт.

Мы надеемся, что решение в ходе исследования ряда задач, таких как обобщение имеющихся научных работ о коммуникации в правовой сфере, разработка модели языковой личности судьи, выделение основных ситуаций взаимодействия судьи с другими участниками судебного процесса и определение типичных вербальных и невербальных средств реализации разных сторон языковой личности судьи, выявление типичных жанров судейской речи и их прагмалингвистических характеристик, определение национально-культурной специфики речевого поведения русских и английских судей, позволит, насколько это возможно, заполнить пробелы в общей картине судебной коммуникации.

В качестве перспективного направления дискурсивных исследований мы предлагаем анализ гибридных типов дискурса и речевого поведения судей вне зала суда. В гибридных типах дискурса отражается взаимодействие разных социальных институтов, осуществляемое через контакт между их представителями. Речевое взаимодействие судьи с представителями СМИ, общественности, образования и других сфер станет объектом рассмотрения в последней главе книги, что, как нам кажется, способствует созданию более точного речевого портрета представителей отечественной и английской судебной власти.

Выражаю благодарность за ценные замечания, сделанные в процессе подготовки монографии, доктору филологических наук М.А. Кормилицыной, доктору филологических наук И.И. Прибыток, доктору филологических наук К.Ф. Седову, а также всем сотрудникам кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета, принимавшим участие в обсуждении результатов данного исследования.

Глава 1

Теоретические основы изучения дискурса правовой сферы

Интерес к проблемам функционирования языка в различных сферах человеческой деятельности, преобладающий в исследовательской парадигме лингвистики последних десятилетий, охватил и сферу правовой деятельности. На границе права и лингвистики сформировалась новая дисциплина – юрислингвистика, имеющая свой круг проблем и методологию. В сферу внимания дисциплины попадают процессы и трансформации, происходящие в правовой жизни общества и получающие то или иное языковое воплощение. Именно общество, в котором развивается юрислингвистика, выдвигает на первый план определенные проблемы, наиболее актуальные и требующие анализа и решения.

Не будет преувеличением сказать, что юрислингвистика успешно и динамично развивается во многих странах мира. Обозначаемая как *Forensic Linguistics* (судебная лингвистика), в Англии и США эта дисциплина является вполне оформившейся областью исследований, в которой рассматривается весьма широкий спектр вопросов. В Западной судебной лингвистике есть успешно функционирующие организации, объединяющие исследователей: Международная Ассоциация Судебных Лингвистов (*the International Association of Forensic Linguists*) и Международная Ассоциация Судебной и Фонетической Акустики (*the International Association for Forensic and Phonetic Acoustic*). Организации имеют свое печатное издание – «Международный Журнал Речи, Языка и Права» («*The International Journal of Speech, Language and Law*»), ежегодно проводятся летние школы по судебной лингвистике. Ряд трудов, написанных английскими и американскими исследователями, можно с полным правом назвать классикой судебной лингвистики. На эти труды ссылаются в своих работах многие современные исследователи. Сильная школа юрислингвистики, или *Legilinguistics*, как обозначают дисциплину польские исследователи, сложилась в Польше с координационным центром в Познани, где ежегодно проводятся конференции по юрислингвистике. Наблюдения о развитии юрислингвистики в Германии, Китае, на Украине содержатся в некоторых отечественных и зарубежных работах [Мушнина, 2004; Прайд, 2004; Кюэнь, 2007; Kniffka, 2007].

Юрислингвистика в каждой стране имеет свою специфику – различные аспекты взаимосвязи языка и права имеют большую или меньшую актуальность. Это объясняется рядом причин: особенностями правовых систем, состоянием современного общества, уровнем развития самой дисциплины, степенью исследованности или неисследованности определенных проблем и вопросов.

Общественные процессы названы Н.Д. Голевым внешними причинами выделения и самоопределения отечественной юрислингвистики [Голев, 2007б]. Либерализация российского общества, обсуждение проблем правового государства, вовлечение в правовую деятельность широких масс людей дали

толчок развитию этой отрасли знания. Второй причиной названа смена научной парадигмы и формирование нового юридического мышления.

Убедительным доказательством значительного интереса к взаимосвязи языка и права в России служат девять сборников научных трудов «Юрислингвистика» под редакцией д.ф.н, профессора Н.Д. Голева, включающих работы отечественных и ряда зарубежных ученых по самым разным проблемам взаимоотношений языка и права [Юрислингвистика, 1999; Юрислингвистика-2, 2000; Юрислингвистика-3, 2002; Юрислингвистика-4, 2003; Юрислингвистика-5, 2004; Юрислингвистика-6, 2005; Юрислингвистика-7, 2006; Юрислингвистика-8, 2007; Юрислингвистика-9, 2008]. Кроме того, существует целый ряд отдельных работ в других изданиях, как лингвистических, так и юридических, многие из которых мы отметим далее.

В данной главе исследования мы определим собственный подход к принципиальным понятиям, необходимым для нашего исследования, обрисуем круг проблем, связанных с изучением языка в правовой сфере и с учетом существующей исследовательской парадигмы, представим выбранные нами проблематику и методологический подход.

1.1 Многогранность дискурса и его свойства

В последние годы написано большое количество работ, посвященных общетеоретическим проблемам исследования дискурса и отдельным его типам. Предлагаются определения понятия «дискурс», анализируется сущность явления, устанавливаются отношения между дискурсом и другими лингвистическими категориями. Понятие дискурса стало настолько популярным и широко обсуждаемым, что ученые, обращаясь к нему, вынуждены начинать с разного рода оговорок и объяснений. Е.В. Сидоров предваряет свое исследование «Онтология дискурса» следующим метакомментарием: «Кажется, сегодня у лингвиста термин «дискурс» больше других способен вызвать раздражение. В последние десятилетия столько написано и столько сказано о дискурсе! Иногда создается впечатление, что с каждой новой публикацией о дискурсе понимание того, в чем состоит его природа, не очень ясное с самого начала, только еще больше запутывается» [Сидоров, 2008, с. 6]. Представить ясное и целостное научное описание дискурса с учетом уже существующих достижений в области дискурсивного анализа и берется ученый.

Мы не ставим перед собой такой задачи, поскольку, по верному замечанию еще одного исследователя дискурса, «если внимательно рассмотреть хотя бы основные определения и текста, и дискурса, а к ним еще добавить и описание точек зрения на их взаимосвязь, то на собственную точку зрения не останется или сил, или полиграфических мощностей» [Прохоров, 2006, с. 6].

Мы не будем повторяться и подробно рассматривать всевозможные определения дискурса и обобщать подходы, существующие в сфере дискурсивного анализа. Эта задача была вполне успешно выполнена как в

отечественной, так и в зарубежной научной литературе [Карасик, 2002; Макаров, 2003; Демьянков, 2005; Чернявская, 2009; Серियो, 2002; Mills, 1997; Schiffrin, 1994; Titscher et al., 2000; Bloor, Bloor, 2007; Gee, 1999; Vass, 1992; van Dijk, 1997a и др.]. При рассмотрении общетеоретических проблем дискурса мы ограничимся указанием на те свойства дискурса, которые определяют ракурс и методологическую основу нашего исследования судебной речи.

Нам представляется возможным отметить следующие **свойства дискурса**, определяющие его природу:

- процессуальный характер;
- связь с мыслительными процессами;
- интерактивный характер;
- связь с экстралингвистической ситуацией, контекстом;
- социальная значимость;
- отсутствие четких границ.

Процессуальный, динамичный по характеру дискурс традиционно противопоставляется статичному и завершенному образованию – тексту. «Дискурс обозначает коммуникативный и ментальный процесс, приводящий к образованию некой формальной конструкции – текста», – пишет В.Е. Чернявская [Чернявская, 2009, с. 144]. В.З. Демьянков указывает на процессуальность дискурса: «Дискурсом называют текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора» [Демьянков, 2002, с. 32] и проводит следующее различие между текстом и дискурсом: «...Прототипический текст – предмет, а прототипический дискурс – процесс...» [Демьянков, 2005, с. 50].

Подобным образом В.Г. Борботько подчеркивает динамичность самого дискурса и даже нестабильность языковых единиц в его структуре и определяет дискурс как «речемыслительный процесс, приводящий к образованию лингвистической структуры» [Борботько, 2007, с. 6].

В представленных определениях наряду с процессуальностью дискурса отмечено еще одно его свойство – непосредственная **связь дискурса с мыслительной деятельностью человека**. Процесс создания дискурса предполагает двустороннюю работу мысли – как со стороны говорящего субъекта, так и со стороны интерпретатора. Язык и речь используются как средства выражения работы человеческого мышления: «...При создании дискурса приходит в активное состояние вся языковая система как средство моделирования образа, порождаемого человеческим сознанием» [Там же. С. 6].

Активизация речемыслительной деятельности всех участников дискурса определяет **интерактивный его характер**. В рамках дискурса выстраивается взаимодействие между его участниками. Модель интерактивной и диалогической по характеру коммуникации применяют по отношению к дискурсу С. Титшер и его соавторы [Titscher et al., 2000, p. 24]. Понятие взаимодействия является центральным в определении дискурса, предлагаемом К.Ф. Седовым: «Дискурс – объективно существующее вербально-знаковое построение, которое сопровождает процесс социально-значимого взаимодействия людей» [Седов, 2004, с. 8]. Исследователь делает акцент на

интерактивной природе дискурса, запечатляющего в себе взаимодействие, диалог.

Дискурсивный анализ характеризуется учетом **экстралингвистической ситуации**, в которой разворачивается дискурс. Участники дискурса, взаимодействуя, объединяют язык с явлениями внеязыкового порядка. В числе внеязыковых явлений Дж.П. Джи называет разные способы мышления, действия, взаимодействия, ценности, чувства, убеждения, а также использование людьми различных символов и предметов в правильном месте в правильное время, с тем чтобы реализовать разные идентичности и осуществить разные виды деятельности [Gee, 1999, p. 13]. Перечисленные внеязыковые явления в большей степени соотносятся с личностями участников дискурса и тем, что они приносят в дискурс. Имеет значение и более широкий ситуативный контекст.

В хрестоматийном определении дискурса, данном Н.Д. Арутюновой, перечисляется ряд экстралингвистических факторов: «Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”» [Арутюнова, 1990, с. 136–137].

На тот факт, что функциональный подход к дискурсу предполагает взаимосвязь между языком и контекстом, включающим информацию об участниках, их статусах, обстановке, обычных способах взаимодействия, указывает Д. Шиффрин [Schiffrin, 1994, p. 32].

Говоря о контексте, в котором возникает дискурс и в котором он должен рассматриваться, С. Титшер и его соавторы подчеркивают принципиальную роль внеязыковых факторов в дискурсивном анализе и выделяют макроконтекст, т.е. организации и социальные институты, и микроконтекст, т.е. конкретное место, конкретное время и конкретных участников. Ученые считают, что включение в дискурсивный анализ социокультурных ценностей, норм, а также психических особенностей коммуникантов позволяет выйти за рамки традиционных исследований, основанных на анализе содержания [Titscher et al., 2000, p. 27].

Видим, что в более широком смысле под контекстом подразумевается широкий социокультурный фон. Включение социокультурного фона в дискурсивный анализ является результатом отношения к **дискурсу как феномену социально обусловленному и социально значимому**, обладающему силой воздействия на тот социальный фон, в котором он порождается.

Социальная обусловленность дискурса и влияние дискурса на социальную действительность отмечаются отечественными и зарубежными учеными. Е.С. Кубрякова считает, что при исследовании дискурса требуется обязательно учитывать все социальные параметры происходящего, все прагматические факторы его осуществления, культурологические и социально-

исторические данные, а также сведения о том, кто проводил дискурсивную деятельность, для чего, при каких условиях, с каких позиций [Кубрякова, 2001]. Видим, что акцент ставится на необходимости выхода за рамки собственно продукта речевой деятельности и учета целого ряда экстралингвистических факторов при осуществлении дискурсивного анализа.

Социальная значимость дискурса выходит на первый план в научной школе критического анализа дискурса (Critical Discourse Analysis - CDA), где дискурс рассматривается как элемент социальной жизни, который тесно связан с другими элементами [Fairclough, 2004, с. 3]. Анализ дискурса не сводится к анализу текстов. Хотя последний и является частью дискурсивного анализа, кроме собственно текстового анализа в фокус внимания критического анализа дискурса попадают социальные практики (social practices) и социальные последствия дискурса (socially 'constructive' effects of discourse). При таком подходе анализ дискурса дает ключ к пониманию процессов, происходящих в обществе, и, в первую очередь, процесса распределения власти. Н. Фэрклоф видит в дискурсивном анализе огромный потенциал для исследований социологического характера.

Дискурс как форма социальной практики фигурирует в работах Р. Водак, еще одной представительницы школы критического анализа дискурса. По Р. Водак, описание дискурса как социальной практики предполагает диалектическую связь между конкретным дискурсивным событием и ситуациями, институтами и социальными структурами, которые придают ему форму. Дискурс не только социально обусловлен, но и сам создает ситуации, социальные идентичности, устанавливает отношения между людьми и группами людей [Wodak, 1996, p. 15]. Представители критического анализа дискурса считают, что применение определенных дискурсивных практик приводит к идеологическим эффектам и выстраиванию и воспроизведению неравных властных отношений [Titscher et al., 2000, p. 27].

Социальная значимость дискурса, его роль в установлении властных отношений и идеологическая подоплека образуют методологическую основу дискурсивного анализа и во французской школе анализа дискурса. «Не существует высказывания (ни символа, ни общественного поступка), в котором нельзя было бы не увидеть культурную обусловленность и которое нельзя было бы тем самым связать с характеристиками, интересами, значимостями, свойственными определенному обществу или определенной социальной группе, их признающей в качестве своих. В любом высказывании можно обнаружить властные отношения», – отмечает П. Серио [Серио, 2002, с. 21]. По мнению французских исследователей, анализ дискурса призван стать составной частью науки об идеологии, которая понимается ими как «любой семиотический факт, который интерпретируется в свете социальных интересов и в котором узакониваются социальные значимости в их исторической обусловленности...» [Там же. С. 20].

Еще одна характеристика дискурса, которая представляет важность для нашего исследования, это его условная безграничность. **Отсутствие четко обозначенных границ** дискурса является следствием характерной для

дискурса процессуальности, с одной стороны, и присущей дискурсу интертекстуальности, с другой стороны.

Причину отсутствия четких границ дискурса Дж.П. Джи видит в изменчивости дискурса, которая является следствием деятельности человека: «Дискурсы не имеют границ, потому что люди всегда, во все времена создают новые дискурсы, меняют старые, оспаривают и расширяют границы дискурсов» [Gee, 1999, p. 21] (*Перевод с английского здесь и далее мой – Т.Д.*).

О существовании во французском анализе дискурса научного подхода, опирающегося на понятие интердискурсивности, пишет П. Серио. Согласно этому подходу, дискурсивная формация не может рассматриваться как совершенно замкнутое целое, поскольку дискурс всегда соотносится с «уже сказанным» и «уже услышанным», в любом дискурсе обнаруживаются следы дискурсивных элементов предшествующих дискурсов [Серио, 2002, с. 45].

Подобный подход к границам дискурса осуществляется в рамках критического анализа дискурса. Отвечая на вопросы «Как мы можем определить дискурсивную единицу?», «Где ее начало и конец?», исследователи утверждают: «...По причине интертекстуальности в принципе не может быть объективного начала и четкого конца, поскольку каждый дискурс связан со многими другими и может быть понятен только на основе других. Определение единицы исследования, таким образом, зависит от субъективного решения исследователя и от тех задач, которые определяют ход исследования» [Titscher et al., 2000, p. 26].

Н. Фэрклоф включает в понятие интертекстуальности имплицитные смыслы текстов, пресуппозиции (assumptions), которые отсылают к иным источникам, в то же время не обозначая данные источники. В этом состоит отличие пресуппозиций от собственно интертекстуальности. Предполагается, что подразумеваемое в высказывании уже было где-то сказано или написано, однако это не всегда так, и пресуппозиции могут быть использованы в качестве орудия манипуляции [Fairclough, 2004, p. 40]. Таким образом, устанавливаемые между разными текстами взаимосвязи, истинные или ложные, расширяют рамки конкретного дискурса, и представляется сложным определить его точные границы.

Перечисленные выше характеристики дискурса свидетельствуют о емкой природе дискурса и определяют широту проблематики дискурсивных исследований. По верному замечанию К.Ф. Седова, дискурс запечатляет в себе взаимодействие людей и «напоминает многогранный кристалл, стороны которого способны отражать различные особенности этого взаимодействия: национально-этническую, социально-типическую (жанровую), конкретно-ситуативную, речемыслительную, формально-структурную и мн. др. Каждая из граней рассматриваемого феномена может стать основанием для выделения особого аспекта рассмотрения дискурса, который, в свою очередь, способен сформировать самостоятельный раздел в общей теории дискурса» [Седов, 2004, с. 8].

Замечание о многогранности дискурса можно в полной мере отнести к юридическому дискурсу и его разновидностям – судебному дискурсу. Далее в

обзоре литературы о юридическом дискурсе мы покажем, что действительно самые различные его аспекты становятся объектом внимания ученых и образуют отдельные направления исследования.

1.2 Юридический и судебный дискурс: понятия и границы

Понятие дискурса давно и широко применяется западными учеными, исследующими функционирование языка в сфере правовой коммуникации. В предисловии к своей книге «Legal Discourse» (Юридический дискурс) английский исследователь П. Гудрик предлагает ввести в научный обиход понятие юридического дискурса, с которым ученый связывает принципиально новый подход к языку в правовой сфере: «Понятие юридического дискурса требует переоценки лингвистических основ изучения права. Вразрез традиционным положениям в основном формального или объяснительного характера, которые лежат в основе доминирующего представления о самостоятельности юридического текста и одноголосия его языка, я выступаю за критический, междисциплинарный и интертекстуальный подход к юридическому тексту» [Goodrich, 1987, p. 6]. П. Гудрик определяет юридический дискурс как «методологию чтения юридических текстов, которая помещает коммуникативные или риторические функции закона в их институциональный и социолингвистический контекст» [Ibid. P. 205].

В настоящее время, спустя более чем 20 лет после написания П. Гудриком работы, предлагающей понятие юридического дискурса и связанную с ним новую исследовательскую парадигму, можно сказать, что понятие юридического дискурса прочно утвердилось и широко используется в юридической лингвистике в разных странах.

Отечественные исследователи В.М. Баранов, А.С. Александров, Н.Д. Голев обращаются к проблеме осуществления законности и права посредством риторики и утверждают, что правовой текст «находится в потоке юридического дискурса, подчиняясь его течению и выражая в себе его общее состояние...» [Баранов и др., 2002, с. 114]. Поток **юридического дискурса**, в понимании ученых, образован значительным по своему объему количеством существующих и актуальных юридических текстов. Причем понятие «юридический текст» в данном случае толкуется весьма широко. В условиях судебной дискуссии это может быть закон, показания свидетеля, судебный прецедент, письменный документ. Эти юридические тексты образуют в совокупности **судебный дискурс** как разновидность дискурса юридического и как место «реального права» [Там же. С. 114].

Такой подход к юридическому дискурсу соотносится с определением дискурса как совокупности тематически соотнесенных текстов, комплексной взаимосвязи многих текстов, функционирующих в пределах одной и той же коммуникативной сферы [Чернявская, 2009, с. 143–144].

В некоторых зарубежных исследованиях в качестве эквивалента понятия «коммуникативная сфера» используется понятие «дискурсивная сфера» (discourse domain) [Bloor, Bloor, 2007, p. 8]. В зависимости от

исследовательских задач дискурсивная сфера может иметь более широкий или более узкий фокус.

С более широкой коммуникативной сферой мы соотносим понятие юридического дискурса. Судебный дискурс, сферой формирования и функционирования которого является зал суда, воплощает судебный процесс и представляет собой разновидность и составную часть юридического дискурса. В нашем понимании **судебный дискурс** – это вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в ходе судебного процесса, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов. При этом конечной целью процесса является разрешение правового конфликта и изменение правовой ситуации.

Судебным дискурсом можно считать, во-первых, дискурс отдельных судебных процессов или их отрезков. Во-вторых, судебный дискурс может выступать в качестве обобщающего понятия, объединяющего в себе множество дискурсов, на основе анализа которых возможно выделение типичных характеристик и общих закономерностей построения судебной коммуникации.

В рамках судебного дискурса можно выделить его более частные разновидности в зависимости от говорящего субъекта, выполняемой функции. Авторы упомянутой работы «Риторика и право» утверждают, что в зале суда происходит процесс интерпретации текста закона, который, будучи процессом ментальным, в то же время находит вербальное выражение в речи участников процесса, в наибольшей степени в речи судьи. В связи с этим ученые говорят о существовании **дискурса правоприменителя** и **риторического дискурса** как выражения аргументационной деятельности интерпретатора. «Признание риторического характера интерпретационной деятельности судьи идет рука об руку с судебскими полномочиями принимать решения, восполнять пробелы в законе, разрешать антиномии и выбирать ту или иную интерпретацию текста закона», – утверждают исследователи [Баранов и др., 2002, с. 117–118].

А.В. Смирнов рассматривает формирование в современном мире нового типа судопроизводства – дискурсивно-состязательного, цель которого состоит в обеспечении сторон не просто формально равными, но фактически достаточными возможностями для активной защиты своих законных интересов [Смирнов, 2001]. Ученый считает, что происходит изменение парадигмы процессуального мышления, отход от идеи противоборства сторон и стремления выиграть путем искусства судебного спора. В условиях нового типа судебного процесса новое звучание и новое социальное значение получают дискурсы обвинения и защиты. А.В. Смирнов пишет о том, что смысл организации **дискурса обвинения и защиты** состоит в восстановлении человеческих отношений, а не в их разрушении, что неизбежно при главной ставке на единоборство [Смирнов, 2001].

Как мы отмечали, юридический дискурс шире дискурса судебного и сам существует в нескольких разновидностях, соответствующих разным видам деятельности в правовой сфере.

О языке в системе правосудия (language in the justice system) пишет Дж. Гиббонс, который использует данное обозначение в подзаголовке своей книги и комментирует его следующим образом: «Подзаголовок этой книги «Язык в системе правосудия» подчеркивает, что в сферу рассмотрения входит не только законодательство и суды, но и полиция, и тюрьмы. Язык законодательства, правил и судов задокументирован и описан значительно лучше, чем язык полиции и тюрем. Но там, где возможно, предлагаются ссылки на язык всех этих основных составляющих системы правосудия» [Gibbons, 2005, p. 13].

Юридический дискурс в широком понимании включает язык отдельных областей права и юридических наук. О языке криминалистики как отдельной юридической науки и процессе неологизации, происходящем в нем, пишет Д.В. Исютин-Федотков [Исютин-Федотков, 2007].

К юридическому дискурсу, где все деяния получают оценку 'правомерно/неправомерно', Н.К. Пригарина относит тексты учебников по уголовному судопроизводству и анализирует субъективную оценочность, представленную в этих текстах [Пригарина, 2007]. Как нам представляется, дискурс отдельных юридических наук нельзя назвать собственно юридическим дискурсом. Скорее, это дискурс гибридного, между юридическим и научным, типа.

На такую особенность как комбинированный характер юридического языка указывает в своей работе ученый из Нидерландов Г.-Р. де Гроте. Он пишет: «Специфическая системность юридического языка определяется еще и тем фактом, что в рамках одного языка часто существует **несколько юридических языков...** Язык содержит столько юридических языков, сколько существует систем, использующих этот язык как юридический язык... Различия между юридическими языками в рамках одного обычного языка подразумевают, что значение терминов одной системы необходимо объяснять юристам, обучающимся в другой системе» [де Гроте, 2002, с. 146].

Американские ученые Дж.М. Конли и В.М. О'Барр, авторы объемного исследования по этнографии юридического дискурса [Conley, O'Barr, 1990], выделяют два типа юридического дискурса: 1) письменный дискурс судей, юристов и ученых о законе и правовой доктрине; 2) устная речь в учреждениях права. Первый тип, обозначаемый ими как официальный дискурс права (*official discourse of law*), используется в качестве прецедента и имеет принципиальное значение для развития и уточнения правовой доктрины. Второй тип не может фиксироваться с большой точностью и отличается от первого некоторой обрывочностью и фрагментарностью. Однако их объединяет обращение к таким понятиям, как справедливость, равенство, правосудие [Conley, O'Barr, 1990, p. 2–3].

Юридический дискурс не только сам включает несколько типов, но и сам включен в более широкий контекст человеческого дискурса. Юридический дискурс и его границы становятся предметом рассмотрения в работе американского ученого Л.Б. Солама [Solum, 1993]. В статье автор представляет три возможные модели для описания юридического дискурса: герменевтическую, монадическую и холистическую, — и выступает

сторонником последней, согласно которой, границы юридического дискурса проницаемы и все области человеческого дискурса взаимодействуют друг с другом. Л.Б. Солам считает юридический дискурс одной из областей человеческого дискурса в целом и трактует дискурс как сложное социальное взаимодействие, которое использует язык в качестве необходимого средства. Ученый считает, что «серьезная модель человеческих дискурсов должна отражать реальные типы человеческого поведения, которые образуют эти дискурсы. Так, например, юридический дискурс образован коммуникативным поведением юристов, клиентов, судей, судебных клерков, свидетелей, ученых и многих других» [Solum, 1993, p. 315].

Таким образом, наиболее общим понятием для обозначения процессов коммуникации в правовой сфере является понятие юридического дискурса. С одной стороны, юридический дискурс имеет проницаемые границы и является частью человеческого дискурса в целом. С другой стороны, юридический дискурс существует в нескольких разновидностях, в том числе в виде судебного дискурса, непосредственного объекта нашего исследования. В рамках судебного дискурса, в свою очередь, можно выделить несколько подтипов, включая дискурс судей, или *judicial discourse*, как его называют в англоязычных работах. Каждая разновидность юридического дискурса формируется и функционирует в специфических условиях, и особенности многих из них получили освещение в научной литературе. Далее мы представим характеристику судебного дискурса, в котором проявляются особенности речевого поведения судьи.

1.3 Судебный дискурс как дискурс институционального типа

Выше мы рассмотрели понятие дискурса, дали определение юридического и судебного дискурса, отметили свойства дискурса, определяющие парадигму дискурсивных исследований. Перечисленные нами свойства дискурса – процессуальность, связь с мыслительными процессами, интерактивный характер, связь с экстралингвистической ситуацией, социальная значимость, отсутствие четких границ – в полной мере характерны для судебного дискурса.

Судебный дискурс, безусловно, имеет процессуальный характер, развертываясь в ходе судебных заседаний, которые характеризуются большей или меньшей продолжительностью. Сам тип коммуникативного события, судебного процесса, продолжительность которого может достигать нескольких десятков дней, определяет процессуальность судебного дискурса, разворачивающегося во времени. В судебном дискурсе получают отражение отдельные стадии судебного процесса с присущими им особенностями.

По развитию судебного дискурса можно проследить динамику мыслительной деятельности участников судебного процесса. Выбираемые ими стратегии и тактики речевого поведения отражают их убеждения и умственные усилия, прилагаемые с целью адаптации к меняющейся в ходе судебного

заседания коммуникативной ситуации. В судебном дискурсе также отражаются национально обусловленные особенности мыслительной деятельности.

Интерактивный, диалогический характер судебного дискурса явно просматривается даже на тех его отрезках, которые имеют монологическую форму. Без построения эффективного взаимодействия между участниками процесса невозможно достижение конечной цели судебного процесса, которая состоит в формировании доказательной базы, достаточной для принятия судьей решения по делу. Интерактивность судебного дискурса проявляется в выборе участниками дискурса стратегических, тактических и речевых средств, отвечающих их собственным целевым установкам и в то же время ориентированных на поддержание взаимодействия с другими коммуникантами.

Исследование судебного дискурса невозможно без обращения к экстралингвистической ситуации. Составляющими этой ситуации являются участники судебного дискурса, каждый из которых имеет строго определенный статус и задачи, определяемые этим статусом, а также обстановка коммуникации, т.е. зал суда, представляющий собой семиотическое пространство. В более широком смысле экстралингвистическая ситуация включает характеристики института суда и процессы, происходящие в нем и обусловленные общими изменениями общественного устройства. Действующее в стране законодательство и существующее в обществе представление о том, как должно осуществляться правосудие, находят выражение в судебном дискурсе наряду с некоторыми национально-культурными чертами речевого общения. Именно в совокупности с экстралингвистическими факторами судебный дискурс может рассматриваться как элемент социальной жизни, обусловленный социальной действительностью и приводящий к социально значимым последствиям. Под социально значимыми последствиями мы подразумеваем осуществление правосудия, которое приводит к разрешению правового конфликта и изменению правовой ситуации. В этом состоит основная функция судебного дискурса.

При том, что любой тип дискурса является социально значимым, именно в дискурсах, создающих и поддерживающих социальные институты, это свойство проявляется наиболее ярко. Используя предлагаемое В.И. Карасиком выделение личностно-ориентированного и статусно-ориентированного общения, мы относим судебный дискурс к последнему типу, в котором «коммуниканты реализуют себя только в ограниченном наборе **ролевых характеристик**, выступая в качестве представителей определенных групп людей» [Карасик, 2002, с. 291]. То, что институциональное взаимодействие является процессом, обусловленным распределением ролей (*action in the institution as role-guided action*), подчеркивает немецкая исследовательница Э. Вайганд [Weigand, 2006]. Применительно к судебному дискурсу положение о распределении ролей означает, что, во-первых, количество ролей в судебном процессе ограничено и новые роли не могут быть добавлены произвольно, без соответствующих законодательных изменений, а во-вторых, за каждым исполнителем роли закреплены строго определенные функции, диапазон которых не может быть произвольно увеличен или уменьшен. Функции

участников судебного процесса ограничены нормами института правосудия, закрепленными законодательно.

В судебном дискурсе взаимодействуют профессиональные и непрофессиональные участники, т.е. непосредственные представители института правосудия, наделенные соответствующими правами, и граждане, которым на время судебного процесса присваивается определенный статус (свидетель, подсудимый, эксперт, присяжные). Профессиональные участники судебного дискурса должны обладать специальными знаниями, необходимыми для решения специальных институциональных вопросов [Weigand, 2006]. Нам представляется, что специальные знания включают не только знание права и процессуальных норм, но и знание юридического языка, а также психологии участников судебного процесса. Эти специальные знания совершенно необходимы судье, государственному обвинителю, адвокату для соответствия своему статусу и успешного осуществления обязанностей в ходе судебного процесса. Непрофессиональные участники не только не обладают специальными знаниями, но и, как правило, имеют более низкий социальный и культурный уровень, что ставит их на более низкую ступень по сравнению с профессионалами. Присущее судебному диалогу **неравенство сторон**, имеющее несколько граней, отмечает американская исследовательница В.М. Хензл. Она считает, что социальное, языковое и культурное неравенство участников судебного процесса может привести к непониманию, или «коммуникативным стычкам», основанным на различии в знаниях технического языка, процедурных требований и правовых понятий [Henzl, 1996, p. 141]. В своей статье В.М. Хензл концентрирует внимание на особенностях судебного процесса с участием переводчика, но, образно говоря, профессиональные и непрофессиональные участники, даже используя один язык в зале суда, говорят на разных языках. Неравенство статусов в зале суда закреплено институционально, при этом обладателем самого высокого статуса является судья, владеющий как специальными знаниями, так и властью.

Статусное положение участников судебного дискурса, в том числе судьи, находит выражение в их речевом поведении. Термин «**речевое поведение**» мы будем использовать в понимании, предложенном Т.Г. Винокур: «... Речевое поведение как совокупность речевых поступков, с внутриязыковой стороны определяемое закономерностями употребления языка в речи, а с внеязыковой – социально-психологическими условиями осуществления языковой деятельности» [Винокур, 2005, с. 12]. В таком понимании речевое поведение связывает воедино конкретные языковые средства, социальные условия и психологические характеристики говорящего. Использование термина «поведение» отвечает задачам нашего исследования, поскольку в нем отражена способность говорящего поведенчески адаптироваться к изменяющейся в ходе судебного процесса ситуации. Использование термина «поведение» применительно к участникам судебного дискурса не ново. В англоязычных работах мы встречаем такие обозначения как *language behaviour* (языковое поведение), *courtroom behaviour* (поведение в зале суда), *judicial behaviour* (поведение судей) [O’Barr, 1982; Philips, 1998]. Введение в понятийный обиход

термина «речевое поведение» отвечает антропоцентрической направленности современного языкознания в целом и юрислингвистики как его отдельного направления.

Во второй главе мы обратимся к речевому поведению судей и выделим несколько типичных для судей ролей, исполняемых им в течение судебного процесса. Мы покажем, что даже в институциональном дискурсе судья проявляет как свой официальный статус, так и личностные характеристики, что находит воплощение в определенных языковых средствах.

Речевое поведение судьи как способ реализации власти влияет на общую ситуацию в зале суда и меняется в зависимости от изменений ситуации, вызванных речевым поведением других участников. Однако вариативность речевого поведения всех участников в рамках судебного дискурса имеет границы. Она ограничена набором типичных для судебного дискурса, повторяющихся ситуаций. Замечание Дж.П. Джи о повторяемости ситуаций в условиях институционального общения точно отражает суть происходящих в судебном дискурсе процессов. Ученый отмечает, что ситуации никогда не бывают абсолютно новыми, они повторяются во времени с большими или меньшими изменениями. Такие изменения приводят к разной степени ритуализации и «кристаллизации» ситуаций, т.е. делают их менее гибкими. Повторение ситуаций является основой функционирования институтов, которые в свою очередь создают законы и дисциплинарные правила, гарантирующие повторение и ритуализацию ситуаций [Gee, 1999, p. 83].

На трафаретность как свойство институционального дискурса указывает В.И. Карасик, отмечая, что степень трафаретности различных типов и жанров дискурса различна [Карасик, 2002, с. 280].

Нам представляется, что уже само наличие некоторого ряда жанров, основных для данного типа дискурса, или, используя обозначение В.И. Карасика, прототипных жанров, свидетельствует о некоторой «кристаллизации» дискурса. Институциональный дискурс – это дискурс с ритуальной составляющей, и судебный дискурс не исключение. Фиксированный набор жанров, предсказуемый порядок их появления, недопустимость отклонения от жанровых канонов (например, абсолютная невозможность для подсудимого контролировать меню ролей на допросе) свидетельствуют о значительной степени **ритуализованности** судебного дискурса. Так, Дж.М. Эткинсон и П. Дрю, перечисляя стадии судебного процесса, по сути перечисляют жанры, составляющие его (клятва присяжных, вступительное слово прокурора, краткое описание дела адвокатом и т.д.), а также связывают с разными жанрами разные языковые формы (например, допрос состоит преимущественно из вопросно-ответных единств) [Atkinson, Drew, 1979].

В то же время мы считаем необходимым отметить, что в рамках жанра судебного дискурса сохраняется возможность варьировать речевое поведение. Гибкость речевого поведения возможна благодаря использованию разных речевых тактик при выполнении более общей стратегической задачи. О соотношении стратегии и тактики пишет О.С. Иссерс: «...Если речевую

стратегию понимать как совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего (...), то речевой тактикой следует считать одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [Иссерс, 2006, с. 109–110]. Исследовательница отмечает динамический характер речевой тактики, обеспечивающий гибкость стратегии и оперативность реагирования на ситуацию. «Жанр» и «речевая тактика» представляются нам понятиями, использование которых во многом упорядочивает исследования судебного дискурса. В главе 3 исследования мы представим анализ речевого поведения судьи с точки зрения жанровых форм, а в рамках сложного жанрового целого «судебный допрос» выделим речевые тактики, используемые судьей для построения взаимодействия с профессиональными и непрофессиональными участниками допроса и регулирования хода судебного процесса.

В параграфе 1.2 мы обращались к проблеме границ судебного дискурса и обозначили его как разновидность юридического дискурса, имеющего более широкие границы. Нам близка идея о проницаемости границ дискурса, и мы считаем, что эта идея применима к судебному дискурсу. Судебный дискурс имеет проницаемые границы как с разновидностями юридического дискурса, так и с другими типами дискурса. В главе 3, анализируя жанры судебской речи, мы продемонстрируем, как границы судебного дискурса нарушаются за счет интертекстуальных включений из других типов юридического дискурса (текстов законов, следственных документов и др.). Еще большее раздвижение границ судебного дискурса происходит за счет гибридизации судебного дискурса, т.е. утраты одного из принципиальных признаков данного типа дискурса и присвоение им принципиальных признаков других типов дискурса. В случае, если «в контакте» оказываются два института, то взаимодействующие типы дискурса образуют некоторый гибрид институционального типа. Гибридизация происходит на периферии институционального общения, существование которой отмечает В.И. Карасик. Ученый пишет: «На периферии институционального общения находится контакт представителя института с человеком, не относящимся к этому институту» [Карасик, 2002, с. 292–293]. В случаях общения представителей судебной власти с представителями других ветвей власти или журналистами формируется гибридный тип дискурса со специфическими функциями и набором социальных агентов. Гибридные типы дискурса, т.е. дискурса, объединяющего в себе признаки судебного и иного типа дискурса, будут подробно рассмотрены в главе 4.

Таким образом, судебный дискурс является ярким примером институционального дискурса с его типичными характеристиками. Четкое распределение ролей, статусное неравенство участников, среди которых выстраивается иерархия в виде пирамиды с непрофессиональными участниками у ее основания и судьей как обладателем наивысшего статуса на вершине. Судебный дискурс ритуализован, а повторяющиеся ситуации взаимодействия закреплены в специфических жанровых формах. Разные жанры имеют разную степень ритуализованности и оставляют большую или меньшую свободу в выборе речевых действий и личностных проявлениях.

Отличительной чертой судебного дискурса по сравнению с другими типами институционального дискурса является обусловленность речевого поведения участников законодательством. Самые принципиальные моменты отражены в уголовно-процессуальных и гражданских процессуальных кодексах. Помимо этого кодексы судейской этики, даже не имея законодательной силы, в качестве рекомендательных документов определяют речевое поведение судей.

Определяя собственную методологию исследования речевого поведения судьи в судебном дискурсе, мы используем уже имеющийся опыт изучения юридического дискурса и опираемся на существующие исследования. В параграфе 1.4 мы представим аналитический обзор отечественных и зарубежных работ, наглядно представляющий широту проблематики и методы исследования функционирования языка в правовой сфере.

1.4 Юридический дискурс: парадигма исследования

Обзор научной литературы о юридическом дискурсе мы начнем с замечания о том, что юридический язык в ней представлен как феномен широкого плана, обладающий собственной специфической сущностью.

Н.Д. Голев, отвечая на вопрос «Что приводит язык в сферу юридического функционирования?», перечисляет целый ряд принципиальных свойств языка, проявляющихся в этой сфере:

«1. Язык становится объектом юридического регулирования...

2. Язык – средство законодательной деятельности.

3. Язык – средство и/ или объект правоприменительной деятельности: толкование законов и других юридических текстов, язык следствия и правосудия (протоколы, речи адвокатов и т.п.)

4. Язык – средство юридической науки...» [Голев, 2004, с. 42].

Подобный подход к языку юридической сферы прослеживается в работе Г. Стайгла, который разделяет все исследования юридического дискурса в зависимости от того, в каком ракурсе исследуется язык:

1) исследования, изучающие язык как объект, концентрируют внимание на описании или применении конкретного элемента теоретической лингвистики, например, теории речевых актов, к фрагменту юридического дискурса;

2) исследования языка как процесса обращены к проблеме понимания и различного восприятия;

3) работы о языке как инструменте изучают язык как средство поддержания институциональной власти или сопротивления ей [Stygall, 1994, p. 7].

Г. Стайгл указывает, что перечисленные категории не являются ни исчерпывающими, ни взаимоисключающими.

Известный американский исследователь судебной коммуникации Дж. Гиббонс, обращаясь в своей монографии по судебной лингвистике к исследованию юридического языка, перечисляет цели и установки Научного

Комитета по Судебной Лингвистике, по которым можно судить о широком спектре изучаемых судебной лингвистикой вопросов:

«1. Изучение языка права, включая язык юридических документов и язык судов, полиции и тюрьмы.

2. Изучение, поддержка и улучшение профессионального юридического перевода и переводческих служб.

3. Смягчение недостатков в судебных процессах, причиной которых является язык.

4. Обеспечение свидетельств судебной лингвистики, основанных на самых доступных способах лингвистической экспертизы.

5. Обеспечение лингвистической экспертизы в случаях составления проектов юридических документов и их интерпретации, включая составление проектов на общедоступном языке» [Gibbons, 2005, p. 12].

Дж.Н. Леви в главе коллективной монографии «Language in the Judicial Process» (Язык в судебном процессе) представляет подробный план исследования юридического дискурса, выделяя три основных раздела:

1) устный язык в условиях юридической коммуникации (spoken language in legal settings);

2) язык как объект права (language as a subject of the law);

3) закон и его письменный язык (law and its written language) [Levi, 1990, p. 14].

В рамках каждого из разделов ученый выделяет значительное количество подразделов, отмечая, что самая большая часть современных исследований относится к первому разделу, посвященному изучению устного языка.

В нашем обзоре мы обобщим отечественные и зарубежные работы, относящиеся к первому и третьему разделам, поскольку именно в них содержатся те наблюдения, которые будут использованы нами во 2 и 3 главах. Язык как объект права представляет специфический раздел юрислингвистики, находящийся вне рамок нашего исследования.

Принцип выделения в юридическом дискурсе его письменной и устной разновидностей отмечен Д. Курзоном как устоявшаяся традиция в западной юрислингвистике: «Можно наблюдать, что разграничение письменного и устного юридического языка – это то, что весьма распространено в исследовании языка права. Была установлена таксономия типов юридического языка. В рамках письменного юридического языка исследуются не только такие документы, как законодательные акты и контракты, но и учебники права и сообщения о законах. Устный юридический язык можно подразделить на дискурс в зале суда и дискурс вне зала суда, и каждая из этих субкатегорий может подразделяться далее...» [Kurzon, 2006, p. 729].

Следует подчеркнуть тот факт, что разграничение типов юридического дискурса по принципу письменный/ устный соответствует объективно существующим сферам юридической деятельности. Например, сфера законотворчества предполагает воплощение результатов деятельности в письменной форме, тогда как осуществление правосудия происходит главным образом посредством устной коммуникации.

С каждой из выделяемых сфер правовой деятельности и соответствующим типом дискурса связан определенный круг проблем. Рассмотрим их подробнее.

1.4.1 Изучение письменных юридических документов

В России одной из самых актуальных сфер юрислингвистики, вызывающей много споров, является сфера изучения языка законодательства. Самым непосредственным образом связанные с развивающимся в России законодательством проблемы составления и толкования законодательных текстов очень актуальны для российского общества. Многие отечественные исследователи языка в правовой сфере обращались к анализу письменных текстов, обозначаемых как текст закона [Векшин, Матвеева, 2007; Голев, 2007а; Никитина, 2008], текст законодательного акта [Новикова, 2007], законодательный текст [Ширинкина, 2007], язык законодательства [Кострова, 2004], нормативный текст/правовой акт [Насыров, 2006; Губаева, 2004; Усова, 2006], юридический текст [Голев, 2004].

Н.Д. Голев, подходя к юридическому тексту с позиций герменевтики, указывает на существование двух противоположных точек зрения:

«1. Текст закона пишется на литературном русском языке, он должен быть понятен всем носителям русского языка; законопослушание предполагает законопонимание, что предъявляет особые требования к законодательной технике, призванной обеспечить всеобщее понимание текста закона.

2. Не только написание, но и толкование законов – дело специалистов с соответствующим образованием; никакой необходимости в общедоступности смысла текста закона нет. Толкование закона лицами, не уполномоченными для этой процедуры, должно быть отнесено к области, называемой неофициальным толкованием» [Голев, 2004, с. 46].

Несмотря на существование мнения об адресованности текстов законодательства ограниченному кругу специалистов, многие исследователи языка законодательства считают актуальной проблему общедоступности и понятности юридических текстов и предлагают ряд решений. Прежде всего, решение видится в усовершенствовании стиля документов и избежании текстовых нарушений, приводящих к неясности и неточности формулировок.

А.А. Векшин и Е.Ю. Матвеева выявляют причины неоднозначного толкования законодательства, исследуют типичные текстовые нарушения, включая синтаксические и стилистические ошибки, логические сбои и терминологические неточности, приводящие к проблемным ситуациям при внедрении текста закона в жизнь [Векшин, Матвеева, 2007]. Словесные механизмы совершенствования законодательных текстов на материале налогового кодекса РФ анализирует М.А. Ширинкина, указывая на то, что очень часто закону требуется лингвистическое совершенствование и что внесение изменений и доработок должно рассматриваться как неотъемлемая часть естественного процесса правотворчества [Ширинкина, 2007].

Т.В. Чернышова рассматривает взаимодействие естественного и юридического языков на материале законодательных актов [Чернышова, 2004]. Анализируя фрагменты законодательных текстов с грамматической точки зрения, она исследует синтаксические конструкции, которые лишают юридический текст ясности.

К стилистическим характеристикам языка законодательства обращается М.Б. Кострова, которая обсуждает целесообразность использования изобразительно-выразительных средств языка в уголовном законе [Кострова, 2004].

С точки зрения стиля исследуются не только законодательные тексты, но и другие юридические документы. С понятием стиля связывает понятие языка права В.Б. Исаков [Исаков, 2000]. Исследователь характеризует язык права как «один из стилей современного русского официального языка, объединяющий в свою очередь несколько субстилей: язык законодательства, язык подзаконных правовых актов, язык правоприменительной практики (который также подразделяется на несколько видов), язык юридической науки, язык юридического образования, язык юридической журналистики и др.» [Исаков, 2000, с. 64]. В работе представлен анализ стиля законодательных актов как вида юридических текстов.

Проблема ясности юридических документов и связанные с ней вопросы стиля обсуждаются зарубежными учеными. Дж. Гиббонс обращается к языку законодательства (*language of legislation*) и других юридических документов (*legal documents*) и исследует средства достижения наибольшей точности при выражении значения [Gibbons, 2005].

Стилистический подход к языку в правовой сфере просматривается в энциклопедической статье П. Тиерсма, который обращается к понятию '*legalese*'. За неимением более или менее подходящего эквивалента в русском языке термин просто калькируется отечественными исследователями (см., например, [Правикова, 2004]). Легализ представляет собой, как утверждает П. Тиерсма, совокупность языковых характеристик: чрезмерное использование терминологии; архаичный, формальный и сложный вокабуляр; безличные и пассивные конструкции; многократные отрицания; длинные и сложные предложения; многословие [Tiersma, 2006b, p. 553]. Все эти характеристики, по мнению ученого, в большей степени типичны для письменного языка, тогда как участники устной коммуникации в правовом контексте не используют легализ. «В действительности многие наиболее часто упоминаемые характеристики легализа или большинство из них не являются чертами юридического языка как такового, поскольку это черта юридических текстов», – пишет П. Тиерсма [Ibid. P. 553].

В некоторых зарубежных исследованиях стилистические особенности письменных юридических текстов рассматриваются в сопоставлении с особенностями устной или художественной речи. Анализируя лексические и синтаксические особенности юридического языка, П. Тиерсма проводит четкую границу между письменными текстами и устной речью, считая, что каждый тип речевого произведения характеризуется своим языком [Ibid. P. 553]. К.С.

Абрахам, исследуя проблему интерпретации текста, противопоставляет текст юридический тексту художественному [Abraham, 1976].

Д. Курзон рассматривает устный речевой акт вынесения приговора, реализуемый судьей, и противопоставляет его языковые особенности характеристикам юридических текстов (*legal texts*) и законодательных текстов (*legislative texts*) как частным формам первых [Kurzon, 1986, p. 66].

В отечественной и зарубежной юрислингвистике значительное внимание уделяется вопросам эффективного применения терминологии. Написано значительное количество работ, посвященных анализу терминологии в различных аспектах, в том числе историческом, сравнительно-языковом, практическом [Новикова, 2007; Хижняк, 1998; Хижняк, 2001; Рыженкова, 2001; Монастырецкая, 2001; Хасина, 2001; Милославская, 2000; Witczak-Plisiecka, 2009].

Сложность применения терминологии обсуждает в статье «Дефиниции/ Правила в юридическом языке» Л.М. Солан [Solán, 2006]. Он анализирует проблему создания четких, однозначных законов уголовного права, букве которых можно следовать, не сомневаясь в правильности толкования текста. Ученый подходит к законам как к классическим определениям, в которых перечислены все элементы, необходимые и достаточные для того, чтобы классифицировать злодеяние как то или иное преступление. Он указывает на то, что написание текстов законов в виде дефиниций, обеспечивает правовую систему твердой почвой для квалификации преступлений. В результате один и тот же тип поведения получает одинаковое определение в системе правосудия. В то же время ученый обнаруживает целый ряд недостатков такой формулировки законов. Он пишет: «...Некоторые проблемы дефиниций, с которыми правовая система постоянно сталкивается в течение веков, представляются предсказуемыми последствиями того, как мы концептуализируем и используем слова... Даже эксперты не могут прийти к единым определениям в своих сферах... Другая причина, чтобы отвергнуть дефиниционный подход к значениям слов, состоит в том, что определения не способны отразить множественные нюансы в понимании слов» [Solán, 2006, p. 404]. Исследователь языка законов предлагает несколько способов, стратегий преодоления трудностей при применении текста законов на практике. Они включают разработку более узких подразделов, обращение к изучению первоначальных намерений законодателей, создание новых правил для принятия решений в сложных или противоречивых случаях, игнорирование дефиниций, если их применение может привести к несправедливому или абсурдному результату, определение терминов в глоссариях, прилагаемых к тексту закона, использование словарей в качестве авторитетных источников толкования значений слов. Анализируя роль дефиниций, Л.М. Солан указывает на их огромную роль в системе судов присяжных США. Поскольку в суде присяжных судья инструктирует присяжных относительно квалификации и определения преступления, присяжные должны суметь отбросить в сторону свое личное, обыденное понимание того или иного преступления, зачастую основанное на стереотипах, и принять юридическое определение, предлагаемое

судьей. Однако очень часто, согласно исследованиям, это представляет значительную проблему.

Пытаясь решить проблему создания эффективного законодательства, американский ученый выходит за рамки собственно текста закона. Анализ намерений законодателей, восприятия закона присяжными, обращение к здравому смыслу в проблемных ситуациях свидетельствуют об учете экстралингвистической ситуации, а составление глоссариев к текстам законов расширяет рамки законодательного текста, который при таком подходе вполне справедливо назвать дискурсом.

В большинстве как отечественных, так и зарубежных работ, авторы которых анализируют письменный юридический язык, текст представлен как некое целостное, завершенное произведение, имеющее четкую структуру. П. Тиерсма характеризует структуру юридических текстов как в высшей степени формализованную и стереотипную. В структуре закона, например, ученый обнаруживает ряд необходимых элементов: длинный заголовок, положение о предписании, резолютивную часть, исключения, дефиниции, краткий заголовок [Tiersma, 2006b, p. 552–553].

На предельную формализацию юридических текстов как их принципиальную характеристику указывают и отечественные исследователи. И.А. Горелова связывает формализацию юридических текстов с их коммуникативной задачей – лишить документ всего того, что бы обнаруживало связь с личностью составителя документа [Горелова, 2000, с. 119].

Н.И. Кузнецова обращается к структурно-языковой организации текстов официально-делового стиля, в том числе юридических текстов, и отмечает такие особенности, как выраженные в их логической организации причинно-следственные отношения между совершаемыми действиями и их последствиями, однозначное употребление терминов [Кузнецова, 1998].

Между тем, при всей своей формализованности, структурной предопределенности и завершенности юридический текст не только сам по себе представляет определенную систему, но и «входит в более общий контекст и в более общие внешние по отношению к нему системы» [Голев, 2004, с. 48]. Причем такая включенность в более общий контекст проявляется как в смысловом, так и в формальном отношении. П. Тиерсма указывает на то, что «несмотря на достаточно жесткие правила составления и изменения юридических текстов, понятие текста оказывается некоторым образом удивительно абстрактным» [Tiersma, 2006b, p. 552]. Ученый поясняет, что физически юридический текст может состоять из нескольких документов, включая поправки и ссылки. Более того, разные части текста могут датироваться различными годами. Если же говорить о развитии новых технологий, то они также меняют облик текста и саму концепцию текста, который теперь не обязательно написан чернилами на бумаге, а может быть электронным документом, содержащим гиперссылки и перекрестные ссылки. Фактически, но нашему мнению, наличие гиперссылок и сносок как формальный признак свидетельствует о включенности конкретного

юридического текста в более общий смысловой контекст, который определяет его интерпретацию.

Исследование юридических текстов не ограничивается описанием их стилистических характеристик. Собственно, их сущность не может сводиться к специфике исключительно языковой. Роль юридических текстов и особенности их функционирования в обществе также освещаются исследователями.

А.В. Поляков, анализируя соотношение правовых норм и правовых текстов, отмечает существование любого правового текста в социальном контексте. При таком подходе правовой текст понимается как результат хабиутализации и объективации определенных практик социального поведения [Поляков, 2001].

П. Тиерсма изучает письменные юридические документы в Англии с исторической точки зрения и анализирует процесс их эволюции [Tiersma, 2006b]. П. Тиерсма использует понятие '*authoritative legal text*' (авторитетный правовой текст), включающее в его понимание тексты, которые «создают, видоизменяют или прекращают правовое состояние дел. Такие тексты Дж. Остин, возможно, назвал бы письменными перформативами» [Tiersma, 2006b, p. 549]. Исследователь проводит разделение между частными юридическими текстами (*private legal texts*) и публичными текстами (*public texts*), указывая, однако, что историческое развитие тех и других обнаруживает больше сходств, чем различий. Существовая изначально в устной форме, акты завещания и дарения земли и другой частной собственности сопровождалась ритуалом, но отнюдь не письменным документом, появление которого заставило себя долго ждать. Причем сначала функцию письменных текстов можно было обозначить как доказательную, а не перформативную или распорядительную. Только в поздний англо-саксонский период письменные юридические документы начинают приобретать перформативную, действенную, функцию, а устно сказанное слово теряет свою силу. Подобным образом эволюционировали с функциональной точки зрения такие правовые тексты как законодательные акты и судебные решения. Вплоть до конца 15 века черновик текста закона готовился служащими или судьями после того, как Парламент давал свое согласие. «Законодательный текст на этой стадии был просто свидетельством решения, которое уже принял Парламент. В результате тексты законов получали довольно свободную интерпретацию» [Ibid. P. 551]. Тексты законов приобрели силу авторитетных текстов и стали формировать правовую базу только тогда, когда Парламент начал утверждать тексты, написанные заранее. Таким образом, в английском праве прослеживается последовательная тенденция развития от устных правовых актов к авторитетным письменным текстам через стадию устного акта, регистрируемого в письменном виде. Это явление П. Тиерсма обозначает как текстуализация и более подробно рассматривает в работе «Текстуализация права» [Tiersma, 2001]. Внимание исследователя к функциям юридических текстов и их историческому контексту является проявлением дискурсивного подхода к письменному юридическому языку.

К истории формирования юридического языка обращается также Х. Матилла [Matilla, 2006].

Как дискурсивный обозначает свой подход по отношению к текстам контрактного права исследовательница из Испании М. Ллопис [Llopis, 1999]. М. Ллопис указывает на то, что исследования устной юридической речи оказали значительное влияние на тот подход, который выработался у исследователей письменных текстов. Юридический текст не рассматривается только лишь с грамматической и семантической точек зрения. В поле зрения попадают внутритекстовые стратегии и экстралингвистические цели текста.

Включение письменного юридического языка в сферу дискурсивных исследований объясняется, по всей видимости, влиянием соответствующих исследований языка устного и сменой научной парадигмы в целом. Д. Курзон комментирует это следующим образом: «На фоне растущего интереса к устному юридическому языку изучение письменного юридического языка достигло своего пика в 80-е годы; дальнейшая работа над законодательными текстами, контрактами и завещаниями проводится не столько со структурной точки зрения, сколько в дискурсивном и прагматическом аспектах. Юридические тексты, особенно письменные юридические документы, анализируются как дискурс» [Kurzon, 2006, p. 729].

Таким образом, как в отечественной, так и в зарубежной юрислингвистике вопросы изучения письменных юридических текстов, включая законодательные тексты, процессуальные документы, контракты, правовые документы частного характера, привлекают большое внимание исследователей. Анализ письменных юридических документов часто сосредоточен на их внутритекстовых характеристиках – изучаются стилевые характеристики и средства создания связности текста, способствующие составлению однозначного и не вызывающего трудностей при интерпретации документа. Юридические документы рассматриваются как специфические с точки зрения смысла и построения структуры; как произведения с характерным набором лексических, грамматических и синтаксических характеристик. В то же время в ряде исследований осуществляется дискурсивный подход к юридическим документам, выходящий за рамки собственно текстового анализа. Юридические документы исследуются в исторической перспективе как речевые произведения, обусловленные изменениями, происходящими в правовой сфере общества; как особый тип документов, обеспечивающий контакт и взаимодействие между властными структурами и рядовыми гражданами.

1.4.2 Изучение устного юридического дискурса

Сфера письменных юридических текстов, представляющих собой объекты более удобные для наблюдения и исследования по сравнению с устной речью, до определенного момента являлась основным полем деятельности лингвистов. Главу своей работы, посвященную анализу устного юридического языка, известный специалист в области судебной коммуникации В.М. О'Барр начинает следующими словами: «В отличие от внимания, уделяемого

письменному юридическому языку, только лишь незначительные попытки были предприняты социологами, лингвистами и правоведами в отношении устного языка. В результате относительно мало известно об устном юридическом языке, особенно о том, как он отличается от письменного юридического языка» [O'Barra, 1982, p. 23–24]. Справедливости ради отметим, что со времен издания работы В.М. О'Барра ситуация претерпела значительные изменения. Не в последнюю очередь на такое развитие событий повлиял и труд самого В.М. О'Барра, где был представлен анализ устной речи в зале американского суда. К настоящему времени написано значительное количество трудов, посвященных изучению устной юридической речи, причем для большинства исследований характерны понимание ее как дискурса и акцент на присущих дискурсу свойствах.

На процессуальность юридического дискурса обращает внимание исследовательница из Нидерландов М. ден Бур, которая проводит анализ нарратива в зале суда [Boer, 1990]. Считая нарратив необходимой составляющей любого судебного процесса, исследовательница предлагает различать два понятия – связный нарратив (*coherent narrative*) и нарративную связность (*narrative coherence*), - чтобы провести границу, разделяющую текст как результат и процесс создания связности. Она пишет: «Когда мы говорим о 'связном нарративе', мы имеем в виду состояние связности, достигаемое внутри самого нарративного текста на основе соответствия двум критериям – когезии и последовательности. Связный нарратив имеет статус кво, или является пассивным результатом процесса. Этот процесс, активная часть, и есть то, что мы называем 'нарративная связность', которая является деятельностью по достижению связности в рамках текста посредством нарративной стратегии» [Ibid. P. 352]. Исследовательница рассматривает устные речевые произведения в контексте общей коммуникативной ситуации. Нарративный текст она считает речевым актом, наделенным определенной – в зависимости от конкретной ситуации – иллокутивной и перлокутивной силой. Связь нарратива с коммуникативной ситуацией и непосредственная зависимость от нее проявляется и в том, что критерий последовательности предполагает последовательность не только внутреннюю, но и внешнюю, что означает соответствие текста контексту, окружающему дискурсу, системе. В связи с выходом за рамки собственно текста новое звучание, если сравнивать с соответствующей проблемой при рассмотрении письменных юридических текстов, приобретает проблема производства и интерпретации речевого произведения. Если при постановке проблемы применительно к тексту закона, коммуникативная ситуация не рассматривалась, а речь шла главным образом о стилевых характеристиках текстов, способствующих или препятствующих его пониманию, то при рассмотрении устного судебного нарратива на первый план выдвигаются другие аспекты. «Нет сомнений, что создание связности относится не только к уровню текста, но и к уровню коммуникативной ситуации, в которой текст производится и воспринимается. При этом учитываются среди прочих факторов общие знания, которыми владеют коммуниканты; в какой степени они вкладывают значение в текст и насколько

руководствуются своими интересами при интерпретации текста», – пишет М. ден Бур [Ibid. P. 352]. Нарратив в зале суда, по мнению исследовательницы, имеет свою специфику. Он не является абсолютно монологическим произведением и, кроме того, теряет характер произведения личного, субъективного: «В условиях юридической коммуникации у монолога нет шанса; даже намеренное использование элементов рассказа практически невозможно. Будучи ведомым допрашивающим, рассказ становится разделенным на части и, следовательно, менее ‘личным’. Подавление личности, являющееся признаком вторжения институциональной власти, иллюстрирует асимметричный характер судебного рассказа» [Ibid. P. 355].

Видим, что в работе М. ден Бур нарратив представлен как часть более общего дискурсивного процесса, протекающего в зале суда. Нарратив как отдельный текст связан с окружающим дискурсом интертекстуальными связями, а его исследование предполагает обращение к целому ряду факторов и условий прагматического характера.

Американские исследователи В.Л. Беннетт и М.С. Фельдман рассматривают анализ нарратива как способ прояснения природы пристрастности, свойственной участникам судебного процесса [Bennett, Feldman, 1981]. Ученые считают, что нарратив создает контекст для интерпретации социального действия, и обращают внимание на роль экстралингвистических факторов, в том числе общего когнитивного пространства, при построении нарратива. «Если понимание свидетелями и присяжными общества и общественно значимой деятельности различны, то рассказы, имеющие смысл для одного участника процесса, могут быть отвергнуты другим» [Bennett, Feldman, 1981, p. 7]. Исследователи составляют модели судебных нарративов, схемы построения дела, отмечают судебные стратегии.

Американские исследователи В.М. О’Барр и Дж.М. Конли, а также исследователь из Великобритании К. Хеффер концентрируют внимание на нарративах и их жанрах [O’Barr, Conley, 1990; Heffer, 2006]. Нарративу и его структуре посвящают работы Д.В. Мейнард, а также итальянские и китайские исследователи [Maynard, 1990; Galotolo, Mizzau, 2005; Cheng et al., 2007]. Ученый из Венгрии обращается к античным традициям судебного нарратива [Konczol, 2008].

К. Хеффер рассматривает, как юристы и судьи используют язык в контексте процесса с присяжными. Указывая на то, что в ходе такого процесса происходит частое переключение с юридического английского на стандартный английский, К. Хеффер утверждает, что различить эти языковые разновидности далеко не всегда возможно: «Юристы-профессионалы часто производят гибридную разновидность языка (*hybrid variety of language*), ‘юридически-обывательский дискурс’ (*legal-lay discourse*), которая не является ни по-настоящему юридической в плане лексики и синтаксиса, ни типичным повседневным английским» [Heffer, 2006, p. 29–30]. К. Хеффер не ограничивается констатацией стилистической специфики профессионального языка в процессах с присяжными, а указывает и на ее причину: «Такой тип

дискурса можно частично объяснить с точки зрения стратегического напряжения, создающегося в результате необходимости убедить присяжных действовать определенным образом, но убедить в жестких рамках юридической обстановки. Чрезвычайно важной в таком случае представляется сложная природа использования языка, который мы наблюдаем в суде» [Ibid. P. 30]. Язык, в понимании К. Хеффера, представляет не просто набор лексических и синтаксических средств, но и обнаруживает включенные дискурсивные структуры. Так, стратегический выбор лексики обусловлен целями, которые ставит перед собой адвокат, с одной стороны, и оказывает эмоциональное и когнитивное воздействие на присяжных, с другой стороны. К. Хеффер, указывая на способность профессионального юридического дискурса влиять на ход мыслей присяжных, подчеркивает, что и сами профессиональные юристы строят свой дискурс под давлением определенных когнитивных схем и стереотипов: «Как и в случае с другими видами институционального дискурса на юристов и судей огромное влияние оказывает профессиональная подготовка. Студентов-юристов учат думать как юристов, и этот способ мышления часто оказывается отличным от обыденного мышления» [Ibid. P. 31]. Таким образом, К. Хеффер связывает коммуникацию в зале суда не только с определенным набором лингвистических средств, но и с ментальными схемами, воплощенными в дискурсе. В сферу внимания ученого попадает не только собственно языковое воплощение судебного дискурса, но и когнитивные процессы, определяющие процесс его формирования.

Роль судьи-магистрата в структурировании нарратива участников судебного процесса обсуждается в [O'Barry, Conley, 1990]. Исследователи приходят к выводу о значительной роли судьи в разрешении проблем, существенного характера или стилистических, с которыми сталкиваются участники процесса. Перспективы развития исследования ученые видят в привлечении дополнительной экстралингвистической информации и поиске ответов на вопросы, насколько характеристики свидетелей и их поведение определяют степень и способ вмешательства судьи и насколько это вмешательство обусловлено чертами воспитания и профессиональной подготовки самих судей [O'Barry, Conley, 1990, p. 126].

Нарратив становится предметом рассмотрения в работе Т.В. Князьковой [Князькова, 2007]. Автор определяет нарратив «как способ текстового представления авторского видения события в его временных и причинно-следственных отношениях», указывая на то, что в случае судебного дискурса оратору доступны определенные типы нарративных компонентов [Там же. С. 132]. Из последующего рассуждения следует, что судебной речи присуща определенная дискурсивная организация. В рамках судебной речи выделяются несколько фрагментов, каждый из которых тематически завершен и отождествляется с речевым актом. В свою очередь содержание каждого речевого акта образовано рядом нарративных компонентов, которые взаимодействуют между собой. Предлагая свою схему исследования судебной речи, Т.В. Князькова считает, что она позволяет осмыслить дискурс как процесс осуществления замысла оратора. Таким образом, в работе отмечается

процессуальный характер дискурса и его непосредственная связь с мыслительными процессами.

С точки зрения осуществления аргументативной деятельности речь участников судебного процесса рассматривают Н. Нивель, Э. Фетерис, Э. Вайганд [Nivelle, 2008; Feteris, 2008a; Feteris, 2008b; Weigand, 2005]. На материале гражданских процессов в бельгийских судах Н. Нивель строит типологию предложений с придаточным условия, содержащих информацию, не соответствующую действительности. Исследовательница основывает типологию на лингвистическом и прагматическом факторах, что позволяет выделить несколько функциональных типов рассматриваемых предложений в речах адвокатов и судебных решениях.

Исследовательница из Нидерландов Э. Фетерис исследует структуру аргументации судебных решений в «трудных» случаях, предполагающих опору на здравый смысл судей, призванный в таких случаях восполнить пробел в праве. Стремясь устранить разрыв между нормативной аргументацией и судебной интерпретацией, исследовательница предлагает модель для реконструкции аргументативных шагов, необходимых для обоснования судебного решения.

Устный юридический дискурс в отличие от письменного представляет собой контактную коммуникацию. Осуществление взаимодействия между участниками дискурса отмечается как принципиальная черта устного юридического дискурса и отражается в той терминологии, которую используют исследователи при его анализе. Часто речь идет о взаимодействии (*interaction*) [Johnson, 2006; Metzger, Beach, 1996], правовом взаимодействии (*legal interaction*) [Gibbons, 2005], речевом взаимодействии (*speech interaction*) [Atkinson, Drew, 1979], юридической профессиональной коммуникации (*legal professional communication*) [Heffer, 2006], коммуникативных 'ямах'/неудачах (*communication pitfalls*) [Eades, 2006]. Тем самым подчеркивается принципиальная роль языка как инструмента построения социальных отношений.

На материале речевого взаимодействия в среде юристов, офицеров полиции и тюрьмы, а также взаимодействия между представителями этой среды и общественности Дж. Гиббонс прослеживает, как власть осуществляется посредством языка и как язык способствует поддержанию властных структур [Gibbons, 2005, p. 74–75]. Дж.М. Эткинсон и П. Дрю указывают на то, что понимание речевого взаимодействия, являющегося сутью происходящего в зале суда, совершенно необходимо, чтобы осознать, как функционирует судебная система [Atkinson, Drew, 1979].

Жанр юридической консультации и особенности взаимодействия между профессиональным юристом и клиентом исследуют с опорой на понятия «формализм», «справедливость», «реализм» американские ученые О. Сарат и В.Л.Ф. Фелстинер [Sarat, Felstiner, 1990].

Английская исследовательница Э. Джонсон анализирует устную речь в ситуации допросов в полиции и подробно исследует процесс речевого взаимодействия между офицером полиции и допрашиваемым как сложную

систему лингвистических практик во взаимодействии (*linguistic practices in interaction*) [Johnson, 2006, p. 669]. Тип речи полицейского в данной ситуации как специфическая гибридная форма, содержащая элементы как разговорной речи, так и юридического языка, определяется неологизмом '*policespeak*' (полицейский говор). Делая комментарии по поводу терминологических обозначений процесса речевого взаимодействия в полиции, Э. Джонсон отмечает существование двух наиболее употребляемых – *interrogation* (допрос) и *interview* (интервью), первое из которых несет в себе долю негативной коннотации. В результате сама исследовательница выбирает нейтральное обозначение *questioning* (опрос), которое содержит указание на главную коммуникативную функцию, выполняемую полицейским – задавать вопросы с целью получить ответы.

Интервью в полиции становятся предметом рассмотрения ученых из Британии [Coulthard, 1998; Haworth, 2006], а также исследователей из США [Ainsworth, 2008; Tracy, Robles, 2009]. Английский исследователь М. Коултхард, подчеркивая принципиальное неравенство статусов коммуникантов в ходе интервью и более выгодное положение полицейского, выявляет средства, вербальные и невербальные, которые используются полицейскими для моделирования как общей атмосферы интервью, так и стенограмм интервью. Даже незначительные изменения в текстах стенограмм, такие как опущение дискурсивных маркеров, могут повлиять на исход судебного процесса. Ученый поднимает проблему допустимости письменных свидетельств (показаний) в суде, указывая на их неоднозначность и опасность неправильного истолкования этих показаний непрофессиональными участниками судебного процесса, т.е. присяжными.

Этапы интервью в полиции и языковые особенности каждого из них подробно анализирует чешская исследовательница М. Свободова [Svobodova, 1998]. Она концентрирует внимание на личности интервьюируемого, его психологическом состоянии и тех стратегических, синтаксических и лексических средствах, которые применяет интервьюируемый. В качестве перспективы развития темы исследования исследовательница предлагает установление взаимосвязи между измененными психическими состояниями и переключениями в использовании языка.

Рассматривая устный юридический дискурс как процесс построения правовой коммуникации, исследователи учитывают влияние 'человеческого фактора'. Так, Д. Идс обращается к проблеме допроса в суде уязвимых свидетелей, к которым она относит такие категории коммуникантов, как дети, слабослышащие люди, носители диалектов, не-носители языка [Eades, 2006]. Более того, даже люди, не относящиеся к этим категориям, могут испытывать значительные трудности, оказавшись перед необходимостью общения в правовой обстановке. Исследовательница отмечает: «Успешное участие в правовой системе зависит в значительной степени от способности манипулировать языком. Многие люди, которые обычно бегло и свободно говорят, могут почувствовать себя уязвимо в обстановке судебного процесса по ряду причин. Среди них – использование сложных юридических терминов,

асимметрия властных отношений между профессионалами права и другими участниками, а также очень серьезные последствия того юридического процесса, в который вовлечены участники» [Ibid. P. 772]. Видим, что в число перечисленных факторов, отрицательно влияющих на понимание устного юридического языка, помимо собственно языкового входит целый ряд факторов прагматического, неязыкового характера.

Проблемы судебного процесса с участием переводчика, иммигрантов, представителей чужих культур рассматриваются в [Nicholson, 2009; D'hondt, 2009; Wennerstrom, 2008; Berk-Seligson, 1990].

Уникальные индивидуальные особенности участников судебной коммуникации отмечает В.М. Хензл: «В основном каждая сторона – судья, представители обвинения и защиты, присяжные, свидетели, обвиняемый и переводчик – имеет свой набор языковых способностей, личный опыт и индивидуальные представления относительно ожидаемого результата взаимодействия» [Henzl, 1998, p. 143].

Несколько исследований посвящены проблеме эффективного взаимодействия судьи и присяжных [Tiersma, 1993a; Dumas, 2006; Stygall, 1994]. П. Тиерсма, анализируя проблему, высказывает соображение, выходящее далеко за рамки собственно лингвистики. Он считает, что непонимание присяжными языка судей подрывает сами основы англо-американской системы правосудия. Нельзя ожидать от присяжных уяснения сути дела и принятия верного решения, если судья отказывается дать объяснения простым языком, доступным для понимания обывателя. И наоборот, «если инструкции более приспособлены для потребителя, возможно, содержат иллюстрации и схему логических шагов, по которой присяжные могут ориентироваться, чтобы принять решение, то присяжные будут гораздо менее раздосадованы и возрастет вероятность того, что они правильно применяют закон на практике» [Tiersma, 1993a, p. 46]. Ученый выступает сторонником эффективного взаимодействия судьи и присяжных в зале суда и считает, что присяжные имеют полное право задавать вопросы судье, чтобы прояснить неясные моменты. Судья также обязан активно подходить к проблемам, с которыми сталкиваются присяжные и объяснять, а не повторять уже сказанное им. В то же время существуют определенные ограничения, накладываемые на язык судьи. П. Тиерсма указывает, что апелляционный суд может отменить решение по делу на том основании, что судья неправильно истолковал закон [Ibid. P. 76]. Таким образом, судья вынужден решать непростую лингвистическую задачу – объяснить доступным для понимания присяжных языком правила применения закона, не давая апелляционному суду повода считать его инструкции неправильным толкованием. П. Тиерсма приводит целый список лингвистических факторов, отрицательно влияющих на степень понимания инструкций. Среди этих факторов следующие: чрезмерное использование отглагольных существительных и пассивных конструкций, неправильное фразовое построение, опущение относительных местоимений, технические и юридические термины, двойное и тройное отрицание, плохая текстовая

организация, лишенная связности и логичности, сложные многокомпонентные предложения [Ibid. P. 48–52].

Похожие замечания, касающиеся языка судей, сделаны в работе Б. Дюма, где отмечено, что юридический жаргон – не единственный и не самый главный источник трудностей при понимании присяжными инструкций судьи. Проблему представляет главным образом структура предложений и сложные грамматические конструкции [Dumas, 2006, p. 147].

Речевое взаимодействие в зале суда может быть рассмотрено в несколько ином ракурсе – в совокупности с эмоциональным воздействием, которое речь производит на присяжных. Дж. Сэнк обращается к речевому поведению адвокатов и выносит поставленный вопрос в заголовок статьи «Is the barrister communicating most effectively in court when he ‘steps into the shoes of the jurors’?» («Общается ли адвокат наиболее эффективно, если он ‘влезает в шкуру присяжных’?») [Sank, 2004]. Автор статьи, профессиональный адвокат, решает вопрос, на каком языке должен говорить адвокат и как он должен себя вести, чтобы произвести наилучшее впечатление на присяжных. Дж. Сэнк приводит результаты опроса присяжных и делает ряд выводов. Стремясь продемонстрировать свою близость к присяжным и используя максимально упрощенный язык или социальный диалект, например, кокни, адвокат рискует показаться развязным или неестественным, играющим на публику. Есть и другая опасность. Имитируя язык присяжных и делая при этом ошибки, адвокат теряет доверие присяжных. Его могут посчитать некомпетентным, больше озабоченным своей речью, чем работой. С другой стороны, «Королевский английский» из уст адвоката может звучать слишком напыщенно, и адвоката посчитают высокомерным зазнайкой. Совет, который Дж. Сэнк дает адвокатам, не оригинален – оставаться самим собой и быть максимально естественным, что вызывает расположение и доверие присяжных. В названной работе, как видим, речь адвоката представлена как составная часть его профессионального поведения в целом. Кроме того, устанавливается взаимозависимость между типом речевого поведения и аудиторией, к которой речь обращена. С одной стороны, адвокат в некоторой степени корректирует свое поведение, ориентируясь на аудиторию. С другой стороны, посредством речи он оказывает воздействие, интеллектуальное и эмоциональное, на присяжных. Очевидно, акцент в этой работе ставится на важности эффективного взаимодействия в устном судебном общении и необходимости учитывать особенности аудитории при построении судебной речи.

К упомянутым выше работам зарубежных ученых, посвященным судебному дискурсу, можно добавить ряд других [Brennan, 1995; O’Barr, 1982; Prince, 1990; Sarat, 1999; Kandel, 2002; Collett, Kovera, 2003; Kryk-Kastovsky, 2006; Carranza, 2008; Green, 1990; Cooper, 2007; Aldridge, Luchjenbroers, 2007; Tracy, 2009]. Значительное количество работ можно объяснить не только важностью сферы судебного общения, но и доступностью этой сферы для наблюдения. Англо-американская система правосудия открыта для общественности, любой желающий может присутствовать на судебных процессах. Зал суда, безусловно, является местом гораздо более доступным,

чем кабинет в полицейском учреждении, где допросы проводятся за закрытыми дверями, или тем более тюремная камера. Кроме того, что институт судопроизводства в большей степени открыт для публики, есть еще один фактор, способствующий появлению новых исследований коммуникации в данной сфере. Судебное общение предполагает такое большое количество участников, вступающих в самые различные взаимоотношения, и такое богатство выполняемых ими речевых функций, что ученые не испытывают недостатка в материале исследований. Фокус исследований может варьироваться от изучения стилистических особенностей судебной коммуникации до выделения прагматических особенностей этого типа дискурса.

С позиций стилистики исследует устную речь в зале суда В.М. О'Барр и выделяет в рамках устного языка в зале суда его стилевые разновидности:

1. формальный юридический язык (*Formal legal language*), который наиболее близок по своим характеристикам письменному юридическому языку;

2. стандартный английский (*Standard English*), или правильный английский, более формальный, чем повседневная речь;

3. разговорный английский (*Colloquial English*), близкий по характеристикам к повседневному языку, менее формальный, чем стандартный английский;

4. субкультурные разновидности (*Subcultural Varieties*), используемые различными слоями общества, которые отличаются по стилю речи от большинства [О'Барр, 1982, р. 25].

В.М. О'Барр называет эти разновидности регистрами судебной речи (*registers of court-talk*) и соотносит их с определенными участниками судебного процесса. При этом он оговаривается: «Не было ни одного говорящего, который бы использовал все четыре регистра, но было замечено, что большинство говорящих могут менять регистр в рамках собственного репертуара в зависимости от изменений ситуации» [Ibid. P. 25].

Польская исследовательница Б. Крык-Кастовски, исследуя судебный дискурс, концентрирует внимание на его прагматических свойствах [Kryk-Kastovsky, 2006]. Исследовательница объясняет свою задачу следующим образом: «Главный вопрос, рассматриваемый здесь, таков: в какой степени язык права может быть подвергнут прагматическому анализу, т.е. можно ли обнаружить типичные прагматические понятия в этом типе дискурса. Моя гипотеза такова, что язык права имеет в основном те же прагматические свойства, что и разговорный язык» [Ibid. P. 14]. Одной из основных характеристик дискурса судебного процесса Б. Крык-Кастовски считает эффективность при достижении дискурсивных целей, которые преследуют участники процесса. Б. Крык-Кастовски отмечает асимметричное строение судебного дискурса, которое обусловлено различием выполняемых участниками процесса социальных функций и которое находит соответствующее языковое воплощение. Исследовательница указывает на актуальность теории речевых актов для изучения юридического языка и подчеркивает важность перформативов, позволяющих говорящим

осуществлять правовые акты. Кроме того, она отмечает функциональную ценность дейксиса, который может указывать на отдельные части текста/дискурса, на личное отношение говорящего к определенному фрагменту, на социальную дистанцию между коммуникантами [Ibid. P. 15]. Таким образом, судебный дискурс в работе польской исследовательницы рассматривается с точки зрения достижения коммуникантами дискурсивных целей и в свете таких прагматических категорий, как пресуппозиция, дейксис, импликатура, вежливость, непосредственно влияющих на построение правовой коммуникации как социально обусловленного процесса.

Прагматические категории вежливости и кооперативности использует Дж.М. Грин, проводя конверсационный анализ судебной коммуникации [Green, 1990].

Способам мены ролей и их роли в организации судебного допроса посвящают главу в монографии Дж.М. Эткинсон и П. Дрю [Atkinson, Drew, 1979]. Стратегии организации судебного допроса становятся объектом рассмотрения в [Woodbury, 1984; Drew, 1990]. Ряд замечаний о функциональной ценности коммуникативов 'alright' и 'well' как сигналов мены ролей в ходе судебного допроса сделан в статье С. Цикколеллы [Ziccolella, 1998].

Отечественные ученые исследуют устное общение в сфере права с точки зрения построения успешного взаимодействия между участниками этого общения.

Широкое толкование получает понятие речевой юридической коммуникации в работе Е.Ф. Усмановой: «Речевая юридическая коммуникация – это многосторонний процесс развития контактов между людьми в устной форме в ходе создания, толкования и реализации правовых норм, порождаемый потребностями совместной деятельности и содержащий обмен информацией, восприятие и понимание одним человеком другого, формирование единой стратегии и тактики взаимодействия в профессиональной юридической деятельности» [Усманова, 2007, с. 66]. Видим, что акцент ставится на важности взаимодействия коммуникантов в ходе совместной деятельности, где речь является орудием построения этого взаимодействия. Подчеркивая институциональный характер речевой юридической коммуникации, Е.Ф. Усманова указывает на широту этой сферы, охватывающей для профессионального юриста такие жанры общения как неформальная беседа (разговор), юридическая консультация, судебные прения. Результатом речевой юридической коммуникации исследовательница называет «изменения в знаниях, установках, поведении» [Там же. С. 70].

Коммуникативный аспект деятельности профессионального юриста рассматривается также в работе М.В. Снегиревой [Снегирева, 2007]. Автор подходит к проблеме с дидактической точки зрения, подчеркивает необходимость обучения профессиональных юристов навыкам успешного общения в самых различных ситуациях, связанных с их профессиональной деятельностью, одной из которых является ситуация судебного процесса.

И.А. Горелова пишет о судебном процессе, который считает процессом диалогическим. Именно в силу диалогичности судебной коммуникации становится возможным восстановить целостную картину события, необходимую для принятия какого-либо решения. «Выявление всех сторон рассматриваемого дела возможно лишь посредством установившегося диалогического процесса между истцом, судом и ответчиком, то есть установившихся вопросно-ответных отношений» [Горелова, 2000, с. 118].

Судебная коммуникация как разновидность юридической коммуникации вызывает интерес многих отечественных исследователей [Паркина, 2003; Катышев, Князькова, 2006; Александров, 2003; Александров, 2006; Кузнецова, 2006; Девяткина, 2006; Девяткина, 2008; Девяткина, 2009; Недашковская, 2004; Катышев, 2007; Баишева, 2007; Тархова, 2007]. В то же время нельзя не отметить, что несмотря на признание приоритета диалоговых форм в судебном дискурсе, основное внимание уделяется длительным монологическим высказываниям, прежде всего, обвинительной и защитительной речам.

На монологичность как обязательный критерий судебной речи указывает С.И. Недашковская, которая рассматривает оценочное воздействие в судебной речи. Под судебной речью исследовательница понимает выступления государственного обвинителя и защитника, которые по форме представляют собой монолог [Недашковская, 2004]. Ставшие классическими примерами обвинительных речей речи А.Ф. Кони анализируются с точки зрения нарративной структуры [Катышев, Князькова, 2006; Князькова, 2007]. Языковая личность А.Ф. Кони всесторонне рассмотрена в докторском диссертационном исследовании З.В. Баишевой [Баишева, 2007]. Композиционную организацию судебной защитительной речи как риторического текста исследует Е.А. Кузнецова [Кузнецова, 2006]. Стратегии и тактики в последнем слове подсудимого как средства воздействия на широкую аудиторию рассматривались нами в [Dubrovskaya, 2006]. Мы также обращались к речи прокурора как образцу жанра «обвинение» [Дубровская, 2002]. При рассмотрении судебных монологических речей в центре внимания оказывается говорящий с его логикой, собственным видением проблемы и стремлением это видение навязать адресату. Поэтому анализ речей проводится «с точки зрения того, каким образом автору удастся не только передать свое видение события, но и сделать его выразительным для слушателя» [Князькова, 2007, с. 131]. Стилистический аспект речей, таким образом, занимает не последнее место при их анализе. Советы, как сделать судебное выступление убедительным и стилистически выразительным предлагаются в популярных пособиях по юридической риторике [Введенская, Павлова, 2002; Ивакина, 2007]. Рассматриваются и отдельные риторические приемы, например, повторы и параллельные конструкции, оценочные высказывания [Тархова, 2007; Казакова, 2007; Паркина, 2003].

Понимая значимость работ, в которых судебные речи рассматриваются с точки зрения их эффективности и воздействия на адресата, отметим, что в отечественной лингвистике наблюдается явный недостаток исследований диалогического взаимодействия в зале суда и принципов его построения.

Отдельные исключения составляют работы А.С. Александрова, О.С. Красовской, О.Н. Тютюновой, И.И. Прибыток [Александров, 2003; Александров, 2004; Александров, 2006; Александров, 2008; Красовская, 2008; Тютюнова, 2008; Прибыток, 2004].

С точки зрения исследования проблем живого диалогического взаимодействия в зале суда, интерес представляют работы А.С. Александрова. В одной из них ученый концентрирует внимание на таком жанре судебной интеракции, как судебный допрос, который представляет собой диалог, участники которого находятся в асимметрическом отношении [Александров, 2004]. По мнению исследователя, тот, кто задает вопросы, играет роль ведущего в устном взаимодействии, так как он использует семантические и прагматические свойства вопросов с целью достижения своих процессуальных целей. А.С. Александров рассматривает проблему допустимых и недопустимых вопросов, предлагает классификацию вопросов по грамматическому принципу, указывая при этом, что грамматический и прагматический аспекты вопросов оказываются тесно связанными, поскольку определенные тактические цели получают специфическое языковое воплощение. В зависимости от типа используемого вопроса спрашивающий может в большей или меньшей степени контролировать ответ.

С другой стороны, со стороны ответов, подходит к проблеме судебного допроса И.И. Прибыток, которая исследует проблему соблюдения свидетелями основных постулатов категории количества и категории способа при ответе на общеверификативные вопросы [Прибыток, 2001]. Исследовательница анализирует грамматическую форму ответов на вопросы, связывает ее с определенными прагматическими факторами, спецификой судебной коммуникации. Весьма интересным нам представляется замечание о том, что тип ответа может влиять на последующий вопрос. Из наблюдений, сделанных И.И. Прибыток, становится ясно, что отвечающий оказывает определенное влияние на ход допроса и разделяет ответственность с задающим вопросы. Работа представляет для нас интерес, так как обращена непосредственно к речевому взаимодействию и конкретным языковым формам. В то же время материалом исследования является судебная речь в художественном произведении, т.е. стилизованная речь, и, по всей вероятности, в реальной судебной речи могут обнаружиться некоторые отличия.

В статье «Судебная драма» А.С. Александров изучает игровой, драматический момент, который, по его мнению, является неотъемлемой частью судебного процесса и необходим для убеждения в справедливости, достоверности сказанного о преступлении и наказании [Александров, 2006, с. 47]. Как нам представляется, указание на драматичность судебного процесса является по сути указанием на то, что речевые проявления рассматриваются как элемент поведения участников процесса в зале суда в целом, и здесь просматривается определенный параллелизм с работами англоязычных авторов. Кроме того, ученый делает акцент на социальной значимости судебного дискурса: «Судоговорение по уголовным делам есть элемент речевого устройства общества» [Там же. С. 47].

Безусловно, интерес представляет работа О.В. Красовской «О речевой коммуникации в судебной практике», написанная на основе собственного процессуального опыта автора, полученного на гражданских процессах. В пособии исследовательница ставит цель помочь непрофессиональным участникам понять тонкости судебного разбирательства, которое «протекает в коммуникативной форме диалога, который существенно отличается от бытовой диалогической речи» [Красовская, 2008, с. 6]. Иными словами, свою задачу автор видит в том, чтобы знания о судебной коммуникации, изложенные в учебном пособии, помогли непрофессиональным участникам процесса справиться с присущей судебному дискурсу асимметрией и своим ущемленным положением на процессе. Опираясь на практический анализ большого количества речевых ситуаций в суде и применяемые к этим ситуациям прагматические категории жанра, стратегии, вежливости, кооперации, О.В. Красовская предлагает ряд практических рекомендаций тем, кто защищает свои права в суде. Отдельные замечания исследовательницы о речевом поведении судей мы обсудим более подробно в последующих главах.

Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса на материале немецких и русских телевизионных передач исследует О.Н. Тютюнова [Тютюнова, 2008]. Выделяя коммуникативные стратегии и тактики в речи профессиональных и непрофессиональных участников судебного дискурса, исследовательница связывает их с определенными коммуникативными намерениями участников, их статусом в зале суда, некоторыми процессами в правовом и социокультурном пространстве России и Германии. Положительно оценивая исследование как фокусирующее внимание на диалогическом взаимодействии участников судебного процесса и осуществляющее дискурсивный подход к речевому материалу, мы в то же время считаем необходимым заметить, что выводы исследования, выполненного на материале телепередач, ни в коем случае не должны автоматически переноситься на реальный судебный дискурс. В определенной степени имитируя реальный судебный дискурс, телепередачи все-таки остаются продуктом художественного вымысла их создателей и представляют ту картину судебного процесса, которая отвечает интересам определенных лиц или групп лиц. Создатели телепрограмм могут стремиться к рейтинговости передачи и поэтому злоупотреблять привлекающими внимание зрителей скандальными моментами. Так, О.Н. Тютюнова отмечает как широко используемую профессиональными и непрофессиональными участниками судебного дискурса стратегию нападения, реализуемую такими тактиками как критика, говорение колкостей, давление, оскорбление. Нам представляется, что данная стратегия может в большей степени воплощать скрытые намерения создателей программ, чем реальную ситуацию в зале суда. Образ судьи может также намеренно конструироваться как создателями передач, так и властными структурами, с подачи которых выпускаются эти программы. Изображение русских судей как агентов со статусно сильной позицией и авторитарным стилем общения, отмеченное О.Н. Тютюновой, отчасти соответствует задаче, которая стоит перед судебной властью и о которой представители российской судебной

власти открыто заявляют, – укрепление ее авторитета. Конечно, для того чтобы сделать достоверные выводы о различиях между экранным и реальным судебным дискурсом, необходим многоаспектный сравнительный анализ речи всех участников судебного процесса.

В этом отношении несомненную ценность представляют работы американского ученого П. Талера [Thaler, 1994; Thaler, 1997]. В одной из них, посвященной воплощению правосудия в телевизионных программах, ученый отмечает обманчивость экранных имиджей правосудия и большую зависимость телевидения от установок на сохранение аудитории, достижение высоких рейтингов, что «превращает судебные процессы в своего рода телевизионный театр, насыщенный типично развлекательными ценностями» [Thaler, 1994, p. 5]. Исследователь отмечает, что освещение судебных процессов на телевидении подгоняется под нужды массовой аудитории и концентрирует внимание на том, что может быть интересно аудитории, а не на сути судебного процесса. Аудитория же воспринимает картинки на экране как отражение реальности, поскольку «сила телевидения заключается в его внутренней способности производить впечатление, что образы являются точными визуальными воспроизведениями реального мира» [Ibid. P. 6]. Именно потому что для телевидения характерно искажение картины реальности, мы не склонны полностью отождествлять экранные образы с реальной действительностью.

Интересные наблюдения о том, как формируется образ юристов на экране, а именно в художественных фильмах, содержатся в работе С. Гринфилда и Г. Осборна [Greenfield, Osborn, 2003]. Исследователи характеризуют многие аспекты юридической деятельности как скучные по определению, что предопределяет включение в фильмы моральных и эмоциональных аспектов, добавляющих в фильмы напряжение.

Некоторые замечания о художественном образе судебного процесса и средствах его создания в англоязычной художественной литературе, о соотношении реальности и вымысла в художественном произведении были сделаны нами в [Дубровская, Леонова, 2005]. Литературный жанр юридического триллера как отражение речевых жанров судебного разбирательства рассматривается в работе Е.А. Савочкиной [Савочкина, 2008].

Обобщая обзор отечественной и зарубежной литературы, посвященной проблемам исследования юридического дискурса, отметим следующие принципиальные моменты:

1. Наиболее общей чертой исследовательской парадигмы является интерес к изучению языка как социально значимого явления, воссоздающего институт права через взаимодействие людей, непосредственное или опосредованное законодательными тестами;

2. Работы делятся на две достаточно четко обозначенные группы: обращенные к письменным юридическим документам и рассматривающие устное речевое взаимодействие в правовой сфере. В рамках обеих групп изучаются самые различные жанры юридического дискурса. Среди письменных документов – законодательные тексты, тексты контрактного права, акты завещания и дарения, тексты судебных приговоров, учебники права, сообщения

о законах и др. Устная юридическая коммуникация представлена жанрами юридической консультации, допроса в полиции, жанрами судебного взаимодействия (нарратив, судебный допрос, обращение судьи к присяжным, обвинительная и защитительная речи) и др.;

3. Для каждой из частных сфер функционирования юридического дискурса характерна своя проблематика. Проблемы толкования текстов и разработки терминологического аппарата актуальны для изучения законодательных актов. Условия построения эффективного взаимодействия между участниками правовой коммуникации определяются в рамках изучения устного юридического дискурса;

4. Спектр изучаемых с коммуникативной точки зрения правовых ситуаций значительно шире в англоязычной литературе. Здесь большее место занимают исследования диалогической речи. В отечественных исследованиях судебного дискурса как разновидности юридического дискурса в основном представлен анализ монологических высказываний;

5. Анализ юридического дискурса выходит за рамки собственно текстового анализа. В сферу внимания ученых попадают не только стилевые и логико-образующие средства создания дискурса, но и прагматические факторы – ситуация общения, социально-исторический контекст, национально-культурный фон, статусные характеристики и интенции участников коммуникации, их индивидуальные особенности, в том числе психологическое и эмоциональное состояние, языковые и умственные способности, возраст и др.

Анализ литературы позволяет нам сделать вывод, что диалогическое взаимодействие в зале суда является широким полем для дальнейших исследований с целью установления закономерностей построения судебного дискурса с учетом разнообразных внеязыковых факторов.

1.4.3 Методы исследования судебного дискурса

Как видно из представленного обзора литературы, методы исследования судебного дискурса отечественными и зарубежными исследователями, многообразны. Выбор методик зависит от исследовательских задач. Выделенные В.И. Карасиком подходы к изучению дискурса вообще – текстолингвистический, прагматический, социолингвистический [Карасик, 2002] – осуществляются и по отношению к юридическому дискурсу.

Текстолингвистический подход не характерен для исследований устного судебного дискурса, но применяется при изучении письменных юридических документов. Роль лексики, в том числе терминологической, грамматических средств, пунктуации, орфографии в написании четких нормативных актов рассматривается в рамках текстолингвистического подхода [Вавилова, 2007; Фомина, 2007; Dossena, 2005; Bugaj, 2006; Yankova, 2006; Williams, 2004]. Вариант текстолингвистического подхода с акцентом на категории когезии и когеренции, а также лексические и синтаксические средства предлагает М. Ллопис [Llopis, 1999]. Исследовательница обращается к корпусу

законодательных текстов о международном страховании и применяет алгоритм с несколькими уровнями анализа:

«а) Внутридискурсивный уровень

а.1. Уровень текста, включающий формальное изучение текста и отмечающий лексические и синтаксические черты

а.2. Дискурсивный уровень, включающий стратегии достижения когезии и когеренции в тексте

б) Междискурсивный уровень, связывающий вышеуказанные черты текста с другими законодательными текстами» [Llopis, 1999].

Из представленного алгоритма видно, что текстолингвистический подход ограничивается рассмотрением средств организации текста и не выходит за его рамки. Текстолингвистический подход к юридическим текстам позволяет решать вопросы обеспечения их ясности, однозначности, последовательности, но не позволяет отметить их функциональные особенности.

Выход за рамки собственно текста происходит при *прагмалингвистическом подходе*, при котором важность представляет не только сам текст, но и экстралингвистическая ситуация формирования и функционирования текстов. Рассмотрение судебной речи в свете теории речевых актов является ярким примером прагмалингвистического подхода. Многие зарубежные исследователи ставят своей целью установить связь между языковой формой и намерениями говорящего, между речевыми актами и социо-историческими условиями, речевыми актами и различными стадиями судебного процесса [Charnock, 2009; Collins, 2009; Kryk-Kastovsky, 2009; Doty, Hiltunen, 2009; Liu, Liu, 2007 и др.]

Прагматические категории субъекта и объекта речи, их интенций и взаимоотношений, функции отдельных языковых приемов, жанровая организация судебной речи находятся в центре внимания некоторых отечественных ученых. Работы, в которых изучается жанровый аспект судебного дискурса, мы рассмотрим более подробно в главе 3, посвященной жанровым формам в речи судей.

Социолингвистический подход к судебному дискурсу предполагает оценку дискурса с точки зрения его социального смысла и социального эффекта. При таком подходе особое значение имеют социальные статусы участников дискурса, а их речь рассматривается как проявление властных отношений между ними. Социолингвистический подход представляется нам наиболее емким из трех названных, поскольку он по сути включает собственно текстовый анализ, анализ экстралингвистической ситуации и социальной подоплеку речевого общения. На объединение разных аспектов анализа в рамках дискурсивного анализа указывают Дж.М. Конли и В.М. О'Барр. Исследователи убеждены в единстве лингвистического и социального понимания дискурса: «...Лингвистическое и социальное понимания дискурса являются собой только лишь различные аспекты одного и того же процесса выражения социальной власти. Фактически, главный аргумент этой книги состоит в том, что конкретная лингвистическая методика дискурсивного

анализа – это необходимое орудие для объяснения дискурса в более абстрактном, социологическом смысле» [Conley, O’Barr, 1998, p. 8].

Социолингвистический подход в самом ярком своем проявлении осуществляется представителями школы критического анализа дискурса. В западной науке судебная лингвистика уже признана разделом общего направления критического анализа дискурса [Bloor, Bloor, 2007, p. 3]. Мы считаем исследование судебного дискурса именно в русле критического анализа дискурса наиболее перспективным по следующим причинам.

Первым неоспоримым достоинством метода критического анализа дискурса является включенность в него многих методик. Критический анализ дискурса не отвергает никаких методик исследования языка, которые могли бы дать знания о социальном устройстве. Н. Фэрклоф отмечает особую важность качественного анализа дискурса, применяемого к отдельным фрагментам текстов и предполагающего внимание к отдельным языковым характеристикам. Качественный анализ может быть дополнен количественным анализом. Корпусный анализ текстов может помочь обнаружить ключевые слова, специфические сочетания слов, отличительные схемы в употреблении языка. Грамматический, семантический, конверсационный анализ также входят в число применяемых методик [Fairclough, 2004, p. 6]. К перечисленным методикам М. Блур и Т. Блур добавляют контекстуальный анализ, методики наблюдения, в том числе включенного, использование информантов (например, экспертов в определенных областях знаний) для интерпретации происходящего в дискурсивном сообществе [Bloor, Bloor, 2007, p. 2].

Очевиден тот факт, что исследователи судебного дискурса активно применяют самые разные методики из числа перечисленных, комбинируя их. Наблюдение, включенное наблюдение, качественный интерпретативный анализ, контекстуальный анализ, интервьюирование участников судебных процессов становятся основой для разработки теоретических положений [Conley, O’Barr, 1990; Philips, 1998; Красовская, 2008].

Другой чертой метода критического анализа дискурса, представляющей ценность для анализа судебного дискурса, является его интердисциплинарность. Т. ван Дейк характеризует критическое изучение дискурса как новую междисциплинарную науку, которая охватывает анализ текста и устной речи в рамках практически всех гуманитарных и социальных наук [van Dijk, 1997b]. Н. Фэрклоф отмечает необходимость привлечения методов социологического анализа и применения категорий социологии в дискурсивных исследованиях [Fairclough, 2004, p. 6].

Исследователи судебного дискурса принимают междисциплинарный подход, обнаруживая его большой потенциал. Так, метод своего исследования В.М. О’Барр характеризует как эклектический и включающий наблюдательные методики, используемые в социальной антропологии, аналитические методики социолингвистики, экспериментальные методики социальной психологии [O’Barr, 1982, p. 12]. Как считает П. Гудрик, анализ юридического дискурса должен осуществляться в контексте последних достижений социолингвистики,

коммуникативистики, литературного критицизма, теории идеологии [Goodrich, 1987, p. 6–7].

Подход, осуществляемый в нашем исследовании, мы обозначим как социолингвистический, поскольку речь судьи интересует нас прежде всего с точки зрения проявления в ней институционального статуса говорящего и реализации им власти как в зале суда, так и в более широком социальном контексте. Судья рассматривается нами не столько как отдельная личность, сколько как представитель одной из ветвей власти, устанавливающий особый тип взаимоотношений с обществом.

Методы проведенного исследования разнообразны. *Метод наблюдения*, предполагающий как личное присутствие на судебных заседаниях, так и изучение стенограмм судебных заседаний, применялся с целью выявления типичных речевых явлений в речи судей и их классификации с функциональной и структурной точек зрения. Ярко выраженная прагматическая направленность исследования обусловила анализ речевого поведения с точки зрения *теории вежливости* и *теории речевых жанров*, предложена *модель анализа жанров* институционального дискурса. *Контекстуальный анализ* материала включает анализ лексического значения слов, грамматической формы слов, синтаксических структур и их интерпретацию в общем контексте. *Риторический анализ* направлен на выявление наиболее характерных средств модальности, диалогичности, образности речи. Обращение к речевому материалу на двух языках определило использование *сопоставительного анализа* с целью выявления национально-культурной специфики речевого поведения русских и английских судей.

Междисциплинарный характер исследования обусловил применение методов других гуманитарных дисциплин: *использование социологических данных* необходимо для составления обобщенного портрета судей; собственные наблюдения соотносились с *достижениями криминальной психологии*; *элементы когнитивного и лингвокультурологического анализа* применялись при изучении национально-специфических особенностей судебной коммуникации.

Комбинация перечисленных методов и методик позволяет многосторонне изучить речевое поведение судей в потоке судебного дискурса и решить поставленные исследовательские задачи.

Выводы

Растущий интерес к проблемам взаимодействия языка и права в последние десятилетия обусловил динамичное развитие юрислингвистики в разных странах и появление большого количества работ, написанных как лингвистами, так и правоведами, осознающими важность использования языка в правовой сфере. К настоящему моменту достаточно четко выделилось несколько направлений юрислингвистики, имеющих специфический объект изучения, определенные задачи и методы. Превалирующей тенденцией при изучении письменных юридических документов, законодательных текстов

является рассмотрение их со стилистической точки зрения и с точки зрения их способности эффективно и недвусмысленно изложить правовые нормы. Исследование устной юридической коммуникации имеет иную доминанту. Устная коммуникация понимается как дискурс, что обуславливает соответствующий методологический подход. Включение в спектр рассмотрения экстралингвистической ситуации, информации о коммуникантах, особенностей социального контекста характерно для исследований устной юридической речи. Внимание к перечисленным факторам требует применения прагматических категорий, таких как стратегия, тактика, речевой акт, жанр, вежливость, пресуппозиция, дейксис, мена коммуникативных ролей и др.

В рамках исследования устной юридической речи значительное место занимает изучение судебного дискурса, который мы понимаем как вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в ходе судебного процесса, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов. Основная функция судебного дискурса состоит в урегулировании правового конфликта и изменении правовой ситуации. Судебный дискурс имеет ярко выраженный процессуальный и интерактивный характер. В нем отражаются этапы мыслительной деятельности участников судебного процесса, которые выбирают стратегические, тактические и речевые средства, исходя из целевых установок и ориентируясь на поддержание взаимодействия с другими коммуникантами.

Являясь ярким примером институционального дискурса, судебный дискурс характеризуется четким распределением ролей и неравенством участников, вызванным нормами процессуального общения, различием социальных статусов, культурных уровней, общих и специальных знаний коммуникантов. Обладателем самого высокого статуса в ходе судебного процесса является судья, чье речевое поведение влияет на общую ситуацию в зале суда и в некоторой степени зависит от речевого поведения других участников процесса.

Судебному дискурсу присущи ритуальность и трафаретность, повторение типичных ситуаций, которые закрепляются в типичных жанровых формах, воплощающих разные стадии судебного процесса. В фиксированном наборе жанров, их строгой очередности, соблюдении участниками дискурса жанровых канонов проявляется ритуализованность судебного дискурса.

Судебный дискурс связан с разновидностями юридического дискурса и другими типами дискурса. Значительное количество интертекстуальных включений из законодательных текстов, досудебной документации обеспечивает единство правового пространства, необходимого для последовательного осуществления правосудия. Расширение границ судебного дискурса происходит на его периферии за счет образования гибридных типов дискурса, комбинирующих признаки судебного и других типов дискурса.

Речевое поведение судьи образует важную часть судебного дискурса, и его анализ помогает понять принципы взаимодействия в институциональной обстановке. Более того, как нам кажется, изучение речевого поведения судьи

дает представление о состоянии и функционировании судебной власти не в том виде, как они представлены в нормативных документах, а в том, в каком существуют в действительности. В этом смысле изучение вербальной стороны деятельности общественных институтов является ключом к пониманию самих институтов, включая институт судебной власти.

Глава 2

Структура языковой личности судьи

2.1 Понятие языковой личности

Интерес к говорящему индивиду в лингвистике не нов, а понятие языковой личности является центральным во многих современных исследованиях, включая исследования различных типов дискурса [Карасик, 2003; Сорокин, 2003; Кормилицына, 2003а; Бойко, 2003; Милёхина, 2008; Демьянова, 2008; Минеева, 2008; Седов, 2004; Прохоров, 2006; Панченко, 2008; Чубай, 2008; Чернышова, 2009; Chiles, 2007; Hoffmannova, 1998; Marley, 2008; Meier, 1999; Mieroor van de, 2007; Schnurr, 2009; Weizman, 1998 и др]. Нам представляется, что понятие языковой личности может оказаться полезным для нашей работы, поскольку судья интересует нас именно с точки зрения речевых проявлений, как один из участников судебного дискурса и автор речевых произведений различных жанров.

Обращение к понятию языковой личности никогда не обходится без цитирования ставших классическими работ Ю.Н. Караулова. В этом отношении мы не составим исключения и приведем определение языковой личности, данное Ю.Н. Карауловым, который под языковой личностью понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых им текстов» [Караулов, 2008, с. 207]. Тексты, создаваемые судьями, различны по своим структурно-языковым характеристикам, по способу отражения действительности и интенциональной направленности. Анализ совокупности этих разнообразных по своим свойствам речевых произведений позволяет создать модель языковой личности их автора – некоего абстрактного судьи.

Понимание языковой личности как собирательной модели мы находим у Ю.Н. Караулова, который отрицает необходимость включения индивидуально-психологических характеристик в описание языковой личности: «...Лингвист, обращаясь к языковой личности <...> оставляет вне поля своего внимания важнейшие с психологических позиций аспекты личности, раскрывающие ее именно не как собирательное представление о человеке, а как конкретную индивидуальность» [Там же. С. 211].

Для разделения понятий языковой личности как конкретного носителя языка и языковой личности как обобщающего понятия, за которым стоит группа людей, К.Ф. Седов использует понятие «коллективная языковая личность». Ученый считает правомерным говорить о выделении обобщенного облика языковой личности учителя, медика, ребенка определенного возраста и т.д. «Исследование строения дискурса позволяет выявить своеобразие речевого

поведения как конкретного носителя языка, так и идиостиля группы людей», – замечает К.Ф. Седов [Седов, 2004, с. 6].

В.В. Красных, говоря о человеке говорящем, предлагает различать более абстрактную языковую личность, т.е. личность, проявляющую себя в речевой деятельности и обладающую определенной совокупностью знаний и представлений, и коммуникативную личность, т.е. конкретного участника конкретного коммуникативного акта [Красных, 2008, с. 216].

Далее, говоря о языковой личности судьи, мы имеем в виду языковую личность как собирательный конструкт, обобщающий характеристики группы людей, выполняющих одинаковую социальную функцию. Анализ материала двух языков предполагает еще большую степень абстракции. При том, что, безусловно, обнаруживаются различия в речи русских и английских судей, которые мы отметим в ходе дальнейшего анализа, мы будем стремиться к созданию обобщающего портрета судьи. Наша точка зрения созвучна точке зрения, высказанной Г.И. Богиним: «Модель языковой личности первоначально должна абстрагироваться не только от индивидуальных различий людей, но и от различий известных им языков, она должна обладать высокой мерой упрощения и вариантности» [Богин, 1984, с. 3]. В дальнейшем мы постараемся представить именно такую абстрагированную модель, обращая внимание на те характеристики речевого поведения, которые являются общими для русских и английских судей.

В речевой организации человека В.И. Карасик выделяет пять аспектов: языковую способность, коммуникативную потребность, коммуникативную компетенцию, языковое сознание и речевое поведение [Карасик, 2003, с. 24]. Нам представляется, что судьи должны обладать достаточно широкой коммуникативной компетенцией, толкуемой как «выработанное умение осуществлять общение в его различных регистрах для оптимального достижения цели» [Там же. С. 24]. Широкая коммуникативная компетенция проявляется в создании речевых произведений различной интенциональной направленности, жанровой и стилистической принадлежности. Деятельность судьи предполагает владение различными жанровыми формами, необходимыми для успешной коммуникации в зале суда, а значит, и для осуществления судьей своих непосредственных функций. Более того, деятельность современных судей, особенно судей высокопоставленных, не ограничивается участием в судебных процессах. Судьи выступают с публичными речами перед самой разнообразной аудиторией: своими коллегами, студентами, бизнесменами. Судьи в некоторых случаях общаются с журналистами и дают интервью. В совокупности создаваемых судьями разнообразных речевых произведений отражается их – каждого судьи в отдельности и собирательного судьи – коммуникативная компетенция, а также проявляются разные грани, составляющие языковую личность судьи.

Нам представляется, что в зависимости от особенностей коммуникативной ситуации в рамках социальной роли судьи реализуется несколько более частных ролей, которые тесно взаимосвязаны и в некоторых случаях реализуются одновременно. Мы выделим эти роли как составляющие

языковой личности судьи и охарактеризуем их с прагматической и лингвистической точек зрения.

Наше утверждение о том, что языковая личность судьи имеет несколько граней, которые проявляются в большей или меньшей степени в различных коммуникативных ситуациях, не противоречит, как нам кажется, традиционной структуре языковой личности, предложенной Ю.Н. Карауловым [Караулов, 2008, с. 210]. Скорее можно говорить о взаимном дополнении этих структур, поскольку каждая из граней языковой личности судьи может рассматриваться на трех уровнях, выделяемых Ю.Н. Карауловым: вербально-семантическом, когнитивном и прагматическом. Если взять, к примеру, прагматический уровень, то судья, ведущий процесс, имеет иные цели и интересы по сравнению с судьей, дающим интервью. Выделяя и рассматривая разные грани языковой личности судьи, мы будем обращать внимание на специфику всех трех уровней.

Таким образом, далее в главе 2 мы реконструируем некоторую абстрактную фигуру судьи, наделенного определенными правами, полномочиями, обязанностями и реализующего эти права и обязанности через создаваемые им в различных коммуникативных ситуациях речевые произведения. Мы выделим несколько граней в личности судьи и представим их прагмалингвистические характеристики.

2.2 Социологический портрет русских и английских судей

Обращаясь к обобщенной языковой личности судьи, необходимо представлять, кто образует эту группу людей и кем являются ее конкретные представители. И в отечественной, и в английской судебных системах судейское сообщество разнообразно как с точки зрения должностей, занимаемых его представителями, так и с точки зрения таких индивидуальных особенностей, как пол, возраст, этническая принадлежность. В России судьями являются председатели, их заместители и члены Верховного Суда Российской Федерации, верховных судов республик в составе Российской Федерации, краевых, областных, городских судов, судов автономной области и автономных округов; председатели, заместители председателей районных судов, другие судьи, мировые судьи; председатели, заместители председателей и другие судьи военных судов; председатели, заместители председателей, председатели коллегий и судьи арбитражных судов; председатель, заместитель председателя, секретарь и судьи Конституционного Суда Российской Федерации; судьи конституционных (уставных) судов республик в составе Российской Федерации [Изварина, 2005, с. 24]. Из этого списка становится очевидно, что судебная власть в России представляет собой совокупность большого количества судов различных инстанций.

Не менее развернутой является и судебная система Англии, возглавляемая Лордом Главным Судьей. Под его руководством вершат правосудие судьи гражданского, семейного, уголовного, военного и арбитражного судопроизводства. Причем в каждой из перечисленных ветвей правосудия есть несколько типов судей со своими специфическими функциями.

Наивысшей инстанцией судебной системы является Палата Лордов, рассматривающая апелляции не только из английских и валлийских судов, но и из судов Шотландии и Северной Ирландии.

В России обязательным требованием к кандидату на судейскую должность является наличие высшего юридического образования. Наличие юридического образования у российских судей отличает отечественную судебную систему от английской, в которой работают и непрофессиональные судьи. В зависимости от типа суда и соответственно вида рассматриваемого дела английские судьи могут быть профессионалами и обычными гражданами. Так, множество мелких уголовных дел рассматривается магистратами, которые образуют группу из двух-трех человек и которых консультирует по вопросам законодательства юридически образованный клерк. Интересен тот факт, что от статуса судьи как юридически образованного или необразованного лица зависит характер заседания, в том числе и доля речевого участия присутствующих. «Так как магистраты не являются профессиональными юристами, они тратят больше времени, чтобы проанализировать и понять дело. Они более терпимы к многословности адвокатов по сравнению с профессиональным судьей», – говорится о непрофессиональных судьях [UK Law Online, 1998].

Различен и социальный статус профессиональных судей и магистратов. Магистраты принадлежат в основном к среднему классу, и до последнего времени это были в основном белые мужчины. Однако шаги, предпринятые с целью сделать состав магистратов более представительным, дали свои результаты, и в 2004 году 48% магистратов составляли женщины и представители цветного населения. Увеличилось и количество женщин-мировых судей: по статистическим данным, изложенным в отчете министерства правосудия за 2007г., число женщин превысило половину от общего числа мировых судей [Judicial and Court Statistics, 2007]. Что касается профессиональных судей, то здесь картина значительно более стабильная. Профессиональные судьи – это главным образом белые мужчины преклонного возраста, принадлежащие к высшему классу. Большинство из них получили образование в частных школах, а затем в Оксфорде и Кэмбридже. Различные исследования, проводимые в течение многих лет, подтвердили удивительное постоянство социальных характеристик профессиональных судей [Lea, 2006].

Некоторые статистические данные, создающие представление о составе российского судейского корпуса, были обнародованы в выступлении Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева на VII съезде судей в 2008 году. Так, средний возраст судей судов общей юрисдикции составляет от 40 до 50 лет. Среди судей районного звена доля судей в возрасте от 30 до 40 лет составляет 34%, в возрасте от 25 до 30 лет – 4%. Судьи областного звена, по всей очевидности, старше и опытнее, поскольку 41% из них имеют стаж 10-20 лет, а 32,5% имеют стаж более 20 лет (Лебедев 2008). Что касается соотношения мужчин и женщин в судейском корпусе, то, по утверждению представителя президента в Госдуме А. Котенкова, в судах общей юрисдикции 56% судей составляют женщины [Госдума приняла., 2001].

судей в арбитражных судах еще выше - 72% от общего числа судей всех арбитражных судов [Рейтинг арбитражных судов., 2009]. Данных относительно этнического состава судей в РФ нам найти не удалось.

Мы понимаем, что представленные описания и статистические данные не являются исчерпывающими и не создают точного социологического портрета русского или английского судьи. Однако некоторые тенденции формирования судейских корпусов в России и Англии по ним можно обнаружить. Так, постоянно обсуждаемая в Англии проблема разнообразия (diversity) судейского корпуса, т.е. проблема включения в число судей большего количества женщин и представителей этнических меньшинств, по-видимому, не актуальна для России, где больше половины судей – женщины. Представляется, что и проблема омоложения судейского корпуса в России не стоит на повестке дня среди основных проблем: процент молодых судей достаточно высок. Составляя собирательный портрет российского судьи, вспомним еще раз про обязательное высшее юридическое образование.

Английский судейский корпус явно делится на две части: профессиональных и непрофессиональных судей. Приблизительные портреты обеих были даны выше, но нас интересует именно первая группа судей-профессионалов, поскольку в нашей работе мы обращаемся к речи профессиональных судей.

Анализ языковой личности судьи представляется непростой задачей не только по причине сложности судебных систем, состоящих из судов различных инстанций, и разнообразия социальных характеристик судей. Важно отметить и многообразие функций, выполняемых представителями судебной власти в рамках осуществления правосудия. Несколько направлений реализации судебной власти выделяет А.Ф. Изварина: судебный контроль над конституционностью нормативных и правоприменительных актов, сдерживание, уравнивание законодательной и исполнительной власти; применение мер государственного принуждения; обеспечение социальной и юридической ценности актов правосудия, их обязательности, действительности и стабильности [Изварина, 2005, с. 25–26].

То, как представители судебной власти осуществляют правосудие в различных его аспектах, проявляя различные грани своей языковой личности, мы и рассмотрим далее.

2. 3 Судья как рефери

2.3.1 Функции судьи-рефери

Из всего многообразия выполняемых судьями функций самая важная и, наверное, самая очевидная функция – обеспечение справедливого судебного процесса, на котором судья выступает как арбитр, рефери. **Рефери** – это первая из нескольких сторон, составляющих языковую личность судьи. Мы позаимствовали такое обозначение у Дж. Ли, автора лекций по английскому уголовному процессу, который высказывает убеждение, что такая роль судьи

обусловлена особенностями состязательной системы английского суда, когда непосредственно в зале суда происходит битва между защитой и обвинением. «В этой битве в зале суда роль судьи – это практически роль арбитра. Его или ее работа состоит в том, чтобы следить за честной игрой с обеих сторон, исключать не относящиеся к делу или незаконные серии вопросов во время перекрестного допроса. Редко случается, чтобы судья задавал вопросы непосредственно свидетелю, и это происходит только в тех случаях, когда под угрозой ясность», – пишет Дж. Ли [Lea, 2006]. Роль английского судьи-арбитра, таким образом, отличается от роли судьи-следователя, характерного для континентальной судебной системы. Однако такая роль не делает английского судью менее влиятельной фигурой. «Ключевым моментом, когда власть и влияние судьи в английской системе очевидны, является стадия подведения итогов при завершении процесса перед тем, как присяжные удалятся для вынесения вердикта. Судья суммирует свидетельства и пункты закона и может дать присяжным указания, которые окажутся решающими при вынесении вердикта» [Lea, 2006].

Краткое описание деятельности судьи, включая ее речевой аспект, представлено на сайте английского университета г.Лидс, посвященном британскому законодательству: «Процесс возглавляет судья, в чьи функции входит обеспечивать справедливое ведение заседаний, а также давать указания относительно пунктов закона. Судьи также определяют приговор, если обвиняемый признан виновным. В конце представления свидетельств судья ориентирует присяжных, как следует применить закон. Это могут быть достаточно сложные инструкции относительно законов по данному делу. Обычно судьи также суммируют и анализируют факты для присяжных, но они не должны давать никаких комментариев по делу, если только это не предусмотрено законом» [UK Law Online, 1998].

Отечественная судебная система,двигающаяся в сторону развития состязательности, также хочет видеть в судье независимого арбитра, способного принять взвешенное и справедливое решение. «Линию поведения судьи в судебном заседании определяют принципы осуществления правосудия: открытость, гласность разбирательства дела, состязательность и равноправие сторон, диспозитивность, непосредственность, непрерывность, законность, независимость, сочетающиеся с находящимися за рамками закона аспектами поведения судьи, такими как взаимоотношения с участниками заседания, общая морально-этическая атмосфера, соблюдение процессуальных норм при осуществлении правосудия, общая культура процесса» [Изварина, 2005, с. 208].

Видим, что и в отечественном и в английском суде главная задача состоит в обеспечении условий судебного процесса, которые способствовали бы осуществлению правосудия. Роль рефери предполагает определенный тип поведения: «...Судья должен быть уравновешенным, спокойным, выдержанным, что будет молчаливо характеризовать судью как беспристрастного, объективного, отдающего все свое внимание конкретному делу и способного разобраться в любой сложной ситуации» [Изварина, 2005, с. 210]. Умение слушать участников процесса без лишнего вмешательства в

состязание сторон очень важно для судей. В то же время роль независимого арбитра предполагает осуществление контроля за происходящим в зале суда и внесения корректив в ход процесса в случае необходимости. «Согласно действующему законодательству суд с помощью сторон полно, объективно исследует все обстоятельства дела. Вместе с тем в процессе нередко адвокат и прокурор ведут себя недостаточно активно. В таком случае судья должен так провести процесс, чтобы его участники сами проделали основную часть работы по представлению доказательств, доводов, их оспариванию и т.д., а судья только уточнял бы необходимые для вынесения судебного постановления детали, которые нельзя получать с помощью угроз, давления, обвинения» [Изварина, 2005, с. 212–213].

Проблема регулирования и контролирования хода судебного процесса со стороны судьи обсуждалась и в англоязычных работах. С. Филипс выражает мысль, созвучную той, что цитировалась выше. С. Филипс так пишет о судейском контроле: «Контроль в зале суда прежде всего относится к способности судьи на расстоянии оказывать влияние на действия физических лиц, находящихся в зале суда, без применения физического воздействия. Это влияние осуществляется посредством речи и главным образом состоит в контроле речи других» [Philips, 1998, с. 89]. Исследовательница объясняет, почему судьи считают очень важным сохранять контроль в зале суда – высказывания участников процесса, не соответствующие создаваемой правовой реальности, разрушают состоятельность судебного процесса [Philips, 1998, с. 92].

2.3.2 Метакоммуникация как средство организации судебного процесса

Судьи реализуют свою власть над другими участниками процесса, используя большое количество метакоммуникативных средств. Мы используем термин «метакоммуникация» в понимании М. Стаббса: «Прежде всего метакоммуникация включает: сообщения о каналах общения, контроль того, открыты и работают ли они; сообщения, которые помогают ровному ходу коммуникации; контроль того, кто и сколько говорит, и сигналы остановки или перебивов (сигналы мены говорящего); контроль содержания, приемлемого для коммуникации» [Stubbs, 1983, с. 48]. Метакоммуникация, обозначаемая также в разных исследованиях как метадискурс, метаязык, метатекст, включает высказывания или их части, направленные на то, что говорится в данный момент и на коммуникативную ситуацию в целом. Ученые, исследовавшие метакоммуникацию в различных типах дискурса, отмечали ее организующую, структурирующую функцию. К. Хайланд характеризует метадискурс как «те аспекты текста, которые явно касаются организации дискурса или отношения автора либо к содержанию, либо к читателю» [Hyland, 1998, с. 438]. Характерные для метакоммуникации функции исследовались во многих работах отечественных и зарубежных лингвистов [Андрющенко, 1981; Богомолова, 1984; Вежбицка, 1978; Ляпон, 1986; Кириллова, 1993; Красавцева,

1984; Николаева, 1987; Харламова, 2000; Вепрева, 2003; Колтунова, 2009; Salkie, 1995; Thompson, 2003; Ciliberti, Anderson, 2004; Lenz, 1997; Fuertes-Olivera et al., 2001; Ifantidou, 2005; Dahl, 2004; Hempel, Degand, 2008; Silveira, 2004; Kusse, 2003 и др.]. Роль метакоммуникативных средств в организации диалогического общения анализирует Х. Пенц [Penz, 2004]. Ученый перечисляет несколько функций метакоммуникации, которые выходят за рамки структурирования текста и принципиально важны для социального взаимодействия: суммирование того, что сделано; предложение дальнейших направлений деятельности; обсуждение процесса групповой работы. Таким образом, ученые выделяют два принципиально важных уровня функционирования метакоммуникации – уровень текста и уровень построения речевого взаимодействия.

Метакоммуникация в зале суда функционирует на обоих уровнях в речи практически любого участника процесса. Общение в зале суда, безусловно, является типом коммуникации, который отличается повышенным вниманием к языку, поскольку погрешности при произнесении высказываний и их толковании непосредственно влияют на исход судебного процесса. Речь не только является средством общения и инструментом обработки информации, но и сама становится предметом рассмотрения. Внимание участников судебной коммуникации к словам друг друга, анализ сказанного ранее в зале суда, планирование речевых действий являются характерными чертами судебной коммуникации, которые находят воплощение в различных языковых формах. Метакоммуникация широко распространена в судебной речи, но в речи судьи она наиболее востребована и функциональна, поскольку именно судья несет ответственность за выстраивание судебного процесса, его правильное течение и удовлетворительный результат. Вокруг фигуры судьи выстраивается сложное и многоголосое образование, называемое «судебный дискурс». Судья проявляет себя как независимый рефери, руководящий процессом посредством широкого применения метакоммуникативных средств, и именно на метакоммуникативном уровне происходит выстраивание судебного процесса как некоего упорядоченного действия.

Нам представляется возможным разделить выделенные нами функциональные типы метакоммуникативных средств в речи судьи на две группы: 1. ориентированные на создаваемый в зале суда дискурс и 2. ориентированные на взаимоотношения коммуникантов.

1. **Метакоммуникативные средства, ориентированные на создаваемый дискурс**, способствуют созданию таких речевых произведений в зале суда, которые бы удовлетворяли процессуальным требованиям и позволяли судье принимать решение на основе содержащейся в них информации. Особенностью этих метакоммуникативных средств в речи судьи является их обычная направленность на речь других участников процесса.

К таким средствам мы относим средства с функцией:

- 1) контроля темы и уточнения предмета обсуждения,
- 2) контроля количества дискурса,

3) контроля качества дискурса, в том числе его уместности, точности, соответствия процессуальным нормам,

4) ввода чужой речи.

2. Метакоммуникативные средства, **ориентированные на контроль взаимодействия между участниками процесса**, многочисленны, и это не удивительно, поскольку судебный дискурс диалогичен по сути и представляет собой полифонию голосов, которая нуждается в упорядочивании и регулировании. Такую роль выполняют в речи судьи средства с функцией:

- 1) привлечения внимания и ввода темы,
- 2) контроля смены ролей,
- 3) контроля понимания,
- 4) комментирования собственных действий,
- 5) планирования речевых действий,
- 6) обобщения результатов речевых действий.

Рассмотрим метакоммуникативные средства в той последовательности, которая, на наш взгляд, соответствует логической линии судебного процесса. Метакоммуникативные средства в речи судей включают:

1) средства, выполняющие **функцию привлечения внимания**, что обычно связано с **вводом новой темы**, началом нового отрезка дискурса. Узнав о появлении свидетеля, судья эксплицитно маркирует начало допроса и привлекает внимание присутствующих:

(1) СУДЬЯ: Пришли у нас свидетели?

ПРОКУРОР: Пришел.

СУДЬЯ: Пришел. Ну что, начинаем, да? (Св.И. 2001)

Привлечение внимания часто осуществляется посредством обращения. В примере (2) судья обращается к истцу с целью переключить его внимание на новые вопросы:

(2) JUDGE: Mr Irving, you have listed some other matters.

CLAIMANT: I wish to conclude on page 104, if I may. (Irving 2000)

Интересен тот факт, что истец, в свою очередь, обращает внимание судьи на предмет своего интереса, вводя тему метакоммуникативной конструкцией *I wish to conclude...* (*Я бы хотел сделать заключение...*). Подобные конструкции с функцией ввода темы используются и судьей:

(3) JUDGE: What I will ask you to do though is this. If you either dispute that you ever made the concessions that the Defendants say you made, or you want now to reconsider----(Irving 2000)

Судья не сразу приступает к своему пожеланию, а сначала акцентирует внимание истца на том, что он собирается что-то сказать. Если удалить вводную метакоммуникативную часть из высказывания судьи, оно не пострадает с точки зрения семантики, но с прагматической точки зрения лишится остроты и важности, которые судья вкладывает в свои слова.

Метакоммуникация в функции привлечения внимания участников процесса может иметь этикетно-вежливую форму, в частности форму вопроса. В следующем высказывании судья спрашивает разрешения сделать комментарий:

(4) *JUDGE: Mr Irving, before you say what you want to say and before Mr Rampton starts, can I just say this. (Irving 2000)*

Очевидно, что судья не обязан спрашивать разрешения перед тем как высказаться: метакоммуникативная конструкция выполняет совершенно иную функцию, а именно – привлечения и поддержания внимания.

Высказывания отечественных судей с функцией привлечения внимания, напротив, не всегда звучат вежливо. Обращение к подсудимой по фамилии, вместо соответствующего судебному этикету «подсудимая», в сочетании с частицей «так», начинающей вопрос, звучит достаточно резко:

(5) *СУДЬЯ: Так, М. (называет фамилию – Т.Д.), а сестра-то Ваша почему не явилась?*

ПОДСУДИМАЯ: Не знаю. (РЗ 2/2008);

2) средства, выполняющие функцию **контроля темы** или **уточнения предмета** обсуждения. Сложно представить себе ситуацию в ходе судебной коммуникации и ее последствия для процесса, когда участники процесса длительное время говорят «о разном». Повышенные требования к точности судебного дискурса обуславливают наличие уточнений и детализаций. После зачитывания прокурором обвинительного заключения судья должен узнать позицию подсудимого. Поскольку вина признается подсудимой частично и необходимо внести ясность, судья обращается к ней за разъяснением:

(6) *СУДЬЯ: Виновной себя признаете?*

ПОДСУДИМАЯ: Частично.

СУДЬЯ: В какой части? Давайте уточним. (РЗ 5/2009)

Отметим эксплицитно выраженное намерение судьи. В следующем фрагменте английского заседания судья эксплицитно выражает свое намерение уточнить предмет обсуждения посредством метакоммуникации:

(7) *BARRISTER: No, I'm sorry, that is one error that cannot be allowed to pass. There is a fourth leg, forensic chemical analysis both in 1945, 1988 and 1994.*

JUDGE: Just to elaborate that, of Leichenkeller I at crematorium II?

BARRISTER: Yes, Leichenkeller I at crematorium II by the Krakow forensic laboratory in December 1945, which found traces of cyanide on the ventilation covers by Mr Leuchter's analysts. (Irving 2000)

В следующем примере из судебного допроса судья предваряет уточнение предмета обсуждения вопросом *Can I just be clear?* (*Можно ли внести для меня ясность?*), а после ответа истца, подтверждающего правильный ход мысли судьи, он еще раз комментирует цель своего вмешательства в ход допроса:

(8) *JUDGE: Can I just be clear? Are we talking about crematorium II or generally?*

CLAIMANT: We are still talking about crematorium No. II, my Lord, the one of which we had these large photographs.

JUDGE: Yes, I just wanted to be clear. (Irving 2000)

Интересно, что эпизод выяснения предмета обсуждения оказывается оформлен своего рода метакоммуникативной рамкой, маркирующей его начало и конец. Подобные метакоммуникативные рамки, придающие законченность частным эпизодам общения, встречаются и в речи русских судей:

(9) СУДЬЯ: *А, это Вы имеете в виду Ваш первый ребенок от первого брака?*

СВИДЕТЕЛЬ: *От первого брака у меня двое детей: сын и дочь. От второго брака у меня детей нет, но есть жена, у которой двое детей.*

СУДЬЯ: *А. Все. Ну вот бы нам так и пояснили.* (Св.И. 2001)

Фраза *Вы имеете в виду* маркирует уточнение, а последнее высказывание судьи выступает сигналом разрешения проблемной ситуации.

В качестве предмета уточнения могут выступать номера судебных документов или их фрагментов, на которые ссылаются стороны:

(10) DEFENCE: *I say that because in the Transco case – and this is at paragraph 36 of the judgment which your Lordship will find at tab 3 of the defence bundle –*

JUDGE: *Yes, I have got the case. What paragraph?*

DEFENCE: *I am sorry, I have written down the wrong paragraph number.* (Sellafield 2006)

Английские судьи достаточно часто используют для уточнения конструкцию *you mean* (*Вы имеете в виду*):

(11) JUDGE: *Has this got the number 1489 BW at the bottom?*

DEFENCE: *My Lord, yes, 1489 BW.* (Shipman 1999)

(12) JUDGE: *You mean as you did with Schlegelberger?* (Irving 2000)

Использование аналогичной русской конструкции мы наблюдали в примере (9);

3) средства, сигнализирующие **о мене ролей**. Мена ролей на судебном процессе зачастую связана с прерыванием судьей высказываний других участников. Сигналами мены ролей в таких случаях могут быть как краткие извинения *Извините/Sorry* (примеры (13), (14)), так и более развернутые структуры, прямо сообщающие о перебиве (пример (15)) или объясняющие причину перебива (пример (16)). Перебивы в речи судьи многофункциональны и могут быть связаны с уточнением темы, предмета обсуждения, сменой темы, проверки целесообразности высказывания, необходимостью объявить перерыв:

(13) АДВОКАТ: *Представители прокуратуры подчеркивают, что главная причина разрушения родственных отношений является то, что...*

СУДЬЯ: *Извините, пожалуйста, пять минут перерыва.* (Св.И. 1999)

(14) PROSECUTOR: *Can I invite my Lord's attention to the photographs and perhaps assist with a little explanation which will allow me, I think, very much to shorten matters. The schematic of the cell...*

JUDGE: *Sorry, I missed the page.*

PROSECUTOR: *I am sorry, behind divider 4 and it is page 4 of divider 4.* (Sellafield 2006)

Слушая дело врача-убийцы, судья уточняет медицинский термин, понимание которого необходимо для того, чтобы разобраться в деле. Перебив маркируется метакоммуникативной конструкцией и извинением:

(15) DEFENCE: *Let's take that entry in stages. "Visit. Vomitting. Not well 4/7", that is 4 days vomiting. "Off colour. No tablets for 3 days. Fever. Dysuria".*

Those are the complaints Mrs. Turner was making when you visited her on the afternoon of the 11th July?

DEFENDANT: That's right. I would write those whilst Mrs. Turner was talking to me and before I ever put a hand on her.

JUDGE: I am sorry to interrupt, can I just be sure what that word that is. I think I was original told it was depression?

DEFENDANT: Dysuria. D-Y-S-U-R-I-A?

JUDGE: Thank you, Miss Davies. (Shipman 1999)

В примере (16) судья останавливает прокурора, объясняя необходимость подождать отсутствием секретаря:

(16) ПРОКУРОР: Распространяется ли членами организации...

СУДЬЯ: Подождите секундочку, секретарь придет сейчас. Пожалуйста.

ПРОКУРОР: Распространяется ли членами организации литература среди населения - имеется в виду "Сторожевая башня" выпуска 1994 - 1997 годов? (Св.И. 2001)

Отметим, что диминутивное *секундочку* используется, по-видимому, для смягчения перебива, а *пожалуйста* выступает маркером очередной смены ролей. Так судья дает прокурору санкцию на продолжение.

Следует отметить, что перебивы являются прерогативой судей и не приветствуются, если идут со стороны других участников процесса. В этих случаях судья демонстрирует свою власть, реагирует на перебив перебивом и дает достаточно жесткие указания нарушителю. Так, в следующем примере истец вмешивается в обращение судьи к свидетелю, и судья заставляет его замолчать:

(17) JUDGE: Let us deal with it slightly more evidentially. You are being asked for the evidence you rely on apart from the eyewitnesses.

CLAIMANT: My Lord ----

JUDGE: Just pause. You have your shout and I am going to have mine. (Irving 2000)

Последнее высказывание судьи «*Помолчите. Вы кричите, а я собираюсь сказать свое слово*» одновременно ограничивает речь истца и маркирует переход речевой инициативы к самому судье.

В другой ситуации перебива судья сначала обращается к истцу: “*Just listen to me*” (*Просто послушайте меня*), а когда истец вновь перебивает его, судья возмущенно спрашивает: “*Will you just listen?*” (*Можете вы просто послушать?*):

(18) JUDGE: We can come to that in due course, no doubt ----

CLAIMANT: In other words, some eye witnesses we have to discount.

JUDGE: --- but at the moment, Mr Irving -- just listen to me; I would like to get some structure into it if we can -- we are taking Professor van Pelt through the reasons other than eyewitnesses for saying that ----

CLAIMANT: This, of course, is clearly an eyewitness again, is it not?

JUDGE: Mr Irving, will you just listen? (Irving 2000)

Косвенная вопросительная форма следующего высказывания судьи придает ему ироничное звучание. Задавая вопрос «*Мистер Ирвинг, вы можете позволить мне иногда заканчивать предложения?*», судья не только пресекает конкретный перебив, но и указывает на рецидив проступка истца:

(19) JUDGE: *Mr Irving, can you just let me complete my sentences sometimes? (Irving 2000)*

Русские судьи также не терпят никаких перебивов, в том числе направленных не на них лично. Более того, судьи могут прямо указывать на свой доминирующий статус в зале суда и отсутствие права на перебивы у других участников процесса:

(20) АДВОКАТ: *...Скажите, как Свидетели Иеговы извращают следующее высказывание, на которое они ссылаются здесь из Иакова 1:27: "Чистое и непорочное благочестие перед отцом есть то..."*

ПРОКУРОР: *Пожалуйста, ссылка на брошюру? Страница?*

СУДЬЯ: *Пожалуйста, прекратите прерывать. Слушайте внимательно.*

ПРОКУРОР: *Трудно воспринимать текст, когда не знаешь, откуда он.*

СУДЬЯ: *Я очень вас прошу, не прерывайте. Во-первых, вы нам не даете дослушать. Нет у вас такого права. Я прерву, тогда пожалуйста. Это ссылка из книги? (Св.И. 1999);*

(21) АДВОКАТ: *...Из этого ясно, что истинные христиане должны держаться отдельно от мира. Но что имел в виду Иисус, говоря о "мире". В Библии понятие "мир" иногда означает просто человечество в общем..." –*

ПРОКУРОР: *Простите, что вы цитируете?*

СУДЬЯ: *Я еще раз прошу, не останавливайте, если этого не делаю я. Это начало, 208-я страница, и сейчас подойдут к вашей цитате. (Св.И. 1999)*

Отметим, что в примере (20) судья фактически оказывается не против заданного прокурором вопроса и повторяет его после сделанного прокурору замечания о перебиве;

4) средства с функцией **контроля количества (объема) речи**. Несложно объяснить распространенность этих средств в судебной речи вообще и в речи судьи в частности. Задачей судьи является получение максимально точной и полной информации, необходимой для принятия решения по делу. Поэтому судья использует свои полномочия, чтобы задержаться и сконцентрировать внимание на важных моментах. Стремясь получить полные сведения о взаимоотношениях между свидетельницей и подсудимой, судья просит ее начать рассказ с момента знакомства:

(22) СУДЬЯ: *Вы с П. знакомы? В связи с чем познакомились?*

СВИДЕТЕЛЬ: *В связи с работой.*

СУДЬЯ: *Начните с самого начала. (РЗ 5/2009)*

В другой ситуации судья перехватывает инициативу у ведущего допрос прокурора с целью получить больше фактической информации:

(23) СУДЬЯ: *Давайте начнем с самого начала, а то я что-то не понял.*

ПОДСУДИМАЯ: *Я приехала в Пензу четыре года назад.*

СУДЬЯ: *Проституцией когда начали заниматься? В каком году?*

ПОДСУДИМАЯ: *В мае.*

Судья: *Седьмого года?*

ПОДСУДИМАЯ: *Да. (P3 5/2009)*

В отрывке из английского процесса судья метакоммуникативно оформляет свое разрешение на многословное высказывание истца:

(24) JUDGE: *On the other hand, it is matter for you because I am letting you say pretty much what you want to say, I know because I have them now provided very conveniently, exactly what it is that is relied on by way of anti-Semitic statements, racist statements and so on. (Irving 2000)*

Выслушав объяснения истца, почему тот чувствует необходимость уделить внимание деталям, судья дает ему «санкцию» на продолжение высказывания:

(25) CLAIMANT: *My Lord, I have to go in some detail into the Leuchter report because of the criticisms leveled at me for having been swayed by it.*

JUDGE: *Yes. I do not disagree with that. (Irving 2000)*

Желая подробнее остановиться на определенном свидетельстве, судья говорит:

(26) JUDGE: *Let us concentrate on this one. (Irving 2000)*

Подобным образом русский судья обращается к свидетелю:

(27) СУДЬЯ: *Давайте поподробнее про распорядок дня. (P3 5/2009)*

В других случаях реплики судьи с функцией контроля количества сказанного, наоборот, придают процессу определенную динамичность, не давая ему пробуксовывать. Так, в ходе процесса по делу о Свидетелях Иеговы судья была вынуждена постоянно ограничивать свидетелей, которые теряли логическую нить при даче показаний и зачастую уходили в религиозные споры. «Пожалуйста, дальше», «Следующий вопрос», «Все. Следующий вопрос», «Все, достаточно» – типичные сигналы контроля количества речи, которые мы отметили в речи судьи. Приведем пример:

(28) ПРЕДСТАВИТЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ЮСТИЦИИ: *И теперь по литературе. Сколько времени примерно посвящается изучению литературы и сколько в среднем раз перечитывается журнал "Сторожевая башня"?*

СВИДЕТЕЛЬ: *Организация говорит, что мы должны питаться духовной пищей постоянно, регулярно. Поэтому, если мы знаем, что "Сторожевая башня" в месяц выходит два раза, "Пробудитесь" два раза, это четыре журнала, их нужно прочитать. В "Сторожевой башне" присутствует две статьи для изучения, это значит четыре статьи для изучения. К ним нужно готовиться, чтобы давать комментарии. Зачитывается короткий абзац, человек поднимает руку и отвечает на этот короткий абзац. То есть отвечать можно практически этими же словами. Здесь...*

СУДЬЯ: *Все, достаточно. Пожалуйста. (Св.И. 2001)*

Финальное *Пожалуйста* служит сигналом к продолжению для допрашивающего.

В другой ситуации судья несколько смягчает перебив свидетеля и объясняет причины ограничения:

(29) ПРОКУРОР: *Скажите, пожалуйста, эти карточки куда-то передаются?*

СВИДЕТЕЛЬ: Когда человек заканчивает дом, он эту запись может передать для того человека, который будет потом этот дом проходить через какое-то время. На самом деле, передаются ли они потом в Бруклин, я не знаю...

СУДЬЯ: Давайте следующий вопрос. Мне кажется, на это не стоит так много уделять внимания, нам не нужно подробно об этом говорить. (Св.И. 2001)

В последнем высказывании судьи содержится грамматическая ошибка – после словосочетания «уделять внимание» вместо дательного падежа судья использует винительный (*на это*). Все высказывания судей мы приводим без изменений и далее в работе сделаем некоторые замечания относительно речевой культуры судей.

Реплики судьи, ограничивающие количество речи не являются редкостью и в английском суде:

(30) JUDGE: You have dealt with that already. (Irving 2000);

(31) JUDGE: I am very grateful to you for your case statement, which I have read. There is obviously a high degree of public interest in the case, so of course it has to open fully, but so far as I am concerned you should not feel under any obligation to read each of the 41 pages. (Sellafield 2006);

(32) JUDGE: You need not read the whole of it. (Irving 2000);

5) средства с функцией **контроля качества дискурса**. Судебный дискурс должен удовлетворять таким требованиям как достоверность, уместность, четкость изложения. Судья контролирует эти качества в речи обеих сторон, стремясь обеспечить равноправие сторон и справедливый процесс. Следующий пример наглядно представляет ситуацию, в которой жалоба истца на перебивы со стороны ответчика расценивается судьей как неуместная. В случае ее удовлетворения были бы нарушены права другой стороны:

(33) CLAIMANT: May I now continue with preferably fewer interruptions?

JUDGE: No, I think that is not fair. Mr Rampton I think has been restrained. (Irving 2000)

Проблема уместности того или иного высказывания в зале суда является принципиальной для судебной коммуникации и часто вызывает разногласия между сторонами. Отношение высказывания к делу или к данному фрагменту дела постоянно контролируется судьей, поскольку в противном случае сторона может выбрать ошибочную линию аргументации своей позиции, нарушающую права другой стороны. Осуществление контроля часто получает метакоммуникативное выражение.

В следующем достаточно объемном фрагменте судебного заседания представлен спор судьи и истца относительно уместности вопроса, задаваемого истцом в данный момент. По нашему мнению, этот фрагмент практически целиком носит метакоммуникативный характер, поскольку рассматривается не сам вопрос, его суть, а проблема, стоит ли рассматривать вопрос именно сейчас и насколько он соотносится с конкретным моментом в ходе процесса:

(34) CLAIMANT: I wish to conclude on page 104, if I may.

JUDGE: I am so sorry. Hang on, why are you telling me about that now?

CLAIMANT: Okay, then it is wrong that I should let your Lordship know.

JUDGE: Is that not relevant only to costs? Tell me if I am wrong, but that would be the way I would see it.

CLAIMANT: Not only the costs, my Lord, there are other features of part 36.

JUDGE: Let me just read it.

CLAIMANT: My understanding is that your Lordship was not informed of what was in the offer, but that offer was made under the new rules.

JUDGE: I do not see the relevance of telling me that unless and until it comes to the question of costs.

CLAIMANT: Yes. The question of costs is covered by the next paragraph, which is that I do not propose asking for my costs in this action.

JUDGE: It is premature to be telling me that.

CLAIMANT: Not at all, my Lord. This is surely the place when I can put this into your Lordship's mind and that deals with it, puts it out of the way.

JUDGE: It is true, but I would only address that question once judgment had been given. (Irving 2000)

Метакоммуникативные средства, отражающие проблему релевантности, в данном фрагменте становятся своего рода каркасом, к которому крепятся отдельные информативные части высказываний и который несложно вычленил из единого коммуникативного целого. Представим эту метакоммуникативную структуру в виде схемы.

Схема 1 «Метакоммуникативный каркас»

Judge (Судья)
Why are you telling me about that now? (Почему вы говорите мне об этом сейчас?)
Is that not relevant...? (Разве это не относится к...?)
I do not see the relevance... (Я не понимаю, как это относится к...)
It is premature to be telling... (Преждевременно говорить...)

↓

Claimant (Истец)
This is surely the place when... (Это как раз тот момент, когда...)

Из представленного схематично в виде метакоммуникативной рамки примера (34) смысл ситуации становится еще более очевидным: судья ставит под сомнение – а фактически, отрицает – уместность вопроса, тогда как истец убежден в обратном.

Следующий пример спора относительно уместности зачитываемого фрагмента показателен в том отношении, что спор происходит между судьей и прокурором. Данный пример служит доказательством того, что судьи могут вставать в оппозицию не только к стороне защиты, в чем их иногда упрекают, но и к стороне обвинения:

(35) ПРОКУРОР: Еще раз повторяюсь, что те тексты, которые фигурируют в журналах "Сторожевая башня", "Пробудитесь!", эти

пояснения по поводу того, что является миром сатаны, вот в контексте с этими текстами, в частности с этим определением, на мой взгляд, является разжиганием религиозной розни, поскольку противопоставляет вероучения, взгляды Свидетелей Иеговы всему остальному христианскому миру, который, как известно, определяется многими...

СУДЬЯ: Нет, но вы читаете верх, который вы вообще не заявляли.

ПРОКУРОР: Как же я не заявляла, когда вот?

СУДЬЯ: Заявляли, но здесь ссылка на Иакова 1:27. (Идет спор.) Что такое у нас Иакова 1:27?

АДВОКАТ: Можно прочитать? Это из Библии.

СУДЬЯ: Всё, мне этого достаточно... (Св.И. 1999)

Видим, что судья занимает очень жесткую позицию по отношению к прокурору, что находит отражение в речи. Категоричность достигается за счет использования *нет* и противительного союза *но* в начале предложения, а обобщающее *вообще* увеличивает степень просчета прокурора. Говоря о стремлении судьи-рефери обеспечить равноправие сторон на процессе, отметим, что в другой ситуации этот же судья не разрешает уже адвокату привносить в дело незнакомые материалы:

(36) АДВОКАТ: Я полагаю, у вас его нет, такого журнала. Я вам сейчас представлю его на обозрение.

СУДЬЯ: Но только не то, что не приводилось. Нам бы в этой литературе разобраться. (Св.И. 1999)

Таким образом, одинаковые требования предъявляются и обвинению, и защите.

Качество дискурса участников процесса может не соответствовать процедурным требованиям, и в этих ситуациях судья отслеживает ошибки и требует их исправления. Так, прокурор отвечает вопросом на вопрос, и судья требует ответов, соответствующих процессуальным нормам:

(37) СУДЬЯ: Товарищ прокурор, я вопрос не сняла. На вопрос вопросом не отвечают. Пожалуйста, ответьте. (Св.И. 1999);

(38) СУДЬЯ: Ответьте, пожалуйста, на вопрос ответом, а не вопросом! (Св.И. 1999).

В примере (39) английский судья дает оценку речевым действиям истца и сомневается в их правильности с правовой точки зрения, но позволяет ему высказаться, ссылаясь на свой либеральный подход:

(39) CLAIMANT: ...That is the kind of material that I would have put to them.

JUDGE: Well, I am not sure that is actually right, as a matter of law, but I am taking a liberal approach. Say what you have indicated you intend to say in due course. (Irving 2000)

Субъективное мнение судьи, его личное восприятие закона и правил процедуры играют свою роль в разрешении спорных ситуаций. Английские судьи часто ссылаются на свое мнение. *It seems to me (мне кажется), I think (я думаю), I am not sure (я не уверен)* – типичные метакоммуникативные маркеры, сопровождающие выражение судейского отношения к дискурсу других участников процесса.

Так, судья требует объяснений от истца относительно некоторых фактов, считая, что так правильно поступить в данной ситуации:

(40) *JUDGE: I think it is the right thing to do in this particular case. (Irving 2000)*

В другой ситуации судья выражает сомнение в правильности толкования истцом показаний свидетеля и предлагает свое толкование:

(41) *CLAIMANT: ...Professor van Pelt accepts that those holes are not in that roof slab now.*

JUDGE: I am not sure that is right, is it? I think what he says was that the state of the collapsed roof is so poor now that you simply cannot see where those holes would have been if they were there, which is a slightly different thing. (Irving 2000)

В ходе развития ситуации судья более явно выражает свое мнение о качестве толкования цитат истцом, называя его принципиально неверным утверждением:

(42) *JUDGE: There are the odd things which I have noticed which I do not think are quite borne out. I think the best way is not to interrupt you, but that is quite an important misstatement of van Pelt's evidence. (Irving 2000)*

Таким образом, комментарии английского судьи об уместности и правильности речевых действий участников процесса часто включают авторизирующие конструкции со значением субъективности оценки. В то же время субъективная оценка судьей качества дискурса участников процесса не подлежит обсуждению и воспринимается ими как руководство к действию. Стороны безусловно признают главенствующую роль судьи на процессе, а в случае возникновения спора он решается силой и категоричностью слова судьи.

К метакоммуникации с функцией контроля качества можно, по-видимому, отнести те высказывания или их части, которые обращены непосредственно к языковым средствам выражения мысли. По нашим наблюдениям, средства такого рода в судебной коммуникации встречаются нечасто, однако совсем игнорировать их было бы несправедливо. В следующем примере истец исправляет словоупотребление в речи судьи, но судья дает понять, что сознательно подходит к выбору языковых средств:

(43) *JUDGE: Then I do not think it is fair to ask you to give answers on the hoof. What I will ask you to do though is this. If you either dispute that that you ever made the concessions that the Defendants say you made, or you want now to reconsider----*

CLAIMANT: Resign.

JUDGE: Well, I was trying not to use that word actually – to reconsider, then would you write to me and to the Defendants, shortly setting out what you say you said, or what you now say? (Irving 2000)

Функции контроля качества и количества речи могут реализоваться в одном высказывании. Так, следующим высказыванием судья указывает на то, что не ограничивает речь истца по объему, но считает, что она не соответствует требованиям уместности и необходимости:

(44) *JUDGE: ...I think you know that I believe I know what the law is on that so you need not trouble with it, unless you want to. Is there anything you want to say particularly, Mr Irving? I am not stopping you, I just do not think it is really necessary. (Irving 2000)*

В другой ситуации судья оспаривает устный способ представления информации истца, желая таким образом сократить его речь и сэкономить время:

(45) *CLAIMANT: My Lord, I make submission now on the Heinrich Mueller document.*

JUDGE: I do not think I would read that out if I were you. I think that is not the best way of dealing with it.

CLAIMANT: No. I will leave it as a written submission. (Irving 2000);

б) средства с **функцией контроля понимания**. Подтверждение понимания судьей того, что говорят другие участники процесса, важно для построения судебной коммуникации, поскольку сигнал понимания, исходящий от судьи, является своего рода санкцией на продолжение говорящим определенной линии поведения в целом или отдельно взятого высказывания в частности. И наоборот, сообщая участникам судебного процесса посредством метакоммуникативного сигнала о непонимании или недопонимании, судья вынуждает их задержать внимание на конкретных высказываниях или частях высказываний. М. Даннерер в работе, посвященной непониманию в условиях институционального общения, указывает, что непонимание может быть обнаружено, только если подан метакоммуникативный сигнал или если наблюдается отсутствие связности между высказываниями собеседников. Особенно сложно обнаружить непонимание в групповом общении, где не у всех говорящих есть возможность подать метакоммуникативный сигнал [Dannereger, 2004, p. 105]. В ходе судебного процесса, где происходит институционально регламентированное групповое общение, не каждый участник процесса может в определенный момент времени задать вопрос с целью выяснения смысла сказанного другими. Поэтому особая роль в регулировании процесса взаимопонимания отводится судье. И в русском, и в английском материале мы обнаруживаем большое количество метакоммуникативных средств в речи судей, маркирующих понимание или непонимание и стремление устранить сомнения. Мы выделили несколько функциональных разновидностей метакоммуникативных маркеров понимания/непонимания, используемых русскими и английскими судьями.

• Целью первого типа является **констатация понимания**. Самыми очевидными и однозначными сигналами понимания в речи судей являются маркеры *ясно, понятно, yes, I understand/ follow*, указывающие на то, что судья понимает, что имеет в виду говорящий:

(46) *ПРОКУРОР: Реально что Вы видели? Как эта процедура происходит?*

СУДЬЯ: Товарищ прокурор, (неразборчиво)

СВИДЕТЕЛЬ: Как эта процедура происходит? Ну, как процедура происходит. Там просто как бы стоят ящики для пожертвований и люди туда как бы добровольно жертвуют.

СУДЬЯ: Все понятно. (Св.И. 2001);

(47) JUDGE: Which photograph is that? You probably cannot tell because I have got yours.

PROSECUTOR: I think from recollection 12 shows it is its virgin state and the photograph thereafter really shows the metal eaten away.

JUDGE: Yes, I understand. Thank you. (Sellafield 2006)

Сигнал о понимании судьей слов другого коммуниканта может иметь выраженный реактивный характер, т.е. быть реакцией на эксплицитный запрос или напоминание со стороны говорящего. Это не меняет, однако, его функциональной направленности – продемонстрировать понимание. В примере (48) истец напоминает судье о фотографиях, используемых в качестве свидетельств, и судья репликой *Yes, I remember...* (Да, я помню...) сигнализирует о том, что понимает, какие фотографии имеет в виду истец, после чего истец вновь берет речевую инициативу в свои руки:

(48) CLAIMANT: ...My Lord, I put to your Lordship at the time photographs of the underside of that roof. To say that the underside of that roof is fragmented is a gross distortion of what one could see with one's own eyes. The underside of that roof was as pristine as the concrete which is in this room today, every inch of the underside of that roof which can be accessed.

JUDGE: Yes, I remember the photograph quite well and quite how much of the roof it shows and which bit of the roof, it is impossible, I think, on the evidence to say. (Irving 2000)

В следующем примере адвокат ответчиков обращает внимание судьи на некоторые технические детали, и судья дважды сигнализирует о том, что понимает/помнит, о чем идет речь, репликой *Yes, I remember* (Да, я помню):

(49) BARRISTER: ...In fact, when I re-examined on 2nd February, that is day 14, page 3 to page 13 at the end, by reference to the little clip of documents by which Mr Irving sought to show the uniquely ----

JUDGE: Yes, I remember that quite well, all the oddities, as it were.

BARRISTER: In fact, he explained every single oddity, except the missing year date in the reference.

JUDGE: Yes, I remember that quite well, but thank you for reminding me what the reference is. (Irving 2000)

Метакоммуникативный сигнал о понимании судьей высказывания оратора может фактически являться перебивом, если судья считает, что дальнейшие объяснения избыточны, и в таком случае этот сигнал может расцениваться и как метакоммуникативное средство контроля количества речи. Пример сигнала понимания-перебива встречается в следующем отрывке, где адвокат пространно просит судью заранее назначить день вынесения решения, и судья останавливает его перебивом:

(50) BARRISTER: The only thing perhaps, if I might gently suggest it, is your Lordship might in fact finish before the day of judgment, if you know what I mean, in

other words finish writing and have a fixed day, so that, even if your Lordship finished before that day is reached---

JUDGE: Yes, all right. (Irving 2000)

Другими способами констатации понимания являются повтор и перефразирование сказанного ранее другим участником процесса. Повторы нередко сопровождаются метакоммуникативными маркерами понимания, как в следующем примере:

(51) СВИДЕТЕЛЬ: Ну, я сказал, почему я хожу в свою церковь, почему вы не можете зайти и посмотреть? Но это было ужасное выражение лица.

СУДЬЯ: И что он сказал?

СВИДЕТЕЛЬ: Нет, папа, нас мама ругать будет.

СУДЬЯ: Понятно. Мама будет ругать. (Св.И. 1999)

Перефразируя слова свидетеля, судья суммирует полученные показания и хочет удостовериться в правильном понимании

(52) СУДЬЯ: А он вообще какой-то работой занимался?

СВИДЕТЕЛЬ: До этого он работал. После того, как он начал посещать собрания, он потерял свою работу, потому что он занимался по более различным журналам...ну, в организации ему объяснили, что это не соответствует теократическим требованиям...

СУДЬЯ: Так, понятно... Он распространял, продавал журналы, а когда занялся изучением этой литературы, он перестал, да? Журналы, я так понимаю, светские? (Св.И. 2001)

В последнем высказывании судьи содержится сразу несколько маркеров понимания.

В речи русских судей очень широко используется при перефразировании маркер *то есть*. Взятый вне контекста, этот маркер указывает только на толкование сказанного или написанного ранее. Однако очевидно, что когда судья повторяет другими словами полученные только что показания, предваряя высказывание метакоммуникативным маркером *то есть*, он утверждает в собственном понимании этих показаний и дает возможность другому участнику исправить его, если понимание неверно. Таких примеров в нашем материале большое количество: *То есть деньги у вас так и были; То есть, насколько я понимаю, две формы услуг оказывалось; То есть соседка начала жаловаться на шум* и т.д. В примерах (53), (54) свидетели подтверждают правильное понимание судьей их слов:

(53) СУДЬЯ: То есть она сама позвонила.

СВИДЕТЕЛЬ: Да, сама позвонила и сказала, что она придет. (РЗ 5/2009);

(54) СВИДЕТЕЛЬ: Ну, как... Он не свободно вышел, для него это было очень тяжело. Какие-то стереотипы, которые сложились у него в процессе чтения литературы, ему было очень трудно изжить из себя.

СУДЬЯ: Но он изжил из себя?

СВИДЕТЕЛЬ: Сейчас более-менее постепенно изживает.

СУДЬЯ: То есть он почитал эту литературу, она его так захватила, что потом ему тяжело было...

СВИДЕТЕЛЬ: Очень тяжело было. (Св.И. 2001).

• Целью второго типа метакоммуникации с функцией контроля понимания является **констатация понимания собеседника** в совокупности с **выражением собственной точки зрения** на проблему. Ранее мы указывали на то, что маркеры *yes, I understand/ follow* свидетельствуют о понимании судьей ситуации. Следует отметить, однако, что звучащие из уст судьи реплики, начинающиеся со слова *yes (да)*, совсем не обязательно являются знаком согласия с предыдущим оратором. Очевидно это в тех случаях, когда за *yes (да)* следует противительный союз *but (но)*. *Yes* сигнализирует о понимании позиции говорящего, в то время как союз *but* вводит собственную точку зрения судьи, противоречащую высказанной выше. Выражение согласия в начале высказываний, в принципе выражающих несогласие, придает ему более мягкую, некатегоричную форму.

На процессе о нарушениях техники безопасности и угрозе утечки радиоактивных веществ в одной британской компании судья выслушивает аргументацию адвоката о технической надежности существующих устройств. Судья понимает позицию адвоката, но не может с ней согласиться, о чем дважды сигнализируют маркеры *yes, but... (да, но...)*, *all right, but... (хорошо, но...)*, вводящие собственное мнение судьи:

(55) BARRISTER: Your Lordship has heard and seen photographs and plans of the cladding made in stainless steel to a height of approximately – and I think your Lordship clarified this with my learned friend – 1.5 metres in height. It is the nature of stainless steel that it is not affected by nitric acid. I anticipate that when these parts of the installation were designed that of course is one specific reason for the materials being chosen.

JUDGE: Yes, but the welds are vulnerable.

BARRISTER: I am not sure if vulnerable is fair, in all fairness.

JUDGE: All right, but there is a potential weakness at the welds. (Sellafield 2006)

Yes, I follow (Да, я понимаю/ следую за вашей мыслью) – один из вариантов сигнала понимания, который также не обязательно является сигналом согласия. Как видно из примера (56), сначала судья выражает понимание, а затем сомнения по поводу обсуждаемого вопроса и излагает свое понимание. Мы можем наблюдать использование метакоммуникативных маркеров понимания и субъективного отношения:

(56) JUDGE: Yes, I follow. I am not quite sure, Dr Longerich wrote to Dr Aaron Reich, as I understand it, to see what other documents there were in the file, but I do not know what the result was, or indeed when the question was asked. You do not know either? (Irving 2000)

Русских примеров, подобных приведенным выше английским примерам, в нашем материале не встретилось. Мы объясняем это большей склонностью носителей английской речевой культуры сглаживать выражение несогласия, придавая ему вежливую форму. Данная черта английского коммуникативного поведения, как видим, находит выражение и в институциональном общении.

• Целью маркеров понимания/непонимания третьего типа является **проверка судьей собственного понимания ситуации или показаний**. В этих целях судьи используют переспросы и уточняющие вопросы, часто дополненные метакоммуникативными конструкциями *я так понимаю, вот я поняла, as I understand it*. В этих ситуациях судья не противоречит другому коммуниканту, а проверяет свое понимание. В следующем примере судья старается удостовериться, правильно ли он понял показания свидетеля, данные накануне, и полностью воспроизводит свое представление. Высказывание начинается с эксплицитной декларации цели *I wanted to ask you (Я хотел Вас спросить)* и включает конструкцию *I understood (Я понял)*, используемую для ввода собственного понимания свидетельских показаний.

(57) JUDGE: *I wanted to ask you -- may I do it now -- about the columns because I understood your evidence yesterday to be that jutting out, as it were, from the roof of the alleged gas chamber there were the columns as well as the metal apertures through which the Zyklon-B, you say, was poured?*

WITNESS: *The columns -- it is unlikely, my Lord, that the ----*

JUDGE: *Did I misunderstand that? (Irving 2000)*

Речь русского судьи в подобной ситуации начинается с эксплицитного побуждения свидетеля к даче показаний и также включает метакоммуникативные маркеры понимания:

(58) СУДЬЯ: *Ну, а теперь пожалуйста, нам расскажите... я так понимаю, вы изучали...*

СВИДЕТЕЛЬ: *Литературу?*

СУДЬЯ: *Литературу. И непосредственно ходили на это вот собрание? Ходили. Значит, я поняла, вы были на конгрессе. И сколько еще посетили? Много вы собраний посещали? И где, в каких помещениях?*

СВИДЕТЕЛЬ: *Значит, собрания, я в основном посещал в кинотеатре "Мечта". (Св.И. 2001)*

Эксплицитное уточнение содержится в примере (59):

(59) СУДЬЯ: *Что вы имеете в виду? Что это просто какая-то подпольная литература? Я правильно поняла?*

СВИДЕТЕЛЬ: *Получается, что так. (Св.И. 2001)*

• Целью метакоммуникативных средств с функцией контроля понимания четвертого типа является **демонстрация непонимания** и желание это непонимание устранить. Как уже было сказано выше, в групповом общении сложно достичь всеобщего понимания, и поэтому ситуации, когда одно и то же высказывание воспринимается разными коммуникантами с различной степенью понимания, не редкость. Такая ситуация представлена в примере (60). Прокурор дает сигнал понимания свидетеля и собирается задать следующий вопрос, но судья вмешивается и только после дополнительных вопросов свидетелю сигнализирует о понимании:

(60) СВИДЕТЕЛЬ: *...А Артур, как бы вот, родители на него всячески давили, что он не принимал крещение. И он решил, что он дождетя 18 лет и в 18 лет примет крещение.*

ПРОКУРОР: *Понятно. Скажите, пожалуйста...*

СУДЬЯ: Принял крещение?

СВИДЕТЕЛЬ: Нет. Он ожидал, что когда он достигнет 18 лет, тогда он примет крещение.

СУДЬЯ: Ну, он принял крещение?

СВИДЕТЕЛЬ: Он не принял крещение, потому что он ушел.

СУДЬЯ: Понятно. (Св.И. 2001)

В примере (61) английский судья эксплицитно констатирует свое непонимание разногласий между сторонами метакоммуникативной конструкцией *It is not really clear to me* (Мне действительно неясно):

(61) JUDGE: ...It is not really clear to me what, if any, is the issue between the parties as to that particular phase.

BARRISTER: No. I have never understood there was.

JUDGE: No. (Irving 2000)

Повторяя за адвокатом *No* (нет), судья тем самым демонстрирует понимание его позиции.

В некоторых случаях метакоммуникативный комментарий может стоять в конце ситуации, как в следующем примере, где судья сообщает о своем неправильном понимании, уже разобравшись в проблемном вопросе:

(62) JUDGE: ...*If your evidence is that the pillars were protruding above the level of the roof* ----

WITNESS: *You said the Zyklon-B introduction pillars?*

JUDGE: *Well, that is what I am asking you. I thought you said that the pillars, the structural pillars, were protruding* ----

WITNESS: *No, the structural pillars did not and do not.*

JUDGE: *Well, that was my misunderstanding of your evidence.* (Irving 2000)

Метакоммуникативные средства с функцией контроля понимания – одни из наиболее многочисленных в речи судьи наряду со средствами с функцией контроля количества и качества дискурса. Широкое использование именно этих средств объясняется той важной ролью, которую они играют в зале суда. Во-первых, судья получает значительное количество информации с обеих сторон, и в ходе процесса он вынужден эту информацию «фильтровать» и проверять, принимая таким образом участие в формировании «информационного поля» процесса в целом и каждого отдельного заседания. Избыточное, недостоверное и неактуальное не получает доступа в «информационное поле» процесса. С другой стороны, судья как живой человек не лишен субъективности восприятия происходящего в зале суда. Сознывая это, он в ряде ситуаций вынужден сверять свое понимание поступающих в «информационное поле» данных с точкой зрения говорящего, представляющего информацию, либо сигнализировать о понимании, если сомнений нет или ситуация прояснилась. Кроме того, судья является единственным участником судебного дискурса, который может взять слово в любой момент процесса. Поэтому он играет ключевую роль в установлении взаимопонимания на процессе, вмешивается в деятельность обеих сторон в случае необходимости, что делает судебный процесс более сбалансированным и способствующим равноправию сторон;

7) средства с функцией **объяснения/ комментирования собственных действий**. Судья не только проверяет свое понимание участников судебного процесса и помогает установлению взаимопонимания между ними, но и стремится к тому, чтобы стороны правильно воспринимали его собственные действия. Непонимание того, что и почему делает судья, может вызывать ощущение несправедливости у сторон и их недовольство. Это крайне нежелательно, поскольку полностью противоречит целям, стоящим перед судьями. Недовольство судьей и непонимание его действий приводят в результате к неблагоприятному мнению о судьях и подрыву авторитета судебной власти.

В русском материале нам встретились единичные примеры комментирования судьей своих действий, что, по-видимому, свидетельствует в пользу утверждения об отечественных судьях, сделанного О.В. Красовской: «Для речевого поведения судей характерна некооперативная диалоговая стратегия» [Красовская, 2008, с. 92]. Отсутствие попыток объяснить или прокомментировать свои действия можно считать, по нашему мнению, проявлением некооперативного поведения. В примере, который мы представим, судья перебивает прокурора и эксплицитно определяет цель этого перебива – «сделать замечание». Пример иллюстрирует ситуацию, в которой судья контролирует процессуальные нормы и сразу исправляет ошибку в речи прокурора, делая цель своего вмешательства ясной посредством метакоммуникативного комментария. Не комментируя никак текстовые нарушения в речи прокурора, отметим только, что прокурор поспешно исправляет ошибку, сопровождая исправление извинениями:

(63) ПРОКУРОР: Ваша честь, все доказательства, которые были исследованы в ходе судебного разбирательства и были даны как той, так и другой стороной в ходе судебного разбирательства по делу. По данным доказательствам, анализ этих доказательств будет дан мною в соответствии с требованиями ГПК в репликах и в заключении.

СУДЬЯ: В репликах? Товарищ прокурор, я просто должна вам сделать замечание, что в репликах никак нельзя...

ПРОКУРОР: Прошу прощения, в прениях, прошу прощения. В прениях я дам подробный анализ всех доказательств и соответственно в заключении также мной будет сделан вывод доказательств, которых я представлю суду. (Св.И. 2001)

В следующей ситуации судья, обращаясь к прокурору, комментирует свои действия, объясняя необходимость особой записи в протоколе:

(64) СУДЬЯ: У вас отвод был в мою сторону со стороны прокурора. Но в данном случае мне придется в протоколе все-таки отметить, что прокурор фактически предлагает новый вид процесса, в котором доказательства он представит в заключении своем. Это нарушение ГПК. Поэтому об этом я еще раз говорю, это мы отмечаем в протоколе. (Св.И. 1999)

Английские судьи, по нашим наблюдениям, гораздо чаще прибегают к метакоммуникативным комментариям в зале суда для объяснения своих действий, в том числе и чаще всего речевых. Эти комментарии могут быть

совсем краткими, как в следующем примере. Судья, выслушав объяснения прокурора относительно происходящих экспертиз, благодарит ее, замечая, что теперь понял все гораздо лучше, чем раньше, и оговаривается, что он не критикует представителя защиты, который выступал до прокурора:

(65) PROSECUTION: *...Inquiries are still ongoing. Although it is not saved to the hard drive, there is a possibility that it may be saved in what is known as a virtual memory. My knowledge does not go beyond that.*

JUDGE: *I know. I have had cases at the Bar where it is amazing what they can retrieve out of the bin, one way and another. Thank you. I understand. I am not criticising Mr. Maher, but I now understand it a little more clearly than I did.* (Weddell 2007)

В принципе судья комментирует свои речевые действия (*I am not criticising – Я не критикую*), но очевидно, что целью этого комментария является демонстрация уважения к обеим сторонам, а значит, сохранение спокойной и конструктивной обстановки, отсутствие которой сильно осложняет проведение процесса.

Объяснение судьей своей позиции и своих действий способствует установлению если не кооперативных, то конструктивных отношений между сторонами, которые в этом случае доверяют судье как посреднику и справедливому рефери. В слушании о внесении залога за полицейского, подозреваемого в убийстве своей жены, судья сначала выслушивает сторону обвинения, описывающую обстоятельства преступления и констатирующую факт отсутствия психиатрической экспертизы. Последний факт практически решает вопрос для судьи, и он обращается к защите:

(66) JUDGE: *...But, until then, whatever you tell me - and I am not shutting the door on you, of course, but you have got to look at it from my point of view - I have got a man who appears to have stolen a cable from an interview room and concealed it round his ankle - a man in a position, without going into it, for whom a charge of this kind would be a nightmare scenario. That is your difficulty.*

DEFENCE: *I accept that, and I am grateful for your Honour's indication as to your provisional thoughts on the matter.* (Weddell 2007)

Говоря *I am not shutting the door on you* (*Я не захлопываю перед Вами дверь*), судья оставляет за адвокатом право выступить, но одновременно предлагает ему взглянуть на ситуацию со своей точки зрения – *you have got to look at it from my point of view* (*Вам придется посмотреть на это с моей точки зрения*). Он рассчитывает на понимание адвокатом его позиции и получает сигнал понимания (*Я согласен, я благодарен за то, что Ваша Честь указала на свои предварительные соображения по вопросу*). Фактически в данной ситуации судья побуждает адвоката понять и принять позицию обвинения, но делает это неявно, представляя от своего лица противоположную точку зрения. В то же время судья не хочет, чтобы адвокат думал, будто результат психиатрической экспертизы автоматически будет означать выпуск под залог. Он еще раз комментирует свою позицию (*Я не даю никаких обещаний; Я только говорю, что в данный момент это является препятствием*):

(67) *JUDGE: I am making no promises. I am merely saying that at the moment this is a hurdle which -- I mean, let us face it, Mr. Maher, being brutally realistic about it, as long as there is a prospect that if I was to grant him bail he might do something to himself, then where would we be? I mean, the question only needs to be asked at this stage in the light of, "What on earth was the Judge doing, absent a psychiatric report, granting this man bail where he appears to have taken steps to try to end his life?" Just imagine the headlines, if you like. Now, I do not judge cases based on potential headlines, but if there is a realistic risk of that scenario, then it would be folly for me to take it, would it not?*

DEFENCE: I understand that, your Honour. (Weddell 2007)

Аргументируя свою позицию, судья рисует гипотетическую ситуацию и газетные заголовки, если подозреваемый будет выпущен под залог и сведет счеты с жизнью. Судья, однако, заверяет адвоката, что он не принимает решений, ориентируясь на потенциальные заголовки, и вновь обращается к нему за поддержкой. Формально это выражено разделительным вопросом *would it not?*. И опять мы можем наблюдать положительный результат слов судьи: адвокат дает сигнал понимания (*Я понимаю это, Ваша Честь*). В ходе дальнейшего слушания судья неоднократно комментирует свои действия, подчеркивая, что не дает никаких обещаний и не принимает преждевременных решений:

(68) *JUDGE: I am not pre-judging the issue, and I am certainly not saying that if there is a favourable psychiatric report, he will get bail. (Weddell 2007)*

Судья заканчивает слушание предложением рассматривать дело шаг за шагом, выражая его перформативом *Я предлагаю*:

(69) *JUDGE: I am proposing to take this case , as it were, one step at a time. (Weddell 2007)*

Мы подробно рассмотрели ситуацию с заявлением о внесении залога, поскольку речевое поведение судьи в ней представляется нам ярким примером поведения судьи-рефери, стремящегося сгладить разногласия между сторонами там, где это можно, а в остальных ситуациях – всячески способствовать конструктивному судебному процессу. Объяснения судьей своих действий способствуют обстановке понимания, заметно облегчают ход процесса и создают у сторон впечатление мотивированности и законности принятых судьей решений;

8) авторизующие конструкции, применяемые для ввода чужой речи. Судебное разбирательство не является процессом абсолютно линейным. Несмотря на достаточно четкую регламентацию и определенный порядок речевых действий в зале суда, стремление судьи обеспечить динамичность процесса, участники судебного процесса вынуждены порой возвращаться к сказанному ранее ими самими или другими лицами, обсуждая уже не факты, а высказывания друг друга. Можно сказать, что цитирование является неотъемлемой частью любого судебного разбирательства. В этом отношении речь судьи не является исключением. Судья цитирует в той или иной форме показания участников процесса, причем цитируемым может быть как второе,

так и третье лицо. В любом случае судья указывает на источник приводимой информации, и с формальной точки зрения это указание может иметь вид

а) вводной конструкции, например *according to Mr Irving's argument* (как следует из утверждения мистера Ирвинга):

(70) JUDGE: *That was Hitler's preferred solution, as opposed to extermination, according to Mr Irving's argument. (Irving 2000);*

б) эмфатической структуры, например *what he said was* (что он сказал, так это):

(71) JUDGE: *No, I do not think that is quite right. I think what he said was that they say they do not need section 5, that is their primary position, but that if they do need it, then, indeed, they rely on it. (Irving 2000);*

Приведенный пример интересен тем, что в высказывании судьи содержится по сути двойное цитирование – ссылка на слова адвоката, который в свою очередь руководствуется заявлениями ответчиков;

в) части сложного предложения, например *Вы сказали, Вы говорили, you say that* (вы говорите, что):

(72) СВИДЕТЕЛЬ: *Вот. И так продолжалось вот эти два года, как я там учился, в этом колледже. Я учился там до 97 года. После 97 года я уже был отчислен.*

СУДЬЯ: *Нет, Вы сказали, Вы поступили в 97 году (Св.И. 2001);*

(73) JUDGE: *Can you just help me about this? You say that hard-pressed defence counsel conducted his cross-examination on her, implying she had not even been in Auschwitz. I have no recollection of seeing anything about that at all. Is that my memory playing me false? (Irving 2000);*

9) средства, способствующие **осуществлению планирования** действий в зале суда. Особенности судебного дискурса как дискурса институционального являются его плановость и четкое распределение речевых ролей. Сторонам известно заранее, с какими заявлениями им предстоит выступить и на какие ответить в ходе конкретного заседания. В то же время доля спонтанности обязательно присутствует в судебном дискурсе, и судья постоянно осуществляет текущее планирование. Как краткие реплики, так и целые фрагменты речи судьи посвящены планированию того, что будет происходить на заседании. Судья демонстрирует ожидания от участников процесса, а также сообщает о своих планах. Одно из заседаний русский судья начинает с сообщения о дальнейших действиях и некоторых изменениях в порядке слушания, связанных с отсутствием прокурора:

(74) СУДЬЯ: *Ну, давайте минут десять подождем, потому что... или мы... можем начать оглашение дела... (неразборчиво) Поэтому, поскольку задерживается прокурор, я думаю, не будет у него возражений, если мы огласим материалы дела. Пока начнем оглашать показания, показания свидетелей, и к этому времени как раз... Буренкова у нас не (неразборчиво) в прошлый раз. Значит, оглашаются свидетельские показания. Все, пожалуйста, да. (Св.И. 2001)*

Примером текущего планирования в ходе заседания может служить следующая краткая реплика судьи:

(75) СУДЬЯ: Я только сразу предупреждаю, потому что мы сейчас заканчиваем и сразу переходим к прениям. (Св.И. 2001)

Ярким примером комментария с функцией планирования дальнейших действий является следующий фрагмент, в котором судья обращается к присяжным:

(76) JUDGE: *Members of the jury, I am sorry you have been kept waiting. We have been discussing the future progress of this trial. I think it is appropriate now to give you some indication of how things are seen at the moment. We are now moving to the end of the prosecution case and in just a moment Dr. Grenville will be recalled to give further evidence-in-chief and he will then be cross-examined by Miss Davies and Mr. Winter on all the matters that he has given evidence about. It is anticipated that his evidence will finish today, probably sometime in the early afternoon rather than before lunch, but there is not that much of it to come.* (Shipman 1999)

По сути, все представленное высказывание носит метакоммуникативный характер: содержание дела не затрагивается, судья лишь планирует дальнейшие процессуальные действия и сообщает об этом присяжным, используя грамматические формы будущего времени.

Из примера (77) видно, что непосредственно перед началом финального заявления адвоката обвиняемой стороны судья сообщает о планируемом речевом поведении и последующих речевых действиях:

(77) JUDGE: *I will keep my mouth shut and I will not interrupt you, but there are points that I want to raise with you at the end of your statement.* (Irving 2000)

Подобные примеры встретились нам в русском материале:

(78) СУДЬЯ: Ну, рассказывайте нам все, пожалуйста. Я Вас прерывать не буду. (Св.И. 2001)

Судья ориентирует адвоката, чье выступление затянулось, на завершение речи:

(79) DEFENCE: *I am sorry, my Lord, I seem to have gone slightly longer than I had planned. I do not really have very much more. I am quite happy to conclude now or later as your Lordship pleases.*

JUDGE: *I think if you conclude now it would be very convenient.* (Sellafield 2006)

Намерения и планы судьи не остаются только лишь словами, непосредственно влияя на речевое поведение сторон, которые соотносят свои планы с намерениями судьи и вносят при необходимости коррективы в свои действия. Однако иногда и судья готов внести изменения в запланированные действия в соответствии с пожеланиями сторон. В примере (80) судья сообщает о своем намерении выслушать заявления обеих сторон согласно их письменным соответствиям, но готов к возражениям одной из сторон:

(80) JUDGE: *What I will do -- I know the Defendants are not very happy about this but I think I am going to do it anyway unless Mr Rampton wants to try and dissuade me – is to let you make your closing submissions along the lines of the written document. I am bound to say that I think a lot of it goes beyond what the evidence establishes, and also goes beyond what you are really entitled in any event to rely on by way of aggravated damages against the Defendants because, of course,*

you have to prove the Defendants' involvement in the conspiracy. But I am going to let you do it, unless Mr Rampton continue tries to dissuade me. (Irving 2000);

10) метакоммуникация с функцией **обобщения, подытоживания**. Такие средства могут использоваться судьей, чтобы подвести некоторые промежуточные итоги в ходе заседания, суммировать ряд фактов. В следующем примере судья маркирует дискурсивным словом *anyway* (*как бы там ни было/ так или иначе*) окончание обсуждения документов, задействованных в ходе процесса, и обобщает мнение истца по вопросу:

(81) JUDGE: Anyway, your position is you do not deny its authenticity, but you do say that the provenance is unsatisfactory. (Irving 2000)

Средства с функцией обобщения и подытоживания широко применяются судьями в окончательном документе, представляющем собой, по сути, результат всей деятельности судьи в ходе процесса. Мы имеем в виду приговор. Так, описание обстоятельств преступления и собранных доказательств обобщается в следующем предложении, начинающемся с метакоммуникативной конструкции:

(82) Исследовав и оценив в совокупности приведенные выше доказательства, суд считает, что вина подсудимого нашла свое подтверждение. (ПрТ 2009)

После анализа преступления и квалификации его по статье УК РФ следует вывод о возможном наказании:

(83) С учетом изложенного, конкретных обстоятельств и степени общественной опасности совершенного преступления, суд считает, что достижению целей наказания преступления может способствовать лишь наказание в виде лишения свободы. (ПрМ 2009)

Жанр приговора как итоговый жанр в речи судьи, в котором сконцентрированы все результаты деятельности сторон и судьи на процессе, будет подробно рассмотрен нами в главе 3 настоящего исследования.

Представленный нами список выделенных в зависимости от функции метакоммуникативных средств в речи судьи не является абсолютно исчерпывающим. Описанные нами метакоммуникативные средства включают прежде всего те, посредством которых судья реализует себя в роли рефери, регулирующего ход судебного процесса и гарантирующего равноправие сторон.

Перечисленные функции редко реализуются в дискурсе изолированно. Именно благодаря различным комбинациям метакоммуникативных средств дискурс судьи становится емким и многофункциональным. Рассмотрим примеры комбинаций различных средств и функций в пределах одного высказывания.

*(84) СУДЬЯ: Прошу перечислить мне, анализ, естественно, ваше право...
ПРОКУРОР: Если...*

СУДЬЯ: Будьте добры, дайте я закончу. Я прошу перечислить. Анализ вы можете делать, как в прениях в начале, так и в своем заключении, ваше право. Сейчас я поэтому сказала, мне достаточно только перечислить один, два,

три, четыре... А анализ вы можете или в начале прений, или в своем заключении. (Св.И. 2001)

В последней реплике судья реагирует на перебив сигналом об обратной мене ролей (*дайте я закончу*), а затем планирует дальнейшие речевые действия прокурора, регламентируя количество речи (*мне достаточно*).

В примере высказывания английского судьи функция проверки понимания (*as I understand it; my understanding is that – как я понимаю; я так понимаю, что*) сочетается с функцией контроля количества речи (*do not let us talk over each other too much - и давайте не будем на этом задерживаться слишком долго*):

(85) JUDGE: *As I understand it, and do not let us talk over each other too much, my understanding is that first time around the wrong file number was given, but then later the correct file number is thought to have been discovered, which then prompted Dr Longerich to write to or to fax Dr Aaron Reich, asking if he could say what the other documents in this file are. (Irving 2000)*

В следующем высказывании судьи использованы практически все выделенные нами типы метакоммуникативных средств:

(86) JUDGE: *Mr Irving, I am just wondering, and I am sorry to interrupt you and I am not going to stop you at all, but reading on to about page 54, you describe, do you not, the continuation of what you see as being this really worldwide attempt to close you down as an historian and attacks on your house and pressure of various kinds being brought to bear all over the world. I just wonder whether there is any particular benefit -- tell me if you there is -- in reading out the next seven or so pages? If there is any particular point you want to make, do, but I feel myself we could probably move on to the middle of page 54. (Irving 2000)*

В представленном фрагменте судья только вскользь упоминает суть вопроса – дискредитацию истца как историка, а большая часть высказывания представляет собой метакоммуникативное оформление:

- привлечение внимания: *Mr Irving, I am just wondering; I just wonder (Мистер Ирвинг, я просто интересуюсь; Я просто хотел бы знать)*;
- мена ролей: *I am sorry to interrupt you (Прошу прощения, что прерываю вас)*;
- контроль количества речи (санкционирование) плюс планирование: *I am not going to stop you at all (Я вовсе не собираюсь вас останавливать)*;
- цитирование: *you describe... (вы описываете...)*;
- проверка понимания: *do you not (разве не так/ не так ли)*;
- контроль качества речи: *whether there is any particular benefit; if there is any particular point (есть ли особый смысл; есть ли что-то конкретное)*;
- контроль количества речи (ограничение): *We could probably move to the middle of page 54 (Мы, возможно, могли бы перейти к середине страницы 54)*.

Метакоммуникативное оформление сути вопроса прослеживается не только в отдельно взятых высказываниях судьи. Целые фрагменты диалогической коммуникации в зале суда, сопряженные с неоднократной меной

ролей, представляются нам тем не менее единым целым именно в силу связности, которая обеспечивается метакоммуникативной рамкой. По нашему мнению, можно говорить о своего рода сценариях, которые выстраиваются, главным образом, судьей и которым следуют другие участники судебной коммуникации. Было бы неверно утверждать, что эти сценарии носят абсолютно фиксированный характер. Тем не менее проследить некоторые общие принципы построения судебной коммуникации на примере этих сценариев можно. Важно подчеркнуть, что возможность наполнения сценария как русским, так и английским дискурсом указывает на существование общих закономерностей построения коммуникации в русском и английском судах. Рассмотрим примеры. В сценариях представлена метакоммуникативная рамка в речи судьи, а вербальная реакция других участников судебного процесса обозначена знаком «плюс».

Схема 2 «Метакоммуникативный сценарий 1»

№	Метакоммуникативная функция	Английский дискурс	Перевод	Русский дискурс
1	Привлечение внимания, начало ввода новой темы, комментирование своих речевых действий	<i>Mr Rampton, can I raise with you now the points I think I need to clarify?</i>	<i>Мистер Рэмpton, могу я теперь обсудить с вами те пункты, которые, по-моему, мне необходимо прояснить?</i>	<i>Скажите, пожалуйста... Я так задам вопрос...?</i>
↓ Адвокат/ Свидетель: +				
2	Контроль количества речи, ввод темы	<i>I do not think it will take very long. There is just one point... it relates to...</i>	<i>Я не думаю, что это займет много времени. Есть только один пункт... Он касается...</i>	<i>Вот, расскажите, что за...?</i>
↓ Адвокат/ Свидетель: +				
3	Цитирование, контроль понимания	<i>The point you are making is that... Am I right in thinking...?</i>	<i>Вы утверждаете, что... Прав ли я, когда думаю, что...?</i>	<i>Ну, ...это Вы говорили.</i>

↓ Адвокат/ Свидетель: + ↓				
4	Контроль понимания	<i>Thank you very much. I did not know that. You have given me the reference, so that has dealt with that.</i>	<i>Большое спасибо. Я этого не знал. Вы мне дали ссылку, так что вопрос закрыт/ с этим закончили.</i>	..., да?
↓ Свидетель: + ↓				
5	Контроль понимания, мена ролей			<i>Понятно. Есть вопросы? Пожалуйста, прокурор.</i>

В данных фрагментах достаточно четко прослеживается развитие темы, начиная с ее введения, включая контроль ее объема, уточнение некоторых пунктов и заканчивая подведением итога.

В представленном сценарии 2 отражен фрагмент заседания, связанный, главным образом, с планированием последующих речевых действий. Поэтому в речи судьи активно задействованы средства контроля качества и количества планируемого дискурса. Планируя собственную речь, а именно судебное решение, которое он должен будет вскоре зачитать, судья обсуждает его объем и беспокоится о его качестве. Одновременно судья сужает круг обсуждаемых проблем. Обобщение-заключение, как и в сценарии 1, вводится обобщающим *so (итак)*.

Схема 3 «Метакоммуникативный сценарий 2»

№	Метакоммуникативная функция	Английский дискурс	Перевод
1	Ввод новой темы, комментирование собственных речевых действий	<i>The next broad question is this. I am really asking for perhaps a little bit assistance in this. It is...</i>	<i>Следующий обширный вопрос таков. Я действительно прошу немного помочь мне с этим. Это...</i>
↓ Адвокат: +			

↓			
2	Самоконтроль количества речи, контроль качества речи, планирование речевых действий	<i>The slight problem I have with this way of dealing with it is that one has to try to confine the judgment within some sort reasonable bounds -- it is going to be horrifically long anyway -- and I do not think it is feasible to even begin to try to incorporate all those references. It would just overload it.</i>	<i>Небольшая проблема с тем, как мне поступить, состоит в том, что приходится стараться соблюдать разумные границы судебного решения – оно и так будет ужасно долгим – и мне не кажется осуществимым даже пытаться вставить все эти ссылки. Это бы его просто перегрузило.</i>
↓ Адвокат: + ↓			
3	Контроль понимания, планирование речевых действий с точки зрения качества и количества	<i>Yes, but I think the problem is what I would really ideally want to aim at myself in order to give anyone reading the judgment a sufficient but not overextended view of what the documents show to have happened is something in between the two.</i>	<i>Да, но я думаю, что проблема в том, на что же я сам в идеале должен направить свои усилия, чтобы дать любому читающему судебное решение достаточно полный, но не растянутый обзор того, что произошло, согласно документам: что-то между первым и вторым</i>
↓ Адвокат: + ↓			
4	Контроль качества речевых действий	<i>I think that is probably right. Really in a way it perhaps will highlight the most significant documents. I think it is right, I mean, as</i>	<i>Я думаю, возможно, это так. Действительно, в какой-то мере это, возможно, высветит самые важные документы. Я думаю, это правильно, я имею</i>

		<i>you realise, I have been trying to sort of keep a tag on what the evidence has revealed as it has gone on, so I think I have quite a lot of them, but I suspect I am missing some of the important ones and I would like to -- --</i>	<i>в виду, как вы понимаете, я стараюсь не упускать из виду то, что обнаружили свидетельства, и мне кажется, у меня много всего, но я подозреваю, что кое-что я упустил и хотел бы----</i>
↓ Адвокат: + ↓			
5	Контроль количества и качества речевых действий	<i>Can I invite you to do that? Not at enormous length, but I think it would be helpful.</i>	<i>Могу я попросить вас сделать это? Не слишком длинно, но я думаю, это бы помогло.</i>
↓ Адвокат: + ↓			
6	Контроль качества, контроль понимания	<i>...and that is not really much of an issue now, as I understand Mr Irving's case.</i>	<i>...и этот вопрос в действительности сейчас не так важен, согласно моему пониманию дела мистера Ирвинга.</i>
↓ Адвокат: + ↓			
7	Обобщение	<i>So that is the thing to concentrate on...</i>	<i>Таким образом, это то, на чем надо сконцентрироваться...</i>

Фрагменты, подобные представленным схематично, кажутся нам завершенными, так как имеют обозначенные метакоммуникативными средствами начало и конец. Несмотря на это они не являются изолированными друг от друга в потоке судебного дискурса. В ряде случаев окончание одного фрагмента влечет за собой начало другого, и этот переход находит выражение в речи судьи. В следующем примере судья задает вопрос, оформляя его метакоммуникативным комментарием, после ответов свидетелей дважды сигнализирует о понимании повторами (*такого нет; все, нет*), ограничивая

количество речи свидетеля, и затем вводит новую подтему, цитируя слова свидетеля (*скажите, пожалуйста*):

(87) СУДЬЯ: Я вот вам и задаю конкретный вопрос: есть такие ваши знакомые, которых вы встречали, которые потом эту веру приняли и на сегодня являются Свидетелем Иеговы?

СВИДЕТЕЛЬ: *Нет таких знакомых.*

СУДЬЯ: Такого нет.

СВИДЕТЕЛЬ: *Может быть, после, уже... Но от моих бесед нет.*

СУДЬЯ: Все, нет. Скажите, пожалуйста, вы мне объясните - "я понял, что ошибался", а что вы поняли? (Св.И. 2001)

Английский судья указывает на следственную связь между разными аспектами дела:

(88) JUDGE: *Well, that raises the last question that I wanted to canvass with you. (Irving 2000)*

Связь между отдельными фрагментами судебного дискурса, осуществляемая посредством метакоммуникативных средств в речи судьи, делает дискурс более упорядоченным и логичным.

Таким образом, метакоммуникация в речи русских и английских судей играет большую роль в организации судебного процесса. Большой объем метакоммуникативных актов и структур объясняется их высокой функциональностью. Главным образом через метакоммуникативные средства судьи реализуют свою власть и осуществляют контроль в зале суда, управляя действиями участников процесса и комментируя свои действия. Содержательная часть процесса, обсуждение правонарушения оказываются оформленными метакоммуникативной рамкой, и целые фрагменты судебной коммуникации являются, по сути, метакоммуникацией, в которой ведущую роль играет судья. Прибегая к метакоммуникации, судья контролирует судебный процесс как институционально регламентированное действие, развивая самое важное, уточняя неясное, обобщая сказанное и планируя будущие речевые действия в соответствии с процессуальными нормами и своими собственными представлениями о правильном ходе процесса.

С точки зрения языкового воплощения, метакоммуникация представлена широким спектром языковых средств – от отдельных слов и вводных конструкций до целых фрагментов дискурса, состоящих из нескольких предложений. Различные по функции и языковому воплощению метакоммуникативные средства могут комбинироваться в одном высказывании, делая дискурс судьи емким и многофункциональным.

Нам представляется, что именно посредством метакоммуникации судья ярко проявляет себя в роли независимого рефери, способного организовать процесс и создать условия для состязания сторон.

2.4 Судья как участник драматического действия

Помимо того, что судья – фигура официальная, наделенная рядом вполне определенных полномочий, это еще и фигура в некотором роде

драматическая, театральная. Исследователи отмечают ритуальный характер судебного процесса и нередко сравнивают его с театральным и даже цирковым представлением [McKenna, 1982; Uelmen, 1996; Kadri, 2006; Александров, 2006; Пахалов, 2007]. П. Девлин пишет о том, что английский судья получает представление о картине преступления благодаря тому, что вся история разыгрывается перед ним [Devlin, 1981, p. 63]. Действительно, история преступления предстает перед судьей в разных ракурсах из уст разных участников процесса. Но театральность процесса состоит, как нам кажется, не только в этом. Судья сам является участником драматического действия, разворачивающегося в зале суда, и далее мы рассмотрим, какова его роль в организации этого действия.

Создание успешного драматического действия происходит за счет комбинации вербального и невербального компонентов коммуникации. Дж. Гиббонс указывает на то, что судебная коммуникация включает невербальные семиотические системы и лингвистический аспект [Gibbons, 2005, p. 9]. Нам представляется необходимым рассмотреть оба компонента, поскольку на практике они составляют единое целое и играют одинаково важную роль в создании эффекта театральности.

2.4.1 Невербальный компонент как средство организации драматического действия

В рамках невербального компонента мы выделяем три составляющие: 1) общая обстановка в суде, 2) одежда участников процесса, 3) особенности невербального поведения участников процесса.

По словам зарубежных исследователей, уже сам вид и расположение здания суда, а также способ физического доступа к месту правосудия свидетельствует о том, что это ритуализированное пространство [Gibbons, 2005, p. 79]. Наш собственный опыт посещения судебных заседаний в России и Англии подтверждает такие наблюдения. К примеру, при входе в Центральный Уголовный Суд в Лондоне вы должны позвонить в звонок на двери. Тогда охрана откроет дверь, и после тщательного досмотра и прохождения через «рамку» вы будете допущены на места для посетителей (public galleries). В русском суде вам не придется звонить – дверь открыта. Но и здесь вас встретят «рамкой» и личным досмотром. Кроме того, в отличие от суда английского, вам придется предъявить документы и объяснить, куда и к кому вы идете. Самые пытливые охранники даже выясняют время начала судебного заседания, на котором вы собираетесь присутствовать. В английском суде вы можете вздохнуть с облегчением, пройдя в здание, поскольку вы больше никого не интересуете и вольны занять место посетителя на любой галерее. В русских судах вам наверняка зададут вопросы в зале суда, выясняя, кто вы и зачем пришли. Во всяком случае именно таков наш опыт. Мы объясняем повышенное внимание и настороженное отношение к посетителям в русском суде двумя факторами. Во-первых, русские суды меньше по размеру, и присутствие посторонних людей более очевидно. Во-вторых, и это самое главное, у

отечественных судей нет привычки вести действительно открытые процессы, тогда как в Англии на местах для посетителей всегда можно увидеть несколько студентов-юристов и других посторонних. Таким образом, несмотря на декларируемую в обеих странах открытость судопроизводства, безусловно, существуют внешние признаки, указывающие на дистанцию между повседневной жизнью и правосудием как особым миром.

Внутреннее устройство залов суда также способствует созданию атмосферы ритуализированного пространства. «...Интерьер в залах суда в системах с Общим Правом остается последовательно и намеренно впечатляющим, более высокое социальное положение судьи находит отражение в ее/его физическом положении на возвышении», – отмечает Дж. Гиббонс [Ibid. P. 80]. Стол судьи находится на возвышении и в отечественных судах. Другим атрибутом важности происходящего представляется стул или кресло с высокой спинкой для судьи, напоминающие трон. Старинная мебель выполняет такую же функцию в английских судах. В отечественных залах суда обязательно установлен флаг Российской Федерации, поскольку судьи действуют и принимают решения от имени РФ. Все перечисленные внешние атрибуты являются атрибутами судебной власти и непременными «декорациями» судебного процесса, необходимыми для его осуществления.

Говоря о театральности судебного процесса, нельзя оставить без внимания внешний вид судей. И в отечественном, и в английских судах судьи облачаются в мантии, причем в английских судах цвет и фасон одеяния зависит от типа суда. Кроме того, английские судьи надевают парики. Относительно ношения мантий и париков существуют противоположные мнения. Об особой функции судейской мантии и ее положительном влиянии на ход судебного процесса пишет А.Ф. Изварина: «Судейская мантия – символ правосудия. Она дисциплинирует всех присутствующих в зале, в том числе и самого судью, вызывает почтение. Поскольку олицетворяет судебную власть, усиливает официальность атмосферы в ходе судебного заседания, снимает вольные реплики, неуместные шутки» [Изварина, 2005, с. 41]. Отечественный Закон о статусе судей в РФ безусловно требует: «При осуществлении правосудия судьи облачаются в мантию» [Закон о статусе судей, 2008].

В Англии, где ношение судейской мантии давно стало традицией, есть и сторонники отмены мантии. Так, Д. Пэнник, адвокат и автор книги об английских судьях, с уверенностью заявляет об отрицательном эффекте традиционного судейского наряда: «Во-первых, парик и мантия изолируют судей от тяжущихся, ложным образом представляя, что закон – это нечто мистическое, чего не могут понять люди, не получившие соответствующей подготовки» [Pannick, 1987, p. 143]. Для нас, однако, больший интерес представляет второе из названных автором работы отрицательных воздействий судейского наряда на взаимодействие судьи и обывателя: «Во-вторых, судейское одеяние тормозит работу суда, стесняя свидетелей и заставляя их колебаться при даче показаний в необычной, театральной атмосфере суда <...> Парики и мантии <...> дают знать посторонним (да и своим), что судьи не просто обычные люди, чье поведение и чьи высказывания можно подвергнуть

оценке и критике по самым обычным стандартам. Защитные одежды судьи сдерживают даже самую настойчивую критику <...> Судейское платье, таким образом, является преградой к общению с публикой, которой суд призван служить. Едва ли удивительно, что судей неправильно понимают, несправедливо критикуют и незаслуженно хвалят, ведь рабочая одежда служит щитом и маскировкой их профессиональных качеств и выполнения обязанностей» [Ibid. P. 143–144]. В число своих сторонников Д. Пэнник включает многих английских и американских судей, которые убеждены, что особая одежда не является обязательным условием для осуществления правосудия.

Согласно другой точке зрения, платье английских судей выполняет вполне определенную функцию, которая заключается в том, чтобы подчеркнуть формальность и важность обстоятельств, усилить концентрацию внимания присутствующих на сути дела, в том числе за счет сглаживания возрастных, половых и внешних характеристик судьи [Ibid. P. 144]. Впрочем, при более подробном рассмотрении оказывается, что не все судьи, не во всех судах и далеко не во всех случаях обязаны носить мантии, которые часто являются объектом насмешек, и парики, которые, по едкому замечанию Д. Пэнника, вызывают зуд головы [Ibid. P. 147].

Очень умеренной точки зрения на ношение парика придерживается авторитетный судья, занимавший в 2006-2008гг. пост Лорда Главного Судьи Англии и Уэльса, Лорд Филипс Ворт Матраверс. В своем интервью на вопрос журналиста о необходимости ношения парика он ответил: «Мой взгляд, я думаю, хорошо известен. Я не думаю, что необходимо носить парики судьям, разрешающим гражданские споры. Мне кажется, это что-то вроде анахронизма. Что касается ношения париков в уголовных судах, то приводятся разные аргументы, потому что парики придают определенную степень важности и определенную степень весомости тем, кто принимает участие в уголовном процессе. Это весьма полезно. Если вы адвокат или судья и покидаете суд, то, возможно, на выходе вы столкнетесь со свидетелем или даже обвиняемым, если он не в заключении, и они не узнают вас. И это не так уж плохо» (*Lord Chief Justice 2006*).

Особую функцию в организации судебной драмы выполняют собственно невербальные действия участников процесса. В руководстве для начинающих адвокатов К. Эванс рекомендует: «Начните с такой мысли: суд обладает авторитетом и властью. Состоит ли суд из одного человека <...> или из нескольких.., этот один судья или группа судей <...> представляют абсолютный авторитет в данном суде. И такой авторитет требует внешнего проявления уважения от тех, кто предстает перед ним <...> Это означает, что часть вашего сознания должна быть всегда озабочена тем, чтобы поддерживать внешние проявления уважения» [Evans, 1995, p. 7]. Внешние проявления статусных различий и уважения к судье включают, во-первых, строго регламентированное расположение участников процесса, которые не могут произвольно передвигаться по залу заседаний и обязаны соблюдать дистанцию между собой и судьей. Нарушение этого правила может вызвать недовольство

судьи и даже привести к конфликту. Пример такого конфликта встретился нам в русском материале:

(89) СУДЬЯ: ...Прокурор, встаньте на место.

ПРОКУРОР: Я на месте стою.

СУДЬЯ: Не надо так близко подходить к суду.

ПРОКУРОР: Я не кусаюсь, Ваша честь.

СУДЬЯ: Я понимаю, что Вы не кусаетесь. Это просто по форме неправильно.

ПРОКУРОР: А что форма есть?

СУДЬЯ: Да, конечно. У Вас стол есть.

ПРОКУРОР: Мне неудобно стоять за столом.

СУДЬЯ: Будьте добры, встаньте за стол. Давайте подвинем, если Вам неудобно. Так не стоят к суду. Когда я Вас прошу подойти... Так, хорошо. (Св.И. 2001)

Конфликт, как видно из примера, развивается из-за неправильной реакции прокурора на замечание судьи. Вместо того чтобы извиниться и занять место за своим столом, прокурор настойчиво в четырех репликах противоречит судье, причем в достаточно резкой форме (*я не кусаюсь*). Судья в ответ последовательно проводит свою линию, настаивая на том, чтобы прокурор занял положенное место, и ссылаясь на существующие правила (*это по форме неправильно, так не стоят к суду*). Конфликт разрешается предложением судьи подвинуть стол прокурора, и окончание ситуации маркировано репликой судьи (*так, хорошо*). Не делая широких обобщений, отметим, что в данной ситуации судья ведет себя весьма сдержанно, учитывая не соответствующее судебному этикету поведение прокурора. Интересно, что ситуация получает продолжение через некоторое время:

(90) СУДЬЯ: Товарищ прокурор, встаньте, пожалуйста, за стол. Я Вам делаю замечание. Мы запишем в протокол. Не надо подходить так близко к суду.

ПРОКУРОР: Я делаю так, как мне удобно.

СУДЬЯ: Я Вас прошу, встаньте за стол прокурора, там, где Вы сидите с начала судебного процесса, такова судебная процедура. (Св.И. 2001)

Во второй раз судья уже грозит записью в протокол и вновь ссылается на определенный процессуальный порядок, который прокурор нарушает.

Замечания судьи о неправильном невербальном поведении могут быть адресованы свидетелям, которые в ходе допроса следуют житейской логике и поворачиваются к ведущему допрос, а не к судье, как этого требует судебный этикет:

(91) СУДЬЯ: К суду повернитесь, к суду. (Св.И. 2001)

Театральность английского процесса наглядно предстает в подробных инструкциях, адресованных студентам-юристам и написанных с юмором, где сообщается о совершении необходимых невербальных действий в суде: «Когда судья входит в зал, клерк, если таковой присутствует, скажет: ‘Court rise’ (Всем встать), после чего вы должны встать. Судья кивнет вам. Вы должны то же сделать в ответ. (Небольшого кивка достаточно, нет необходимости биться о

пол!) Вам следует стоять до тех пор, пока судья не сядет. Когда он сел, вы можете сделать то же самое. Затем главный адвокат апеллирующего готовится к произнесению речи, но не начинает до тех пор, пока судья не даст знак, что он готов» [Law Society, 2003]. Весьма любопытен тот факт, что невыполнение соответствующих невербальных действий участниками процесса непосредственно влияет на восприятие судьей их речи. В том же руководстве для студентов-адвокатов читаем: «Вам следует помнить, что суд ‘глух’, пока вы не встанете! Если вы пытаетесь привести свои аргументы, не вставая с места, судья может произнести что-то вроде ‘Я вас не слышу, мистер Х!’» [Law Society, 2003]. Подобная ситуация и в отечественных судах, где секретарь суда входит в зал заседания первым и объявляет: «Прошу всех встать», после чего все присутствующие встают и могут сесть только после того, как судья занял свое место. Обращаясь к судье, участники процесса встают, и только судья может позволить отступление от правил. В примере (92) судья разрешает прокурору выступать в прениях сидя:

(92) СУДЬЯ: У Вас дело большое. Я Вам разрешаю сидя.

ПРОКУРОР: Да нет. Спасибо. (РЗ 3/2008)

Несмотря на разрешение судьи, прокурор выступала стоя в течение трех часов, после чего был объявлен перерыв.

Невербальное взаимодействие между участниками процесса и судьей строится в том числе при помощи визуального контакта. Участники процесса не только подчиняются словесным распоряжениям судьи, но и следят за его внешней реакцией на свои выступления. Одна из рекомендаций адвокатам звучит следующим образом: «Старайтесь держать визуальный контакт с судьей, когда это возможно. Таким образом вы сможете определить, кивает ли судья в знак согласия, скучает ли он либо равнодушен к вашим словам. В этом случае лучше перейти к следующей части ваших аргументов. Сохранение визуального контакта с судьей также позволит вам увидеть, когда он пишет. Удостоверьтесь, что у судьи есть время понять и рассмотреть все ваши положения. Поэтому обычно, если судья делает заметки, вам следует сделать паузу на мгновение и подождать, когда он будет снова готов слушать вас должным образом» [Law Society, 2003].

Подтверждением того, что данные инструкции не остаются на бумаге, а получают реальное воплощение в зале суда, служат примеры из стенограмм судебных заседаний. По следующему высказыванию истца видно, что он следит за реакцией судьи на свои слова и прерывается в тот момент, когда ему кажется, что у судьи есть замечание. По всей видимости, судья жестом дает понять, что никаких замечаний у него нет, и истец продолжает.

(93) CLAIMANT: Would it be reasonable -- your Lordship wished to say something, no -- to say that, in view of his special position within this prison camp, he was given special favours by the British, whether they be in the form of payment or accommodation or clothing or food or money? (Irving 2000)

Приведем еще один пример. В этой ситуации истец хочет использовать якобы замеченную им негативную реакцию судьи на слова свидетеля в собственных манипуляторских интересах, для подкрепления своей точки

зрения. Судья отрицает тот факт, что он хмурился, и истец вынужден извиниться.

(94) CLAIMANT: *I can see his Lordship frowning and I think the whole court is inwardly frowning about this rather improbable story, implausible idea.*

JUDGE: *Well, just for the record and for the transcript, I did not frown.*

CLAIMANT: *I am sorry, my Lord. (Irving 2000)*

Несмотря на то, что задуманный истцом прием манипуляции не удался, данный пример еще раз иллюстрирует внимание участников процесса к невербальной стороне коммуникации, составляющей ритуальную часть процесса.

2.4.2 Вербальный компонент судебной драмы

Невербальные действия участников процесса, регламентированные существующими традициями и нормативными актами, могут быть эффективно использованы для создания ритуальной стороны судебного процесса только в сочетании с соответствующими речевыми действиями участников процесса. Речевые действия в суде имеют несколько характеристик, актуализирующих судебный процесс как драму: 1) формальность, 2) вежливость, 3) экспрессивность. Может показаться, что формальность и вежливость судебного дискурса плохо сочетаются с экспрессивностью, однако далее мы покажем, что такое сочетание возможно и что все три указанные характеристики являются взаимодополняющими.

Формальность судебного дискурса проявляется прежде всего в фиксированной **системе обращений**. Согласно ст.158 Гражданского процессуального кодекса РФ, участники процесса обращаются к судьям со словами «Уважаемый суд» [Гражданский процессуальный кодекс, 2008, с. 73], а ст.257 Уголовно-процессуального кодекса требует от участников уголовного процесса обращения к суду «Уважаемый суд», а к судье – «Ваша Честь» [Уголовно-процессуальный кодекс, 2008, с. 148]. Система обращений в английских судах более развернутая, обращение к судье зависит от занимаемой им должности, пола и ситуации, в которой употребляется обращение. «Как правило, к судье принято обращаться *My Lord или My Lady (Моя Светлость)* или, если вы просто упоминаете судью, *Your Lordship или Your Ladyship (Ваша Светлость)*», – читаем в руководстве для начинающих адвокатов. – «Если на судейской скамье заседают и мужчины, и женщины, тогда правильным обращением будет *Your Lordships (Ваши Светлости)*, нет необходимости говорить *Your Lordships and your Ladyship. Your Honour (Ваша Честь)* – это правильное обращение к окружному судье, а *Your Worship (Ваша Милость)* – к магистрату... Если вы ссылаетесь на судью более низкого ранга..., будет вежливо назвать его *The learned Judge (Ученый Судья)*. Если вы ссылаетесь на судью, которого повысили с тех пор, как он представлял данное решение, вы должны сказать *Lord Justice Goff as he then was (Лорд Судья Гофф, каковым он являлся на тот момент)*» [Law Society, 2003]. Авторы руководства объясняют все сложности системы обращений и их некоторую архаичность исторической

традицией и формальной обстановкой общения, для которых характерна высокая степень вежливости.

Некоторые лингвистические тонкости употребления различных обращений к английским судьям, в частности правильное использование вокатива, разъясняются в пособии для молодых юристов [Evans, 1995, p. 10–15]. Однако, чтобы в полной мере представить сложность и важность системы обращений в Англии, в том числе к судьям, мы только упомянем о существовании английского справочника «Титулы и формы обращения: руководство по правильному использованию», объем которого составлял в 1964 году 164 страницы [Titles, 1964]. Книга пережила 22 переиздания, и современный ее вариант насчитывает уже 240 страниц [Titles, 2009].

По нашему мнению, более сложная система обращений к судьям в Англии свидетельствует о более ярко выраженном театральном элементе и большей ритуализованности английских процессов. Об устоявшихся традициях свидетельствует и тот факт, что английские судьи в свою очередь также твердо придерживаются правил обращения к участникам процесса, используя формы *Mr* и *Miss/Mrs*. Отечественные судьи, согласно правилам судебного этикета, должны обращаться к участникам процесса, используя обращения-индексы: прокурор, свидетель, обвиняемый и т.д. Однако, как замечает О.В. Красовская, в речи судей широко распространены «фамильные» наименования сторон, окрашенные негативно регулятивы [Красовская, 2008, с. 94]. Мы согласны, что обращения по фамилии и имени-отчеству действительно широко используются русскими судьями. Что касается регулятивов, то нам встретились единичные примеры.

Отметим частое использование в речи одного из отечественных судей обращения *уважаемый*, которое, однако, в контексте производит впечатление агрессивного отношения говорящего к адресату:

(95) СУДЬЯ: Уважаемый прокурор, мне придется вам напомнить, что тогда до допроса данного свидетеля Кондратьева нужно было сначала попросить суд, чтобы данный документ до допроса Кондратьева был исследован всеми. Вы ссылаетесь на экспертное заключение. Дайте его на стол сначала, после этого мы решим. (Св.И. 1999)

В сочетании с резким замечанием и невежливой императивной формой (*дайте сначала*) вежливое обращение *уважаемый прокурор* производит обратный эффект.

Сложная система обращений участников процесса друг к другу – это только самое очевидное проявление формальности судебного дискурса. Обращения можно назвать верхушкой айсберга, поскольку высокая степень формальности судебной коммуникации, в том числе речи судей, достигается за счет использования готовых речевых формул, специфической лексики и грамматических конструкций, сложного синтаксиса. Все эти средства в совокупности образуют формальную сторону языка права, которая имеет и функциональное наполнение. По словам американского исследователя Д. Мельникофф, формальная сторона языка права является выражением власти и должна вызывать у читателя или слушателя уважение к закону. Язык закона

изначально был придуман, чтобы производить впечатление на обывателя, и это всегда оставалось одной из его функций, хотя способы достижения цели менялись со временем [Melnikoff, 1963, p. 446].

Готовые речевые формулы используются судьями в повторяющихся типичных ситуациях, возникающих в ходе процесса. Чтобы дать рекомендации относительно процессуальных норм, английскими судьями используются пассивные конструкции: *It is not normal practice for the addresses of witnesses to be disclosed, It is anticipated that.., It is not usually done by the witness*. Пассивная конструкция также применяется в указании привести присяжных: *Let the jury be brought back in*.

Стандартные конструкции используются русскими судьями для сообщения о совершаемых действиях: *Продолжается судебное заседание, Оглашается определение*. В последней речевой формуле отметим не только пассивную конструкцию, но и особенности лексики: устаревшее и используемое только в судебной сфере *оглашается* и юридический термин *определение*.

Отдавая распоряжение, английские судьи используют перформатив *I direct: I direct that a transcript of my sentencing remarks and these remarks to you are to be prepared*. В подобных ситуациях русские судьи сообщают о своих действиях отвлеченно, используя номинацию «суд»: *Суд приобщает данный документ, Суд этот вопрос обсуждал, и суд повторно отклоняет*.

Ссылаясь на некоторую информацию при вынесении решения, русские и английские судьи используют синонимические конструкции *с учетом изложенного, исследовав и оценив в совокупности, for reasons already discussed*.

Английские судьи традиционно просят участников процесса сделать паузу посредством формулировок *Just pausing a moment, Pause here*.

Стандартные речевые формулы используются в русском и английском судах для открытия и закрытия судебного заседания, в том числе с использованием перформативных и пассивных конструкций: *Судебное заседание объявляю открытым. Рассматривается дело в отношении М. и С.; Объявляется перерыв для подготовки к прениям; Members of the jury, we will break off now and resume again at 10.30 tomorrow morning*.

Посредством стандартных речевых актов судья предоставляет слово участникам процесса: *Слово предоставляется государственному обвинению для оглашения обвинительного заключения; Допрашивается по делу в качестве свидетеля. Суд Вас предупреждает, что Вы несете уголовную ответственность за дачу ложных показаний. Суду должны говорить правду... Подойдите к секретарю, распишитесь, что Вы предупреждены*. Стандартные речевые формулы допускают определенное грамматическое и лексическое варьирование, например использование местоимения 1 л. ед.ч. вместо обобщенного *суд*, лексемы *рассказывать* вместо *говорить*: *Я Вас предупреждаю об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, то есть Вы должны рассказывать правду*. Однако в той или иной форме предупреждение должно прозвучать, поскольку без такого предупреждения со стороны судьи и расписки, взятой у свидетеля, допрос не может начаться.

Обязательным элементом отечественного судебного заседания, предваряющим допрос, является разъяснение участникам процесса их прав. На исключительно ритуальный характер этого элемента и его крайне низкую действенность указывает О.В. Красовская: «Судьи скороговоркой произносят заученный наизусть текст (или даже зачитывают соответствующие статьи из ГПК). На «контролирующие» реплики судей, которые завершают перечисление процессуальных прав стороны чаще всего реагируют молчанием. Участники, хорошо знающие судебный процесс, в таком разъяснении не нуждаются. Лица, не имеющие какого бы то ни было процессуального опыта, при скороговорочном предъявлении не в состоянии их осмыслить, усвоить и тем более использовать» [Красовская, 2008, с. 30]. Мы согласимся с мнением исследовательницы и добавим, что порой судьи перечисляют не все права участников процесса. По какому принципу производится в данных случаях отбор, сказать сложно.

Другой ритуальный элемент, отмеченный в работе О.В. Красовской, это ритуал обсуждения всех просьб, с которыми процессуальные участники обращаются к суду [Красовская, 2008, с. 31]. Этот ритуал соблюдается, по нашим наблюдениям, в русском и английском судах:

(96) АДВОКАТ: Ваша честь, я прошу приобщить к материалам дела дополнение к нашим возражениям и, собственно, в письменном виде изложено то, что мы представляем в качестве аргумента против заключения 4-х экспертов. Это суду и также представителю прокуратуры, пожалуйста, передайте.

СУДЬЯ: Так, нет возражений, да? Приобщаем. (Св.И. 2001)

Английский судья, разрешая свидетелю обвинения пользоваться записями, узнает мнение защиты:

(97) JUDGE: Any objection Miss Davies?

DEFENCE: No.

JUDGE: Yes, you may refresh your memory from your notebook Sergeant. (Shipman 1999)

Таким образом, более или менее устойчивые речевые формулы связаны как с повторяющимися ситуациями, так и с определенными действиями ритуального характера, обязательными для проведения судебного процесса.

Большую роль в придании речи судей формального характера играет **лексическая составляющая**. Д. Мельникофф подробно рассматривает лексический состав языка права, как письменного, так и устного, и указывает на наличие в английском языке юридической сферы большого количества латинизмов, юридических терминов, слов с неясной семантикой, эвфемизмов [Melnikoff, 1963]. Нам представляется, что такой лексический состав в большей степени характеризует письменные документы и законодательные тексты. Что касается устной речи судей, то мы считаем возможным выделить несколько лексических пластов в их речи.

Основной пласт лексики составляют общеупотребительные слова, а также лексические единицы, имеющие окраску официально-делового стиля. Они не характерны для разговорной речи, но не привязаны к юридической сфере и

могут быть использованы в других сферах деловой коммуникации. Среди отмеченных нами русских и английских единиц следующие: *охарактеризовать, обращаться за медицинской помощью, обращаться с жалобой, привлечь к ответственности, присутствовать, находиться в состоянии.., телесные повреждения, наличие повреждений, по инициативе, указано правильно, предпринять меры, по поводу передачи денег и машины, протокол, сроки проведения экспертизы, welfare (благополучие), full-blown report (полноценный/ всесторонний отчет), bear in mind (помнить), in the light of (в свете.../ с учетом...), to make the appropriate announcements (сделать соответствующие объявления), considered decision (взвешенное решение), original timetable estimate (изначальная оценка с точки зрения распределения времени), require attention (требовать внимания), the deceased (усопшая), indulgence in sexual activities (вовлечение в сексуальную деятельность) и др.*

Ярко выраженную официально-деловую окраску имеют некоторые дискурсивные слова и словосочетания, используемые в английской речи для создания связного дискурса. Целый ряд дискурсивных слов, выделенных нами в речевом материале, имеет в словарях пометку «formal»: *albeit (несмотря на), therefore (следовательно), provided (при условии), with respect (что касается), thus far (до настоящего времени), notwithstanding (несмотря на) и др.*

Наконец, обширный пласт лексики русских и английских судей составляют специальные слова, юридические термины, многие из которых используются в составе клише. Среди отмеченных нами слов и словосочетаний, маркирующих дискурс как судебный, следующие: *заявлять гражданский иск, возместить ущерб, дать показания, пояснить/ показать (в значении «объяснить/ дать показания»), проживать, эпизод (в значении «акт правонарушения»), нанесение побоев, противоречия в показаниях, огласить показания, установить личность, содержать под стражей, изымать, подписка о невыезде, решать вопрос в судебном порядке, причинить значительный ущерб, произвести замену гособвинителя, признавать себя виновным, обвинительное заключение, в ходе предварительного следствия, незаконные методы ведения следствия, to grant bail (отпустить под залог), hearing (слушание), a psychiatric assessment (психиатрическая экспертиза), a change of circumstances (изменение обстоятельств), handwriting evidence (почерковедческая экспертиза), service of the evidence (представление свидетельств), concede effectively (сделать значительную уступку), jury's deliberations (принятие решения присяжными), a relevant evidence (свидетельство, имеющее отношение к делу), against the background of other evidences (с учетом других свидетельств), life imprisonment (пожизненное заключение), pass sentence (назначить наказание), the trial judge (судья, ведущий процесс), to complete cross-examination (завершить перекрестный допрос), to adjourn (отложить слушание) и др.*

Насыщенность даже небольших по объему высказываний судей большим количеством специальной лексики и штампов можно наблюдать в следующих вопросах судей:

(98) СУДЬЯ: Как Вы можете обосновать свои исковые требования в части компенсации морального вреда? (РЗ 4/2008);

(99) СУДЬЯ: У Вас были телесные повреждения после нанесения ударов сотрудниками милиции? (РЗ 4/2008);

(100) JUDGE: Then after that you would want me to adjourn until Thursday next so that the position with regard to Dr. Sachs can be considered and if necessary he can be cross-examined? (Shipman 1999)

Использование юридической лексики и лексики с официально-деловой стилистической окраской в большинстве случаев не мешает пониманию общего смысла высказывания. Даже в тех случаях, когда смысл высказывания кажется спрятанным за обилием формальной лексики, проблема, как нам кажется, – и в этом мы солидарны с П. Тиерсмой [Tiersma, 1993а, р. 47] – не в лексике, а в сложном синтаксисе:

(101) JUDGE: Therefore, provided there is something new, and, with respect to what there is already, more helpful, then I will reconsider the question of bail. (Weddell 2007)

Выделенные нами в речи судей лексические пласты соответствуют тем, которые выделяет О.А. Крылова, характеризуя лексические средства официально-делового функционального стиля [Крылова, 2006].

Автор учебного пособия по лингвистической стилистике также отмечает, что «в систему лексических средств этого стиля не входят ни диалектизмы, ни жаргонизмы, ни просторечная лексика, поскольку это один из книжных стилей» [Крылова, 2006, с. 149]. Однако, как показывают наши наблюдения, это не совсем так. В речи отечественных судей встречаются отклонения от норм официально-делового стиля, что проявляется в употреблении лексических единиц, относящихся к маргинальным сферам употребления. Это просторечные слова, жаргонная и уголовная лексика. Засилье просторечного *чѐ* проникло и в залы заседаний судов. Судьи широко используют это слово в качестве вопросительного местоимения в самых различных ситуациях, не сомневаясь, по-видимому, в его приемлемости в обстановке судебного разбирательства. Обилие примеров позволило нам установить, что *чѐ* используется судьями по меньшей мере в качестве замены четырех вопросительных слов: что, почему, зачем, какой. Приведем примеры.

Замена «что»:

(102) СУДЬЯ: Согласились работать?

СВИДЕТЕЛЬ: Да.

СУДЬЯ: И чѐ дальше произошло? (РЗ 5/2009);

(103) СУДЬЯ: И чѐ вы с ними дальше делаете? (РЗ 5/2009);

(104) СУДЬЯ: Чѐ дальше было? (РЗ 2/2008)

Замена «почему»:

(105) СУДЬЯ: Че Вы так стесняетесь? (РЗ 5/2009);

(106) СУДЬЯ: Гражданский иск заявлять будете?

ПОТЕРПЕВШИЙ: Нет.

СУДЬЯ: А чѐ? Возмещен ущерб? (РЗ 2/2008)

Замена «зачем/ с какой целью»:

(107) СУДЬЯ: А они к Вам чё пришли-то? (РЗ 2/2008)

Замена «какой»:

(108) СУДЬЯ: Чё за телефон? (РЗ 2/2008)

В числе разговорных слов в речи судей нами также отмечены союз *раз* и частица *что ли*:

(109) СУДЬЯ: Раз вопросов больше нет, свидетеля отпустим. (РЗ 6/2008);

(110) СВИДЕТЕЛЬ: Я не знаю, праздник у них был или не праздник. На кухне было выпить и закусить.

СУДЬЯ: Они спали что ли?

СВИДЕТЕЛЬ: Девушки спали. (РЗ 5/2009);

(111) СУДЬЯ: Сняли когда? Где? До 5 утра ездили что ли? (РЗ 6/2008)

Разговорные и просторечные слова в речи судей соседствуют с юридической лексикой, делая речь стилистически неоднородной. В следующем примере в первой реплике судьи просторечное *щас* употреблено наряду с официальным *проживаете*, а второй вопрос звучит достаточно формально:

(112) СУДЬЯ: Вы с кем щас проживаете?

ПОДСУДИМАЯ: С бабушкой.

СУДЬЯ: Где у Вас ребенок находится?

ПОДСУДИМАЯ: В садике. (РЗ 2/2008)

Подобный пример «соседства»:

(113) СУДЬЯ: Щас допросим и отпустим. (РЗ 5/2009)

Использование судьями жаргонной и уголовной лексики характерно для уголовных процессов. Эта лексика, конечно, не может быть использована и не используется в официальных судебных постановлениях, определениях, решениях, приговорах. Однако в процессе устной коммуникации с участниками процесса такая лексика встречается. Среди отмеченных нами единиц: *упереть* (т.е. украсть), *доза* (т.е. наркотик), *ломонуться* (т.е. резко броситься), *выдвинуться* (т.е. начать идти), *мамочка* (т.е. сутенерша), *продлиться* (т.е. заказать дополнительное время у проституток), *подтянуться* (т.е. прийти), *общак* (т.е. общие деньги), *деваха*, *клиентура* и др.

Кроме того, нами отмечены ситуации, когда в ходе допроса судья использовал для обозначения участников преступления их клички:

(114) СУДЬЯ: П. говорил Вам, что Камаз его разозлил, поэтому он в него и выстрелил? (РЗ 4/2008);

Применение кличек характерно для уголовного мира, и этот элемент речевой коммуникации уголовной среды привносится в судебную коммуникацию.

По нашему мнению, использование русскими судьями просторечной, жаргонной и уголовной лексики является проявлением стремления интимизировать общение с участниками процесса, говоря с ними на одном языке. Стратегия интимизации применяется как в отношении подсудимых, так и в отношении свидетелей, которые зачастую знакомы, принадлежат к одному кругу общения и имеют одинаковый социальный статус. Причина такого речевого поведения судей лежит, как нам представляется, за пределами зада

суда. Дело в том, что, согласно статистическим данным, представленным в выступлении председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева, по меньшей мере 25% судей районного звена приходят в суды из прокуратуры и следственного аппарата. Еще на 62% судейский корпус пополняется за счет мировых судей и работников аппаратов судов (*Лебедев 2008*). Мы предполагаем, что среди последних также есть значительное количество бывших работников следствия. В результате методы добычи информации, используемые в ходе следствия, переносятся автоматически в зал суда и применяются бывшими работниками следственных органов, ставшими судьями. А.В. Федотов предлагает в своей работе обширный список приемов допроса, среди которых и прием, который мы бы обозначили как интимизация общения. Этот прием состоит во вторжении допрашивающего в личную или даже интимную зону допрашиваемого, что типично для отношений между очень близкими людьми. Такое речевое поведение производит определенный психологический эффект – допрашиваемый начинает воспринимать допрашивающего как близкого человека, которому сложно лгать и от которого сложно утаивать информацию [Федотов, 2002, с. 95]. Судьи не должны выполнять функций допрашивающего в ходе процесса. Однако, как видим, на практике это не всегда так, а стратегия интимизации фактически является приемом допроса.

Еще одним проявлением стратегии интимизации является использование русскими судьями как в гражданских, так и в уголовных процессах профессиональных диминутивов. Такая функция диминутивов отмечена в работе Т.Г. Винокур [Винокур, 2005, с. 103]. Диминутивы в принципе не соответствуют официальной обстановке судебного процесса, но судьи используют их:

(115) СУДЬЯ: *Расписывайтесь, пожалуйста. Расписочка на столе лежит у секретаря. (РЗ 5/2009);*

(116) СУДЬЯ: *Вам повесточка нужна? В кабинете 404. (РЗ 7/2009);*

(117) СУДЬЯ: *То есть пока там было только двое. Кто с вас денежки собирал? (РЗ 5/2009);*

(118) СУДЬЯ: *Это было два года назад. Это сколько ж Вам годков на тот момент было? (РЗ 5/2009)*

В некоторых ситуациях, особенно в комбинации с типичными речевыми формулами, диминутивы не только не соответствуют обстановке, но и звучат просто нелепо, что позволяет говорить о недостаточно высокой коммуникативной компетенции некоторых представителей судейского корпуса:

(119) СУДЬЯ: *Значит, оглашаются свидетельские показания. Все, пожалуйста, да. Мы вам дали возможность немножечко снять. Потихонечку так пока выходите. Так. Калин. Василий Михайлович <...> Вот потихоньку уже огласили. (Св.И. 2001)*

Можно ли сказать, что стремление отечественных судей к интимизации общения со свидетелями и подсудимым полностью разрушает судебную драму? Наверное, нет. Скорее, придает этой драме иной по сравнению с английским судебным театром характер. Речь английского судьи в большей степени

соответствует канонам официально-делового стиля. Английские судьи посредством речи дистанцируются от непрофессиональных участников процесса, и такое речевое поведение является необходимым элементом английской судебной драмы. Речь русских судей, несмотря на соблюдение ими необходимых ритуалов, в большей степени ориентирована на непрофессиональных участников процесса. В определенные моменты процесса граница «свой/чужие» стирается, и судья включается в судебную драму как рядовой участник. Свидетели реагируют на такие коммуникативные ситуации по-разному, но чаще они вынуждены включиться в эту игру и отвечают речевым поведением, которое соответствует ожиданиям судьи. Выясняя обстоятельства дела, судья задает вопросы весьма интимного свойства в панибратской манере. Свидетель вынужден отвечать, принимая условия игры:

(120) СУДЬЯ: Сколько девушек оставили на двоих?

СВИДЕТЕЛЬ: Две.

СУДЬЯ: А чё не трех?

СВИДЕТЕЛЬ: Хватит. (РЗ 5/2009)

Интересной нам показалась ситуация, в которой свидетельница не поддерживает «свойскую» манеру общения. Она повторяет вопрос судьи, производя замену *чё* на *что*:

(121) СУДЬЯ: Чё потом?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА: Что потом? В.Ф. мне опять звонит. (РЗ 5/2009)

Очевидно, получив сигнал, судья начинает употреблять в речи литературный вариант местоимения:

(122) СУДЬЯ: Что потом там увидели?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА: Там Ирина была и еще девушки. (РЗ 5/2009)

Можно предположить, что такое переключение с разговорного на литературный стиль произошло бессознательно, но это не меняет сути происходящего – судья распознал сигнал неприятия свойской манеры, исходящий от свидетельницы и изменил стиль общения.

Синтаксис речи судей варьируется в зависимости от ситуации речевого взаимодействия и жанра речи судьи. Так, устный дискурс русских судей зачастую не отличается сложностью. Общаясь с участниками процесса судьи часто используют простые предложения. Так, информируя участников процесса о состоянии дела, судья строит высказывание из последовательности нескольких простых предложений. Сообщение звучит лаконично и внятно:

(123) СУДЬЯ: Материал этот мы затребовали. Он к нам поступил. Мы его сейчас исследуем. В материале шесть листов. Включает следующие документы. (РЗ 7/2009)

Подобный пример:

(124) СУДЬЯ: Сроки проведения экспертизы нам не известны. Я предлагаю отложить судебное заседание до окончания экспертизы. Это может занять неделю, две недели, три дня. (РЗ 7/2009)

К сожалению, четкость и ясность часто теряется в продолжительных репликах судей. В нашем материале есть значительное количество примеров с явными текстовыми нарушениями:

(125) СУДЬЯ: *Товарищ прокурор, давайте только не будем забывать. В соответствии с положением, которое вы представили в данном представлении, написано, и оно было утверждено это положение, о религиозной общине Свидетелей Иеговы, которое вы приложили, написано: религиозная община Свидетелей Иеговы города Москвы, является добровольным объединением верующих, образованным в целях совместного исповедания и распространения веры Свидетелей Иеговы с момента регистрации, принятого дальше. Действует на основе, ну тогда действующего закона о свободе вероисповедания. Вот это давайте не будем забывать. (Св.И. 1999)*

В данном речевом фрагменте судья несколько раз теряет логическую нить, нарушает согласование и сочетаемость слов (*в соответствии с положением написано; должно быть: в положении написано*), опускает главный член предложения там, где он необходим для понимания высказывания (*действует на основе – кто или что?*), использует два подлежащих, обозначая один референт (*оно было утверждено это положение*). В результате смысл высказывания, как и коммуникативная цель автора остаются весьма неясными.

Сложный синтаксис характерен для отечественных судебных решений и приговоров, авторами которых являются судьи:

(126) *Оценив представленные стороной обвинения доказательства в их совокупности, суд находит предъявленные обвинения Гоголевской недоказанными, поскольку представленные частным обвинителем Тагиевым доказательства, в силу имеющихся противоречий по юридически значимым фактам, не позволяют суду прийти к однозначному выводу о виновности Гоголевской в предъявленных ей обвинениях. (ПрГ 2009)*

К сожалению, текстовые нарушения встречаются и в письменном судебном дискурсе. Так, в вышеприведенном примере нарушен порядок слов (*предъявленные обвинения Гоголевской; должно быть: предъявленные Гоголевской обвинения*).

Справедливости ради отметим, что текстовые нарушения есть и в речи английских судей:

(127) *JUDGE: It is distinctly possible that knowing that a psychiatric report was coming up – because this new little collection of elastic bands seems to be ex post facto – in other words, after the event, and could easily be a diversion. (Weddell 2007)*

Структура предложения не совсем ясна. После первого союза *that* конструкция обрывается. Непонятно, что является подлежащим, к которому относится глагол *could*. Кроме того, предложение осложнено метакоммуникативным комментарием к использованному латинскому выражению *ex post facto*. Все это делает высказывание громоздким и не совсем внятным.

Вообще, в речи английских судей распространены предложения с осложненным синтаксисом: вставными конструкциями, придаточными определения и условия, герундиальными конструкциями:

(128) *JUDGE: There can be no objection to Mr. Henriques asking questions(1) whether(2) to the knowledge of Mrs. Woodruff(3) her mother was taking any form of medication which was morphine based(4). (Shipman 1999)*

В высказывании видим герундиальную конструкцию (1), косвенный вопрос (2), вставную конструкцию (3), придаточное определения (4).

Другой пример:

(129) *JUDGE: That is something I have to bear in mind(1) in considering the question of bail(2), added to which(3), Mr. Weddell, it goes without saying(4), is of positive good character. (Weddell 2007)*

В высказывании использованы модальная конструкция (1), герундиальная конструкция (2), причастный оборот (3), метакоммуникативная конструкция (4).

Сделанные нами наблюдения над лексическими и грамматическими особенностями речи судей позволяют утверждать, что используемые судьями устойчивые речевые формулы, лексика с официально-деловой стилистической окраской, юридическая терминология и клише, сложные синтаксические конструкции в совокупности придают речи судей официальный и формальный характер. С одной стороны, перечисленные языковые черты отвечают ритуальному характеру судебной коммуникации и способствуют актуализации роли судьи как участника драмы. С другой стороны, в ряде случаев они делают речь перегруженной и приводят к появлению текстовых нарушений.

В создании ритуальной, театральной стороны судебного процесса большую роль играет **принцип вежливости**. Вежливость нельзя отнести к неизученным явлениям речи. Как отечественные, так и зарубежные авторы исследуют вежливость и невежливость в различных ситуациях и типах дискурса, устанавливая взаимосвязь между языковыми способами проявлений (не)вежливости и социальным статусом, полом, национально-культурной принадлежностью коммуникантов, другими прагматическими факторами [Ларина, 2003; Гольдин, 1983; Гольдин и др., 2002; Формановская, 2002; Стернин, 1993; Прохоров, Стернин, 2006; Сорокин, 1994; Байбурин, 1985; Байкова, 2003; Кормилицына, 2007; Кормилицына, Шамьенова, 1999; Шамьенова 2001; Романова, 2001; Рисинзон, 2008; Рисинзон, 2009; Вежбицкая, 2001; Watts, 2003; Locher, 2004; Mills, 2003; Scollon, Scollon, 2005; Beeching, 2002; Placencia, Garcia, 2006; Hickey, Steward, 2005; Ogiermann, 2009 и др.]. Отечественные ученые включают категорию вежливости в число коммуникативных категорий, выполняющих регулятивную функцию и способствующих построению эффективной коммуникации [Захарова, 2000; Шамьенова, 2001], исследуют отдельные средства реализации этой категории [Прибыток, 2005]. Отдельные работы зарубежных ученых обращены к вежливости непосредственно в условиях судебного взаимодействия. Так, Д. Курзон исследует феномен вежливости в письменных решениях английских и американских судей апелляционных судов, в которых выражено несогласие с решениями, принятыми в нижестоящих судах [Kurzon, 2001]. Д. Курзон выделяет два принципиальных направления, в которых следует осуществлять дальнейшую разработку проблемы вежливости в суде: 1) выявление связи

между судебной системой и стратегиями вежливости; 2) выявление связи между культурой и стратегиями вежливости.

Реализацию принципа вежливости в отечественных гражданских процессах рассматривает О.В. Красовская. Исследовательница утверждает, что «этические правила практически законодательно не закреплены» и «в ходе судебного разбирательства наблюдается минимальное проявление вежливости и речевого этикета» [Красовская, 2008, с. 19–20]. Не рассматривая подробно реализацию принципа вежливости в речи разных участников русских и английских процессов (некоторые замечания по этому поводу сделаны в [Дубровская, 2008; Dubrovskaya, 2009]), мы сконцентрируем внимание на объекте нашего исследования – фигуре судьи.

Принцип вежливости действительно не закреплен в законодательных текстах. Однако он находит отражение в отечественном «Кодексе судейской этики» [Кодекс судейской этики, 2004] и английском «Руководстве по поведению судей» [Guide to Judicial Conduct, 2008]. В российском документе читаем: «Судья должен быть терпимым, вежливым, тактичным и уважительным в отношении участников судебного разбирательства. Судье следует требовать аналогичного поведения от всех лиц, участвующих в судопроизводстве» (Гл.2, ст.4, п.4) [Кодекс судейской этики, 2004]. Подобная рекомендация относительно поведения в суде содержится в английском руководстве: «Судья должен стараться быть вежливым, терпимым, толерантным и пунктуальным, должен уважать достоинство всех» (п.4.2). (Подчеркивание наше – Т.Д.) [Guide to Judicial Conduct, 2008]. Учитывая то, что авторами «Кодекса» и «Руководства» являются сами судьи, становится очевидно, что и русские, и английские судьи осознают важность соблюдения принципа вежливости и поддержания вежливой коммуникации в зале суда. Какова же реальная ситуация в судах?

О.В. Красовская отмечает, что составляющие судебный этикет знаки не выражают собственно вежливого отношения [Красовская, 2008, с. 21]. Мы считаем, что не совсем верно в принципе говорить об отношениях в условиях институционального взаимодействия. Мы согласны с А. Крузом, который считает, что вежливость, во-первых и главным образом, касается того, что говорится, и не имеет отношения к нашим мыслям и убеждениям» [Cruse, 2004, p. 376]. А. Круз критически относится к формулировке принципа вежливости, предложенной Дж. Личем, звучащей как «Минимизируйте выражение невежливых убеждений». «Это не идеальная формулировка, поскольку вежливость по большому счету не касается убеждений», – пишет А. Круз и предлагает другой вариант: «Выбирайте выражения, которые в минимальной степени понижают статус слушателя» [Ibid. P. 376]. Определяя цель вежливости, английский ученый пишет, что она «состоит в поддержании гармоничных и ровных социальных отношений перед лицом необходимости сделать уничижительные сообщения» [Ibid. P. 376]. С данным, достаточно узким, определением функции вежливости можно поспорить, однако именно такое описание как нельзя лучше представляет специфику судебного взаимодействия. Очевиден тот факт, что несмотря на состязательность любой

судебный процесс должен быть в определенной степени гармоничным и ровным. Участники процесса обязаны демонстрировать должное уважение и терпение друг к другу и судье, а судья ко всем присутствующим для того, чтобы судебный процесс состоялся как социально значимая процедура, а суд поддержал свой статус эффективно действующего социального института.

Исследователи категории вежливости различают позитивную и негативную вежливость, причем в разных работах встречаются различные понимания позитивной и негативной вежливости. Мы в своих рассуждениях опираемся на понимание, предложенное А. Крузом, согласно которому **негативная вежливость** должна смягчать эффект от умаляющих достоинство адресата высказываний, тогда как **позитивная вежливость** подчеркивает положительный статус адресата [Ibid. С. 377]. В материалах судебных заседаний мы обнаруживаем примеры как позитивной, так и негативной вежливости. Негативная вежливость более типична для судебного дискурса, представляющего собой дискурс состязательного типа и содержащего много угрожающих лицу речевых актов. (Понятие угрожающего лицу речевого акта “face-threatening act” заимствовано из Западной лингвистики и успешно используется отечественными исследователями.) Высказывания с использованием позитивной вежливости очень часто адресованы тяжущимися сторонами судье.

За основу анализа **негативной вежливости** в речи русских и английских судей мы возьмем лаконичный, но достаточно емкий список возможных актов, угрожающих лицу, представленный в работе М. Блур и Т. Блур [Bloor, Bloor, 2007, p. 102]. Мы выберем те типы актов, которые реализуются в речи судей и рассмотрим, используются ли средства смягчения негативного эффекта и какие это средства.

В речи судей самые типичные **акты, угрожающие лицу**, включают:

1) перебивы. Мы рассматривали перебивы достаточно подробно в параграфе 2.3.2. Поэтому только напомним, что судьи смягчают перебивы извинением, запросом разрешения на перебив, просьбой помолчать. Смягчение перебивов не носит императивного характера;

2) затрагивание темы, нежелательной для адресата. Мы считаем возможным несколько расширить формулировку и включить сюда высказывание негативных оценок в адрес реципиента, что не может быть для него желательным. Выражая свое недовольство тем, что стороны не представили вовремя все документы для решения вопроса о внесении залога, английский судья смягчает отрицательную оценку метакоммуникативной конструкцией *I am bound to say it is regrettable that...* (*Я вынужден сказать, что вызывает сожаление факт...*):

(130) JUDGE: *I am bound to say it is regrettable that it was not addressed this time round because I made it perfectly clear where I was coming from, to coin a phrase. (Weddell 2007)*

В русском суде в похожей ситуации в ответ на просьбу прокурора отложить заседание по причине неготовности к прениям следует резкая, на грани с грубостью, реакция судьи:

(131) ПРОКУРОР: *Для подготовки к судебным прениям по гражданскому делу по внесенному прокурором САО г. Москвы представлению о ликвидации религиозной организации Свидетели Иеговы и запрете ее деятельности для более подробного изложения своей позиции, а также в связи с очевидной сложностью рассматриваемого дела, прошу объявить перерыв до 23 февраля, соответственно до пятницы. В пятницу я буду готова приступить к прениям и дать заключение.*

СУДЬЯ: *О чем вы думали, когда я задавала вопрос, можем ли перейти к прениям? (Св.И. 2001)*

Средств смягчения негативных высказываний в подобных ситуациях в русском материале мы не обнаружили;

3) управление речью адресата и, добавим мы, действиями адресата. Судьи часто дают распоряжения участникам процесса, что, согласно теории вежливости, является ограничением свободы адресатов и вторжением в их личную зону. В следующем примере ссылка на собственные чувства является исключительно средством вежливости и в совокупности с сослагательным наклонением используется судьей, чтобы побудить адвоката к определенным действиям. Важно, что судья, используя стратегию отделения, выводит слушающего из дискурса и концентрирует внимание на своих собственных ожиданиях. Т.В. Ларина отмечает, что стратегия отделения широко используется в английской коммуникации и играет чрезвычайно важную роль [Ларина, 2003, с. 57]:

(132) JUDGE: *I would be much happier if that had appeared in the psychiatric report. (Weddell 2007)*

В другой ситуации призыв запомнить некоторую информацию, адресованный защите, имеет косвенную форму и звучит как выражение личной уверенности судьи в том, что его замечание не останется незамеченным. Применение средств субъективной модальности характерно для английской речевой коммуникации:

(133) JUDGE: *...I am sure you will bear that in mind.*

PROSECUTION: *Of course, your Honour. (Weddell 2007)*

Сослагательное наклонение широко используется английскими судьями в репликах с целью побуждения к определенным действиям:

(134) JUDGE: *I would like a balanced answer to the question. (P3 Campbell 2007)*

Русские судьи в лучшем случае сопровождают указание словом *пожалуйста*:

(135) СУДЬЯ: *Так, еще раз, пожалуйста. (Св.И. 1999)*

В основном же используются «голые» императивы:

(136) Судья: *Вы отвечайте на вопрос, не надо выше. Коротко отвечайте. (Св.И. 1999).*

Очень показателен пример того, как русский судья просит свидетелей покинуть зал заседаний перед началом допроса. Отсутствуют какие-либо проявления вежливости. Одну за другой он адресует свидетелям такие реплики:

(137) СУДЬЯ: *Покиньте зал суда. Мы Вас пригласим... Туда же... За дверь...Тожe зал суда покиньте. (P3 5/2009);*

4) выражение сомнения в правильности мнения адресата или утверждения, сделанного им. В примере (138) судья сомневается правильности тезиса адвоката о равной физической силе мужчины и женщины. Судья выдвигает антитезис и смягчает его использованием разделительного вопроса *are you?*:

(138) JUDGE: *We can have as much equality of the sexes as we like, but you are never going to get equal physical strength, are you? (Weddell 2007)*

В примере (139) русский судья сначала смягчает выражение сомнения в том, что зачитываются знакомые материалы, метакоммуникативным маркером *по-моему*, но уже в следующей реплике переходит на безапелляционный тон:

(139) СУДЬЯ: *По-моему, они вообще у вас не отмечены в вашей брошюре, в том, что вы читали.*

ПРОКУРОР: *Может, это другой журнал?*

СУДЬЯ: *То, что вы вчера читали, я отмечала ручкой. Вы вчера суду это не представили. Вы отметили вот что, и мы более того вчера этого не читали. (Св.И. 2001);*

5) окончание взаимодействия. Судья заканчивает речевое взаимодействие, когда считает вопрос исчерпанным. При взаимодействии со свидетелями окончание общения и русские и английские судьи сопровождают краткой благодарностью: *спасибо, thank you, thank you very much*. Ситуация может потребовать от судьи применения дополнительных средств вежливости для окончания коммуникации. Так, в примере (140), отказывая в рассмотрении вопроса по причине отсутствия официального заключения, английский судья смягчает отказ средствами субъективной модальности *I am afraid* (*Боюсь, что...*):

(140) JUDGE: *...On the information I am afraid I am not prepared to reconsider bail. (Weddell 2007)*

В ходе наблюдения за речевым поведением судей мы заметили, что русские и английские судьи могут в конце заседания обращаться к участникам процесса, желая обсудить дату продолжения процесса:

(141) СУДЬЯ: *Когда вам подарок, на 8-е марта что ли сделать? Давайте пятого. Нет, шестого. Нет, лучше пятого марта часиков в 15. (P3 5/2009);*

(142) JUDGE: *I shall be here. How long?*

PROSECUTION: *It won't take long. Yes. About half an hour.*

JUDGE: *Half an hour. Friday.*

PROSECUTION: *Eighteenth. (P3 1/2007)*

В последнем примере судья называет день недели (*Friday*), а обвинитель контролирует свое понимание, называя дату (*eighteenth*). Во всех случаях судьи

принимают решение единолично. Таким образом, ритуал обсуждения даты является своеобразным проявлением вежливости со стороны судей.

В отечественных судах коммуникация может прекращаться более резко. Приведем пример окончания русским судьей заседания. Вопрос снимается без каких-либо объяснений, следует краткая благодарность, и объявляется перерыв:

(143) СУДЬЯ: *Все, я снимаю этот вопрос. Спасибо. Объявляется перерыв.* (Св.И. 1999).

Из проведенного анализа средств негативной вежливости видно, что в речи русских судей они используются в весьма ограниченном количестве, тогда как английские судьи широко применяют их для смягчения всех типов актов, угрожающих лицу.

Позитивная вежливость, направленная на повышение положительного статуса адресата, также является характеристикой речи судей. О.В. Красовская пишет об отечественном процессе: «Процессуальной деятельности «противопоказаны» такие солидаризирующие коммуникантов действия, как комплимент и одобрение, сочувствие и соболезнование» [Красовская, 2008, с. 21]. Наверное, в зале суда действительно не приходится рассчитывать на искренние проявления вежливости. На уровне же вежливых проявлений, целью которых является сохранение условной гармонии в суде, мы обнаруживаем целый ряд средств.

Судья, обладая самым высоким статусом среди присутствующих в зале суда, тем не менее использует средства положительной вежливости, повышая тем самым статус адресата. К **средствам положительной вежливости** мы относим:

1) благодарности и извинения, которые очень распространены в речи английских судей. Судьи благодарят стороны за представленную информацию: *I am grateful to you for the summary* (Weddell 2007), а присяжных за участие в процессе: *Thank you very much for coming to court* (P3 Campbell 2007). Судьи извиняются перед присяжными за задержки: *I'm sorry you have been waiting* (P3 Campbell 2007) и перед всеми участниками за судебные неувязки: *I am sorry about the inconvenience. I will ask that the exercise be performed again* (P3 Campbell 2007). Краткие благодарности в адрес свидетелей встречаются в русской речи: *Можете быть свободны. Спасибо.* (P3 5/2009), а извинения связаны, главным образом, с перебивами: *Вы извините, я Вас немного перебью.* (Св.И. 1999) В следующем примере извинение, маркирующее перебив, сочетается с просьбой, обращенной к присутствующим в зале заседания:

(144) *Я попрошу, секундочку, вы извините, кто устал, выйдите, пожалуйста. Не надо здесь хождения. Выйдите, пожалуйста. И я бы просила не стоять за спиной состава суда. Откройте дверь. И не стойте, не мешайте. Так. Быстренько, пожалуйста.* (Св.И. 1998);

2) запросы разрешения на совершение действий. Совершенно ясно, что судья обладает абсолютной властью, что у него нет необходимости согласовывать все свои действия с участниками процесса, и такой запрос имеет число формальный характер и является проявлением вежливости. В примере

(145) судья спрашивает разрешения ознакомиться с новым документом непосредственно в зале суда, и адвокат отвечает полным согласием:

(145) JUDGE: *It is quite short. Are you content that I remain in court and read it now?*

DEFENCE: *Absolutely, your Honour. Absolutely. (Weddell 2007)*

Формальный характер имеет и реплика *Let me tell you my two concerns* (Позвольте мне сообщить Вам две вещи, вызывающие у меня беспокойство). Судья имеет право сообщить свое мнение по любым вопросам, и, по всей видимости, отечественные судьи в этом не сомневаются, так как примеров запросов разрешения в русском материале мы не нашли;

3) просьбы о помощи. Выражая просьбу о помощи, говорящий указывает на большую компетентность собеседника в каком-то вопросе и тем самым повышает его статус. Так, судья просит прокурора объяснить значение некоторых свидетельств по делу:

(146) JUDGE: *Miss Brown, just help me on this: I am not entirely clear about the scientific evidence in relation to suicide note and computer. What is the significance from the Crown's point of view of the use of the computer at 10.14 on the following morning? (Weddell 2007);*

Русские судьи в некоторых ситуациях также могут обратиться за помощью к другим участникам процесса. Формальное воплощение просьбы может быть различным. В примере (147) судья прибегает к перформативу *очень прошу*, что является ярким проявлением позитивной вежливости:

(147) Я просто очень прошу всех организовать, потому что это в первую очередь сказывается на работе моей как судьи, потому что вы видите, какое количество дел откладывается, так что здесь мне нужна помощь как со стороны прокуратуры, управления юстиции, и соответственно вашей. (Св.И. 1999)

В другой ситуации просьба о помощи звучит менее вежливо, так как судья фактически обязывает участников процесса помочь ей, налагая эти обязательства с помощью модального глагола *должны*:

(148) *Естественно мы в этом плане должны будем определиться, и вы в этом плане должны помочь. (Св.И. 1999)*

В нашем материале есть также такие ситуации, когда русские судьи не просят о помощи, а осуществляют императивный запрос информации, который сопровождается упреком в адрес коммуниканта, представившего неточную информацию:

(149) СУДЬЯ: *19 лет – это какой год? Вы мне просто скажите. Я не могу сидеть и арифметикой заниматься (Св.И. 2001);*

4) самоуничижительные ремарки, которые могут применяться в разных ситуациях. В следующем примере самоуничижительная ремарка *I am being very dull* (Я совсем глуп) предвещает сигнал непонимания *I do not understand* (Я не понимаю):

(150) JUDGE: *I am being very dull, but I do not understand the combination of handwriting evidence and of computer use. (Weddell 2007)*

В ситуации, когда русский судья нуждается в уточнении, он использует декларативный речевой акт без средств смягчения:

(151) СУДЬЯ: *Я не понимаю этот вопрос. (Св.И. 1999)*

В другом примере самоуничижительная ремарка английского судьи является реакцией на упрек адвоката в том, что ему пришлось работать с бумагами до 6 утра:

(152) BARRISTER: *Had I known that I would not have worked to 6 o'clock this morning preparing bundles.*

JUDGE: *You can blame me for that. (Irving 2000)*

Как видно из примеров английской речи, вежливость в принципе не противоречит законам организации судебного дискурса. Однако отечественные судьи реже пользуются средствами негативной и позитивной вежливости по сравнению с английскими коллегами. Часто реплики отечественных судей звучат откровенно грубо, и мы даже не могли бы отнести их на счет институционально санкционированной невежливости (*institutionally sanctioned impoliteness* по С. Миллз [Mills, 2005]), поскольку такая грубость не мотивирована задачами деятельности судей и противоречит нормам поведения судей, закрепленным в «Кодексе судейской этики».

Еще одним вербальным компонентом судебной драмы является компонент **образно-экспрессивный**. Обращение к образным средствам языка в контексте правовой сферы не ново. Теоретики и практики занимают различные позиции по отношению к использованию образно-экспрессивных средств языка в различных областях правовой сферы.

Отечественная исследовательница М.Б. Кострова посвящает свою работу описанию языка закона, законодательной стилистике [Кострова, 2004]. Она пишет о негласно принятом запрете на использование изобразительно-выразительных средств языка в законодательных текстах, включая уголовный закон. Однако автор указывает на то, что фактически в уголовном законодательстве используются не только архаизмы и не общеупотребительные иноязычные слова, но также тропы и стилистические фигуры, то есть языковые средства с экспрессивно-эмоциональными оттенками. В отличие от подобных средств в других стилях речи, где они являются экспрессивно-эстетическими «украшениями», их употребление в текстах УК РФ обусловлено функционально. Они выполняют важную прагматическую функцию экономии законодательного текста. М.Б. Кострова рассматривает в своей работе ряд таких средств и приходит к выводу о том, что «запрет на использование изобразительно-выразительных средств языка нецелесообразен... Отказ от указанных изобразительно-выразительных средств языка должен осуществляться при условии их негативного влияния на степень ясности конкретных норм для юристов-правоприменителей и теоретиков уголовного права» [Кострова, 2004].

Выразительности речи и соответствующим языковым средствам в зале суда посвящена целая глава в пособии по риторике для юристов [Введенская, Павлова, 2002]. Как и в других руководствах по использованию экспрессивных языковых средств, в пособии рассматриваются обвинительные и

защитительные речи, т.е. длительные монологические высказывания обвинителей и адвокатов. Предполагается, по-видимому, что образно-экспрессивные средства в речи судьи вряд ли востребованы. Это не совсем так.

Эстетическое измерение судебных речей исследовалось в работах американских авторов. Дж.А. Маккенна, анализируя заключительные речи судей, указывает на близкое родство судебного решения с искусством романистов, поэтов, эссеистов – любого писателя, который смешивает факты и драму [McKenna, 1982, p. 42]. Он обращает внимание на особую функцию заключительной речи судьи, обращенной к присяжным, в которой судья всегда может представить не только реальную, но и желаемую картину действительности. Решение судьи не всегда основано на его моральных убеждениях, поскольку они могут расходиться с законом, но у него всегда есть возможность сообщить публике о своих тревогах и неудовлетворенности. Поэтому некоторые исследователи судебной речи говорят об образовательной, или поучительной, функции судебного дискурса, письменного и устного [Noonan, 2002]. Поучительную функцию, считает Дж.А. Маккенна, можно успешно реализовать через эстетическое измерение судебной речи, которое часто игнорируется. В частности, ученый предлагает в некоторых случаях использовать структуру сонета как основу для построения заключительной речи судьи. Он пишет: «Если комбинировать динамическое и драматическое развитие процесса с присяжными с общей структурой и движением сонета, осуществляется эстетический подход, при котором судья, независимо от своих личных философских убеждений, может рассмотреть самым убедительным и поучительным образом как судебный спор, так и его моральную подоплеку. Решение тогда будет иметь следующий вид:

А. Описание спора:

1. традиционные относящиеся к делу факты;
2. важные факты личного характера и моральные вопросы;

В. Констатация соответствующего юридического правила и его истории;

С. Решение суда: как следует применить закон к данному спору;

Д. Заключительная ремарка, эквивалент последнего двустишия сонета, относительно того, удовлетворены ли моральные запросы судьи, а если нет – публичный призыв изменить закон» [McKenna, 1982, p. 45].

В главе 3 мы обратимся к таким судебским жанрам, как обращение к присяжным и судебное решение, и рассмотрим, какие экспрессивные языковые средства в них используются и какую функцию выполняют.

Следует отметить, что экспрессивные языковые средства характеризуют не только длительные монологические высказывания, но и диалогическое общение в зале суда. Мы рассматривали функционирование экспрессивных языковых средств в речи участников английского судебного дискурса [Дубровская, 2004; Dubrovskaya, 2008]. В данной части мы остановимся на речи судьи в диалогическом взаимодействии и использовании им одного образного средства – метафоры. Сразу оговоримся, что материалом для этой части нашего исследования послужили исключительно английские стенограммы. В русском материале подобного использования метафор нам выявить не удалось.

В работе, посвященной использованию метафоры в судебном дискурсе, американский исследователь Б.Дж. Хиббитс пишет о ее распространенности: «Метафоры действительно возникают во всех типах дискурса. Утверждая, что метафоры являются плодами воображения, традиционная точка зрения связывает их с искусством поэзии и литературы. Конечно, многие метафоры возникают именно в таких контекстах, но их также можно встретить и в других, очевидно более аналитических сферах человеческой деятельности <...> В целом ряде недавно опубликованных статей и книг подчеркивается, что метафоры весьма распространены в правовой сфере...» [Hibbits, 1994]. Американский ученый указывает на неоднозначное отношение к использованию метафор в правовой и судебной сферах: «То, что юридические метафоры существуют и даже процветают, не означает того, что они приветствуются единогласно даже самыми творческими правоведами и юристами» [Hibbits, 1994]. По мнению Б.Дж. Хиббитса, следует принять как данное повсеместную распространенность метафоры и относиться к этому серьезно, поскольку только немногие исследователи решились бы назвать метафору семантическим украшением, отделкой, риторическим средством, а некоторые ученые даже рассматривают метафору как основное орудие мысли и аргументации, считая, что система мышления метафорична по своей природе.

Когнитивный подход к метафоре осуществляет другой американский ученый Л. Бергер. Он утверждает, что «метафора – это не только способ увидеть и сказать. Это способ мышления и познания, метод, которым мы систематизируем и убеждаем. Она имеет фундаментальный, а не декоративный характер [Berger, 2004, p. 170].

Мы придерживаемся мнения, что метафора может иметь как декоративный, так и структурирующий характер, в зависимости от ситуации, но именно во второй функции метафора используется участниками, в том числе судьей, в диалогическом общении. Метафоры не только создают образы в сознании интерактантов, но и способствуют установлению контакта между общающимися, объединяя реплики диалогического дискурса в единое целое.

Описывая поиск необходимой информации и исторических фактов для написания книги, истец обозначает этот процесс как *digging around* (*раскопки*), а в следующей реплике судья повторяет метафору, устанавливая таким образом связь с предыдущей репликой:

(153) CLAIMANT: *Purely by virtue of visiting the widows or next of kin or digging around I have obtained these diaries and private papers.*

JUDGE: *But leaving aside digging out the evidence. (Irving 2000)*

Понимание и принятие судьей той или иной метафоры может выражаться в перефразировании. В примере (154) истец предлагает, чтобы разные документы рассматривались отдельно (*on piecemeal basis*). Он использует метафору дважды, после чего судья перефразирует ее, используя более официальный вариант:

(154) CLAIMANT: *My Lord, this is almost certainly something which can only be dealt with on piecemeal basis ...*

JUDGE: Well, if I may say so, I think you are right that this particular topic has to be dealt with on a...

CLAIMANT: Piecemeal basis.

JUDGE: Well, case by case basis, I think that it is probably right... (Irving 2000)

Связь за счет использования одной и той же метафоры может устанавливаться не только между соседними репликами участников, но и между дистантными репликами. Судья объясняет адвокату, что он учитывает (буквально: *берет на борт* – *take on board*) факт наличия значительной суммы денег для внесения залога:

(155) JUDGE: I follow that, Mr. Maher. I also take on board the fact that a very substantial surety of £200,200 is available. But, that does not really touch on my current concern. (Weddell 2007)

После обсуждения ряда вопросов адвокат использует ту же метафору, заявляя, что учтет все соображения, высказанные судьей:

(156) BARRISTER: ...I will certainly make a bail application. If your Honour refuses it, then I will take on board the observations your Honour makes. (Weddell 2007)

Применяя одну и ту же метафору, участники процесса принимают одинаковый образ создаваемой иной реальности. Судья по приведенным примерам (155), (156), можно сказать, что судья и адвокат разделяют понимание судебного процесса как корабля, на котором находятся все участники.

Вообще, для создания образа судебного процесса в ряде случаев коммуниканты используют систему метафор, построенных на системе связанных образов. Вода и связанные с ней образы являются главным источником метафорического ряда при создании образа судебного процесса. Решая технические вопросы, судья предлагает «нырнуть в проблемы» (*plunge into the issues*):

(157) JUDGE: It seems to me at the moment, and Mr Rampton may take a different view, I do not know, that it is sensible really to plunge into the issues that arise out of Auschwitz rather than going to anything else. (Irving 2000)

И уже в следующем высказывании истец подхватывает идею информационного потока, сообщая, что обвиняемые «затопили» его документацией:

(158) CLAIMANT: My Lord, the Auschwitz matter is an immensely complicated matter involving the assembly of a great deal of expert material, drawings. The Defendants deluged me on Friday evening after close of business with a further 5,000 pages of documents form van Pelt's report. (Irving 2000)

Адвокат ответчика разделяет образную систему судьи и истца, утверждая, что истец «насыщает/пропитывает» (*saturate*) процесс историографическими вопросами:

(159) BARRISTER: I do not mind what order he takes to do that. If he wants to saturate with his historiographical issues, his techniques and the inaccuracies of the criticisms which we have made, that is no problem to me at all. (Irving 2000)

Первое значение слова «saturate» - «to make something very wet» (сделать что-либо очень мокрым) [Longman, 2006, p. 145].

В соответствии с создаваемым образом, процесс имеет жидкую, текучую форму, и судья говорит о том, что дело «забродило» (*brewing*) за долгое время:

(160) JUDGE: Your case should be fully deployed. But the case has been brewing a very long time. (Irving 2000)

Мы позволили себе привлечь примеры из речи не только судьи, но и других участников процесса, поскольку только в совокупности реплики коммуникантов демонстрируют, что связи между ними устанавливаются как на текстовом уровне, так и на уровне образов мышления. На когнитивном уровне создается иная реальность, представленная системой образов, разворачивающихся в речи нескольких участников процесса.

Продолжая тему «воды», мы приводим список метафорических выражений, используемых участниками одного судебного заседания. Все они построены на образе воды/жидкости в той или иной форме. В зависимости от ключевого слова, на котором построен образ, мы разделили выражения на три группы:

Существительные:

Flow of odium – поток ненависти

Fountainhead of information – источник информации

Streams of questions – потоки вопросов

The tide of immigration – прилив иммиграции

The turning of tide – поворот течения

Глаголы:

Plunge into the issues – нырнуть в проблемы

Deluge with documents – затопить документами

Saturate with issues – «пропитать» вопросами

Distill (words) – отфильтровать слова

Brew the case – «заварить» дело

Прилагательные:

Watertight case – водостойкое дело

Watertight account – водостойкое представление

Такое количество «водных» метафор заставляет задуматься, почему преобладает именно этот образ. И ответ, как нам кажется, лежит в сфере культуры. Метафоры возникают, живут и функционируют в определенном культурном контексте. На обусловленность метафор внешним миром и историческим контекстом указывали Дж.Лакофф и М. Джонсон [Лакофф, Джонсон, 2008], Л. Бергер [Berger, 2004]. Б.Дж. Хиббитс убежден, что метафора связана с культурой: «Будучи частью нашей глубинной ментальной структуры, метафоры могут много рассказать о нас как отдельных личностях и как представителях культуры. Я могу использовать определенную метафору, потому что я, или, по меньшей мере, моя культура, знакомы с предметом метафоры. С готовностью приходя людям на ум в качестве ориентира для сравнения, метафоры наполнены смыслом для тех, кто имеет подобные

жизненный опыт и происхождение» [Hibbits, 1994]. Решая вопрос о происхождении «водных» метафор с точки зрения истории и культуры, мы находим ответ в географическом положении Англии и обилии воды вокруг. Для Англии, окруженной морями, вода всегда имела особое значение и играла важную роль в жизни страны. Дж. Пэксмэн, популярный журналист и автор собирательного портрета англичан, отмечает, что менталитет англичан в огромной мере определяется тем фактом, что они островитяне [Рахман, 1999, р. 30]. «Морская вода течет у нас в крови», – замечает Д. Рейнфилд [Рейнфилд, 2006, с. 101]. Метафорический образ англичанина очень точно передан в словах Э. Канетти: «Англичанин видит себя капитаном на борту корабля с небольшой группой людей, а вокруг и под ним – море. Он практически один; а будучи капитаном, он во многом изолирован даже от своей команды» [Canetti, 1962, р. 121].

Судья – главная фигура на процессе, образно выражаясь, капитан корабля, и именно он решает, стоит ли чистить палубы (*clear the decks*), готовясь к бою:

(161) JUDGE: Well, you will have the opportunity, obviously, to amplify your case after cross-examination, if you wish to. Now, I do not know whether we need to clear the decks before you cross-examine so that Mr Irving has the documents that you mentioned earlier on, Mr Rampton? (Irving 2000)

Выражение «to clear the decks» толкуется как «to do all the work that needs to be done before you can do other things» (сделать всю необходимую работу перед тем, как делать что-то другое) [Longman, 2006, р. 274].

Таким образом, применение в речи отдельных метафор и развернутых метафорических систем, позволяет участниками судебного процесса выстраивать судебную драму на образном, когнитивном уровне. Судья откликается на метафоры в речи других коммуникантов и предлагает свои метафоры, тем самым активно участвуя в создании иной реальности, единого мысленного образа судебного процесса.

2.5 Судья как лингвист

2.5.1 Лингвистический аспект правовой деятельности

Третью сторону в структуре личности судьи мы обозначаем как судья-лингвист. В данном случае мы не претендуем на оригинальность обозначения, поскольку позаимствовали его у американских исследователей. Глава «Судья как лингвист» является частью книги, в которой Л. Солан тщательно исследует проблему того, «как и почему судьи пишут о структуре и значении языка, чтобы аргументировать свои решения» [Solan, 1993, р. 1]. Во введении к исследованию Л. Солан утверждает, что работа судей часто предполагает толкование законов и других юридических документов в том числе в ситуациях, когда толкование документа вызывает разногласие сторон в судебном споре. В этом случае судья должен выполнить лингвистический анализ документов, и, как указывает автор работы, использование

лингвистической аргументации не обнаруживает последовательности, часто несвязно и своеобразно. Исследователь отмечает, что судья разрешает споры, полагаясь не только на законы, но и на собственную систему ценностей. Однако субъективное мнение не может быть отражено в решении суда, и поэтому в ряде случаев можно говорить о существовании определенного разрыва между процессом принятия решения и способом представления этого решения.

Л. Солан изучает несколько лингвистических принципов, используемых судьями для объяснения своих решений. Среди них правило последнего предшествующего слова (*the last antecedent rule*), принципы толкования соединения и разделения (*principles governing the interpretation of conjunction and disjunction (and/ or)*), правила толкования местоимений (*rules for interpretation of pronouns*), правильное применение местоимений (*proper scope of adjectives*). Существование определенных правил и принципов толкования юридических документов не решает, однако, всех вопросов, стоящих перед судьями, поскольку «идут споры даже между судьями одного и того же суда и о подходящем определении лингвистических правил, и об их отношении к процессу принятия решения. Следовательно, <...> противоположные принципы толкования иногда стоят рядом, создавая массу взаимоисключающих правил, находящихся в распоряжении любого юриста или судьи, который может использовать их для поддержания какой бы то ни было точки зрения» [Ibid. P. 29].

Если Л. Солан концентрирует внимание на лингвистических аспектах толкования юридических документов в ходе принятия судьей решения, то П. Тиерсма в работе с аналогичным названием рассматривает вопрос в нескольких аспектах [Tiersma, 1993b]. Проводя параллели между деятельностью судей и лингвистов, П. Тиерсма замечает: «Тот факт, что судьи и лингвисты часто вовлечены в одинаковую профессиональную деятельность – анализ языка, убеждает, что им есть чему научиться друг у друга» [Ibid. P. 270].

П. Тиерсма последовательно рассматривает ситуации, в которых судьи должны анализировать язык. Целый ряд преступлений совершается посредством языка: подкуп, заговор, лжесвидетельство, угроза, вымогательство. В таких случаях, считает ученый, судья или присяжные должны решить, что обвиняемый имел в виду, говоря те слова, которые предположительно доказывают один из элементов преступления. Подобно перечисленным преступлениям, клевета представляет собой правонарушение, которое совершается посредством использования языка и которое бывает трудно объяснить с лингвистической точки зрения. Контракты, завещания и подобные частные соглашения представляют интерес с точки зрения реализуемых в них речевых актов. От решения лингвистических проблем часто зависит вопрос, будут ли контракт или завещание признаны действительными. Проблемы, связанные с законодательными текстами, включают, прежде всего, их интерпретацию, о чем писал Л. Солан. Кроме того, не всегда ясно, как действия обвиняемого соотносятся с законодательным текстом, например, что можно считать вынужденным свидетельством против себя и что нельзя. Судьям

также приходится анализировать функциональное наполнение различных высказываний, произнесенных в процессе преступления, и квалифицировать их должным образом. Понятия прямых и косвенных речевых актов оказываются весьма полезны и применимы для этой цели в судебной деятельности.

Обобщая анализ различных ситуаций, П. Тиерсма пишет: «Конечно же, не всегда существует единственно правильный анализ законодательных текстов или секретных разговоров. Кроме того, помимо языка и другие факторы часто определяют значение юридического языка; эти факторы особенно релевантны, когда текст неполон или двусмыслен. Но при интерпретации текста законодательного или разговорного тщательный лингвистический анализ всегда должен быть пунктом отправления» [Ibid. P. 283].

Многие из вопросов, затронутых в работах американских ученых, активно обсуждаются в отечественной юрислингвистике в рамках лингвистической экспертологии. Толкование термина «социальная группа» и связанный с ним масштаб ст. 282 УК РФ, предусматривающей ответственность за унижение достоинства человека по признакам принадлежности к какой-либо социальной группе, обсуждают в своей работе Л.А. Араева и М.А. Осадчий [Араева, Осадчий, 2007]. Выявлению имплицитной информации в спорных разговорах и идентификации участвующих лиц, образующих доказательную базу по уголовным делам, посвящено исследование Н.Ю. Мамаева [Мамаев, 2007]. Т.В. Чернышова обращается к квалификации инвективных высказываний в различных сферах использования языка [Чернышова, 2007]. Пример экспертизы о шантаже представляет Н.А. Кузьмина [Кузьмина, 2007]. Проблему соотношения юридической значимости и общенародного значения слов, которые чаще других становятся объектами лингвистических конфликтов, исследует Н.Д. Голев [Голев, 2007а]. Ученый указывает на особенности значимости среди прочих языковых явлений союзов *и/или* (ср.: Solan, 1993), глаголов совершенного и несовершенного вида, прописных букв в названиях должностей и учреждений и т.д. [Голев, 2007а, с. 97].

Мы перечислили только некоторые работы. Много других исследований теоретической и практической направленности, посвященных проблеме понимания юридических текстов и квалификации с точки зрения права неюридических текстов в различных социальных сферах, можно найти в сборниках «Юрислингвистика» [Юрислингвистика-7, 2006; Юрислингвистика-8, 2007; Юрислингвистика-9, 2008]. Несмотря на то, что отечественные исследования, на которые мы ссылаемся, обращены к ряду проблем безотносительно к фигуре судьи, понятно, что именно судья – тот человек, который будет учитывать мнение лингвистов-экспертов, строить на их основе свои соображения и принимать решение.

В нашем материале есть ситуации, в которых судья должен выполнять роль лингвиста. Далее мы выделим ситуации, в которых от русских и английских судей требуется повышенное внимание к языку, а также определим типичные языковые аспекты, вызывающие споры и обсуждаемые в ходе судебных процессов.

2.5.2 Типы ситуаций на процессе

В нашем материале мы выделяем пять типов ситуаций, в которых от судьи требуется внимание к языку и даже некоторые лингвистические знания. Оговоримся, что деятельность судьи как лингвиста не обязательно предполагает развернутые аналитические высказывания в его речи – свои соображения в полном виде он изложит в судебном решении. В ходе самого процесса судья в большей степени выслушивает стороны, но отдельные реплики судьи, касающиеся лингвистической стороны рассматриваемых вопросов, свидетельствуют о том, что судья постоянно ведет соответствующую умственную деятельность.

Ситуации первого типа связаны с анализом документов, которые создаются в ходе судебного процесса и впоследствии могут служить своего рода ориентиром для дальнейших процессуальных действий. Примером обращения к процессуальным документам может служить следующая ситуация. Прокурор ходатайствует о затребовании судом у ответчика литературы, подлежащей изучению. Однако адвокаты ответчика считают, что, запрашивая книгу, прокурор расширяет основания своих требований, поскольку в представлении прокурора нет ссылок именно на эту книгу. В ответ прокурор ссылается на свое представление, указывая, что формулировка в представлении носит обобщающий характер и включает любую литературу:

(162) ПРОКУРОР: Я позволю себе напомнить буквально первое предложение в Представлении прокурора: "...Анализ печатных изданий, которые используются религиозной общиной Свидетелей Иеговы, в качестве учебных пособий при обучении и для распространения среди населения..." То есть, дан полный исчерпывающий перечень той литературы, которая, по мнению прокурора, в этом представлении наносит определенный вред и т.д. Поэтому я полагаю, здесь не уместно суживать рамки той литературы, которую мы представили, так сказать, ссылаемся буквально в тексте по разжиганию религиозной розни и т.д. (Св.И. 1999)

В данной ситуации судья, считая формулировку в представлении прокурора недостаточно ясной, говорит о возможности принять какое-либо решение относительно ходатайства только с учетом уточнений, которые должен представить прокурор, и ссылается на неисследованность запрашиваемого документа:

(163) СУДЬЯ: Так, ну, мы тоже считаем, что пока вообще это не будет как-то действительно прокурором оформлено, то не имеет смысла. Этот документ вообще не исследован. То, что исследовано полторы недели, но сейчас выясняется, соответственно, я так понимаю, все надо возвращать назад, сначала. То есть прокурор, соответственно, хочет уточнить свои требования и чтоб мы по этому поводу давайте...

ПРОКУРОР: Да, нет, ваша честь, это речь касается одного из учебников...Одного из директивных документов...

СУДЬЯ: Так мы его вообще не изучали, товарищ прокурор. Поэтому я вас попрошу с учетом ГПК, с учетом того, что мы уже так долго работаем,

соответственно и уточнить. Мы сейчас не будем окончательно принимать решение по этому ходатайству. (Св.И. 1999)

Видим, что в определенный момент судебного разбирательства процессуальный документ, а именно представление прокурора, становится объектом языкового анализа.

Ситуации второго типа связаны с анализом документов, непосредственно являющихся предметом судебного разбирательства. В наших материалах два процесса, русский и английский, практически полностью построены на анализе литературы. В случае тяжбы английского историка Д. Ирвинга, отстаивающего свою профессиональную репутацию, предметом тщательного лингвистического анализа в зале суда становится его книга о Гитлере. В случае судебного процесса в Москве по ходатайству о прекращении деятельности религиозной общины Свидетелей Иеговы объектом пристального внимания сторон и судьи стала распространяемая членами секты религиозная литература.

Прокурор по делу о Свидетелях Иеговы строит обвинение, опираясь в значительной степени на толкование распространяемой литературы, и соотносит идеи из литературы с соответствующими нарушениями закона. Состав правонарушения не всегда ясен, поскольку возможны различные трактовки документов, и именно судья имеет право решить, какую из этих трактовок выбрать и совершено ли правонарушение посредством использования языка.

В ходе допроса прокурора стороной защиты судья несколько раз уточняет, в каких именно словах прокурор усматривает разжигание религиозной розни:

(164) АДВОКАТ: Я зачитаю полностью эти абзацы: "Вполне логично, что должна существовать только одна истинная религия. Это в согласии с фактом, что истинный "Бог не есть Бог неустройства, но мира" (1 Коринфянам 14:33). Библия говорит, что в действительности существует только "одна вера" (Ефесянам 4:5). Кто же образует сегодня общество истинных поклонников? Мы не колеблемся сказать, что это Свидетели Иеговы <...> Так как Библия показывает, что отправление истинной религии приносит большое удовлетворение уже теперь и открывает путь к наслаждению вечной жизнью в раю на земле, определенно, стоило бы сделать такое исследование (Второзаконие 30:19, 20). <...> Пожалуйста, поясните, как эти два абзаца разжигают религиозную рознь?"

ПРОКУРОР: Ответ будет построен следующим образом: в процитированных абзацах несколько раз упоминается и ставится акцент об "истинной религии", кроме того...

СУДЬЯ: То есть вы считаете, что слово "истина" разжигает рознь?

ПРОКУРОР: Я не закончила свой ответ на этом. Основной акцент ставится в этих абзацах... ставится на том, что существует только одна истинная религия. Далее во втором абзаце идет увязка с единственной истинной религией, и увязывается все это исключительно со Свидетелями Иеговы. Таким образом, мы полагаем, что данное вероучение

противопоставляется другим и ставится во главу угла, как единственно правильная. Все. (Св.И. 1999)

Несмотря на несколько поспешный вопрос судьи о значении одного слова, прокурор представляет последовательное толкование процитированного отрывка в целом.

Интересно, что и в некоторых других ситуациях судья обращает большее внимание на отдельные слова и словосочетания, тогда как прокурор предлагает рассматривать их в контексте:

(165) ПРОКУРОР: Подождите секундочку. (Читает.) "Кроме того, духовенство отвергает Бога, отказываясь поступать по его нравственным нормам, что, например, доказывает непрекращающийся поток судебных процессов, возбуждаемых против священников-педофилов". Вот это вы имеете в виду?

АДВОКАТ: Да.

ПРОКУРОР: Я полагаю, что это ярким образом свидетельствует о разжигании религиозной розни, поскольку представляет высшее духовенство, принадлежащее к другой конфессии, в ярко нелицеприятном виде...

СУДЬЯ: Какая религиозная рознь, если в данном случае речь идет, возможно, об оскорблении?!

ПРОКУРОР: Поскольку словосочетание "священники-педофилы".

СУДЬЯ: И что? Если есть слово "священник", значит это религиозная рознь?

ПРОКУРОР: Еще раз повторяю. В контексте идет: "Духовенство отвергает Бога, отказываясь поступать согласно его нравственным нормам". Эта ли фраза не доказывает разжигание религиозной розни? Поскольку оскорбляет чувства верующих других конфессий относительно высокого духовенства, принадлежащего к их религии... (Св.И. 1999)

Отметим, что английский судья, напротив, уделяет особое внимание контексту, в котором используются те или иные слова и выражения. В ситуации, когда адвокат защиты обвиняет Ирвинга в использовании заведомо неправильного перевода в своей книге, судья поддерживает его и предлагает Ирвингу взглянуть на контекст:

(166) CLAIMANT: Now, either inadvertently or deliberately, somebody and you say it is Burnstone has mistranslated that word from a totally harmless and, in fact, significant "air raid door" into the rather more sinister "airtight door"?

WITNESS: In the context of quite a sinister description, I would say.

JUDGE: Mr Irving, look at the context.

CLAIMANT: I beg your pardon?

JUDGE: Look at the context. As I understand it, she actually said "like those of an airtight door", but this is in the context of gassings in 1941 and Zyklon-B being poured through holes in the roof. (Irving 2000)

Английский судья указывает Ирвингу на некоторые несоответствия между приводимыми историком факты, начиная с выражения собственных сомнений и затем побуждая истца к объяснениям разделительным вопросом *Это неясно из этого абзаца Вашей книги, не так ли?:*

(167) JUDGE: I am a bit puzzled about this, because if you interpret the Table Talk as meaning that Hitler really was thinking only in terms of deportation, I know it has been a long day, but how do you reconcile that with your acceptance, because I understand you do accept it -

CLAIMANT: Yes.

JUDGE: --- that he knew all about the shooting on a massive scale on the Eastern Front?

CLAIMANT: I think your Lordship has grasped the nub of the whole problem.

JUDGE: What is the answer?

CLAIMANT: The answer is I think that he drew a distinction in his own mind between the Eastern vermin, the enemy, and the Germans and the Europeans whom he still regarded as being superior.

JUDGE: That is not clear from this passage in your book, is it?

CLAIMANT: It will be clear from the other passages that he does draw this distinction, my Lord, and perhaps I ought to look some of these passages out and draw your Lordship's attention to them. But this is the only way you can explain this very evident dichotomy which does exist in the records, that on the one hand he is saying these things and on other hand he is evidently knowing other things. (Irving 2000)

Отметим, что, давая объяснения судье, истец говорит о целесообразности привлечения других фрагментов книги, т.е. более широкого контекста, для правильного понимания информации, представленной в рассматриваемом абзаце.

Анализируя печатные документы, судьи принимают во внимание то воздействие, которое литература оказала или может оказать на читателя. Обсуждая словоупотребление в книге истца, судья предполагает, к какому выводу может в результате прийти читатель. В ответ истец объясняет свой выбор между *order* (приказать) и *obliged* (обязанный), подчеркивая, что тщательно выбирает слова при написании книг:

(168) JUDGE: The reality of the way, would you not accept, Mr Irving, of the way it is put in your book is that the reader is going to infer that that was an order from Hitler to him?

CLAIMANT: My Lord, I use my words with utmost care when I write passages like that. I will go backwards and forwards over them looking for a word which I considered to be justified by the evidence but not implying or imputing or inferring too much. If I used the word "obliged" then it was because I hesitated to use the word "order" but for some reason he made the telephone conversation. He did not wait until he got back to his own headquarters, he immediately phoned Heydrich from Hitler's bunker without even getting over to the local phone box, he phoned Heydrich with these instructions saying "stop the killing". (Irving 2000)

Как мы могли наблюдать в приведенных примерах, судья аналитически подходит к текстам и документам, являющимся предметом судебной тяжбы. В то же время нельзя ожидать, что языковых знаний судьи достаточно для проведения всесторонней лингвистической экспертизы. С решением вопроса о лингвистической экспертизе мы связываем **третий тип ситуаций** в

деятельности судьи как лингвиста. В зависимости от ситуации экспертизу может назначить сам судья, если считает это необходимым, либо это делают органы следствия. В следующем примере судья не может принять по ряду причин экспертизы, представленные следствием, и обсуждает со сторонами назначение новой экспертизы. Даже в том случае, если судья в большей степени полагается на внешнюю экспертизу, он имеет представление о том, какого рода информация требуется и кто должен проводить экспертизу:

(169) СУДЬЯ: ...Решить вопрос, наверное, придется нам назначать экспертизу, какую-то комплексную, с привлечением специалистов, лингвистов, литераторов и психологов. Значит, соответственно ставится следующий вопрос. Кто будет проводить эту экспертизу, это раз... Плюс экспертам нам, наверное, придется поставить вопросы не просто по Свидетелям Иеговы, а сравнение с наиболее, так сказать, теми религиями, которые встречаются в нашем государстве.

ПРОКУРОР: Имеется в виду традиционная?

СУДЬЯ: Традиционная, естественно. Поэтому вот такой вопрос. Единственно что...

АДВОКАТ: И кто эксперты тогда?

СУДЬЯ: Да, нам нужно будет тогда сразу определиться, что это обязательно из института русского языка мы должны будем привлекать. Поскольку экспертиза, наверное, будет звучать, как литературно-лингвистическая психологическая, вот что-то такое, я не знаю. (Св.И. 1999)

Позже, возвращаясь к теме экспертизы, судья еще раз перечисляет специалистов, которые, по ее мнению, должны проводить исследование, и ограничивает объем представляемой на экспертизу литературы:

(170) СУДЬЯ: Ну, здесь я говорила, обязательно нам нужен специалист русского языка. Обязательно, религиоведы, наверное, один или два. Психолога, наверное, тоже хотя бы одного, ну, не хотя бы, а одного. Такая комплексная будет назначаться...

ПРОКУРОР: Я поняла...

СУДЬЯ: Такая комплексная, соответственно.

ПРОКУРОР: А вот из института русского языка, я не совсем...

СУДЬЯ: Это лингвист или литературное направление, лингвистическое, лингвист и, как они называются, пусть литературовед.

АДВОКАТ: Тогда мы бы попросили прокурора определиться, что хочет, желает прокурор на экспертизу направить?

СУДЬЯ: Здесь, извините меня, мы можем направлять только то, что изучали. По этому поводу, значит, единственно, что я просила - это сделать, соответственно...

ПРОКУРОР: Распечатку?

СУДЬЯ: ...распечатку и плюс у нас пойдет литература, та, которая представлена, значит, если вдруг там, что-то такое по этой литературе еще что-то вы найдете, то значит, пожалуйста. Я просто прошу, другое ничего мы уже, естественно, изучать не будем... (Св.И. 1999)

Понимание сути лингвистической экспертизы, которой подверглась предсмертная записка, необходимо английскому судье, и он знакомится с мнением обеих сторон по этому поводу. Адвокат признает утверждение экспертов о том, что с точки зрения стиля, записка, вероятнее всего, написана обвиняемым, а не жертвой. Одновременно он указывает на то, что в течение совместной жизни супруги приобретают похожие языковые привычки, и поэтому данное свидетельство не может рассматриваться как очень весомое:

(171) DEFENCE: The language that is used, and the phraseology, is more likely to be that used by the Defendant rather than the victim. I am bound to say your Honour may take judicial notice of the fact that when couples have been together for a significant period of time - as these two people had - people have similar fashions, similar use of language, similar phraseology. I simply indicate to your Honour - and it is not a strong point - that that is not the strongest evidence of its kind. (Weddell 2007)

Представитель обвинения в свою очередь настаивает на значимости результатов экспертизы, поскольку они имеют самый высокий показатель, по мнению эксперта:

(172) PROSECUTION: Your Honour, the only other comment I would make - just to complement Mr. Maher in relation to the forensic linguist who has examined the note with the known writings of the victim and the Defendant - he concluded that it was highly likely that the Defendant was the author of the note, and highly unlikely that Mrs. Weddell was the author of the note. The significance of those -- that rating - - It is the highest rating the expert can give in terms of when we see moderate/strong/weak -- Highly likely is the highest the expert can put it at.

JUDGE: Thank you. (Weddell 2007)

Судья выслушивает мнение обеих сторон, но не выражает своего отношения, ограничиваясь краткой благодарностью в их адрес.

По нашему мнению, понимание основных принципов выполнения лингвистических экспертиз необходимо судьям как для их назначения, так и для правильной оценки их результатов.

Проявление судьей внимания к словоупотреблению в речи участников в ходе процесса характерно для **четвертого типа ситуаций** в деятельности судьи-лингвиста. В нашем материале есть значительное количество примеров того, как стороны высказывают недовольство и даже протестуют против конкретного словоупотребления в речи противной стороны. Споры относительно словоупотребления происходят как с привлечением судьи, так и без его участия. Нас интересуют те, в которых принимает участие судья. В следующем примере адвокату не нравится выражение *бросила работу*, примененное в отношении свидетельницы, которое расценивается, по-видимому, как дискредитирующее ее. Судья, однако, не считает такое употребление неверным и поэтому не дает никаких указаний по этому поводу:

(173) ПРОКУРОР: Скажите, пожалуйста, вы в настоящий момент не работаете?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА: Нет.

ПРОКУРОР: А вы когда бросили работу?

АДВОКАТ: Я попрошу не употреблять в отношении данной свидетельницы слово "бросила работу" <...>

СУДЬЯ: Свидетельница работала. Ну, работала, теперь не работает, вот, тоже бросила работу. (Св.И. 1999)

В ходе процесса о религиозном объединении Свидетелей Иеговы на повестку дня несколько раз вставал вопрос о правомерности употребления слова *секта* по отношению к этому объединению. Адвокат настаивает на том, чтобы слово не употреблялось на процессе, и аргументирует свою точку зрения тем, что термин *тоталитарная секта* имеет негативно оценочное и даже оскорбительное значение. Сначала судья не поддерживает терминологических споров и побуждает допрашивающего перейти к следующему вопросу:

(174) АДВОКАТ: Скажите, пожалуйста, когда вы сказали своему мужу, что он попал в секту, это его оскорбило, это так было?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА: Да.

АДВОКАТ: Далее, как вы полагаете, вы терпимо относились к его убеждениям или нет?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА: Я поняла вопрос. Значит, когда я сказала, что это секта, я это слово использовала не от себя, оно употребляется очень давно и в религиозной литературе и в словаре Ожегова и характеризуется...

<...>

АДВОКАТ: К православной церкви вы это слово употребляете или нет в связи с тем, что оно употребляется в словаре Ожегова?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА: К православной церкви я это слово не употребляю.

СУДЬЯ: Давайте следующий вопрос. Я очень прошу, нас совершенно не интересует мнение свидетелей ко всем религиям. (Св.И. 1999)

В другой ситуации судья останавливает адвоката, ссылаясь на то, что свидетель не может дать правильный ответ:

(175) АДВОКАТ: Считаете ли вы употребление термина "секты" приемлемым? Или вы знаете, что этот термин оскорбляет членов этих религиозных организаций, верующих, в частности тех, кто находится и здесь?

СУДЬЯ: Но он все-таки не религиовед и не специалист, давайте уже закончим. (Св.И. 1999)

Но поскольку вопрос поднимается снова и снова, судья обращается за необходимыми разъяснениями к одному из свидетелей, зав. кафедрой сектоведения, который подтверждает существование богословского и социологического понятия *секта*. Судья ограничивает объем его объяснений кратким *все*, давая понять, что получила необходимую информацию:

(176) СУДЬЯ: У меня сразу к Вам первый вопрос. Это просто нам, чтобы понять. Было такое решение судебной палаты по информационным спорам при президенте Российской Федерации по Свидетелям, там по защите чести и достоинств. И тут где-то написано, что у нас такого. Сейчас я найду. Где-то здесь, что нет такого понятия секта. Да, понятен вопрос? <...>

СВИДЕТЕЛЬ: Прежде всего понятие такое секта есть. Оно есть во всяком словаре. Поэтому я понимаю стремление Свидетелей Иеговы процензуировать русский язык и как бы вводить всеобщую цензуру, они это делают постоянно, но, тем не менее, как бы все-таки исключать слова из русского языка, я думаю, даже им не под силу, и не стоит в этом им потакать. Слово секта, действительно, у нас в юридических наших текстах юридического понятия секта нет, но, тем не менее, в русском языке есть это. А богословское понятие, социологическое понятие, тем более...

СУДЬЯ: Все. (Св.И. 1999)

Ради соблюдения политкорректности в зале суда, судья поддерживает просьбу адвоката не употреблять слово секта:

(177) АДВОКАТ: Чисто в светском суде я прошу не употреблять слово секта, тем более господин Дворкин сам сказал. Что это богословское понятие.

СВИДЕТЕЛЬ: Это богословское, социологическое, я думаю, в решении суда оно не должно появляться, поскольку, действительно, но я...

СУДЬЯ: Мы в данном случае рассматриваем дело в отношении религиозной общины. Она государством зарегистрирована. Давайте, чтобы никого не обижать. (Св.И. 1999)

Однако важность терминологических споров и соблюдения политкорректности в ходе процесса отходит на второй план, когда встает вопрос экономии времени. В ответ на очередной протест адвоката судья указывает на нехватку времени:

(178) АДВОКАТ: Свидетель постоянно употребляет слово «секта».

СВИДЕТЕЛЬ: У нас времени мало на замечания. Я Вас прошу немножечко... (Св.И. 1999)

Недовольство определенным словоупотреблением в речи участников процесса в некоторых ситуациях получает выражение в речи самого судьи, если, к примеру, он не удовлетворен формулировкой вопроса, заданного допрашивающим. В следующем примере судья корректирует заданный вопрос, советуя опустить слово *neutral* (нейтральный) и называя его *unhelpful* (не способным помочь):

(179) CLAIMANT: Does that sound to like a completely neutral and plausible account of an atrocity?

JUDGE: Leave aside "neutral". That is unhelpful word. Do you think it is plausible? (Irving 2000)

Пятый тип ситуаций, в которых действует судья-лингвист, похож на второй тип с той разницей, что приходится иметь дело с иноязычными текстами. Конечно, такое случается в суде нечасто. Что касается нашего материала, то на процессе историка Ирвинга участники постоянно обсуждают архивные документы и другие источники на немецком языке и то, какую интерпретацию они получили в книге Ирвинга. Судья вместе со сторонами вынужден вникать в смысл текстов на немецком и их переводов на английский язык.

Сторона ответчика указывает на намеренное искажение текста в переводе за счет неверного словоупотребления. После некоторого обсуждения этой

проблемы сторонами в ходе допроса судья обращается к истцу и совершенно однозначно заявляет о том, что перевод неверен. Судья считает, что неправильность перевода очевидна. По его мнению, все достаточно элементарно (*fairly elementary*), т.к. слово распространенное (*a common word*):

(180) *JUDGE: But really public rumour is not a correct or even arguably correct translation of Schrecken. It is fairly elementary, is it not? It is a common word. (Irving 2000)*

Вопрос о том, в каком контексте появляется то или иное слово, актуален и при обращении к иноязычным текстам. Судья осознает важность лингвистического контекста при переводе и указывает на это истцу, формулируя еще раз тезис, выдвигаемый адвокатом:

(181) *CLAIMANT: I do not think so. "Schrecken" is a spook. It is a spook.*

DEFENCE: A spook. It is a word of fright and fear, is it not?

CLAIMANT: Yes.

JUDGE: Which is it, because they are quite different in this context?

CLAIMANT: My Lord, the imputation is that I have deliberately mistranslated or distorted.

JUDGE: Well, adopted what you should have appreciated was a mistranslation, I think is the way it is put. (Irving 2000)

Таким образом, в ходе судебного процесса возникает целый ряд ситуаций, в которых судье необходимо проявить себя как лингвиста.

2.5.3 Анализируемые языковые аспекты

На деятельность судьи как лингвиста можно посмотреть с точки зрения тех языковых аспектов, которые становятся предметом внимания и исследования в зале суда. Некоторые из них мы отметили, выделяя типичные ситуации и объекты лингвистического анализа. Представим эти языковые аспекты более системно.

Первым и, наверное, самым основным «камнем преткновения» является **лексическое значение слов**. В зависимости от значения одного или нескольких слов может меняться смысл документа, который подлежит анализу, или значение высказываний участников процесса. Мы уже приводили отдельные примеры споров относительно словоупотребления. Еще одним наглядным примером поиска слова с подходящей семантикой является обращение адвоката к английскому синонимическому ряду со значением *страх* в поисках адекватного перевода немецкого слова *Schreck*. Судья, сомневающийся в адекватности перевода, адресует вопрос истцу, и его не слишком убедительный ответ побуждает адвоката перечислить все возможные английские эквиваленты, среди которых не обнаруживается варианта, фактически использованного истцом в переводе:

(182) *JUDGE: You would translate "Schrecken" as a spectre or a spook rather than as a fear?*

CLAIMANT: Yes, Schrecken is the idea of a childish kind of spook, the idea of a goblin.

DEFENCE: Do you think this is a reliable dictionary?

CLAIMANT: It helped us a lot with the word "Vernichtung", did it not?

DEFENCE: OK. "Schreck", fright, shock, terror, alarm, panic, consternation, dismay, fear, horror? (Irving 2000)

Поскольку слова реализуют свои конкретные значения в конкретном контексте, проблема влияния контекста на значение слова достаточно широко обсуждается в зале суда. Важно заметить, что обсуждается влияние не только лингвистического, но и ситуативного контекста на смысловое наполнение лексической единицы. Обращаясь к лингвистическому контексту слова, участники процесса исследуют его в составе абзаца или другого фрагмента текста. В ряде случаев к этому их подталкивает судья: *Давайте абзац прочтем; Я прошу Вас, прочтите весь абзац; Look at the context* и т.д. Обращение к ситуативному контексту встречается не так часто, но пример такого обращения мы считаем необходимым представить. При обсуждении отрицательной коннотации слова «секта» один из свидетелей замечает: «Дело в том, что не слово красит организацию, а организация сама ставит себя в такое положение, когда даже слово приобретает новую окраску». Таким образом, можно говорить, что перед судьями ставятся и решаются вопросы толкования слова как в лингвистическом, так и в ситуативном контексте.

В ходе процесса судья может высказывать предположения и предлагать свои варианты семантического значения лексических единиц. Так, английский судья предполагает, что выражение, переведенное с немецкого как *park in the marshier parts* (*отправить в болото*), может быть своего рода фразеологизмом, поговоркой, и истец соглашается, говоря о необходимости консультации у носителя немецкого языка, знакомого с особенностями разговорной речи времен 2 мировой войны:

(183) JUDGE: Can we come back to the "we cannot park them in the marshier parts of Russia", because, this is pure supposition on my part, the phrase about sending them into the marsh looks as if it might be some sort of saying?

CLAIMANT: That is what it looks like to me. It is rather like sending somebody, somebody going for a Burton, something like that. It is not impossible.

JUDGE: Exactly. Do you know whether that is so or not?

CLAIMANT: In Schrecken I think it does not have the sense of killing somebody, but it has the sense of rather like sending them to Coventry might be even closer, who knows. But I would have to take advice from a German who is familiar with the vernacular of that particular era. (Irving 2000)

Значение слов и выражений зависит не только от контекста, но и от той грамматической формы, в которой они употреблены. **Грамматический аспект** речи также становится объектом внимания судей в ходе судебных процессов. Вопрос о грамматической форме, а именно - временной форме глагола, становится принципиальным, когда стороны процесса вместе с судьей анализируют перевод некоторых документов с немецкого, выполненный истцом и использованный в его книге. Судья отмечает несоответствие грамматической формы в переводе грамматической форме в оригинале:

(184) JUDGE: *Sorry, it is probably my misunderstanding. Mr Irving, I think you just said that you have not translated that sentence beginning "alt den Juden", but you did, did you not? Is that not where you write: "He pointed out, however, that he had no intention of starting anything at present"?*

CLAIMANT: *It is bundled up in that sentence. It is precis'd in that sentence.*

JUDGE: *You use the word "precis", but you have changed the tense, "missed" stays in the past tense? (Irving 2000)*

Истец пытается склонить судью на свою сторону, предлагая свое толкование оригинала, но судья вновь указывает на то, что предложение имеет форму прошедшего времени и, следовательно, не может быть отнесено к настоящему или будущему моменту времени:

(185) CLAIMANT: *What he no doubt said, if he was speaking in direct speech, is, "For a long time now I have done nothing, I have been inactive towards the Jews."*

JUDGE: *In the past?*

CLAIMANT: *In the past, yes.*

JUDGE: *But that is not the same thing as saying that you have no intention of starting anything at present or in the future?*

CLAIMANT: *At present.*

JUDGE: *Is there not a real distinction between the two on reflection now?*

CLAIMANT: *No, because the sense of the next sentence, my Lord, where he goes on to say, "I am not looking for difficulties. I am not going to try to make difficulties, there is no point in it, there is no sense in doing it."*

JUDGE: *Look at the tense again. It is "hat". (Irving 2000)*

В последней реплике судья вновь призывает истца обратить внимание на время глагола и называет использованную немецкую форму оригинала *hat*.

Отдельные особенности строения рассматриваемых в суде текстов оказываются не менее важными, чем семантические и грамматические аспекты. Опускание истцом нежелательной информации в своей книге приводит к недостоверному описанию исторических событий и становится предметом обсуждения в зале суда. Адвокат утверждает, что истец опускает все фрагменты, свидетельствующие об истреблении Гитлером евреев, но истец не признает этого. Тогда в допрос вмешивается судья, уточняя, что именно осталось невключенным в текст книги. На основе ответа истца судья делает вывод, что суть дела в книге была передана:

(186) CLAIMANT: *Your criticism is, of course, that I did not quote that particular sentence in my book.*

DEFENCE: *It is my consistent criticism that whereas anything that puts Hitler in the least danger of being, what shall we say, done for the murder of the Jews, to put it crudely, you take it out or you leave it out.*

CLAIMANT: *I do not agree. I put in the meat of that which is that once again he repeated his prophetic warning to the Jews that if they started a war they would not survive it, which is the crude way of putting that prophecy of his, and that there is no need to embellish it really with this kind of anti-Semitic jibe that he made in Parliament.*

JUDGE: *Which bit did you not include?*

CLAIMANT: The bit about the eye for an eye, the last sentence my Lord.

JUDGE: The rest I think you did include?

CLAIMANT: The rest I did include, and one has to remember the constraints that are on an author not to overwrite, not to write a book that is twice as long as the publishers are going to accept.

JUDGE: Speaking for myself I would have thought you did get the guts of it, if that is all you left out. (Irving 2000)

Среди других лингвистических понятий, фигурирующих в речи участников процесса, – недоговоренность/преуменьшение, эллипсис, метафора. Как мы писали, судья не обязательно принимает участие в обсуждении всех лингвистических вопросов. Во многих ситуациях он пассивен с точки зрения речевых проявлений. В то же время он, безусловно, учитывает как в ходе самого процесса, так и при принятии решения соображения, высказываемые участниками процесса.

2.6 Судья – простой смертный или «бесстрастная мыслящая машина»?

Рассмотренные нами выше стороны языковой личности судьи – рефери, участник драматического действия, лингвист – не мешают ему оставаться просто человеком, со своими сильными и слабыми сторонами, достоинствами и недостатками. И это четвертая составляющая личности судьи. Д. Пэнник, обращая внимание на то, что судьи не машины и ничто человеческое им не чуждо, пишет: «Слабости судей представляют интерес и важность, так как они обнажают реальность, скрывающуюся за маской объективности, представленной в суде. Ни один человек из тех, кто имел дело с законом, не станет отрицать, что личность и интересы судьи самым непосредственным образом влияют на то, какое решение будет принято по делу – и по сути, и по стилю. Всего лишь опасным заблуждением является утверждение, что, надев мантию и присягнув в должности судьи, человек перестает быть простым смертным, избавляется от всех пристрастий и становится бесстрастной мыслящей машиной» [Pannick, 1997, p. 26].

В данном параграфе нашего исследования мы постараемся выяснить, в какой степени судьи остаются простыми людьми со свойственными им индивидуальными особенностями и слабостями и как это проявляется в речи.

Одной из основных проблем, связанных с влиянием «человеческого фактора» на профессиональную деятельность судей, является проблема гарантии беспристрастности и объективности судей. Понятия беспристрастности и объективности определены в работе Т.В. Моисеевой, старшего консультанта Верховного Суда РФ. «Беспристрастность – качество, суть которого составляет требование непредвзятого и справедливого отношения к каждому субъекту уголовного судопроизводства. Она предполагает, что судья при рассмотрении материалов конкретного уголовного дела субъективно свободен от личных предубеждений или пристрастий в отношении участников процесса... Объективность – качество, суть которого состоит в требовании, предопределяющем такое отношение к рассмотрению

дела, которое позволяет выявить как уличающие, так и оправдывающие подсудимого обстоятельства, а также смягчающие и отягчающие его наказание, и в итоге постановить законный, обоснованный и справедливый приговор. И, следовательно, защитить права и законные интересы лиц и организаций, потерпевших от преступления, личность от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод... Таким образом, объективность – категория, нацеленная на установление и оценку фактических обстоятельств дела, а беспристрастность – на отношение к лицам, участвующим в деле» [Моисеева, 2003, с. 46]. Автор работы подробно рассматривает обстоятельства, при которых возникает личная заинтересованность судьи в исходе дела и предлагает некоторые усовершенствования УПК, направленные на повышение беспристрастности и объективности отечественных судей.

Проблема непредвзятости судей актуальна и для западного общества, о чем свидетельствуют публикации. Дж. Гиббонс, объясняя принципы функционирования судебной системы, пишет: «...Судебная система, обладая властью, в то же время должна иметь безличный характер. В принципе, решения принимаемые от лица закона, не находятся под влиянием отдельных людей или личных чувств тех, кто задействован. Чтобы метафорически охарактеризовать закон, часто используется образ машины, абстрактной системы» [Gibbons, 2005, p. 70].

Беспристрастность и объективность судей закреплены как основополагающие принципы судейской деятельности в отечественном Кодексе судейской этики и в английском «Руководстве по поведению судей». В русском документе обязанности судьи в этом отношении изложены следующим образом: «Судья должен быть беспристрастным, не допускать влияния на свою профессиональную деятельность со стороны кого бы то ни было. При исполнении своих обязанностей судья не должен проявлять предубеждения расового, полового, религиозного или национального характера. Общественное мнение, возможная критика деятельности судьи не должны влиять на законность и обоснованность его решений» (ст. ст. 4.2, 4.3) [Кодекс судейской этики, 2004]. Раздел 3 английского руководства для судей дает подробные инструкции английским судьям, касающиеся соблюдения принципа беспристрастности, суть которого отражена в ст. 3.1: «Судья должен стараться обеспечить, чтобы его или ее поведение как в суде, так и вне его поддерживало и повышало веру общественности, представителей сферы права и тяжущихся в беспристрастность судьи и судейского корпуса» [Guide to Judicial Conduct, 2008].

Свидетельствует ли формальная закреплённость принципа непредвзятости о том, что он всегда соблюдается? Д. Пэнник приводит примеры целого ряда курьезных случаев из разных лет, иллюстрируя несоответствие поведения судей принципу непредвзятости. Так, судья назначил обвиняемой условное наказание, а не отправил ее в тюрьму, потому что в тот день он стал дедушкой, о чем и сообщил публике. Другой судья значительно

снизил сумму вносимого за обвиняемого залога только по той причине, что обвиняемый был подстрижен, как судья [Pannick, 1987, p. 18].

Проблема непредвзятого вербального и невербального поведения судьи подробно рассматривается в работе американских авторов на основе анализа деятельности американских судей, ведущих процессы с судом присяжных [Blanck et al., 1985]. Авторы видят проблему в том, что «от судей требуется не только оставаться справедливыми и непредвзятыми, но и соблюдать видимость правосудия. Внешний вид судьи, его поступки и поведение при руководстве уголовными процессами никогда не должны демонстрировать присяжным убеждения судьи о виновности обвиняемого... Апелляционные суды признают, что проявления предвзятого отношения в суде или несправедливости на процессе могут иметь явную или неявную, вербальную или невербальную форму, которая никогда не фиксируется в ‘сухих’ апелляционных записях» [Ibid. P. 90]. Авторы статьи исследуют поведение судьи и степень его влияния на присяжных. Они указывают, что судьи могут намеренно или ненамеренно демонстрировать свое отношение к сторонам, причем занять как позицию обвинения, так и оправдывающую позицию в отношении обвиняемого, что в конечном итоге может повлиять на вердикт по делу, выносимый присяжными.

В другой работе приводятся примеры невербального поведения судьи, воздействующего на присяжных: «Смех, кивки головой, выражение гнева на лице и тому подобные знаки могут намеренно или ненамеренно сообщать о том, что думает судья» [Levine, 1991, p. 72].

Интерес представляют некоторые замечания исследователей о влиянии индивидуальных характеристик судей на ход процесса. На речевое и неречевое поведение судьи по отношению к другим участникам процесса влияют такие факторы, как его возраст, пол, раса, политические убеждения, длительность пребывания в должности судьи. Так, к примеру, было установлено, что белые судьи больше смотрят на обвиняемых, чем чернокожие судьи [Dorch, Fontaine, 1978], а судьи-женщины в большей степени подвержены предвзятому отношению [Constantini et al., 1983]. Кроме того, что поведение судей определяется их личными характеристиками, характеристики обвиняемых также оказывают воздействие на судей [Blanck et al., 1985].

Приведенные примеры и выводы, к которым приходят исследователи, свидетельствуют скорее не о несовершенстве системы правосудия, а о том, что судья не может стать абсолютно беспристрастной машиной для принятия решений. Как замечает К. Эванс о системе правосудия, «это система, которую создали и которой руководят люди, и она всегда будет «приправлена» человеческими ошибками. Со всем этим можно и нужно мириться, ибо мы живем не в Утопии» [Evans, 1995, p. 91].

Наши материалы подтверждают то, что мы живем не в Утопии, а судебными процессами руководят обычные люди с присущими им индивидуальными характеристиками, влияющими на практику правосудия. Отметим некоторые личностные проявления в речевом поведении судей.

Во-первых, между участниками судебных процессов помимо отношений на институциональном уровне могут возникать **отношения личного**

характера: расположение, сочувствие, неприязнь и т.д. Закрепленные в официальных документах нормы и инструкции о том, что личные чувства судей не должны влиять на их профессиональную деятельность, не могут тем не менее исключить появление этих чувств и проявление их в речи.

Антипатия между прокурором и судьей явно прослеживается в ходе процесса о запрещении Свидетелей Иеговы. Судья часто демонстрирует несдержанность в отношении прокурора, допускает придирки и даже откровенную грубость. Справедливости ради заметим, что и прокурор не всегда ведет себя в соответствии с нормами институционального общения. Приведем пример конфликтной ситуации. Когда прокурор обращается с ходатайством о запросе судом дополнительных документов, судья выражает недовольство. Прокурор вынуждена настаивать, уже ссылаясь на ГПК:

(187) ПРОКУРОР: ...Я прошу суд в связи с прочитанным выше запросить документы истории болезни вышеуказанной Кириллиной Светланы 2, 5 лет и прошу ксерокопии обозреть.

СУДЬЯ: Они заверены?

ПРОКУРОР: Нет, они не заверены.

СУДЬЯ: А почему? Вы сами разве не могли взять в больнице эти истории болезни?

ПРОКУРОР: Речь идет о другом городе, поэтому я прошу суд запросить данные документы.

(Неразборчиво.)

ПРОКУРОР: Пожалуйста, я предоставляю вам. Я и прошу в связи с тем, что отсутствуют подлинники. Я и прошу суд запросить.

СУДЬЯ: Каким образом, технически, если мы слушаем дело...

ПРОКУРОР: Я пользуюсь своим правом, предусмотренным в ГПК, просить суд о запросе надлежащих документов.

СУДЬЯ: Нет, но вы не могли, прокуратура, сделать уже давно запрос.

ПРОКУРОР: Значит, если мы не запросили, у нас не было такой возможности, и мы просим суд об этом. (Св.И. 1999)

В другой ситуации прокурор обращается к судье с ходатайством о привлечении к судебному разбирательству дополнительного свидетеля. Реакция судьи *Я не понимаю* звучит как открытое проявление нежелания вникнуть в суть ходатайства. Такая реакция порождает ответную грубость со стороны прокурора:

(188) ПРОКУРОР: Имеется следующее ходатайство. Прокурор САО обратился в суд с представлением о ликвидации религиозной организации Свидетелей Иеговы и запрете ее деятельности. Принимая во внимание то, что в настоящее время вопросом деятельности различных религиозных организаций уделяется большое внимание Государственной Думой РФ, правоохранительными органами, общественными организациями, прошу допустить к участию в судебном разбирательстве данного дела в качестве представителя общественности, в соответствии со ст.147 ГПК РФ, представителя благотворительного общественно-просветительского фонда Комитет по спасению молодежи Сергиенко Ирину Юрьевну, полномочия

которой оформлены надлежащим образом. Помощник прокурора Кондратьева.

СУДЬЯ: Я не понимаю.

ПРОКУРОР: Вам прочитать вновь это ходатайство? (Св.И. 1999)

Стычки между прокурором и судьей продолжаются постоянно, и в силу обладания абсолютной властью в зале суда судья всегда выигрывает. В результате это приводит к тому, что прокурор обращается с заявлением об отводе судьи. Приводим полностью текст заявления:

(189) ПРОКУРОР: У меня есть заявление. Разрешите, я прочту. Заявление об отводе федерального судьи Прохорычевой Елены Ивановны. В настоящем судебном заседании судьей Прохорычевой в нарушении ст. 14 ГПК РФ не принимаются меры к объективному и всестороннему рассмотрению дела, нарушается принцип равноправия сторон. Так, определением суда от 9 февраля 99 года было удовлетворено заявление адвоката Крыловой, представляющей интересы религиозной организации Свидетелей Иеговы, об отводе представителя благотворительного общественно-просветительского фонда Комитет по спасению молодежи Сергиенко И.Ю., что повлекло за собой необоснованное выведение из процесса указанного представителя. В удовлетворении ходатайства прокурора Кондратьевой Т.И. в качестве представителя со стороны общественности было необоснованно отказано. Кроме того, председательствующим не снимаются вопросы, адресованные прокурору, ответы на которые требуют специальных познаний в области религиоведения. Кроме того, снимаются ходатайства о запросах надлежащих документов, связанных с деятельностью религиозной организации Свидетелей Иеговы в другие города. Таким образом, действия судьи Прохорычевой свидетельствуют о тенденциозности ведения процесса и вызывают у прокурора сомнения в беспристрастности председательствующего судебного заседания. Руководствуясь ст. 18 пункт 3, считаю, что судья Прохорычева лично заинтересована в исходе дела. Прошу рассмотреть и удовлетворить отвод судье Головинского межмуниципального народного суда г. Москвы Прохорычевой. Помощник прокурора Кондратьева. (Св.И. 1999)

Как видно из заявления, судья обвиняется в тенденциозном ведении процесса, отсутствии беспристрастности, личной заинтересованности. По нашим наблюдениям, судья действительно не всегда вела процесс беспристрастно, но отвод судье не был дан, так как народные заседатели посчитали его необоснованным. Любопытно, что текст вынесенного народными заседателями определения фактически представлял собой текст заявления прокурора с кратким немотивированным отказом в конце. О.В. Красовская характеризует механизм отвода суда как ритуальный, поскольку «удовлетворение судьей, единолично рассматривающим дело, ходатайства о своем отводе означает ...признание им собственной несовместимости с занимаемой должностью» [Красовская, 2008, с. 30]. В нашем случае заявление об отводе рассматривалось народными заседателями, что, однако, не привело к иному результату. Председательствующая продолжила работу, не прекратив при этом выпады в адрес прокурора.

Продолжение процесса, начавшегося в 1998-1999 годах, состоялось в 2001 году с теми же участниками. Закономерно, что в речевом поведении судьи и два года спустя просматривается своего рода неприязнь к прокурору. На одно из заявлений прокурора судья отвечает откровенной грубостью и придирками. Очередная конфликтная ситуация заканчивается новым заявлением об отводе судьи:

(190) ПРОКУРОР: ...Прошу суд принять письменное заявление, содержащее правовое обоснование внесения представления прокурора Северного округа о ликвидации и запрете деятельности московской общины, в связи с неоднократными грубыми нарушениями указанной организацией отдельных норм международного договора РФ, норм Конституции России, РФ, федерального законодательства, а также систематическое осуществление данной организацией деятельности, противоречащей целям ее создания. В ссылке указаны ниже правовые акты, а это международные акты о правах человека, Конституция РФ, федеральные законы РФ, должны расцениваться судом как общеизвестные обстоятельства, не нуждающиеся в доказывании. Я прочитала Ваша честь.

СУДЬЯ: Читать-то вы у нас, товарищ прокурор, умеете. Я не пойму, что это такое за ходатайство (неразборчиво) ... правовое обоснование внесения представления. Это ходатайство, а вообще должно как-то подписываться.

ПРОКУРОР: Нет, дело в том, что ходатайство подписано.

СУДЬЯ: Это что, список международных актов здесь на 2 странице?

ПРОКУРОР: Здесь не только список правовых актов, здесь... Ваша честь, вы дадите мне сказать хоть слово в этом процессе или нет? Тогда, Ваша честь, я прошу...

СУДЬЯ: Зачитывать документы не надо.

ПРОКУРОР: Значит, я прошу объявить перерыв 5 минут для написания письменного заявления об отводе председательствующего суда. Мне необходимо всего 5 минут для написания письменного заявления. (Св.И. 2001)

Сложно объяснить некорректное речевое поведение судьи чем-либо, кроме личной неприязни к прокурору либо, действительно, персональной заинтересованностью в исходе дела.

Как показывает практика, в ситуациях, когда личное отношение судьи выходит на первый план, отодвигая назад профессионализм, участники процесса мало что могут сделать, чтобы изменить ситуацию. О.В. Красовская все-таки рекомендует заявлять отводы и считает, что «заявление отвода способно отрезвляюще действовать не только на судью, но и на процессуальных оппонентов» [Красовская, 2008, с. 30].

Вторым фактором, способным определять поведение судьи на процессе, является **воздействие на судью посторонних мнений**. Если процесс громкий, растянут во времени и широко освещается в прессе, то общественное мнение или позиция СМИ могут заставить судью склониться в ту или иную сторону. В следующем фрагменте английского судебного заседания, проходящего на десятый день процесса, истец проявляет обеспокоенность тем, что газета «The

Times» опубликовала неточную информацию субъективного характера, которая может оказать неблагоприятное, с точки зрения истца, воздействие на судью и на исход дела:

(191) CLAIMANT: *My Lord, the other minor matter concerns once again the press.*

JUDGE: *Yes.*

CLAIMANT: *From today's press coverage -- particularly I am referring to the Times -- one gets the impression they are relying more on hand outs than on their personal experiences in the courtroom.*

JUDGE: *I saw the report. I did not read it. What about it are you concerned?*

CLAIMANT: *Purely, that there were things in the article which were not in the testimony yesterday, and I am not in any way pointing a finger at the Defendants on this. It may well be there are third parties who are doing this and providing copies of the Professor's report or something like that to the press. This clearly disadvantages me. I am aware of the fact that your Lordship is sitting without a jury, so this is of less moment, but if it in any way gradually affects or put wrong guidelines on public opinion and skews public opinion in some way, then this may indirectly be seen to be affecting the outcome of this decision. (Irving 2000)*

Видим, что истец действительно обеспокоен возможным влиянием прессы на представление, которое складывается у судьи. Использование истцом словосочетания *minor matter* (*небольшой/незначительный вопрос*) для обозначения возникшей проблемы можно рассматривать как преуменьшение (*understatement*), типичное для представителей английской культуры. Какова же реакция судьи на данное замечание? Судья не выражает никакого негодования по поводу сомнений истца и уверяет его в собственной объективности:

(192) JUDGE: *Well, I am afraid that really is a sort of fact of life that you just have to put up with. Really, what matters here for my purposes is whether I am going to be influenced by it and, as I have not read it, I will not be. (Irving 2000)*

Обратим внимание на то, что судья аргументирует свое обещание непредвзятого отношения к процессу тем, что он просто незнаком с источником информации. Он не пытается представить свою независимость и беспристрастность как бесспорный факт.

Проблему непредвзятого отношения нельзя сводить к проблеме внешней объективности. Судья может сохранять внешнее спокойствие и при этом применять свои личные принципы и представления в процессе принятия решения по делу. **Личные убеждения судей** мы считаем третьим фактором, оказывающим воздействие на ход судебного процесса. В процессе судебных заседаний судья не только выслушивает стороны, но и дает некоторую оценку фактам и доказательствам. Оценка субъективна по определению, и судья в ряде случаев может руководствоваться в том числе и своими личными соображениями и представлениями при вынесении оценок. Так, при вынесении вердикта по делу о клевете на компанию МакДоналдс, содержащейся в буклете, выпущенном ответчиками, судья обращает внимание присутствующих на возможно неоднозначное восприятие читателями печатного материала и указывает на право судьи руководствоваться своими впечатлениями:

(193) *JUDGE: Whilst limiting its attention to what the Defendants are actually alleged to have published, the Court should be cautious of an over-elaborate analysis of the material in issue.*

Although a combination of words may in fact convey different meanings to the minds of different readers, the Court is required to determine the single meaning which the publication would convey to the notional, reasonable reader and to base its verdict and any award of damages on the assumption that this was the one sense in which all readers would have understood it.

In deciding what impression the material complained of would have been likely to have had on the hypothetical reasonable reader the judge is entitled, if not bound, to have regard to the impression it has made on him. (McDonald's 1997)

Интерпретация фактов и информации является процессом умственной деятельности, недоступна внешнему наблюдению и редко получает эксплицитное выражение в речи. Более того, личные убеждения и логика принятия судьями решений по делу могут намеренно скрываться за объяснениями официального характера, формальной логикой. В уже упомянутой нами ранее работе, посвященной лингвистическому аспекту деятельности судьи, Л. Солан указывает на то, что периодически судьи оправдывают принятые ими решения, ссылаясь на «научные» принципы и правила толкования текстов законов [Solan, 1993, p. 55]. Как отмечает Л. Солан, существующие правила толкования законов порой противоречат друг другу, а применение разных правил может привести к противоположным результатам. Исследователь приходит к выводу о том, что когнитивные предпочтения относительно интерпретации различных языковых явлений обусловлены личными убеждениями судьи относительно того, какое наказание должно применяться в том или ином случае. Наблюдения Л. Солана и примеры, приведенные исследователем и демонстрирующие то, насколько разные толкования получают одни и те же нормативные акты в умах и устах разных судей, еще раз подтверждают наше положение о том, что, надевая мантию, судья не лишается своих человеческих качеств и осуществляет правосудие в том числе и на основе собственных представлений о нем.

Выражение эмоций в речи судей мы считаем еще одним проявлением индивидуальности. Эмоциональные проявления в речи судей если и не оказывают принципиального воздействия на ход процесса, то в некоторой степени корректируют процессуальное поведение сторон и влияют на их самочувствие. Поэтому в ряде случаев можно говорить о целенаправленном выражении эмоций судьями. Английские судьи нередко сообщают о своих чувствах участникам процесса. Судьи используют целый ряд прилагательных и причастий, обозначающих эмоциональные состояния, часто с уточнением степени: *very reluctant* (совсем не склонен), *a bit surprised* (немного удивлен), *very anxious* (очень обеспокоен), *perfectly happy* (совершенно счастлив), *a bit alarmed* (слегка встревожен), *perfectly easy* (совершенно спокоен), *just puzzled* (просто озадачен) и др.

В ситуациях, когда ход процесса устраивает судью, он подает соответствующие сигналы участникам процесса. В примере (194) истец

обращается к судье за разрешением на изменение порядка рассмотрения вопросов, и судья сообщает о своем совершенно спокойном отношении (*perfectly easy*) к тому, на каком порядке рассмотрения останутся участники:

(194) CLAIMANT: *My Lord, can we not start the cross-examination on non-Auschwitz matters which will certainly take us up to the weekend? I am sure Mr Rampton has any number of questions he is curious about.*

JUDGE: *I am perfectly easy. I think you had between you reached agreement. It appears, perhaps, that is not really right. I do not mind in which order we take things. I think there is something to be said for taking Auschwitz first, but if you prefer that it was dealt with the other way round, that is fine. (Irving 2000)*

В другой ситуации судья сообщает истцу, что он будет абсолютно счастлив (*perfectly happy*) независимо от того, будет ли истец давать показания в кабинке свидетеля или на своем обычном месте:

(195) JUDGE: *...Mr Irving, the next problem, and you can really choose whichever you prefer, that is the witness box. If you find it more convenient to stay where you, I am perfectly happy if Mr Rampton is happy at this stage anyway, for the evidence to be given from there. (Irving 2000)*

Мы понимаем, что вряд ли судья сообщает на процессе о своих истинных чувствах и что такие высказывания во всяком случае являются преувеличениями. Основная функция таких высказываний регулятивная. Выражение положительных эмоций со стороны судьи свидетельствует об удовлетворительном ходе процесса и о том, что стороны могут продолжать придерживаться выбранной линии. И наоборот, выражение недовольства из уст судьи побуждает стороны внести необходимые коррективы в ход процесса. В примере (196) судья, сообщая, что он обеспокоен (*very anxious*), побуждает истца оставить спорные, но не представляющие важности вопросы, и поскорее перейти к другим:

(196) JUDGE: *...I do not think we want to take a lot of time in dealing with matters which are not uncontentious, but which, perhaps, are not at the heart of what is the true issue between the parties. I am very anxious we get on if we can as soon as possible. (Irving 2000)*

Выражение *I am anxious* (я обеспокоен) представляет собой типичную речевую формулу, используемую английскими судьями в ситуациях, требующих вмешательства судьи и дополнительного обсуждения сторонами:

(197) JUDGE: *And we are, as you all know, strictly prohibited by law from having any knowledge of how the jury's deliberations proceed. I am anxious to ensure there is no scope in this document for any misunderstanding on the part of any member of the jury in the course of their deliberations. So I am very anxious that there should be no ambiguity at all. Now I do understand that both of you have a clear understanding of what these admissions mean and the limitations which they contain. I think, I still think it would be a good idea to have perhaps a further admission or a further rider which makes it clear to the jury how that word is to be interpreted or those words are to be interpreted... (Shipman 1999)*

Русские судьи не склонны эксплицитно сообщать о своих эмоциональных состояниях. Об определенном эмоциональном отношении судей к

происходящему можно судить только по некоторым формальным признакам. К примеру, восклицание *Вам же задан вопрос!*, адресованное прокурору, выражает недоумение по поводу неудовлетворительного ответа, данного прокурором, и побуждает его дать устраивающий судью ответ.

К проявлениям человеческих качеств в речи судей мы считаем возможным отнести юмор. Юмор не только выражает отношение судьи к происходящему, но и в некоторой степени отражает характер судьи. П. Хоббс, обсуждая судейский юмор, указывает на то, что юмор в судебных решениях британских и американских судей не редкость, а давняя традиция [Hobbs, 2007, p. 50]. В работе автор представляет краткий обзор существующих взглядов на проблему судейского юмора. Судейский юмор критикуется теми, кто считает, что судьи, составляющие решения таким образом, стремятся завоевать дурную славу [Rudolph, 1989]. Сторонники юмора в речи судей утверждают, что юмор помогает оформить свою точку зрения, применить ее к конкретному контексту и вдохнуть жизнь в некоторый набор фактов, формально представленный в тексте закона [Jordan, 1987]. П. Хоббс считает, что юмор в речи судей выполняет регулятивную функцию, помогает наказывать провинившихся и предостерегать других от подобного поведения [Hobbs, 2007, p. 50].

Д. Мелникофф указывает на другую функцию юмора и включает его в число приемов, которые могут помочь юристу создать более запоминающуюся речь. «Все, чего юрист может опасаться в связи с использованием юмора, это неудачи, а когда ставки так высоки (положить конец неприглядной скуке), риск того стоит» [Melnikoff, 1963, p. 442]. Среди других примеров использования юмора Д. Мелникофф приводит примеры судейской речи.

В нашем материале нет примеров представленных с юмором судебных решений, о которых пишет Л. Солан, но в ходе процесса некоторые английские судьи подходят к ряду ситуаций с юмором. В следующем примере разворачивается шуточный диалог между судьей и адвокатом ответчика. Диалог происходит между допросами и служит своего рода разрядкой для всех участников процесса. Интересен тот факт, что ситуация инициирована самим судьей. На жалобы адвоката по поводу неудобного зала заседания судья отвечает шуточной репликой *Ну, а в остальном Вы совершенно счастливы*. Адвокат принимает шуточный тон судьи за разрешение на некоторую несерьезность и шутит в ответ про невыносимую жару в зале суда:

(198) BARRISTER: I do not know how best to do it. I have to say (and I will say it again; I sort of hinted at it yesterday) this is the most ghastly inconvenient and uncomfortable court I have ever been in. That is nobody's fault. I can hardly stand up. I cannot get at my documents.

JUDGE: I wish I thought I could do something about it.

BARRISTER: I say that as a preliminary. The witness is miles away from the files that he needs. I can hardly see him because of this pillar and my learned junior cannot see him.

JUDGE: Otherwise you are pretty happy!

BARRISTER: Except for the feeling that I am being boiled alive.

JUDGE: That I have tried to do something about. The air conditioning was supposed to be on. I do not know whether it actually was over the midday adjournment -- it was. I just do not see that we can solve any of these problems.

BARRISTER: Perhaps the authorities at least might pretend that it was mid summer instead of Siberia, we might be a little bit more comfortable. (Irving 2000)

Адвокат, возвращаясь к ходу процесса, маркирует окончание шутливого диалога метакоммуникативной конструкцией *to be serious (если быть серьезным/ шутки в сторону)*. Кроме того, он приносит извинения за то, что позволил себе отвлечься, по-видимому, понимая, что только судье по положению позволены шутливые замечания:

(199) BARRISTER: Mr Irving, to be serious (and I am sorry to be a little bit facetious) Mr Irving will need some files. (Irving 2000)

Прилагательное «facetious», которым адвокат характеризует свое речевое поведение, имеет значение «saying things that are intended to be clever and funny but are really silly and annoying» (говорящий вещи, которые должны звучать умно и смешно, но в действительности звучат глупо и раздражающе) [Longman, 2006, p. 560].

Некоторые ремарки отечественных судей можно охарактеризовать как **ироничные** или **саркастические** и выражающие личное отношение судей к обстоятельствам или участниками процесса. У свидетельницы, отказывающейся на суде от данных ранее показаний, судья сначала спрашивает, читала ли она показания, перед тем как подписывать, а затем едко замечает:

(200) СУДЬЯ: Вы неграмотная? Я так понимаю, грамотности вести учет клиентов у Вас хватало. (РЗ 5/2009)

В другой ситуации судья выясняет род деятельности свидетельницы, которая раньше занималась проституцией, и иронизирует, объясняя ее безработное состояние экономическим кризисом:

(201) СУДЬЯ: Вы до сих пор что ли работаете?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА: Нет.

СУДЬЯ: Кризис. (РЗ 5/2009)

Заметим, что последняя реплика судьи не адресована свидетельнице и не имеет функциональной ценности с точки зрения регулирования процесса. Такого типа реплики служат исключительно для выражения в речи личного отношения судьи к происходящему.

Таким образом, русские и английские судьи в ходе процесса демонстрируют ряд индивидуальных особенностей. В речи судей получают выражение личные отношения между участниками процесса, влияние посторонних мнений, личные убеждения и мнения судей, их эмоциональные состояния и характер. Это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что любой судья даже в ходе выполнения судейских обязанностей остается обычным человеком со своими ценностями, убеждениями, привычками, настроением.

Л. Солам выражает убеждение в том, что все качества, которые необходимы судье для выполнения служебных обязанностей, можно развить в ходе работы. К этим качествам он относит судейскую мудрость, судейский ум и

судейскую убежденность [Solum, 1988, p. 1754]. Нам представляется, что рассматриваемые Л. Соламом принципиальные судебские достоинства становятся своего рода надстройкой на человеческих качествах судей, которые не только не исчезают в ходе профессиональной деятельности судьи, но и могут достаточно ярко проявляться в речи. Личные качества судьи как обычного человека могут способствовать выполнению институциональных обязанностей и принятию верных решений, с одной стороны, и затруднять ход процесса, приводя к конфликтным ситуациям и напряженности в зале суда, с другой стороны.

Выводы

По нашему мнению, рассмотренный речевой материал подтверждает нашу концепцию о существовании в структуре языковой личности судьи нескольких граней, которые реализуются в различных ситуациях в ходе судебного процесса. Таких граней, или ролей, мы выделяем четыре: судья-рефери, судья-участник драмы, судья-лингвист, судья-обычный человек. Каждая роль соотносится с определенной деятельностью и целями, которые достигаются средствами языка.

Деятельность судьи-рефери связана с осуществлением контроля в зале суда и направлена на обеспечение справедливого судебного процесса, гарантирующего равные права сторонам. Эта задача судьи-рефери достигается главным образом широким применением различных метакоммуникативных средств языка, выполняющих различные функции, имеющих различную форму и существующих в различных комбинациях в речи. Метакоммуникация с ее контролирующей и структурирующей функциями помогает судье организовать процесс как институционально регламентированное событие и сыграть роль независимого и справедливого рефери.

Судья как участник драмы является ключевой фигурой в организации процесса как театрального действия, насыщенного ритуальными элементами, как вербальными, так и невербальными. Общая обстановка в суде, указывающая на ритуализированное пространство, одежда судей, символическая удаленность от других участников процесса составляют невербальный компонент судебной драмы, который дополняется вербальной коммуникацией. Использование строго регламентированных обращений, устойчивых речевых формул, лексики с официально-деловой стилистической окраской и юридической лексики, сложного синтаксиса придают судебной коммуникации более или менее выраженный формальный характер. Реализация судьями принципа вежливости в речи не противоречит, как нам кажется, принципам конфликтного судебного общения. Напротив, примеры использования английскими судьями средств позитивной и негативной вежливости подтверждают, что эти средства могут весьма эффективно применяться для гармонизации обстановки в зале суда. Метафора как образно-экспрессивный прием в речи судей и других участников процесса также помогает выстраивать судебную драму, устанавливая когнитивные связи между образами в сознании коммуникантов.

Судья-лингвист проявляет особое внимание к лингвистическим аспектам судопроизводства. Задачи, стоящие перед судьей-лингвистом, включают правильное толкование текстов законов, других документов, от которых зависит ход судебного разбирательства, высказываний участников процесса, а также назначение лингвистических экспертиз в случае необходимости. Эта сторона деятельности предполагает обращение судей к самым различным аспектам языка: семантике слов и выражений, ситуативному и лингвистическому контексту, грамматике, строению текстов. Учитывая, что основной материал, с которым судья работает, это слово, важность этой стороны личности не подлежит сомнению.

Судья на протяжении всего процесса остается и просто человеком, что находит в той или иной степени отражение в речевом поведении судьи. По отдельным высказываниям или их сумме можно судить о личных отношениях между судьей и другими участниками процесса, о влиянии на судью посторонних мнений, его личных убеждениях и мнениях, эмоциональном состоянии, некоторых чертах характера.

Различные стороны личности судьи могут выступать согласованно либо находиться в конфликте. Судья-лингвист или судья-участник драмы в основном помогают судье-рефери осуществлять правосудие. В некоторых ситуациях происходит столкновение различных сторон личности судьи, и одна из них оказывается в доминирующем положении. Отказываясь обсуждать не представляющие важности лингвистические моменты, судья проявляет себя как рефери, контролирующей течение процесса. Предлагая прокурору выступить сидя, судья подходит к ситуации с чисто человеческим сочувствием, отодвигая таким образом на задний план ритуальные условности. Если индивидуальные качества доминируют над другими гранями личности судьи, это может привести к нарушению правильного хода процесса. Поэтому задачей судьи является соблюдение баланса между различными сторонами личности и проявление гибкости в ходе процесса в зависимости от складывающейся ситуации.

Структура личности судьи, которую мы предлагаем, актуальна и для русских и для английских судей. Однако в некоторых частных проявлениях обнаруживается национальная специфика. Английские судьи более склонны к формальному общению с соблюдением ритуальных условностей. В отличие от них отечественные судьи пользуются просторечной и жаргонной лексикой и используют приемы интимизации при общении с непрофессиональными участниками процесса. Принцип вежливости более последовательно реализуется в речи английских судей. Целый ряд средств вежливости, включая самоуничижительные ремарки, встречается только в речи английских судей. Особенностью английского судебного дискурса является также широкое использование метафор и развернутых метафорических систем, построенных на взаимосвязанных образах. Многие метафоры имеют ярко выраженную национально-культурную специфику, источник которой лежит в исторической и культурной среде.

Наряду с перечисленными гранями личности судьи мы выделяем еще одну. Это судья-публичная фигура. Поскольку эта грань личности реализуется вне зала суда, мы представим ее анализ в главе 4, посвященной речевому поведению судей за пределами зала суда.

ГЛАВА 3

Речь судьи в жанровом аспекте

3.1 Теория речевых жанров как основа анализа судебного дискурса

Понятие «жанр» широко используется отечественными и зарубежными учеными в исследованиях, посвященных речевой коммуникации в самых различных сферах человеческой жизни и деятельности, в том числе в сфере правовой. Исследователи обращаются к различным типам юридических текстов и ситуаций правового взаимодействия, предприняты попытки классифицировать и систематизировать юридические жанры, представить описание некоторых жанров юридической сферы. Безусловно, эти работы представляют значительную ценность, создавая базу для дальнейшего изучения жанров в правовой сфере. Мы считаем, что понятие речевого жанра (РЖ) является одним из ключевых понятий речеведения вообще и судебного речеведения в частности. Анализ судебной речи с точки зрения типичных жанровых форм может в значительной степени способствовать созданию упорядоченной картины судебной коммуникации, учитывающей целый ряд прагмалингвистических факторов, и раскрытию принципов взаимодействия между участниками судебного процесса.

Прежде чем мы приступим к анализу речевого материала и подробному рассмотрению жанров в речи русских и английских судей, обратимся к понятию жанра, поскольку оно не всегда используется в одном и том же понимании разными учеными и нуждается в уточнении. Мы представим основные подходы к изучению и классификации жанров в отечественной и зарубежной лингвистике, уделяя особое внимание работам, исследующим жанры правовой сферы. Определив свое понимание жанра, мы предложим модель анализа жанров судебного дискурса, которую будем использовать для исследования своего речевого материала.

3.1.1 Концепция речевых жанров М.М. Бахтина

Для отечественных исследователей жанрового аспекта речи ключевой работой, дающей основные теоретические предпосылки, была и остается работа М.М. Бахтина «Проблема речевых жанров» [Бахтин, 1986а]. В своей работе М.М. Бахтин указывает на тот факт, что начиная с античности изучались литературные жанры и их отличия друг от друга в пределах литературы, а также риторические жанры, при рассмотрении которых обращалось больше внимания на словесную природу жанров как высказываний. В обоих случаях однако специфика литературных и риторических жанров заслоняла их общелингвистическую природу. Изучались также и бытовые речевые жанры (у Соссюра, американских бихевиористов), но это изучение ограничивалось спецификой устной бытовой речи, ориентировалось на примитивные высказывания. Таким образом, игнорировалась общелингвистическая природа

высказывания. Именно высказывание М.М. Бахтин ставит в основу своей концепции РЖ и называет его реальной единицей речевого общения, «ведь речь может существовать в действительности только в форме конкретных высказываний отдельных говорящих людей, субъектов речи. Речь всегда отлита в форму высказывания, принадлежащего определенному речевому субъекту, и вне этой формы существовать не может» [Там же. С. 263]. Высказывание, по М.М. Бахтину, обладает четкими границами, которые определяются сменой речевых субъектов, то есть сменой говорящих. Смена речевых субъектов является первой особенностью высказывания как единицы речевого общения, отличающей его от единиц языка. Второй особенностью высказывания М.М. Бахтин называет завершенность (целостность), которую связывает с 1) предметно-смысловой исчерпанностью, 2) речевым замыслом или речевой волей говорящего, 3) типическими композиционно-жанровыми формами завершения. Через высказывание Бахтин дает свое определение речевого жанра. Использование языка происходит в форме конкретных высказываний участников определенной области человеческой деятельности. Высказывания отражают условия и цели общения содержанием, отбором грамматических средств и композиционным построением, которые определяются спецификой сферы общения. «Каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [Там же. С. 250].

Чем же руководствуется говорящий при выборе речевого жанра? Прежде всего, речевым замыслом, который неразрывно связан с ситуацией общения, ее участниками и предшествующими высказываниями. Все эти факторы в совокупности влияют на выбор РЖ, и дальше речевой замысел приспособляется к избранному жанру и развивается в соответствующей жанровой форме. Подбор определенных типов предложений как единиц языка и их композиционных связей осуществляется с учетом целого высказывания, которое планирует говорящий, и жанра этого высказывания. Жанр планируемого высказывания определяет, по М.М. Бахтину, и выбор лексики. О выборе слов для построения высказывания Бахтин пишет: «Мы берем их обычно из других высказываний, и прежде всего из высказываний, родственных нашему по жанру, то есть по теме, по композиции, по стилю; мы, следовательно, отбираем слова по их жанровой спецификации» [Там же. С. 281]. Таким образом, М.М. Бахтин придает огромное значение в организации высказывания жанровым формам, которые «организуют нашу речь почти так же, как ее организуют грамматические формы (синтаксические)» [Там же. С. 271]. Именно благодаря способности распознавать жанр, слыша чужую речь, коммуниканты с самого начала общения обладают ощущением речевого целого, без чего общение было бы не просто затруднено, а практически невозможно.

Отечественные и зарубежные лингвисты изучают наследие М.М. Бахтина, на основе которого формируются различные подходы к речевым жанрам в разных сферах коммуникации.

3.1.2 Речевой жанр как тип текста

Одним из таких подходов является представление РЖ как особой модели высказывания. Т.В. Шмелева обозначает данный подход как речеведческий и противопоставляет его подходам лексическому и стилистическому, концентрирующим внимание на именах жанров, толковании их семантики и литературоведческих традициях соответственно [Шмелева, 1997]. Исследовательница считает, что говорить о речевой модели столь же правомерно, как и о языковой.

Понятие модели является центральным концептом теории речевых жанров. В.В. Дементьев пишет об общем для современного жанроведения понимании речевого жанра как типической модели порождения текста в типичных ситуациях [Дементьев, 1998, с. 22]. Т.В. Матвеева считает РЖ структурной моделью речевого общения в виде типичной последовательности речевых ходов [Матвеева, 1996]. А.Г. Баранов предлагает иерархию моделей, принадлежащих к различным уровням абстракции текстовой деятельности [Баранов, 1997]. М.Ю. Федосюк определяет жанры как относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы текстов [Федосюк, 1996, с. 75] и, исследуя средства положительного и отрицательного речевого воздействия, использует модель РЖ, предлагаемую Т.В. Шмелевой [Федосюк, 1997а].

Понятие модели фигурирует в концепции польского ученого Ст. Гайды, который различает жанр как элемент действительности, факт общественного сознания и инструмент научного описания [Гайда, 1986, с. 23–24]. Ученый считает, что обиходное понятие жанра складывается под воздействием группы свойств текстов, и в дальнейшем «жанр функционирует как горизонт ожиданий для слушающих и модель создания для говорящих, как существующий интересубъективно комплекс указаний, регулирующих определенную сферу языковых поведений (текстов) и имеющих разную степень категоричности» [Там же. С. 24]. Ст. Гайда определяет жанр как «культурно и исторически оформленный, общественно конвенционализированный способ языковой коммуникации; образец организации текста. Во-вторых, этот термин также означает совокупность текстов, в которых определенный образец является актуализированным, реализованным» [Гайда, 1999, с. 104].

Дж.П. Джи использует для толкования понятия «жанр» следующую формулировку – «формы лингвистического моделирования с точки зрения типичных коммуникативных задач» [Gee, 2002]. Коммуникативная цель в сочетании с различными образцами структуры, стиля, содержания, предполагаемой аудитории составляют основу жанра в представлении Дж. Свейлза [Swales, 1990, p. 58]. Отметим, что толкование Дж. Свейлза максимально приближено к бахтинскому и в сжатом виде отражает все аспекты, затронутые родоначальником отечественного жанроведения.

Жанр толкуется через понятие регистра представителями школы системной функциональной лингвистики М. Халлидеем и Р. Хасаном [Halliday, Hasan, 1989]. Ученые определяют регистр как конфигурацию смыслов, тесно

связанную с определенной ситуативной конфигурацией, которая включает тему коммуникативной деятельности, участников и их взаимоотношения, роль языка, а также собственно лингвистические черты, выражающие эти смыслы. В свою очередь жанр в понимании М. Халлидея и Р. Хасана представляет собой схематичную структуру, последовательность целеориентированных шагов, в которой в ходе производства текста находит воплощение регистр [Halliday, Hasan, 1989, p. 53–68].

Понятие структуры лежит в основе определения жанра, данного Ч. Фергюсоном: «Тип сообщения, который постоянно повторяется в сообществе, <...> имеет тенденцию с течением времени приобретать идентифицирующую внутреннюю структуру, отличную от других типов сообщений, имеющих в репертуаре сообщества» [Ferguson, 1994, p. 18–21].

Очень емким нам показалось определение жанра, данное Т. Люкманном, который толкует коммуникативные жанры как социально сконструированные модели для решения повторяющихся коммуникативных проблем [Luckmann, 1995]. Особую важность для нас представляет комментарий относительно типа коммуникативных проблем, для которых жанры обеспечивают стандартные решения. Это проблемы, затрагивающие коммуникативные аспекты таких типов социального взаимодействия, которые важны для поддержания существующего социального порядка [Luckmann, 1992, p. 228]. Несомненно, жанры судебного взаимодействия можно отнести к тем, которые обеспечивают социальный порядок, причем в самом прямом смысле. В сфере судебной коммуникации выработался целый ряд жанров, служащих цели осуществления правосудия. К некоторым из них мы обратимся далее в этой главе.

Как следует из представленных выше определений жанра, данных современными лингвистами, понятие модели или языковой структуры, возникающей в результате неоднократного повторения коммуникативной ситуации, является ключевым для понимания природы жанра.

Важно отметить, что для исследователей речевых жанров понятие модели неразрывно связано с коммуникативным контекстом, в котором эта модель формируется и который включает не только конкретную ситуацию, но и более широкий социальный и исторический контекст. К.А. Долинин, объясняя свое понимание жанра, тесно связывает РЖ с понятием модели, указывая на то, что жанры – это «реально присущие речевой компетенции носителей языка образцы (модели) говорения и письма» [Долинин, 1999, с. 8]. Ученый считает, что РЖ как стереотип речевого поведения возникает при повторении определенного сочетания параметров коммуникативной ситуации, и перечисляет данные параметры.

Е.А. Земская считает необходимым рассматривать жанры речи в непосредственной связи с коммуникативной ситуацией, поскольку адекватная коммуникация должна строиться в соответствии с особенностями ситуации и характером отношений между партнерами коммуникации [Земская, 1988, с. 43].

На важность коммуникативного контекста при выделении РЖ и построении их типологии указывают М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова. Среди выдвигаемых ими теоретических предпосылок находим утверждение о

том, что «жанры, реализуясь в определенных коммуникативных ситуациях, соотносимы с КА (коммуникативным актом) и являются его текстовым воплощением» [Китайгородская, Розанова, 1999, с. 24]. Типология жанров речи должна, по их мнению, базироваться на типологии ситуаций. Определенному типу ситуации соответствует свой набор жанров, которые различаются жанровыделяющими признаками. Задачей исследователей и является «из всего набора параметров КА выбрать те, которые являются жанровыделяющими» [Там же. С. 24]. Весь комплекс признаков, характеризующих КА, исследовательницы группируют по четырем основным параметрам, которые формируют любую коммуникативную ситуацию: время, место, партнеры коммуникации, тема.

Изучение ситуаций речи, в которых формируются те или иные речевые жанры, актуально и для зарубежной лингвистики. Ст. Гайда констатирует, что «почти все новые концепции жанра разработаны на базе теории коммуникации, причем условием построения систематической теории жанра явилась типология ситуаций речи» [Гайда, 1986, с. 25].

Авторы англоязычных работ также отмечают ситуацию как принципиальный фактор в формировании жанра. К. Миллер, обращаясь к риторической традиции в исследовании жанров, пытается связать ее с социальной природой жанра и определяет жанры как «типичные риторические действия на основе повторяющихся ситуаций» [Miller, 1984, p. 159]. Ч. Базерман указывает на многомерность жанра и его богатые многомерные ресурсы, которые помогают нам помещать наши дискурсивные действия в контекст высокоструктурированных ситуаций [Bazerman, 1997]. На тот факт, что жанры могут в той или иной степени быть связаны с определенными типами коммуникантов и ситуативных контекстов, указывает Р. Бауман [Bauman, 2006, p. 749]. В своей работе ученый представляет широкое понимание контекста, который включает сферы деятельности, институты, ситуативные контексты. Характеризуя составляющие контекста в широком понимании, Р. Бауман пишет: «Все эти конструкты являются устоявшимися социологическими, антропологическими и феноменологическими инструментами (frames of reference), которые позволяют принять во внимание взаимосвязь целенаправленной деятельности, социальной организации и культурных образований» [Ibid. P. 754].

Как видим, для большинства исследователей коммуникативный контекст, ситуация взаимодействия прочно ассоциируются с осуществляемой человеком в этом контексте деятельностью. Понятие деятельности, по нашим наблюдениям, является еще одним ключевым концептом в жанроведении наряду с моделью и контекстом. Отечественные ученые отмечают тесную связь ситуации, речевого и неречевого поведения, деятельности человека. В.Е. Гольдин, соотнося понятие жанра с такими общими формами осмысления мира, как ситуация, событие, поступок, исходит из идеи единства коммуникативной и некоммуникативной человеческой деятельности. Ученый считает перспективным «изучение параллелизма коммуникативных и некоммуникативных событий, действий, поступков, результатов,

коммуникативных и некоммуникативных фреймов» [Гольдин, 1997, с. 23]. Он связывает категорию жанра с категорией ситуации как формы, структуры события и приходит к выводу, что «имена речевых жанров образуют в языке особую лексическую группу, единство и внутренняя организация которой определяются закономерными отношениями сторон и компонентов человеческой деятельности как целого» [Там же. С. 33].

К.Ф. Седов указывает на первичность социального невербального поведения в понимании феномена речевого жанра и определяет РЖ как «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [Седов, 1998, с. 11]. Он считает уместным говорить о жанрах поведения, которым соответствуют те или иные РЖ.

Американские ученые (Ч. Базерман и др.) объясняют, как жанр помогает ориентироваться в огромном количестве высказываний, и считают, что жанр сам представляет информацию, в том числе и о сфере деятельности: «Узнаваемые различия между типами текстов помогают нам ориентироваться среди того, что может показаться огромной вселенной языковых высказываний. Узнавание жанра ориентирует нас не только на тип текста, но и на сферу деятельности, в которой он оперирует, на действия, которые обычно осуществляются этими текстами, на информацию, воздействие и отношения обычно реализующиеся, на допустимую для аудитории роль, на наиболее удобное использование данного текста и на обычные средства толкования текста... Жанр помогает поместить текст в некоторые знакомые социальные условия и типы деятельности» [Bazerman et al., 2003]. В другой работе Ч. Базерман использует несколько иную, более лаконичную, формулировку, чтобы констатировать связь жанра и человеческой деятельности: «Жанры – это не просто формы. Жанры – это формы жизни, способы бытия. Это рамки для социального действия» [Bazerman, 1997, p. 19].

С практической деятельностью человека связывает свое понимание жанра В. Хэнкс, определяя жанр как относительно устойчивый, заготовленный заранее аспект практической деятельности, к которому имеют доступ участники коммуникации, когда они включаются в процесс взаимодействия и поддерживают его [Hanks, 1996, p. 233].

Особый интерес представляют для нас замечания, касающиеся сферы профессиональной коммуникации, сделанные известным исследователем жанрового аспекта речи В. Бхатиа. В работе, посвященной жанрам в сфере бизнеса, ученый сетует на то, что в британской традиции жанрового анализа профессиональные практики и культуры никогда не учитывались должным образом, несмотря на общую тенденцию исследовать жанры с учетом «контекстуальных факторов» [Bhatia, 2008, p. 161]. В. Бхатиа считает, что нельзя рассматривать жанры исключительно как текстовые артефакты. Необходимо выработать подход, интегрирующий в себе рассмотрение текстового (text-internal) и внетекстового (text-external) факторов, которые влияют на формирование, интерпретацию и использование жанров профессионалами для достижения целей в различных контекстах. Осознание исследователем сложной и многомерной природы жанра приводит его к

созданию соответствующей модели жанрового анализа, которая интегрирует профессиональный дискурс и профессиональную практику (деятельность). Модель анализа В. Бхатиа включает несколько аспектов рассмотрения дискурса: наряду с собственно текстовым в нее входят когнитивный, социо-критический, институциональный и этнографический [Bhatia, 2008]. Предлагаемая модель представляется нам действительно емкой и учитывающей все измерения профессиональной коммуникации.

3.1.3 Жанры юридической сферы и их классификация

В зарубежной лингвистике существует значительное количество работ, посвященных юридическим, в том числе судебным, жанрам. Исследование жанров в этих трудах проводится с опорой на указанные нами ключевые понятия жанроведения: понятия модели/ структуры, ситуации, деятельности.

В. Бхатиа указывает на ведущую роль языка в осуществлении правосудия, на многообразие и многофункциональность юридических жанров: «Язык, безусловно, играет важную роль в создании, интерпретации, обсуждении и осуществлении правосудия. Именно через разнообразные юридические жанры осуществляется попытка создать и поддерживать образцовый мир прав и обязанностей, разрешений и запретов... Чтобы регулировать настоящий мир человеческого поведения, когда считается, что он не соответствует образцовому миру, эти правила и установки получают судебную интерпретацию и применяются через систему судов, чтобы обсудить и обязательно навязать желаемое поведение» [Bhatia, 2006b, p. 1]. В понимании В. Бхатиа функциональная сторона жанра неразрывно связана со стороной формальной. Выполнение жанрами специфических функций в условиях институционального общения приводит к появлению устойчивых структурных форм. По определению В. Бхатиа, жанр – это «фрагмент использования языка в стандартных социальных условиях, требующих адекватной реакции на специфический набор коммуникативных целей в условиях дисциплинарного или социального института и, таким образом, способствующих появлению устойчивых структурных форм за счет ограничения в использовании как лексико-грамматических, так и дискурсивных ресурсов» [Bhatia, 2006a, p. 387]. Считая жанр «риторически устойчивой текстовой деятельностью», В.К. Бхатиа тем не менее не отрицает определенной гибкости жанровой формы и возможности для коммуниканта создавать новые формы, чтобы приспособиться к изменяющимся социо-когнитивным условиям. Более того, изменения в жанрах на уровне лексики и грамматики, риторических стратегий и дискурсивных схем могут быть привнесены коммуникантом намеренно, чтобы продемонстрировать свою индивидуальность или чтобы достигнуть специфического эффекта. Однако все эти новшества реализуются в рамках жанра, оставляя его типичным, узнаваемым.

Типичные формальные характеристики лежат в основе определения жанра Д. Хаймса, который считает, что жанр подразумевает возможность идентификации формальных традиционно опознаваемых характеристик. На это

определение ссылается американский исследователь Г. Стайгл, предваряя описание таких жанров судебной коммуникации, как свидетельство (testimony), заключительное выступление (final argument), заключительная инструкция (final instruction) [Stygall, 1994, p. 55].

Абстрактность и схематичность жанра подчеркивается исследователем судебной коммуникации Дж. Гиббонсом, который предлагает следующее определение: «Жанр – это общий план для дискурса определенного типа, который состоит из упорядоченной последовательности шагов или стадий, через которые проходят люди, вовлеченные в определенную социальную деятельность» [Gibbons, 2005, p. 11]. Из этого определения ясно, что жанр для Дж. Гиббонса это некая схема, по которой строится дискурсивная деятельность и которая получает конкретное наполнение в определенной ситуации. Развивая идею о схематичности жанра, Дж. Гиббонс ссылается на работы М. Халлидея и Р. Хасана, использующих применительно к жанру понятие структурного потенциала (structure potential), что означает наличие у жанра обязательных и факультативных элементов. «Таким образом, конкретный текст представляет собой индивидуальное проявление жанрового типа и обнаруживает некоторые (обычно не все) аспекты потенциальной структуры этого жанра» [Ibid. P. 11].

Формальные признаки жанра, как уже указывалось ранее, формируются и закрепляются в процессе функционирования этого жанра в более или менее стандартных ситуациях. Они тесно связаны с функциями жанра и теми целями, которые ставит перед собой коммуникант, участник определенного вида социальной деятельности. Так, Дж.Р. Мартин определяет жанр как «организованный целеориентированный социальный процесс» [Martin, 1992, p. 587]. При этом личные интенции коммуниканта могут дополнять коммуникативную цель, которая определяется социальным контекстом.

Существование в юридической сфере, в частности в рамках судебного процесса, значительного, но в то же время конечного числа ситуаций взаимодействия между коммуникантами определяет значительное, но также ограниченное, число устоявшихся жанров. Используя обозначение «юридический жанр» (legal genre) для всего разнообразия жанров в этой сфере, польская исследовательница И. Витчак-Плисиецка указывает на разнообразие текстов и ситуативных схем, а также на существование в рамках юридического жанра различных функциональных субжанров, таких как статьи закона, контракты, завещания и т.д. [Witczak-Plisiecka, 2006]. Исследовательница подчеркивает схематичный характер жанра и его повторяющуюся форму.

Р. Бэдджер проводит жанровый анализ официальных сообщений о судебных делах в прессе с учетом социальных и культурных факторов и их связи с текстовой составляющей [Badger, 2003].

Попытки исследовать юридический дискурс в рамках теории речевых жанров предпринимаются отечественными учеными. Жанровые каноны судебных приговоров, охватывающие композицию, хронологические маркеры, особый стиль языка, исследуют Н.А. Мишанкина и Ж.А. Рожнева [Мишанкина, Рожнева, 2005]. Ученые рассматривают судебный приговор в диахроническом аспекте и отмечают ряд особенностей в документах 20-х годов. Ценным, на наш

взгляд, является замечание авторов о том, что специфика приговоров 20-х годов не только имеет формальные проявления, но и обнаруживается в содержательном аспекте документа, в моделировании ситуации и выстраиваемой для этого системе аргументации.

Мы также ранее обращались к таким юридическим жанрам, как приговор, обвинительное заключение и обвинительная речь прокурора [Дубровская, 2002]. Они рассматривались нами как образцы речевых жанров «осуждение» и «обвинение», отличающиеся от соответствующих жанров в обыденной речи. В судебных осуждениях и обвинениях акцент с межличностных отношений переносится на конструирование событий социальной действительности. Кроме коммуникативной цели, нами были рассмотрены формальная структура документов, языковые средства воплощения.

Подробный жанроведческий анализ одного из видов искового заявления представлен в работе О.П. Сологуб [Сологуб, 2006]. Автор использует хорошо известную модель анализа РЖ, предложенную Т.В. Шмелевой [Шмелева, 1997], применение которой позволяет исследовательнице выделить доминантные и детерминантные признаки жанра. Доминантными признаками искового заявления, которые составляют ядерную зону жанра и представляют его инвариант, исследовательница называет тип событийного содержания и образ адресата. Обращаясь к структуре рассматриваемого РЖ, автор выделяет содержательную модель документа «описательная часть→мотивировочная часть→ссылка на соответствующую статью законодательства→просительная часть», наполнение которой «регламентируется предлагаемым в образце... набором основных юридически значимых для рассматриваемого типа конфликтной ситуации сведений, логикой изложения и способами языкового выражения основного содержания» [Сологуб, 2006, с. 124]. Понятие модели, инварианта, как видим, не только определяет смысловое наполнение термина «речевой жанр», но и является ключевым при осуществлении практического анализа речевого материала.

Жанру речи адвоката посвящено диссертационное исследование В.В. Девяткиной [Девяткина, 2006], в котором автор рассматривает проблему жанра в связи с проблемой стиля. В своих рассуждениях В.В. Девяткина опирается в значительной степени на труды В.В. Виноградова, который увидел «в речи адвоката некий макрожанр, на практике представленный двумя жанровыми типами, различающимися особенностями композиционной системы изложения: 1) первый тип основан на психологической рисовке и картинном воспроизведении действия по литературно-художественным образцам; 2) второй тип речи основан на логической композиции и имитации стиля газетной передовицы и официальных бумаг» [Девяткина, 2006, с. 7]. К двум указанным типам исследовательница добавляет еще один, для которого характерна композиция, имитирующая протокол. Таким образом, автор работы выделяет три жанрово-стилевых типа речи адвоката: деловой, публичный, художественный. В то же время автор исследования отмечает, что определение стилиевой принадлежности речи современного адвоката сопряжено с трудностями, к которым она относит неоднородность языкового континуума,

стилевую сложность предмета исследования, сложность коммуникативных ситуаций, в которых порождается высказывание. Особое внимание при исследовании речи адвоката В.В. Девяткина уделяет оценке и ее различным типам, поскольку считает тип оценки жанрообразующим фактором.

Мы считаем, что рассмотрение оценок обязательно должно быть включено в анализ жанров судебной речи, в том числе жанров, характерных для речи судей. Оценочная составляющая деятельности судей очевидна: судья оценивает речевое и неречевое поведение сторон во время процесса, убедительность представленных той и другой стороной аргументов, оценивает проступок обвиняемого относительно существующей, закреплённой законодательно, шкалы преступных деяний. Эта ментальная оценочная деятельность получает вербальное воплощение в самых различных жанрах судебской речи.

Исследуя монологические жанры судебного дискурса, ученые имеют твердую почву под ногами, поскольку именно монологический жанр соответствует бахтинскому пониманию высказывания как единицы, завершённой в смысловом и композиционном плане и принадлежащей одному речевому субъекту. Однако при таком подходе диалогическое общение, составляющее суть судебного взаимодействия, остается за рамками теории речевых жанров. Диалог как самая естественная форма коммуникации вызывает значительный интерес исследователей, изучающих жанры разных сфер человеческой деятельности, которые предполагают при реализации неоднократную смену речевого субъекта [Арутюнова, 1992; Капанадзе, 1988; Дементьев, 1997; Дементьев, 1999; Гастева, 1997; Рытникова, 1997; Седов, 1997; Милехина, 2001; Байкулова, 2001; Gephart, 2000; Moron, 2004; Koester, 2004; Lauerbach, Aijmer, 2007; Guillot, 2008 и др.].

Судебное диалогическое взаимодействие не должно стать исключением. Мы считаем, что судебному диалогу также присущи жанровые формы. Целые отрезки дискурса с многократной сменой речевого субъекта представляют собой завершённые и целостные единицы с характерной структурой и функциями. Нам представляется целесообразным рассматривать такие диалогические единицы в качестве жанров. Теоретическое обоснование своего подхода к диалогическим формам как жанрам мы находим в решении М.Ю. Федосюка, который предлагает считать РЖ типами текстов (тогда они включают и монологическую, и диалогическую речь), а среди РЖ выделить элементарные и комплексные. В составе элементарных РЖ отсутствуют компоненты, которые могут быть квалифицированы как тексты определенных жанров. Комплексные РЖ, включающие монологические и диалогические тексты, состоят из компонентов, каждый из которых обладает относительной завершённостью и представляет собой текст определенного жанра [Федосюк, 1997б].

Проблемой исследования диалогических форм в жанроведении занимаются и западные исследователи. Р. Бауман говорит о существовании двух направлений в изучении жанров представителями школы функциональной лингвистики. Традиционные, завершённые, единые монологические отрезки

дискурса исследуются с точки зрения структуры и воплощения жанровых форм в тексте, реализующем структурный потенциал жанра. Однако обращение к диалогическим формам социального взаимодействия сводится к описанию последовательности актов или сценариев речевого события [Bauman, 2006, p. 750].

Следует отметить, что попытки решить проблему диалога с помощью понятия речевого акта предприняты как отечественными, так и зарубежными лингвистами. Так, А.Г. Баранов сетует на то, что диалог выпал из поля зрения как теории речевых актов, так и концепции речевых жанров. Ученый предлагает спасти «диалог как первичный в генезисе тип текста», развив рубрикацию речевых жанров М.М. Бахтина. В разделении, представленном А.Г. Барановым, первичные (простые) речевые жанры близки речевым актам, а вторичные (сложные) речевые жанры равны диалогическому тексту [Баранов, 1997, с. 8].

Подобный подход просматривается в ряде исследований, посвященных юридической коммуникации, непосредственному объекту нашего интереса. К. Доти и Р. Хилтунен исследуют исторический судебный дискурс, обращаясь к записям судебных процессов над ведьмами в 17 веке и речевым актам, характерным для различных стадий судебного процесса [Doty, Hiltunen, 2009]. Речевые акты рассматриваются учеными как элементы с частными функциями и конкретным языковым воплощением в составе различных юридических жанров. Исследователи выделяют на своем материале несколько юридических жанров: судебные распоряжения, стенограммы допросов, предъявления обвинения, показания под присягой, прошения, – и более подробно останавливаются на показаниях под присягой, предъявлениях обвинения и допросах. Первый из рассматриваемых жанров является сложным образованием поскольку в нем, по словам исследователей, наряду с голосом дающего показания зафиксирован голос магистрата, а в ряде случаев – и того, кто ведет запись заседания.

Как видим, в спектр рассмотрения попадают и диалогические жанры, для которых характерна смена говорящего субъекта. Смена субъекта речи в жанре показаний под присягой обуславливает композиционную сложность жанра и его трехчастную структуру: 1. начальная юридическая формула; 2. нарратив от первого лица, описывающий детали против обвиняемого; 3. формальное завершение, – где части 1 и 3 принадлежат голосу власти, а часть 2 – это голос дающего показания. Выделенные в структуре жанра части соотносятся, по мнению ученых, с определенными речевыми актами.

Различные структурные схемы, состоящие из речевых актов, исследователи выделяют в составе жанра «допрос» (обвинение → отрицание; обвинение → признание; обвинение → отрицание → признание), где отрицание реализуется посредством констативов, а признание – экспрессивов, которые не обязательно выражают истинные чувства говорящего.

Анализ некоторых жанров судебной речи в работе К. Доти и Р. Хилтунен, безусловно, представляет интерес, поскольку исследователи выделяют несколько важных характеристик жанра: его структурную, композиционную

сложность, которая обусловлена институционально; возможность участия в нем нескольких говорящих субъектов, каждый из которых имеет свои цели в процессе коммуникации, которые он реализует в отдельных высказываниях (речевых актах); комбинация индивидуальных и институциональных элементов, где вторые часто создают рамку, чтобы жанр в целом соответствовал институциональным требованиям.

Подход, при котором речевые акты рассматриваются как составные элементы юридических жанров, осуществляет английская исследовательница Э. Джонсон, изучающая жанр интервью в полицейском участке. Э. Джонсон, считая данный тип интервью одной из разновидностей жанра интервью вообще, описывает его как «целеориентированный институциональный жанр», целью которого является получение точных фактов, которые можно использовать в качестве свидетельств [Johnson, 2006, p. 662]. Институциональный характер жанра обуславливает его структуру, которая регламентирована нормативным документом. В соответствии с ним интервью имеет четыре фазы: установление контакта, свободный рассказ (нарратив), опрос, завершение. Эти элементы в структуре интервью ученый называет макрофункциональными. «На микрофункциональном уровне говорящие производят отдельные речевые акты вопроса и рассказа, допущения, согласия, признания и отрицания» [Ibid. P. 663]. Э. Джонсон представляет пошаговый анализ фрагментов интервью, в которых обозначает каждый речевой акт, совершаемый говорящими.

Вокруг понятия речевого акта выстраивает свои рассуждения польская исследовательница Б. Крык-Кастовски [Kryk-Kastovsky, 2006]. Исследовательница считает, что «речевые акты относятся к тем прагматическим явлениям, которые наиболее часто происходят в юридическом языке». Она присоединяется к мнению М. Хенчера, что теория речевых актов и закон сделаны во многом из одного и того же, и такие прагматические понятия, как власть, достоверность и обязательство составляют основу обоих [Ibid. P. 16]. Б. Крык-Кастовски выделяет в юридической речи несколько типов речевых актов в соответствии с классификацией Дж. Серля и приводит примеры каждого: репрезентативы (свидетельства, клятвы, утверждения), директивы (обращение к присяжным, вызов в суд, апелляция), комиссивы (контракт, завещание), экспрессивы (последнее слово подсудимого), декларативы (объявление о закрытии заседания) [Ibid. P. 16]. Очевиден тот факт, что в классификацию не попадают более сложные фрагменты интеракции участников коммуникации в правовой сфере. Диалогическое взаимодействие не укладывается в рамки теории речевых актов и может быть описано только в рамках конверсационного анализа как вербальные обмены (verbal exchanges) между коммуникантами. В то же время исследовательница понимает, что речевые акты часто являются составными элементами более крупных единиц коммуникации, которые она называет речевыми событиями и которые можно рассматривать не только с лингвистической точки зрения, но и с учетом невербального контекста, обеспечивающего информацию о социальной организации дискурса.

В другой, более поздней, работе Б. Крык-Кастовски более подробно исследует диалогическое взаимодействие в зале суда на материале английских стенограмм судебных заседаний 17 века и предлагает новое понятие «сеть речевых актов» (speech act network), которое она считает наиболее подходящим для анализа сложного судебного дискурса, состоящего из взаимосвязанных речевых актов [Kryk-Kastovsky, 2009].

Таким образом, современные исследователи осознают необходимость обращения к диалогическому дискурсу, исследования закономерностей его построения и функционирования и находятся в поисках соответствующей методологической основы. Поскольку теория речевых актов в традиционном виде не представляет возможностей для анализа дискурса, предполагающего смену речевых субъектов, ученые вынуждены развивать новые понятия и оперировать ими, а также искать место для речевых актов в составе более крупных и более емких единиц, объединяющих в себе речевые действия, аспекты ситуации и социального контекста, информацию когнитивного характера. Эти единицы называют речевыми жанрами, речевыми событиями, сетями речевых актов. В силу наличия определенных традиций исследования речевых жанров в отечественной лингвистике, речевой жанр представляется нам наиболее подходящим инструментом анализа судебной речи.

Разнообразие жанров юридической сферы не было полностью изучено. Очевиден тот факт, что классификации юридических, в частности судебных, жанров, можно строить на разных основаниях. Разделение на монологические и диалогические представляется самым очевидным основанием, но оно, безусловно, не охватывает всего множества аспектов, обуславливающих разнообразие жанров. Нам не встретилось попыток построить более или менее всеобъемлющую классификацию юридических или судебных жанров отечественными учеными. По всей видимости, это можно объяснить тем, что отечественная юрислингвистика – относительно молодой раздел лингвистики, и еще не было изучено достаточного числа юридических жанров, чтобы создать надежную основу для их классификации.

Западные исследователи, имеющие большие теоретические наработки и богатую практику в области судебной лингвистики, стремятся охватить многообразие жанров юридической сферы и систематизировать его.

Западные ученые предлагают несколько классификаций жанров на различных основаниях. Так, Дж. Гиббонс предлагает разделять жанры на группы в зависимости от создаваемой ими реальности [Gibbons, 2005]. В первую группу входят жанры, которые формируют настоящую, реальную действительность, составляют суть процессов, происходящих в полицейском участке, камере, зале суда, приемной адвоката. Вторичная реальность – это собственно преступление и обсуждаемые события, которые воссоздаются в речи. Главную роль в воссоздании вторичной реальности играет нарратив. Третью плоскость образует собственно закон. Основные жанры (major genres), формирующие собственно процесс правосудия, представлены исследователем в таблице и классифицируются по нескольким дополнительным параметрам: степени кодифицированности (кодифицированные и динамичные); хронологии,

месту появления в ходе процесса; форме существования (письменные и устные). Кроме того, Дж. Гиббонс называет всех участников каждого из выделенных им жанров. К примеру, на заключительной стадии процесса он выделяет жанр «обобщение дела и инструкция для присяжных» (jury summation and instruction), участниками которого являются присяжные и судья и который существует преимущественно в устной форме. Как нам кажется, не всегда можно точно определить, служит ли жанр для создания первичной или вторичной реальности. Так, комплексный жанр допроса в суде включает одновременно и речевые высказывания свидетеля, восстанавливающие картину прошлого, и высказывания судьи, которые служат для организации текущего процесса коммуникации, событий в зале суда. По всей видимости, необходимо привлечение дополнительных параметров при систематизации жанров судебной коммуникации.

Иной принцип кладет в основу своей типологии В. Бхатиа. Он делит юридические жанры на 4 группы в зависимости от того, как они способствуют осуществлению законности и правосудия [Bhatia, 2006b]. Самую главную группу составляют законодательные акты, которые являются первичными юридическими жанрами (primary legal genres) и образуют основу и самую суть всей юридической практики. Все остальные жанры исследователь относит к производным (derived), среди которых большую роль играют жанры второй группы – судебные решения и описания дел, существующие в письменной форме, и параллельный им устный жанр судебного взаимодействия (courtroom interaction). Главной целью жанров этой группы В. Бхатиа называет обсуждение, фиксацию судебных процессов и решений, а также сообщение о них. В основе этих жанров лежит процесс интерпретации законодательства, а результатом является определенный юридический эффект. Третью группу составляют целевые жанры (target genres), такие как контракты, соглашения, страховые документы, являющиеся одновременно и продуктами, и инструментами юридической практики. Последняя группа включает академические юридические жанры (academic legal genres), находящиеся на границе между академической и юридической деятельностью и направленные на подготовку специалистов в области юриспруденции. Среди таких жанров ученый называет учебники, экзаменационные эссе, критические эссе, устные выступления и др. Представляя свою классификацию юридических жанров, В. Бхатиа говорит о том, что юридические жанры имеют общие черты, как языковые, так и правовые. Классификация юридических жанров В. Бхатиа, как нам представляется, носит более общий характер, однако при этом игнорируются частные прагмалингвистические особенности жанров. Ценность данной типологии для нас представляет то, что исследователь отмечает существование жанров, занимающих промежуточное положение между жанрами академическими и собственно юридическими. В четвертой главе диссертации мы обратимся к жанрам, занимающим место на границе судебного и других типов дискурса.

3.1.4 Модель анализа жанров судебного дискурса

С учетом рассмотренных подходов к жанру мы предлагаем несколько положений, которые мы будем считать исходными при рассмотрении жанров судебной коммуникации и которые отражают наше понимание речевого жанра:

1) жанр представляет собой **модель**, матрицу, для построения высказываний, которая наполняется содержанием в зависимости от ситуации социального взаимодействия. Используя понятие высказывания в бахтинском понимании, мы утверждаем, что жанр – это инвариант высказывания или – в случае диалогических жанров – группы связанных высказываний. Этот инвариант получает конкретное воплощение в виде речевых произведений одинаковой жанровой принадлежности;

2) жанр тесно связан с **коммуникативным и деятельностным контекстом**, причем эта связь является двусторонней. С одной стороны, жанр формируется в условиях определенной деятельности и типичной ситуации социального взаимодействия. С другой стороны, когда жанр получает фиксированную форму, он сам начинает служить сигналом, указанием на определенную ситуацию и коммуникативный контекст;

3) свойством жанра является его **целеориентированность**, соответствующая как широкому социальному контексту, так и частным интенциям коммуникантов.

Мы строим модель анализа речевых жанров судебной сферы, исходя из того, что их исследование должно осуществляться в тесной связи с элементами коммуникативной ситуации, широкого социального контекста и человеческой деятельности.

Для проведения анализа жанров в речи русских и английских судей мы предлагаем использовать следующую **модель**, которая должна охватить значительное количество факторов, влияющих на формирование и функционирование описываемых жанров.

1. Функция речевого жанра в судебном процессе. Целый ряд речевых жанров совершенно необходим для достижения главной цели судебного процесса – осуществления правосудия. В рамках этой общей цели можно выделить более частные функции, выполняемые судьей в различных жанрах. Эти функции являются жанрообразующими признаками, и их выделение является одной из главных задач.

2. Степень институциональной обусловленности. Говоря об институциональной обусловленности жанра, можно выделить два аспекта. Во-первых, появление жанра в ходе процесса обусловлено существующим в судебной сфере законодательством, регламентирующим процессуальный порядок и речевое поведение участников процесса. Например, в русском и английском судах в ходе уголовного процесса с участием присяжных судья обязательно произносит напутственное слово присяжным (summing-up). Этот жанр совершенно необходим, чтобы был соблюден регламент и процесс состоялся. Следовательно, можно говорить о принципиальной роли данного жанра для осуществления правосудия. Такие жанры мы предлагаем обозначить

как обязательные. Появление других жанров может быть обусловлено соображениями и волеизъявлением говорящего. Так, передопрос свидетеля не является обязательным, и решение о его проведении принимается сторонами. Применительно к таким жанрам целесообразно использовать понятие факультативного жанра.

Кроме того, формальная и семантическая структура жанра в той или иной степени институционально регламентированы. Источником определенных стандартов может быть как официальный документ, так и негласные устоявшиеся представления о том, как должно осуществляться речевое общение на данном этапе процесса или в данной ситуации. Выявление степени институциональной обусловленности формальной и смысловой структуры жанра принципиально для создания его «портрета».

3. Участники речевого жанра. Как мы указывали ранее, в ходе процесса судья вовлечен в ряд комплексных речевых жанров, в том числе тех, которые предполагают неоднократную смену речевых субъектов. В случае комплексных диалогических жанров, мы определим круг участников речевого жанра и роль судьи как ведущую или вспомогательную в контексте этого жанра. Взаимодействие между судьей и другими участниками процесса строится посредством речевых тактик, выделение и описание которых необходимо для воссоздания картины взаимодействия в зале суда.

4. Соотнесённость РЖ с различными ролями судьи. Во второй главе мы подробно рассматривали грани языковой личности судьи: рефери, участник драмы, лингвист, обычный человек. Мы считаем, что в каждом речевом жанре судья проявляет стороны своей личности в разной степени. Соотнесённость речевого жанра с определенной ролью, выполняемой судьей, в значительной степени характеризует сам жанр.

5. Место жанра в судебном процессе и связь с другими жанрами (интертекстуальность)

В данном разделе мы рассмотрим связи жанра с хронологически предшествующими и последующими жанрами. Обусловлен ли жанр предшествующими жанрами? Влияет ли он на последующие? Выстраиваются ли интертекстуальные связи между ними и какого характера? Ответы на эти вопросы раскроют специфику жанра, с одной стороны, и позволят увидеть судебный процесс под руководством судьи как единое непрерывное целое, с другой стороны.

6. Особенности языкового выражения. В той или иной степени особенности языкового воплощения затрагиваются практически во всех разделах модели анализа. Обобщение уже названных языковых особенностей, расширение этого списка и построение общей модели жанра составляют суть данного пункта модели. Обязательные для композиционной структуры речевого жанра компоненты и наиболее типичные лексические, грамматические, стилистические средства образуют, по нашему мнению, инвариант жанра.

7. Национально-культурная специфика жанра. Национально-культурная специфика жанра может иметь самые различные прагматические и

лингвистические проявления: от определенной специфики функций до особенностей структуры и отдельных языковых средств. В силу того, что мы имеем дело с дискурсом институциональным, объяснение этих особенностей лежит в сфере социальной, сфере устройства общественных институтов. Кроме того нельзя оставить без внимания особенности национального мышления, определяющие специфику как обыденной, так и институциональной коммуникации.

Предложенная модель анализа РЖ ориентирована на исследование жанров институционального общения, как монологических, так и диалогических, и с некоторыми поправками может быть использована для изучения жанров различных видов профессиональной коммуникации. Далее мы применим модель для анализа жанров в речи судей.

3.2 Жанр «судебный допрос»

3.2.1 Судебный допрос в инквизиционной и состязательной системах правосудия: общая характеристика

Жанр судебного допроса привлекал внимание отечественных и зарубежных исследователей, в западной литературе достаточно подробно изучались различные аспекты речевого взаимодействия участников судебного процесса в ходе допроса. В силу того, что основными участниками этого жанра являются адвокаты и свидетели, внимание уделялось построению взаимодействия между этими участниками судебного процесса. Роль судьи в судебном допросе и его влияние на ход происходящего не получили должного освещения в работах по юрислингвистике. Мы подойдем к анализу судебного допроса именно с этой стороны и попытаемся на конкретных примерах показать, какая роль отведена судье в этом жанре, каково его типичное речевое поведение во время допроса и чем это обусловлено.

Судебный допрос является обязательным элементом судебного процесса как в континентальной (инквизиционной), так и в англо-американской (состязательной) судебной системе. Необходимость судебного допроса обусловлена теми функциями, которые он выполняет в процессе осуществления правосудия. Именно в ходе судебного допроса участники процесса восстанавливают и выстраивают то, что Дж. Гиббонс называет в своей работе вторичной реальностью (*secondary reality*), т.е. события, являющиеся предметом судебного разбирательства [Gibbons, 2005, p. 78]. Основываясь на показаниях свидетелей и той картине преступления, которая формируется в ходе судебных допросов, судья или присяжные будут принимать решение о виновности/невиновности, а судья назначать наказание. Жанр допроса в огромной степени влияет на дальнейшее развитие процесса и его результат. «С полным основанием можно сказать, что именно допросы определяют решение суда по делу», – пишет отечественный исследователь судебной коммуникации А.С. Александров [Александров, 2003, с. 317].

Мы определим главную функцию жанра как выстраивание картины преступления, вторичной реальности, необходимой для принятия решения по делу. Мы намеренно не говорим об «объективности» этой картины. В зале суда происходит борьба двух сторон, каждая из которых настаивает на своем видении событий, и то, какую картину вторичной реальности судья и присяжные примут как объективную, во многом зависит от более или менее успешного использования речевых средств в ходе процесса, в том числе во время допросов. По замечанию А.С. Александрова, «сам процесс ведения допроса, т.е. диалог допрашивающего и допрашиваемого, оказывает убеждающее влияние на суд. Факты формируются, изменяются и разрушаются в ходе судебных допросов. Окончательное убеждение судьи о наличии фактов основывается на общем впечатлении от показаний, его веры в правдоподобность сказанного» [Там же. С. 317].

Особенностью судебных допросов является, по мнению исследователей, двойная цель в рамках основной функции формирования вторичной действительности. С одной стороны, судебный допрос необходим, чтобы получить доказательства. С другой стороны, он является средством убеждения судей в правдоподобии устанавливаемых фактов [Там же. С. 317]. Дж. Гиббонс идет в своих рассуждениях еще дальше и утверждает, что адвокаты часто надеются на то, что в ходе допроса не появится никакой новой информации, способной разрушить их дело. В таком случае допрос главным образом рассчитан на то, чтобы представить подготовленную картину событий судье и присяжным [Gibbons, 2005, p. 96].

Жанр судебного допроса является сложным комплексным жанром, где есть несколько участников, каждый из которых преследует свои частные цели. В каждом отдельном допросе участвуют адвокаты, свидетель и судья. Рассматривая допрос в более широкой перспективе, можно также включить в состав участников допроса присяжных. Далее мы сделаем некоторые замечания относительно роли присяжных в этом жанре.

Судебный допрос существует в трех разновидностях, и в зависимости от конкретной разновидности несколько меняются цели участников, хотя состав остается неизменным. «Прямой допрос – допрос участниками процесса свидетеля своей стороны; перекрестный допрос – допрос участниками процесса свидетеля противоположной стороны; передопрос – допрос участниками процесса свидетеля своей стороны, проводимый после перекрестного допроса» [Александров, 2003, с. 293]. Соответствующие виды допроса в английском суде описывает Дж. Гиббонс: «Во время допроса свидетелей адвокат, который вызвал свидетеля, задает вопросы (основной допрос), затем адвокат противоположной стороны может задать вопросы (перекрестный допрос), затем адвокату, который вызвал свидетеля, предоставляется возможность задать возникшие вопросы (передопрос)» [Gibbons, 2005, p. 94]. Прямой допрос, перекрестный допрос и передопрос тесно связаны между собой. Во-первых, они следуют в названном строго установленном порядке, и один свидетель последовательно их проходит. Кроме того, вопросы, задаваемые в ходе перекрестного допроса, определяются в некоторой степени вопросами и

ответами, прозвучавшими ранее. Поэтому нам представляется целесообразным говорить об этих видах допроса как этапах (стадиях) допроса свидетеля. В принципе, обязательным этапом является только прямой допрос, тогда как последующие стадии факультативны. Однако в нашем материале мы встретили только случаи отказа от передопроса, но не от перекрестного допроса.

Каждому участнику допроса отведена определенная роль: юрист, ведущий допрос, задает вопросы свидетелю, свидетель отвечает на них, другая сторона может заявить протест в случае, если считает вопрос неприемлемым. Если функциональные обязанности других участников допроса достаточно очевидны, то роль и речевой вклад судьи в допрос заслуживают отдельного рассмотрения.

Сразу отметим, что речевое поведение русских и английских судей в ходе судебного допроса различается, что обусловлено как особенностями устройства и функционирования судебных систем в России и Англии, так и некоторыми характеристиками национальных речевых культур.

Процедура уголовного процесса в английском суде регламентирована Уголовно-процессуальными правилами [The Criminal Procedure Rules, 2005]. В этом документе, представляющем собой по сути гипертекст со множеством ссылок на другие нормативные документы, нам не удалось найти точного руководства, обращенного к судьям, относительно проведения допроса. По всей видимости, большую роль играет сложившаяся традиция осуществления правосудия. В общем виде цель руководства представлена в п.1.1, который гласит: «Главная цель данного нового кодекса состоит в том, чтобы обеспечить справедливое рассмотрение уголовных дел». Далее предлагается расшифровка этой установки. Согласно п.1.3 Уголовно-процессуальных правил, «суд должен способствовать достижению этой цели, когда (а) пользуется властью, данной ему законодательством (включая эти Правила); (b) применяет любые практические указания; или (c) трактует любое правило или практическое указание» [The Criminal Procedure Rules, 2005].

Анализ английского материала судебных допросов показывает, что в целом ряде случаев судья проявляет минимум речевой активности в ходе допросов, никоим образом не обнаруживает своего присутствия, а речевой вклад в проведенный одной из сторон допрос ограничивается краткой благодарностью в адрес свидетеля. Такое речевое поведение судьи является проявлением его особой роли наблюдателя. Молчаливая роль судьи-наблюдателя давно устоялась в состязательной англо-американской системе. Вот как описывает различие между поведением судьи в двух системах – инквизиционной и состязательной – автор пособия для начинающих английских юристов К. Эванс: «В первой из названных систем, инквизиционной системе, судья принимает активное участие в установлении фактов, задает вопросы по своей инициативе и часто проводит практически весь допрос свидетеля перед тем, как спросит *адвоката*, нет ли у *него* каких-либо вопросов. В состязательной системе, напротив, судья действует как беспристрастный рефери, наблюдая за тем, как адвокаты играют в некий судебный теннис. Если адвокаты хорошо знают свое дело, то по идее судья

должен просидеть весь процесс, не сказав практически ничего. В давние времена в Англии новоиспеченному судье давали совет «взять глоток святой воды в рот в начале дела и держать его там до конца» (курсив оригинала – Т.Д.) [Evans, 1995, p. 89-90]. К. Эванс иллюстрирует свои рассуждения несколькими примерами достаточно курьезных случаев. В одном из них молодой судья старался изо всех сил проявить выдержку и сдержанность во время процесса и был весьма доволен собой по окончании рабочего дня. Когда же он поинтересовался у старшего коллеги его мнением, тот ответил: «Не так уж и плохо, мальчик мой. Но тебе действительно стоит прекратить так много говорить». Цель английских судей, по утверждению К. Эванса, состоит в том, чтобы сидеть, соблюдая максимальную тишину, и вмешиваться только тогда, когда необходимо гарантировать соблюдение правил [Ibid. P. 90].

Что касается типа уголовного процесса в России, то построение процесса в настоящее время соответствует смешанной форме, сочетающей в себе элементы инквизиционного (розыскного) и состязательного процессов. В такой системе элементами розыска надделено досудебное производство, а судебное разбирательство отвечает состязательным началам [Григорьев и др., 2006, с. 17]. Авторы пособия по уголовному процессу, на которое мы ссылаемся, не дают, однако, никаких дополнительных разъяснений относительно роли судьи в уголовном процессе смешанного типа. При поиске ответа на вопрос, какова специфика роли судьи в смешанном процессе и может ли судья совмещать роли судей инквизиционного и состязательного процессов, оказывается, что с фигурой судьи в отечественном процессе связаны некоторые противоречия.

На совершенно различные роли судей в состязательном и инквизиционном процессах указывал английский исследователь П. Девлин: «В первом (*состязательном* – Т.Д.) судья или присяжные являются арбитрами; они не задают вопросов и не ищут ответов; они взвешивают тот материал, который представлен им, но не несут ответственности за то, что он не полон. Во втором (*инквизиционном* – Т.Д.) судья находится во главе расследования с самого начала; он, конечно же, разрешает сторонам выстроить свои дела и может полагаться на них, но именно он выясняет то, что хочет знать» [Devlin, 1981, p. 54]. Об активной роли судьи в формировании свидетельств и установлении истины в ходе инквизиционного процесса говорится и в более поздних работах зарубежных исследователей. «В ходе инквизиционного процесса скорее не обвинение и защита стараются представить различные версии событий, а судья или судьи допрашивают свидетелей и исследуют свидетельства, стремясь обнаружить правду и прийти к заключению», – пишет Дж. Гиббонс, характеризуя инквизиционный процесс [Gibbons, 2005, p. 4]. Дж. Гиббонс также называет одной из характеристик инквизиционного процесса большее влияние письменных документов и свидетельств на принимаемое судьями решение. В то же время ученый отмечает существующую в последнее время в некоторых странах тенденцию к повышению устности процесса и к ограничению роли судьи принятием решения. Среди названных ученым стран нет России, однако Россию можно с полным правом включить в этот список – изменения в порядке проведения судебного допроса, более активная роль

сторон по представлению и исследованию доказательств, пассивная роль суда по отношению к состязаящимся сторонам закреплена законодательно в новом Уголовно-процессуальном кодексе (УПК) 2001 года [Уголовно-процессуальный кодекс, 2008]. Согласно п.п. 2, 3 ст. 278 Ч. III УПК РФ, роль судьи сводится к тому, что перед допросом председательствующий устанавливает личность свидетеля, выясняет его отношение к подсудимому и потерпевшему, разъясняет права, обязанности и ответственность. Далее следуют прямой и перекрестный допрос, после чего вопросы свидетелю задает судья. Приводя подтверждения того, что судебный процесс в России стал более состязательным, А.С. Александров пишет о том, что «последний этап допроса – постановка допрошенному сторонами свидетелю дополнительных вопросов председательствующим (членами суда) – не носит обязательного характера и осуществляется по усмотрению суда» [Александров, 2003, с. 294]. Наши наблюдения над отечественными судебными процессами и собранный материал свидетельствуют о том, что на практике судьи не всегда готовы отдать инициативу, в том числе речевую, в руки сторон.

Поскольку в нашей работе мы исследуем материалы не только уголовных, но и гражданских процессов, необходимо сделать некоторые замечания об особенностях этого типа судебного процесса. Роль судьи в гражданских процессах более активная, что обусловлено закрепленным в ст. 177 Гражданского процессуального кодекса (ГПК) 2002 г. правом судьи задавать вопросы свидетелю в любой момент его допроса [Гражданский процессуальный кодекс, 2008].

Особенностью рассматриваемого нами отечественного гражданского процесса является участие в нем прокурора, по заявлению которого и начат судебный процесс. По нашему мнению, участие в гражданском процессе прокурора, профессионального государственного обвинителя, делает линию обвинения более ярко выраженной, что приближает характер речевого взаимодействия между участниками процесса к типу взаимодействия на уголовном процессе.

Процедура гражданского процесса в английском суде регламентирована Гражданскими процессуальными правилами [The Civil Procedure Rules, 2007]. Пункт 32.1 правил содержит указания относительно контроля представленных свидетельств, которые применимы к судебному допросу и определяют его принципы. Прочитываем эти указания:

«32.1 Власть суда при контроле свидетельств

(1) Суд может контролировать свидетельства путем указаний относительно

(a) вопросов, по которым требуются свидетельства;

(b) характера свидетельств, которые требуются, чтобы решить эти вопросы; и

(c) способа представления свидетельств в суде.

(2) Суд может использовать свою власть, чтобы исключить свидетельства, которые в противном случае могут быть допустимыми.

(3) Суд может ограничить перекрестный допрос» [The Civil Procedure Rules, 2007].

Несмотря на различия между отечественной и английской судебными системами, и в той, и в другой судья является коммуникативным центром происходящего, осуществляя не только регулятивную функцию, но и функцию посредника между другими участниками судебного процесса. Роль судьи в ходе судебного допроса нельзя назвать основной, но в ряде случаев речевое участие судьи в этом жанре весьма значительно по объему. Кроме того, даже короткие замечания судей оказывают ощутимое воздействие на ход судебного допроса, корректируя речевое поведение участников, ведущих допрос, и влияя в определенной степени на показания свидетелей и подсудимых. Мы считаем, что функции, выполняемые судьей в ходе допроса, в основном соответствуют роли «судья-рефери», основной задачей которого является обеспечение равноправия сторон и справедливости судебного процесса. В то же время необходимо оговориться, что роль молчаливого судьи-рефери в большей степени соответствует амплуа английских судей, более сдержанных в своих речевых проявлениях и полагающихся на активную речевую деятельность сторон в установлении фактов. Русские судьи не только принимают личное участие в установлении фактов, но и выражают субъективные оценки и демонстрируют личные качества. Это позволяет нам утверждать, что отечественным судьям также свойственно амплуа «судья-обычный человек», что придает формализованной судебной коммуникации дополнительную фатическую направленность.

Формализованность жанра судебного допроса тем не менее не вызывает сомнений. Жанр судебного допроса институционально обусловлен с точки зрения распределения ролей и последовательности речевого участия судьи, обвинения, защиты (или истца и ответчика в гражданском деле), свидетелей, подсудимых. Регламент допроса четко определен нормативными документами. В отечественном суде в связи с происходящими реформами в сторону состязательности и соответствующими изменениями в УПК формат судебного допроса в уголовном процессе несколько изменился. Произошла перестановка компонентов допроса, и вопросам со стороны судьи теперь отведено строго определенное место после допроса свидетеля или подсудимого сторонами. Такие перемены позволяют говорить об изменении структуры жанра допроса. Однако на практике эти изменения не всегда прослеживаются. Ограничение речевых действий судьи требует большей инициативы и более активных действий со стороны обвинения и защиты. Если в английском суде такое положение вещей является нормой и именно стороны активно восстанавливают картину правонарушения, то в отечественном суде значительную роль в установлении фактов по-прежнему играет судья. В ряде случаев активность судьи можно оправдать недостаточной деятельностью сторон. В других случаях судья перехватывает инициативу без достаточных на то оснований, «по традиции». Можно предположить, что речевое поведение судьи в рамках судебного допроса определяется не только институциональными нормами, закрепленными в нормативных документах, но и устоявшимися в судебной

сфере традициями. Причем в отечественном судопроизводстве институциональные нормы и устоявшиеся традиции могут вступать в противоречие друг с другом. Чтобы преодолеть такую ситуацию, требуется, по всей видимости, осознание сторонами процесса своей ведущей роли в установлении фактов и применение ими убедительных коммуникативных стратегий, которые обеспечивали бы получение максимально полной информации без необходимости вмешательства судьи.

Судебный допрос не является жанром изолированным. Он представляет собой одно из звеньев судебного разбирательства и связан с другими жанрами, которые могут влиять на содержание судебного допроса либо, наоборот, определяться этим содержанием. Если говорить о жанрах, предшествующих судебному допросу хронологически, то допрос досудебного следствия находит отражение в ходе допроса судебного. В тех случаях, когда свидетель не может явиться в суд лично и если стороны не возражают, показания свидетеля могут быть зачитаны из материалов дела. Зачитывание показаний свидетеля из материалов дела возможно как в английской, так и в отечественной судебной системе. При этом различны, на наш взгляд, способы «обыгрывания» этих интертекстуальных вкраплений в английском и русском судах. В примере из английского процесса показания свидетельницы зачитывает государственный обвинитель, но судья предваряет зачитывание инструкцией, обращенной к присяжным, в которой он объясняет, что свидетельства могут иметь разную форму, что информация, которая будет зачитана, не ставится под сомнение и потому является полноценным свидетельством. В заключение судья призывает присяжных слушать внимательно и передает слово обвинителю краткой санкцией *yes*:

(202) JUDGE: Members of the jury, as Mr. Henriques told you at an earlier stage, the evidence in this case will take a number of forms including from time to time the evidence of a witness being read to you from the statement. The reason it is done in that form is because that particular piece of evidence, although an important part of the case is not disputed. It is, however, and I must emphasise this, it is a part of the evidence. Therefore, it is very important that you listen carefully to it. Yes.

PROSECUTION: This is the statement of Jessie Margaret Bowers. (Shipman 1999)

В приведенных ниже русских примерах судьи сами зачитывают вслух свидетельские показания и кроме того комментируют их. Так, судья читает выдержки из показаний свидетельницы и одновременно соотносит их с показаниями потерпевшего в ходе судебного допроса. Поскольку обнаруживается некоторое несоответствие между теми и другими, судья сразу же обращается за уточнением к присутствующему потерпевшему:

(203) СУДЬЯ читает показания свидетельницы: «Она была с не знакомым мне ранее В.К.». (Обращаясь к потерпевшему) Это с которой ночевали? А чё ж незнакомый-то?

ПОТЕРПЕВШИЙ (смеясь): Вот и познакомились! (РЗ 2/2008)

В тех ситуациях, когда обратиться за разъяснениями не к кому, судья просто дает оценку показаниям и констатирует их неудовлетворительное качество: *«Короче, не помнит ничё»* (РЗ 5/2009)

Комментарий судьи может касаться некоторых фактов, изложенных в свидетельских показаниях:

(204) СУДЬЯ читает показания свидетеля: «Раньше относился к ол-цам (название преступной группировки – Т.Д.). Среди его друзей есть члены ОПГ Т-ский. Сейчас является коммерческим директором». О, хорошо как! (РЗ 5/2009)

И в русском, и в английском суде речь судьи выступает своего рода рамкой для цитируемых свидетельских показаний, помещает их в контекст текущего судебного заседания. Привлечение внимания присяжных к ценности зачитываемых показаний, уточнение зачитываемой информации у присутствующего свидетеля, проявление собственного отношения к зачитанному являются средствами контекстуализации интертекстуального вкрапления. Они устанавливают связь между различными стадиями судебного разбирательства и обеспечивают последовательность судебного процесса.

Жанр допроса находит отражение и логическое развитие в других судебных жанрах, таких как прения, обращение к присяжным, приговор. Мы рассмотрим интертекстуальные связи между судебным допросом и некоторыми из перечисленных жанров в параграфах, посвященных соответствующим жанрам.

Языковую сторону жанра «судебный допрос» целесообразно рассматривать в совокупности с прагматическими характеристиками ситуаций речевого взаимодействия судьи с разными участниками судебного дискурса. Роль судьи-рефери реализуется посредством ряда коммуникативных тактик, причем наборы тактик для общения с разными участниками допроса несколько различаются. В главе 2 мы отметили, что для судьи-рефери большое значение имеют метакоммуникативные средства, позволяющие осуществлять контроль происходящего в зале суда. Далее будет показано, что значительное число выделенных тактик имеет метакоммуникативный характер. Описание тактик позволяет отметить типичные языковые средства и более детально рассмотреть национально-культурную специфику речевого поведения судей в жанре судебного допроса.

3.2.2 Речевое взаимодействие судьи и допрашивающего

Ведущие допрос участники судебного процесса, т.е. прокурор, адвокат, истец и ответчик (или их представители), играют самую активную роль в выстраивании судебного допроса, поскольку именно им дано право задавать вопросы, формируя линии обвинения и защиты. В то же время свобода сторон в определенной степени ограничена, и именно судья призван контролировать как техническую, так и содержательную стороны судебных допросов. Являясь самыми активными участниками судебного допроса, допрашивающие тем не менее всегда согласуют свои действия с судьей. Присутствие судьи и та важная

руководящая функция, которую он осуществляет, очевидны даже в тех ситуациях, когда судья молчит и не принимает активного речевого участия в происходящем, являясь только лишь адресатом высказываний.

В полной мере осознавая главенствующую роль судьи, ведущие допрос участники стремятся **получить разрешение** на определенные действия, например, на приглашение дополнительного свидетеля (пример (205)) или замену одного свидетеля на другого (пример (206)):

(205) PROSECUTION: *Would your Lordship allow me one moment? My Lord departing from the witness order very briefly and it is a short witness, may I call Detective Officer Hampson please. My Lord, it is to deal with a matter that arose earlier. (Shipman 1999)*

Свою просьбу адвокат излагает в очень вежливой форме с использованием этикетных форм *would your Lordship allow me..., may I...,* а также аргументирует необходимость привлечения свидетеля тем, что это поможет прояснить возникший ранее вопрос.

(206) АДВОКАТ: *Ваша честь, у нас есть свидетель Ханин сейчас, мы хотим сейчас его попросить вместо Слободенюк, мы не будем приглашать Слободенюк, а Ханин...*

СУДЬЯ: *А Слободенюк...она у нас...А Ханин...кто такой Ханин...? Мы Вам разрешили Слободенюк, а Вы пригласили Ханина?*

АДВОКАТ: *Слободенюк (неразборчиво) с детьми, кроме того, мы видим, что та сторона Слободенюка не приглашает, а Ханин был лишен общения, исключен из организации, а сейчас он восстановлен в ней. И мы полагаем, что суд должен выслушать информацию от этого человека. (Св.И. 2001)*

Видим, что и в русском примере адвокат приводит аргументы, чтобы просьба о замене свидетеля звучала убедительно.

Решая технический вопрос нумерации страниц новых документов, приобщаемых к делу, обвинитель **заботится об удобстве для судьи**, спрашивает его мнение, неоднократно подчеркивая в своем высказывании важность мнения судьи и обеспечения удобства для его работы, и получает разрешение поступить так, как сам прокурор считает более целесообразным:

(207) PROSECUTOR: *...if you will excuse me for one second I would just like to clear a matter with his Lordship. We are minded, subject to your Lordship agreeing, that every exhibit should still retain the page number in our bundles for reasons of simplicity. We will give them numbers as well if your Lordship thinks that appropriate, providing we can keep the number which is on the page, but so far as the documentary exhibits are concerned, if we refer to it simply as exhibit page 280 and we ensure that they are all listed, would that serve your Lordship's purposes?*

JUDGE: *Yes. That seems perfectly satisfactory. Miss Davies?*

DEFENCE: *My Lord, yes.*

JUDGE: *Thank you, Mr. Henriques. (Shipman 1999)*

Отметим, что судья интересуется **мнением другой стороны** перед тем как дать «добро». В следующем примере после обращения представителя стороны обвинения судья желает узнать позицию противоположной стороны, стороны защиты:

(208) PROSECUTION: *My Lord, copies are available for the jury and in the light of the cross-examination I apply that they be supplied with them.*

JUDGE: *Anything to say, Miss Davies?*

DEFENCE: *No my Lord.*

JUDGE: *Very well...Do you want them to go into the bundle?*

PROSECUTION: *Yes please...(Shipman 1999)*

Подобным образом русский судья дает санкцию на приглашение другого свидетеля после обращения к другой стороне:

(209) СУДЬЯ: *Нет возражений? Давайте Ханина...(Св.И. 2001)*

Внимание к обеим сторонам, учет их мнений и интересов при решении самых разных вопросов можно назвать чертой речевого поведения как английских, так и русских судей.

Активная роль судьи в зале суда находит подтверждение и в тех ситуациях, когда судья **цитирует показания** свидетеля. Даже тогда, когда судья молчит, он остается активным участником, внимательным слушателем, готовым в любой момент вмешаться и внести коррективы в ход процесса. В следующем примере судья повторяет слова свидетеля прокурору, ведущему допрос. Тем самым он демонстрирует, что считает ответ свидетеля исчерпывающим, а линию допроса тупиковой. Распоряжение судьи *Следующий вопрос, пожалуйста* меняет направление допроса:

(210) СВИДЕТЕЛЬ: *...Один из вопросов, который тоже задавался наряду с проповедью,... как бы был вот именно вопрос о переливании крови, потому что их очень сильно это смущало. Сам конкретно я, конечно, не видел у детей таких карточек вот... я видел, что они есть. У меня у самого просто есть эта карточка.*

ПРОКУРОР: *Нет, каким образом Вы видели, что они есть? У кого Вы их видели?*

СВИДЕТЕЛЬ: *Нет, я видел наличие такой карточки, скажем так. Но...*

СУДЬЯ: *Он сказал, не видел он.*

СВИДЕТЕЛЬ: *... но не видел конкретно у самих Свидетелей.*

СУДЬЯ: *Следующий вопрос, пожалуйста. (Св.И. 2001)*

В примере (211) прокурор, ведущий допрос, цитирует слова свидетельницы, сказанные ею ранее, однако оказывается неточен, и судья поправляет его, приводя более точную цитату. Адвокат принимает поправку, повторяя слова судьи:

(211) PROSECUTION: *You have said that "the police came to you at a later stage" and you used the word "interviewed you"?*

WITNESS: *Yes, it seemed like that, yes.*

JUDGE: *"More intensive interviews" is what she said.*

PROSECUTION: *More intensive interviews. (Huntley 2003)*

Другой английский судья обращается к своим записям, когда необходимо точнее воспроизвести слова свидетельницы:

(212) DEFENCE: *My Lord, where this began, ie these last questions began, was that the meeting was becoming a rather difficult one and that whether Mrs. Woodruff---*

JUDGE: If it helps, my note, it is of course only my note, is that Mrs. Woodruff said, "I was very distressed. It was a difficult meeting. I do not recall Mr. Hutchinson asking me to leave." (Shipman 1999)

Несмотря на то, что в нашем материале встречаются достаточно длительные фрагменты судебных допросов, в которых речевая роль судьи минимальна, есть и такие отрезки дискурса, где судья активно вмешивается в ход допроса. «В обычном слушании уголовного дела гораздо чаще, чем ваш оппонент, вас будет прерывать судья. Английский судья выходит на арену и играет, возможно, удивительно активную роль в слушаниях», – предупреждает начинающих юристов К. Эванс [Evans, 1995, p. 94].

По нашим наблюдениям, вмешательство судьи в деятельность допрашивающих связано, прежде всего, с необходимостью следить за соблюдением принципиальных правил судебного допроса. К этим правилам относится, в частности, правило **запрета показаний с чужих слов (hearsay rule)**. В примере (213) обвинитель протестует против свидетельств, представленных защитой, считая их показаниями с чужих слов. Судья дает слово свидетелю защиты и принимает его сторону, делая, однако, напоминание о существующих правилах свидетельствования:

(213) PROSECUTION: My Lord, that does prompt an objection I have been minded to make for sometime. The law of hearsay, of course, applies to the defence just as it applies to the prosecution. And what was said in the absence of any party as between this witness and Mrs. Hutchinson in that meeting is hearsay, all of it. As the witness says she is not sure how much she can say.

JUDGE: Well, Miss Davies.

DEFENCE: My Lord, I accept as a premise what my learned friend is saying but it really goes to the knowledge which Mrs. Woodruff had following this meeting.

JUDGE: Very well. In that case you may continue with the questions but do bear in mind that there is a rule---

DEFENCE: Yes, my Lord.

JUDGE: ...of evidence to which Mr. Henriques has referred. (Shipman 1999)

Особое внимание в английском суде к правилу о недопустимости свидетельствования с чужих слов некоторые правоведы считают рудиментом инквизиционного процесса, которому присущ «формальный подход к оценке доказательств, когда каждое доказательство имеет заранее установленную силу и решение по делу определяется наличием предусмотренной законом суммы доказательств» [Григорьев и др., 2006, с. 16]. Свидетельствование с чужих слов считается слабым или не имеющим силы доказательством и стороны внимательно следят, чтобы такие свидетельства снимались судом с рассмотрения.

В российском процессуальном праве запрета на использование свидетельских показаний, даваемых с чужих слов, не существует. В результате в некоторых фрагментах показаний свидетели просто пересказывают информацию, полученную от других лиц. Приведем пример:

(214) СВИДЕТЕЛЬ: После этого, как мне стало известно со слов мужа, он послал П. SMS-сообщение, хотел узнать, где он находится. П. ответил, что

находится дома. Муж поехал к нему домой. Дверь ему открыла жена П., сказала, что П. дома нет, и она с ним не живет. Муж рассказал ей про долг П., сказал, что заплатил П. деньги за телевизор, подставку и DVD, а П. не хочет ему это возвращать. Жена П. мужу сказала, что техника находится у нее в квартире, но принадлежит ей. Когда муж приехал домой, он мне рассказал, что не стал ничего забирать. Еще мне муж рассказывал, что когда он просил П. вернуть деньги, П. говорил: «Будешь ко мне приставать, я тебя завалю!» (РЗ 4/2008)

В то же время в нашем материале есть ситуации, в которых судья отказывается принимать показания с чужих слов. В следующем примере можно наблюдать противостояние судьи и прокурора, ведущего допрос. Судья вмешивается в ход допроса, когда прокурор предлагает свидетелю представить факты с чужих слов:

(215) ПРОКУРОР: Скажите, пожалуйста, известны ли Вам случаи, когда в критических ситуациях из-за отказа от переливания крови создавалась угроза жизни верующих? С чьих-либо слов, может быть, Вы сами...

СУДЬЯ: Нет, со слов нас не интересует абсолютно. Если Вам просто что-то известно. Со слов нам уже...

СВИДЕТЕЛЬ: Я видел просто... заключения некоторых городских больниц...

СУДЬЯ: Нет, заключения мы тоже все видели. Если Вам известен конкретный факт, конкретный...

СВИДЕТЕЛЬ: Нет, конкретный...

СУДЬЯ: Все. Следующий вопрос. (Св.И. 2001)

Данный пример иллюстрирует, на наш взгляд, проявление власти в действиях судьи и принятие решения на основе собственных представлений о ведении допроса.

Кроме того, допрашивающие обязаны воздерживаться от **наводящих вопросов (leading questions)**. Дж. Гиббонс так пишет о наводящих вопросах и их использовании в англоязычном суде: «Наводящий вопрос – это такой вопрос, который в большей степени заключает в себе информацию, чем имеет цель получить ее от свидетеля. Наводящие вопросы обычно не разрешаются во время прямого допроса, когда адвокат допрашивает «дружественного» свидетеля относительно событий, являющихся предметом тяжбы...» [Gibbons, 2005, p. 108]. В английском справочнике юридической терминологии наводящий вопрос толкуется более широко, как «вопрос, который предполагает определенный ответ или представляет как факт то, что в действительности подвергается сомнению» [The A to Z., 2006]. В ситуациях, когда правило исключения наводящих вопросов нарушается, представитель противоположной стороны может заявить протест, и судья решает вопрос по своему усмотрению. Так происходит в примере (213), где судья принимает протест недовольного представителя защиты и дает обвинению совет, как переформулировать вопрос, после чего адвокат задает вопрос в измененной форме. В первом варианте вопроса «Говорил ли он вам, кто играл главенствующую роль каким-либо образом в этих отношениях?» в пресуппозиции содержится утверждение, что

кто-то был главным в отношениях. Во втором варианте вопроса это скрытое утверждение удалено: «Говорил ли он вам еще что-нибудь о характере отношений, о том, как они относились друг к другу?»

(216) *PROSECUTION: Did he indicate to you who was, as it were, in control of the relationship in any way?*

DEFENCE: That really is (inaudible).

JUDGE: It can't be evidence against her.

DEFENCE: It is almost in the form of a leading question, too.

JUDGE: Yes, it suggests something - you can ask a question that starts did he say anything else about the relationship.

DEFENCE: The damage has been done.

JUDGE: Anyway, you go on, Mr Latham.

PROSECUTION: Did he give any other indication to you about the nature of the relationship, how they related to each other? (Huntley 2003)

Наводящие вопросы не должны использоваться и в отечественном суде. Согласно ст. 275 УПК РФ, председательствующий отклоняет наводящие вопросы. В нашем материале, однако, не встретилось случаев отклонения вопросов в силу того, что судья считал их наводящими. Наблюдения, сделанные другими исследователями, подтверждают наши собственные. А.С. Александров отмечает: «Можно предположить, что все типы вопросов, которые включают предполагаемые ответы <...>, удовлетворяют формальным требованиям классического понимания понятия «наводящего вопроса» и не должны применяться. Но это не так. Как показывают наши исследования, такие вопросы свободно применяются во время судебного следствия. Чаще всего – без какой-либо реакции со стороны процессуального оппонента и судьи» [Александров, 2003, с. 363]. Ученый объясняет этот факт тем, что критерии наводящего вопроса до сих пор точно не установлены и в окончательном виде критерий недопустимости вопроса определяется судьей индивидуально, сообразно судебной ситуации и с учетом мнения сторон.

Регулирование судьей задаваемых вопросов может быть связано с другой проблемой – **недоступностью для свидетелей формулировок**, используемых допрашивающими. Так, в ходе перекрестного допроса свидетельница, отвечая на вопрос, говорит не по сути дела. Судья прерывает ее и просит адвоката задать вопрос в более простой форме, что тот и делает:

(217) *DEFENCE: You see Mrs Bryden when you gave your evidence about this topic, never did you issue, as I noted, that he had said the words he was "the last person to speak to them". You did say was, he said "If only I had said something different"?*

WITNESS: Excuse me it says on the bottom there that he also said I was the last to speak to them.

JUDGE: You are not following the question, ask it again in a more simple form.

DEFENCE: When you gave your evidence to the jury earlier on today you said to them "He told me he was the last person to see them alive, I think it was the Warren Hill night we had that conversation, and he said, 'If only I had said

something different". For him to say to you "If only I had said something different", suggests, doesn't it, that he was speaking about conversations that he had had with them?

WITNESS: Yes. (Huntley 2003)

В другой ситуации судья сам приходит на помощь адвокату и уточняет вопрос, когда свидетельница отвечает не по сути:

(218) PROSECUTION: With staff absent because it is holiday time the site manager or one of the other caretakers was in charge of the site on the ground?

WITNESS: Responsible for getting things ready, yes.

PROSECUTION: That's getting ready for the press but the question was?

JUDGE: The question was about holidays generally. (Huntley 2003)

В русском материале также есть примеры работы «в тандеме» судьи и одной из сторон, в частности прокурора. Потерпевшему, требующему возмещение морального ущерба за автомобильную кражу, прокурор отвечает отказом, и судья поддерживает ее позицию, давая краткое разъяснение:

(219) ПРОКУРОР: Здесь не предусматривается моральный ущерб.

СУДЬЯ: Если бы вас побили, то это был бы моральный ущерб. (РЗ 6/2008)

В другой ситуации прокурор обсуждает вопрос материальной компенсации ущерба с подсудимым, и судья вступает в обсуждение, чтобы разъяснить не совсем однозначные слова прокурора:

(220) ПРОКУРОР: Все в ваших руках.

СУДЬЯ: В том смысле, что в ваших руках 192 рубля 20 копеек, которые принадлежат потерпевшему. (РЗ 6/2008)

Комментарии судьи в примерах (218), (219), (220) адресованы разным участникам процесса – свидетельнице, потерпевшему, подсудимому. Но они одновременно являются и показателями взаимодействия между судьей и стороной, ведущей допрос, чьи высказывания судья комментирует и объясняет.

Примеры, приведенные выше, являются, на наш взгляд, наглядными доказательствами того, что судья выполняет далеко не пассивную роль в ходе допросов свидетелей, что на протяжении допроса он ведет активную оценочную деятельность. Судья оценивает вопросы сторон, пресекая те, которые не соответствуют стандартам и процессуальным правилам.

К названным нами запретам свидетельствования с чужих слов и использования наводящих вопросов можно добавить и **правило релевантности**. И русские, и английские судьи вправе отклонить вопросы, не имеющие отношения к уголовному делу. В примере (221) судья снимает вопрос прокурора, так как считает, что он напрямую не касается свидетеля:

(221) ПРОКУРОР: Разрешите последний вопрос, Ваша честь. Скажите, пожалуйста, вот вы сказали, отвечая на вопрос, говорили об истинности православной религии и вы это только что подтвердили. Говоря об истинности православной религии, вы когда-либо, где-либо обвиняли другие конфессии, другие религии в кровопролитии, в блуде, в том, что другие религии погрязли в грехах, сравнивали каким-то образом...?

СУДЬЯ: Снят вопрос. Следующий вопрос. Причем здесь свидетельство... (Св.И. 2001)

Судья не обязан объяснять причину снятия вопроса, и только по контексту можно строить предположения. Так, свидетель, покинувший секту, рассказывает о том, что занимается теперь оказанием психологической помощи другим участникам секты. Прокурор хочет выяснить, почему это необходимо, но судья снимает вопрос:

(222) СВИДЕТЕЛЬ: ...Моя задача просто помочь данному конкретному лицу.

СУДЬЯ: А помочь как? Вы же свою веру проповедуете, правильно?

СВИДЕТЕЛЬ: Я пытаюсь ему объяснить, что как бы его вера не соответствует Библии. А какой выбор сделает этот человек...

СУДЬЯ: Понятно. Понятно. Хорошо. Пожалуйста, еще вопросы есть?

ПРОКУРОР: А почему он нуждается все-таки в психологической помощи?

СУДЬЯ: Снимается вопрос. Следующий вопрос. Пожалуйста. (Св.И. 2001)

Судья пресекает откровенно богословские дискуссии в суде, являющемся светским институтом, и снимает вопрос о психологической помощи, поскольку для свидетеля психологическая помощь фактически равнозначна проповедованию. Обсуждение этого вопроса опять увело бы дискуссию в сферу богословия.

Англоязычные исследователи отмечают важность критерия «релевантность» для проведения судебного процесса и ведущую роль судьи в оценке речевых высказываний участников процесса как относящихся или не относящихся к делу. «На процессах, происходящих в устной форме, от лишнего материала легко избавиться. Это дело умелого судьи – сократить ненужное до минимума. Подобным образом он стремится уменьшить время, занимаемое неважными вопросами, и при этом не дать адвокату почувствовать, что ему отказано в справедливом слушании. Но чтобы понять и исключить нерелевантное, чтобы препятствовать многословию без резкости, чтобы разобраться с несостоятельными пунктами, необходима трата времени, а судебное время стоит дороже, чем бумага», – пишет П. Девлин, анализируя достоинства и недостатки состязательной системы в сравнении с инквизиционной [Devlin, 1988, p. 62-63]. Стремление судей экономить судебное время не всегда благоприятно влияет на деятельность сторон процесса, выстроенная стратегия которых оказывается под угрозой или частично разрушенной, поскольку адвокат вынужден хотя бы отчасти ее приоткрыть, чтобы ответить на вопрос судьи «Как это относится к делу?» [Evans, 1995, p. 94]. Рассмотрим подробно ситуацию, когда вопрос о релевантности был поднят адвокатом защиты против адвоката стороны обвинения:

(223) PROSECUTION: Now did it at any time during your mother's lifetime cross your mind that she may be an abuser of heroin?

DEFENCE: I don't see how this arises out of cross-examination. (Shipman 1999)

В этой ситуации очень показательным с точки зрения проявления беспристрастности и объективности представляется поведение судьи, который для выяснения линии защиты удаляет из зала заседания сначала присяжных, а затем свидетельницу и обсуждает проблему только с представителями обвинения и защиты:

(224) *JUDGE: Members of the jury, there is a matter which I think I ought to deal with in your absence. If you would like to take this opportunity to go with your usher and have a short break.*

Members of the jury retired.

JUDGE: Mr. Henriques, it probably would be better if the witness is not in Court.

PROSECUTION: My Lord, we agree.

JUDGE: Mrs. Woodruff, would you leave the Court please go with the usher.

The witness withdrew. (Shipman 1999)

Определение релевантности/нерелевантности конкретного высказывания является достаточно емкой проблемой, поскольку для этого необходимо привлечение и изучение как предшествующего дискурса судебного разбирательства, так и предполагаемых высказываний, которые, по мнению сторон, последуют далее. В этой непростой ситуации разбирается судья: он выслушивает объяснение стороны обвинения, которая строит свою линию исходя из представлений о том, какую линию защиты будет выстраивать другая сторона. Прокурор оправдывает свой вопрос о возможной героиновой зависимости жертвы тем, что тема лекарств была поднята защитой и может лежать в основе линии защиты и поэтому необходимо прояснить ее со свидетельницей:

(225) *PROSECUTION: So our contention is this, that if it be the defence case that Mrs. Grundy had a diamorphine problem, the matter should be canvassed with this witness. My submission is that having asked the question about medication being found at her mother's house, I was entitled to ask the question whether she in fact had a heroin problem. (Shipman 1999)*

Судья вынужден обратиться к тексту заявления защиты, чтобы в свете этого заявления оценить релевантность вопросов защиты, заданных ранее в ходе перекрестного допроса:

(226) *JUDGE: ...I have read the defence statement, Miss Davies. In the light of the defence statement what was the purpose behind the cross-examination relating to medication found or not found, as the case may be, in the search of the house?(Shipman 1999)*

Из прочитанного заявления защиты судья черпает информацию о том, что сказал обвиняемый во время допроса в полиции, адресует свой вопрос адвокату защиты, и теперь другая сторона должна доказывать релевантность своих вопросов во время перекрестного допроса, имевшего место ранее:

(227) *DEFENCE: The matter that I was pursuing with Mrs. Woodruff was on a separate line, namely, what was found in the house, when was it found in the house and having found it in the house why was it not handed to the police for analysis. That is where the questions were coming from. They have to be relevant to the*

general issue, my Lord, of the cause of death because it is known in respect of morphine toxicity that over the counter compounds can be bought which in themselves contain morphine or linked to morphine. So any medication found in the house is relevant. (Shipman 1999)

Адвокат дважды повторяет слово *relevant* (*относящийся к делу*), аргументируя свою позицию тем, что любые лекарства, найденные в доме жертвы, могут быть связаны с причиной смерти.

Завершая разбор спорной ситуации, судья проявляет определенный демократизм, выясняя, нет ли у защиты возражений против заданного обвинением вопроса, предлагаемую формулировку которого он значительно меняет. Этого изменения формулировки не может не заметить адвокат защиты, и она делает комментарий по этому поводу (*Это бог знает как далеко от того, что спросил мой ученый друг*):

(228) JUDGE: *There can be no objection to Mr. Henriques asking questions whether to the knowledge of Mrs. Woodruff her mother was taking any form of medication which was morphine based.*

DEFENCE: *That is a world away from the question my learned friend posed.*

JUDGE: *And that is not an answer to my question. There can be no objection to Mr. Henriques doing that?*

DEFENCE: *As long as the question is as narrow as that, my Lord, no.* (Shipman 1999)

Вторая реплика судьи в примере (228) интересна вдвойне. Во-первых, судья проявляет неудовольствие по отношению к комментарию адвоката, констатируя: «Это не ответ на мой вопрос», – и повторяет вопрос. Во-вторых, обращает внимание на себя форма вопроса, повторенного дважды (подчеркнут в примере). Вопрос имеет прямой порядок слов, такой же, как и обычное утверждение. На то, что это вопрос, указывает вопросительный знак, по всей видимости, графически передающий интонацию. Прямой порядок слов и отрицание в составе высказывания (*no objections – отсутствие возражений*) фактически предопределяют ответ адвоката, который, как видим, соглашается с судьей и более узкой формулировкой вопроса, предложенной им.

Судья объявляет о своем решении ограничить прокурора возможностью задать вопросы в более узких рамках, но сохраняет за собой право предоставить ему более широкие возможности в случае необходимости:

(229) JUDGE: *What I shall do is I will allow Mr. Henriques to ask questions within the narrow compass that I have indicated just now, which you agree would be unobjectionable, but I shall reserve further re-examination with a view to Mr. Henriques applying if he thinks it appropriate as the matter progresses for further re-examination of Mrs. Woodruff on the question of opiate abuse. Do you have any objection to that?* (Shipman 1999)

Представленная ситуация взаимодействия судьи и сторон процесса построена при активном участии судьи, который решает проблему релевантности/нерелевантности конкретного вопроса адвоката с привлечением широкого дискурсивного контекста и посредством выяснения линии, выстраиваемой стороной защиты.

Понимание линии допроса принципиально для судьи. Причем, если в разобранной выше ситуации выяснение позиций сторон было спровоцировано протестом одного из адвокатов, то в примере (227) судья сам обращается за разъяснениями к ведущему допрос участнику процесса (это не профессиональный адвокат, а сам истец):

(230) *JUDGE: I am not quite sure, Mr Irving, perhaps you can explain to me. You are putting various things which you say Mr Tauber described.*

CLAIMANT: Well, my Lord, the inference is ----

JUDGE: With what object? Are you suggesting all of this is invention? (Irving 2000)

Как мы уже отмечали ранее, судья в состязательной системе не должен задавать вопросов, цель которых **получение фактической информации**. Эту функцию выполняют адвокаты. На практике, однако, адвокаты не всегда задают те вопросы, ответы на которые хотел бы услышать судья. В английском материале нам встретились ситуации, когда **судья побуждал** ведущего допрос **задать определенные вопросы**, проясняющие для него суть дела или требующие произнесения вслух ответов, которые не оставили бы возможности двойного толкования или домыслов. В следующем фрагменте перекрестного допроса после упоминания свидетелем специфического запаха замазки для кузова в машине адвокат продолжает допрос, интересуясь главным образом точной датой, когда свидетель почувствовал этот запах. Далее судья вмешивается в линию допроса и интересуется, не собирается ли кто-нибудь спросить, как пахнет замазка. Происходит следующий обмен репликами:

(231) *JUDGE: Is anybody going to ask what body filler smells like?*

WITNESS: Obviously you all repair your own cars so you all know.

DEFENCE: All the time.

JUDGE: Probably get somebody to do it. Anybody want to ask or is it assumed we all know.

WITNESS: Mr Butler can you describe in any other way the sort of smell, I know smells are difficult to describe, what body filler smells like?

WITNESS: Like a sweet smell, it gets in the back of your throat, a strong smell. (Huntley 2003)

Вопрос, несмотря на свою косвенную формулировку, не может быть адресован никому кроме адвоката, который вправе задавать вопросы. На это косвенное побуждение откликается свидетель, считающий, что все ремонтируют машины и знают, что это за запах. Адвокат, кажется, поддерживает свидетеля (*All the time – Постоянно*). Однако судья не принимает это как очевидный факт и еще раз в косвенной форме побуждает адвоката задать интересующий его самого вопрос. Местоимения *somebody* и *anybody* придают побуждению отвлеченный от фактического адресата характер, но на этот раз адвокат правильно расценивает интенцию судьи, обращается к свидетелю с вопросом за уточнением и получает ответ.

Степень участия судьи в допросе на гражданском процессе выше, особенно если допрос проводится непрофессионалом. На одном из английских гражданских процессов, рассматриваемых нами, перекрестный допрос

проводит сам истец. Наглядным примером контроля со стороны судьи может служить ситуация, когда судья побуждает истца задать определенный вопрос свидетелю. Однако ведущий допрос истец продолжает свою линию, ссылаясь на то, что ему необходимо обсудить со свидетелем еще два пункта:

(232) JUDGE: Let us ask Professor van Pelt what he makes of that suggestion.

CLAIMANT: I have two more of these episodes to put to him.

JUDGE: Put two more and then answer the general question, would you?

(Irving 2000)

Через некоторое время судья возвращается к интересующему его вопросу и задает его сам, обращаясь сначала к истцу за разрешением вмешаться, а затем непосредственно к свидетелю:

(233) JUDGE: May I put the general question to Professor van Pelt which I invited you to ask a little while ago? That is this. Are there aspects of Tauber's testimony or account which cause you to doubt his plausibility? (Irving 2000)

Вопрос судьи служит в данном случае средством стимуляции истца, который хочет продолжить линию, начатую судьей, и спрашивает на это разрешения судьи:

(234) CLAIMANT: May I ask a question on that, my Lord?

JUDGE: Of course, yes. I was only asking the question that seemed to me to be need to be asked. (Irving 2000)

В ответе судья, как нам представляется, указывает на то, что выполнил свою функцию и истец вправе далее вести допрос по своему усмотрению (*Я только лишь задавал вопрос, который, мне казалось, следовало задать*). Побуждение судьями участников, ведущих допрос, к постановке интересующего судью вопроса, осуществляется в некатегоричной, вопросительной форме, поскольку приоритетное право задавать вопросы принадлежит допрашивающей стороне.

В русском судебном дискурсе нам не встретилось случаев, когда судья побуждает адвоката задать определенные вопросы. Мы объясняем это особенностями отечественного судебного процесса. Мы ссылались ранее на статьи УПК РФ и ГПК РФ, согласно которым российские судьи имеют право задать вопросы свидетелю после его допроса сторонами или в ходе допроса соответственно. По нашим наблюдениям, судьи всегда использует это право.

Взаимодействие судьи со сторонами обвинения и защиты в ходе допроса нередко касается **вопросов процедурного характера**, и в этих вопросах судья имеет полное право проявить определенную жесткость и категоричность, что отражается на формальной стороне высказывания. В следующей ситуации сторона обвинения ходатайствует перед судьей, чтобы тот дал распоряжение сохранить в тайне адрес свидетельницы, после чего судья обращается к адвокату защиты с таким распоряжением. Судья аргументирует свое обращение ссылкой на общепринятые нормы (*...it is not normal practice... - ...обычно не практикуется...*) и далее в перформативной форме дает указание (*I direct that there is to be no publication of the address – Я распоряжаюсь, чтобы адрес не был опубликован*):

(235) *PROSECUTION: Sorry my Lord, I am not interrupting to be at all obstructive but would your Lordship just make a direction that the witness's address be not published for obvious reasons, burglary and the like. There are recent directives as to witnesses giving addresses and having regard to the particulars that are being disclosed, we are not seeking in any way to obstruct this trial, to obstruct the jury's information, but if this address is published we would apprehend it is not in the public interest.*

JUDGE: Miss Davies, of course as you know it is not normal practice for the addresses of witnesses to be disclosed as part of the proceedings for the reasons and others Mr. Henriques has referred to. Have you any objection to my making the directions?

DEFENCE: No, my Lord.

JUDGE: Very well. I direct that there is to be no publication of the address of Mrs. Woodruff without leave of the Court. (Shipman 1999)

Контроль процедуры помимо прочих составляющих включает контроль времени. Достаточно жесткий контроль временных рамок судебного допроса осуществляется в отечественном суде. Не желая затягивать слушание, судья дает адвокату или прокурору указания перейти к следующему вопросу (пример (236)), а в ряде случаев ограничивает ответы свидетелей (пример (237)), таким образом ускоряя ход дела:

(236) ПРОКУРОР: А фамилию Вы...

СВИДЕТЕЛЬ: Я фамилию не знаю, потому что мы с ним просто познакомились...

СУДЬЯ: Следующий вопрос. Хорошо. (Св.И. 2001);

(237) JUDGE: Let us leave the debating points on one side and press on with the cross-examination croaks. (Irving 2000)

Таким образом, мы выделили ряд типичных ситуаций взаимодействия судьи и допрашивающей стороны в ходе судебного допроса, выявив некоторые национально-специфические особенности судебного общения, обусловленные различиями между двумя судебными системами. Коммуникативные тактики, направленные на судью, и в отечественном, и в английском суде сводятся, главным образом, к запросу разрешения на совершение определенных действий, в ряде случаев сопровождаемому выражением заботы об удобстве для судьи. Тактики в речи судьи, направленные на допрашивающего, представлены в таблице 1. Фактически, все они имеют метакоммуникативный характер, поскольку позволяют судье контролировать способ представления информации в суде и ее объем.

В речи русских судей мы не обнаружили некоторых тактик, в том числе запрета наводящих вопросов, выяснения линий обвинения/ защиты, побуждения допрашивающего задать интересующие судью вопросы.

Отсутствие отводов наводящих вопросов, как мы отмечали выше, можно объяснить размытостью критериев наводящего вопроса в отечественном процессуальном праве и значительной личной свободой судей в установлении характера вопроса и его соответствия судебной ситуации.

Таблица 1 «Тактики судьи в общении с допрашивающим»

	Тактика	Русск.	Англ.
1	Запрос мнения сторон	+	+
2	Цитирование показаний свидетелей	+	+
3	Запрет показаний с чужих слов	+	+
4	Запрет наводящих вопросов	–	+
5	Распоряжение о замене формулировок вопросов, уточнение формулировок	+	+
6	Указание на нерелевантность вопроса, снятие вопроса	+	+
7	Выяснение линии обвинения/ защиты	–	+
8	Побуждение задать вопрос	–	+
9	Распоряжение процедурного характера, контроль времени	+	+

Отсутствие тактики побуждения к вопросам в речевом поведении русских судей мы объясняем особенностью процедуры в российских судах, где право судьи задавать вопросы практически не ограничено.

Тактика выяснения линий обвинения и защиты не применяется отечественными судьями, по-видимому, по причине менее развитой состязательности отечественного судопроизводства и сохраняющегося, несмотря на смену процессуального законодательства, стремления судей концентрировать внимание на собственной линии допроса.

В то же время большинство тактик обнаруживают значительный параллелизм. Это те тактики, которые способствуют эффективности процесса, осуществлению правосудия в максимально сжатые сроки и реализации такого принципа правосудия, как равенство и состязательность сторон.

Выделенные тактики позволяют нам утверждать, что роль судьи в ходе допроса не ограничивается пассивным слушанием: судья проявляет себя как фигура власти даже в том жанре, в котором ведущая роль традиционно отводится адвокатам, и он может оказать значительное влияние на ход допроса.

3.2.3 Речевое взаимодействие судьи и допрашиваемого

Прежде чем приступить к рассмотрению особенностей речевого взаимодействия судьи и допрашиваемого, необходимо обрисовать круг лиц, включенных в категорию «допрашиваемый». В уголовном судопроизводстве это подсудимый, свидетель, эксперт, потерпевший. В отечественном гражданском судопроизводстве ответчик и истец дают объяснения, а допрашивается только свидетель. При слушании гражданских дел в Англии допросу подвергаются обе стороны и свидетели. Мы считаем возможным объединить всех, кому задаются вопросы относительно обстоятельств дела, в одну группу, поскольку порядок допроса строится по единой схеме и

коммуникативные тактики судьи по отношению к допрашиваемому не будут иметь принципиальных отличий.

Особенность общения судьи с допрашиваемым состоит, во-первых, в том, что существует ряд правил, ограничивающих непосредственное речевое взаимодействие судьи и участника процесса, подвергающегося допросу. Особенно актуально это для уголовных процессов: русские судьи могут обращаться к свидетелю только после допроса его сторонами, а английские судьи не должны вмешиваться в ход допроса, если только нет необходимости внести коррективы в случае нарушений процедуры или при возникновении принципиальных неясностей. Но даже в последнем случае английские судьи могут избежать непосредственного общения со свидетелями, обращаясь к ним через представителей обвинения и защиты. (Такие ситуации мы обсуждали выше.) Второй особенностью общения судей с допрашиваемыми является принципиальное статусное неравенство. В случае интеракции ‘судья – допрашивающий’ мы имеем дело с общением двух профессионалов, хорошо знающих правила взаимодействия в зале суда и, образно выражаясь, говорящих на одном языке. В паре ‘судья – допрашиваемый’ последний чаще всего не имеет отношения к судебной сфере и не знает правил поведения в суде, если только мы не говорим о подсудимом, неоднократно бывавшем на скамье подсудимых. Такие особенности допрашиваемого находят отражение не только в его собственной речи, но и в речевом поведении судьи. Далее мы выделим основные ситуации взаимодействия судьи и допрашиваемого и представим типичные для этих ситуаций тактики в речи судьи.

Подобно тому, как судья осуществляет контроль над деятельностью ведущих допрос адвокатов и обвинителей, он контролирует свидетелей и подсудимых. Причем в силу того, что допрашиваемые – это чаще всего люди, далекие от правовой сферы и не слишком осведомленные, судьям приходится инструктировать их гораздо чаще, чем профессиональных участников процесса. Судья, являющийся организующим центром судебного процесса, контролирует непрофессиональных участников, ограничивая их вклад в процесс, где необходимо, и предлагая ряд профессиональных пояснений в случае, если те испытывают определенные затруднения.

Нам представляется, что тактики судьи в общении с непрофессиональными участниками допроса можно разделить на три **группы** в соответствии с типом той реальности, которую они воссоздают или моделируют. Согласно Дж. Гиббонсу, в ходе судебного процесса взаимодействуют **три реальности**: первичная, т.е. непосредственная реальность зала суда; вторичная, т.е. события, послужившие причиной судебного процесса; реальность третьего типа – собственно сфера закона [Gibbons, 2005, p. 119]. Представляется возможным в зависимости от функции выделить тактики: 1) способствующие соблюдению общих норм поведения в суде и судебной процедуры; 2) способствующие более эффективному процессу дачи показаний и влияющих на их содержательную сторону; 3) разъясняющие юридические моменты и тем самым обеспечивающие полноценное и

осознанное участие непрофессионала в процессе, понимание им происходящего в зале суда.

Начнем рассмотрение тактик с **тактик первого типа**, которые обеспечивают соблюдение норм поведения и стандартных процедур в ходе допроса.

Судья начинает допрос свидетеля с **краткой информации по процедуре**:

(238) СУДЬЯ: *Теперь переходим к допросу свидетеля. Паспорт пожалуйста ваш.... Называйте правильно вашу фамилию, имя, отчество. Вы допрашиваетесь по делу в качестве свидетеля. Вы несете уголовную ответственность за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний, должны говорить только правду. Подойдите, распишитесь.... Скажите нам, где вы работаете? (Св.И. 2001)*

Высказывание является наглядным образцом проявления власти в речи. Формы глаголов *допрашиваетесь*, *несете* представляют информацию как факт, не подлежащий обсуждению. Модальная конструкция *должны говорить* приписывает свидетелю определенные обязанности. Посредством императивов *называйте*, *подойдите*, *распишитесь*, *скажите* с использованием только единожды вежливого *пожалуйста* судья дает пошаговые инструкции. В другой ситуации судья привлекает внимание свидетеля, когда тот отвлекается, дополнительной императивной конструкцией:

(239) СУДЬЯ: *Вы допрашиваетесь по делу... Слушайте нас пока.*

СВИДЕТЕЛЬ: *Да, я вас слушаю.*

СУДЬЯ: *Вы допрашиваетесь по делу в качестве свидетеля, суд вас предупреждает, что вы несете уголовную ответственность за дачу ложных показаний. (Св.И. 2001)*

Как и свидетелям, подсудимым необходимы инструкции относительно правильных действий в суде, и судья дает такие инструкции, принимая решения с учетом мнения подсудимого, если это предполагает процедура:

(240) СУДЬЯ: *Миронова, вставайте! Понятно Вам, в чем Вы обвиняетесь? (РЗ 2/2008);*

(241) СУДЬЯ: *Слушаем Вас по порядку. (РЗ 2/2008);*

(242) СУДЬЯ: *Вы показания согласны дать?*

Подсудимая: *Согласна. (РЗ 2/2008);*

(243) СУДЬЯ: *Будете давать показания до дачи показаний свидетеля?*

ПОДСУДИМЫЙ: *Я уже давал.*

СУДЬЯ: *Кому давали? Мне не давали. (РЗ 6/2008);*

(244) JUDGE: *Would you like to sit down? Please, do (P3 Campbell 2007).*

В примере (243) подсудимый, не знакомый с порядком судебного процесса, думает, что данных им показаний в ходе следственных действий, достаточно. Судья сразу же дает ему понять, что это не так. Обратим внимание на использование судьей местоимения 1 л. ед.ч. *мне*, подчеркивающее его личную власть в зале суда.

Английский судья после допроса свидетелей напоминает им о **необходимости сохранять тайну** и запрете обсуждать дело с кем-либо без его разрешения:

(245) JUDGE: *Yes. Mrs. Woodruff, I am sure I don't need to tell you this but forgive me if I just remind you that whilst you are giving your evidence you must not talk about any aspect of this case or any aspect of your evidence to anybody at all unless I give you permission to do so. Only I can give permission. I am sure you understand that. (Shipman 1999);*

(246) JUDGE: *Very well, Miss Davies, of course. We will break off now and resume again at 10.30 tomorrow morning. Sergeant, I am sure I don't need to tell you that you must not speak about this case or any aspect of your evidence to anybody at all without my permission. Only I can give you permission. (Shipman 1999).*

Эксплицитно выраженный в обоих высказываниях запрет *must not speak, must not talk* (не должны говорить), *unless I give you permission, without my permission* (без моего разрешения) отчасти смягчается вежливым замечанием судьи *I don't need to tell you* (нет необходимости говорить вам) и извинением *forgive me* (простите меня). Эти формального плана смягчения не снижают общей категоричности высказываний, завершающихся однозначным указанием судьи на свою власть в форме эмфатической конструкции *Only I can give (you) permission* (Только я могу дать (вам) разрешение)).

Английские судьи также инструктируют подсудимых относительно поведения после того, как они покинут зал суда. Перед объявлением перерыва судья просит подсудимого ни с кем не обсуждать показания:

(247) JUDGE: *Mister Campbell, we get a break now. You must not talk with anyone about evidence. (P3 Campbell 2007)*

Никто, кроме судьи, не может разрешить свидетелю или подсудимому **покинуть зал суда**. Инструкции, касающиеся этого рабочего момента, встречаются и в русском, и в английском материале. Судьи благодарят свидетелей и разрешают им уйти:

(248) СУДЬЯ: *У Вас нет больше вопросов к свидетелю? Все, спасибо. Вы уже можете присесть или идти домой. (Св.И. 2001);*

(249) JUDGE: *Thank you very much, Mrs. Woodruff. You are free to go and that will apply to all witnesses unless I give a specific direction to the contrary. (Shipman 1999)*

Высказывание в примере (249) с использованием лексики официально-делового стиля (*apply - применимо, specific direction - особые распоряжения, to the contrary - об обратном*) звучит более формально и содержит инструкцию для следующих свидетелей. В дальнейшем судья ограничивается кратким *Спасибо. Вы можете идти*:

(250) Judge: *Thank you Mrs. Tobin. You are free to go. (Shipman 1999)*

В следующей ситуации подсудимый, чувствуя недомогание, сообщает об этом судье, который разрешает подсудимому вернуться на скамью подсудимых, а затем и покинуть зал суда:

(251) DEFENDANT: *Excuse me please. I really don't feel very well my Lord.*

JUDGE: *Very well. Mr. Henriques, Dr. Shipman does not feel very well. We will have a short break.*

PROSECUTOR: *Certainly my Lord.*

JUDGE: Sorry to interrupt. Very well. Dr. Shipman. If you would like to go back into the dock area please... You may leave the dock area immediately and go below. (Shipman 1999)

Судье приходится касаться самых простых вопросов технического характера при общении со свидетелями. В нашем материале есть примеры того, что судьи **просят свидетелей говорить громче**. Недостаточная громкость голоса во время судебной коммуникации может рассматриваться как определенного рода нарушение, поскольку это мешает нормальному ходу процесса.

(252) Свидетель дает показания.

СУДЬЯ: Давайте погромче. (P3 2/2008);

(253) JUDGE: I am very sorry but your voice is perhaps understandably going away somewhat. Do you think ---

Witness: Some peppermint oil tablets.

Judge: Go over it again. Peppermint oil? (Shipman 1999)

Обращает на себя внимание языковое воплощение судебных распоряжений. Если русский судья дает указание в достаточно резкой императивной форме, то английский делает замечание в косвенной форме, как бы отстраняя голос от самого говорящего, и использует несколько средств вежливости для смягчения своего комментария (*I am sorry - Извините, perhaps - возможно, understandably - по понятной причине, somewhat - каким-то образом*). Только затем звучит просьба повторить сказанное, сформулированная в виде вопроса.

Судья делает замечания относительно громкости голоса не только свидетелям, но и подсудимым. Их показания не менее важны для суда:

(254) СУДЬЯ: Соколова, рассказывайте.

Подсудимая начинает говорить.

СУДЬЯ: Громче говорите. (P3 2/2008)

Судья вмешивается в ход допроса, если речевое **поведение свидетеля или подсудимого не соответствует его роли** в суде. Так, свидетель может только отвечать на вопросы, но не задавать их. В примерах (255), (256) мы наблюдаем ситуации, когда это правило нарушается, и судья напоминает свидетелю о его обязанностях:

(255) АДВОКАТ: Хорошо. Если я пришел в православную церковь и я хочу поставить свечку, я должен купить эту свечку или мне ее подарят?

СВИДЕТЕЛЬ: Если вы придете в магазин и берете книгу, вы должны заплатить за нее?

АДВОКАТ: Конечно...

СУДЬЯ: Свидетель, вы на вопросы отвечаете, а не задаете ...

АДВОКАТ: А церковь это магазин или что?

Судья: Вам задается вопрос, вы ответьте на него. (Св.И. 2001);

(256) АДВОКАТ: ...Т.е. вы считаете, что приемлемо заменять зависимость от наркотиков на православную, но не приемлемо на неоиндуистскую, или как?

СВИДЕТЕЛЬ: А вы как-то сталкивались с системой самого Маршака?

АДВОКАТ: Нет, не сталкивался.

СУДЬЯ: Отвечайте, отвечайте на вопрос. (Св.И. 2001);

(257) Судья: Нет, давайте... Вы в качестве свидетеля, поэтому должны факты соответственно называть... Если вы называете конкретный случай, нам хотелось бы услышать (неразборчиво). (Св.И. 2001)

В приведенных примерах допрашиваемые нарушают процессуальные нормы, т.е. отступают от своих обязанностей свидетеля, и судья регулирует их поведение, напоминая содержание их роли на процессе. Кроме таких процессуальных ошибок, которые можно отчасти объяснить незнанием процедуры, дающие показания участники процесса совершают и грубые ошибки неязыкового характера, **нарушая общепринятые нормы поведения**. Такие ситуации распространены в отечественном суде, и судьи не оставляют их без внимания. Общая низкая культура непрофессиональных участников процесса приводит к тому, что звонки на сотовые телефоны во время процесса – отнюдь не редкость, несмотря на устное распоряжение судьи в начале слушания отключить сотовые телефоны.

(258) Во время допроса свидетеля у него в кармане звонит телефон.

СУДЬЯ: Телефон у кого-то? Чей? Отключите. (РЗ 6/2008)

Распоряжение отключить телефон может сопровождаться предупреждением о последствиях неподчинения суду:

(259) СУДЬЯ: Отключите телефоны вообще все. Щас конфискую. (РЗ 3/2008)

В английском материале подобных ситуаций не встречается. Возможно, в силу того, что проносить в зал суда любые технические средства, в том числе сотовые телефоны, запрещено.

Осуществление контроля над поведением допрашивающего может сопровождаться эксплицитной ссылкой судьи на собственную власть, что указывает на легитимность предъявляемых к свидетелю требований и служит аргументом в их пользу:

(260) Свидетель вышел давать показания и жует жевательную резинку.

СУДЬЯ: С., перестаньте жевать. Это общественное место. И это – суд, одна из ветвей власти. Представьте, что перед Вами президент Российской Федерации. Вы же не будете перед ним жевать. Суд тоже власть. Чтоб не проглотить, выплюньте. (РЗ 6/2008)

Судья дважды указывает свидетелю на деликт (*жевать*), дважды ссылается на то, что суд – это институт власти, и два раза дает указание прекратить нарушать порядок (*перестаньте, выплюньте*).

Нам не встретилось ситуаций, когда бы поведение русского или английского подсудимого явно нарушало нормы поведения на процессе. В русском материале есть ситуация, когда подсудимая хочет взять речевую инициативу и задать вопрос потерпевшему, выбрав для этого неподходящий момент. Однако этот поступок не имеет серьезных последствий: судья пресекает речь подсудимой, но возвращается к ее просьбе позже, предоставляя возможность задать вопрос потерпевшему:

(261) ПОДСУДИМАЯ: Можно вопрос?

СУДЬЯ: Подождите. Я вопросы задаю. <...>

СУДЬЯ: Какой у Вас вопрос?

ПОДСУДИМАЯ: А почему, Олег, ты ничего не говоришь про нашего общего ребенка? (PЗ 2/2008)

Отдельного замечания заслуживают комментарии судьи, связанные с **соблюдением прав подсудимых**. Отечественный протокол предусматривает информирование судьей всех участников процесса об их правах и обязанностях, и судья объясняет это в начале процесса. Непосредственно перед допросом подсудимого судья напоминает ему о его правах, сопровождая напоминание запросом фактической информации:

(262) Судья: Я напоминаю Вам права подсудимых. Вы вправе отказаться отвечать на вопросы, вправе добровольно возместить материальный ущерб. Возместили ущерб? (PЗ 6/2008)

То, что судья дополнительно обращает внимание подсудимого на его права, может расцениваться как проявление стремления обеспечить справедливый, соответствующий процессуальным нормам ход допроса. Пример (263) из английского процесса также иллюстрирует внимательное отношение судьи к правам подсудимого, в том числе гарантированный доступ к тем документам, которые используются сторонами обвинения и защиты. После обращения к нему подсудимого по поводу отсутствующих документов судья дает указание подождать, пока документы не принесут:

(263) PROSECUTION: Dr. Shipman, finally, I want to deal please with one wholly separate matter and if you have got the jury bundle in front of us it is moving in fact right to the end of the jury bundle, what are described as formal admissions?

DEFENDANT: I don't have them, my Lord.

JUDGE: The document should be there. It may not have been inserted in the witness's bundle. Just wait until one is provided to you. (handed) (Shipman 1999)

Отметим тот момент, что со своей проблемой подсудимый обращается к судье, а не к адвокату, делающему ссылку на документ.

Тактики второго типа направлены непосредственно на содержательную сторону свидетельских показаний. Традиционно считается, что ключевой фигурой, влияющей на формирование свидетельских показаний, является ведущий допрос обвинитель или адвокат. Наши наблюдения показывают, что судья также использует целый ряд тактик, влияющих на ход дачи показаний.

Ранее мы указывали, что судья ускоряет процесс, давая соответствующие команды адвокатам и прокурору. То же в полной мере относится и к взаимодействию судьи с допрашиваемыми. **Контролируя временные рамки высказываний**, судья может ограничиваться краткими репликами, чтобы сигнализировать о понимании и сделать процесс более динамичным: *Поняла. Дальше, пожалуйста; Дальше; Достаточно*. В ряде случаев судья аргументирует свои указания, ссылаясь на отсутствие времени и недостаточно экономичные формулировки свидетеля:

(264) СВИДЕТЕЛЬ: Ну, как бы одно дело приходить для того, чтобы ...

СУДЬЯ: Нет, давайте отвечайте на конкретный вопрос, как будут реагировать в церкви? Ответьте коротко, и у нас времени не много... (Св.И. 2001);

(265) СВИДЕТЕЛЬ: ...Они расхваливают себя в нравственном смысле, это не христианская черта.

СУДЬЯ: Хвалят себя. Все, поняла. Вы так много говорите, а в результате можно было сказать одним словом. (Св.И. 2001)

Английский судья ограничивает время обсуждения свидетелем одного из вопросов, ссылаясь на то, что часть информации содержится в письменных показаниях:

(266) JUDGE: I just want to get the full picture. I do not want you to spend very long on this, but you deal with this in your report, do you not, at some length?

WITNESS: In detail, yes. (Irving 2000)

Ограничение продолжительности высказываний свидетелей можно было бы считать контролем формальной стороны речи. Действительно, судья пресекает излишнее многословие и не позволяет допрашиваемому уйти в сторону от интересующих суд сведений. В то же время понятно, что поставленные временные рамки неминуемо влияют на общий смысл и содержание свидетельских показаний. Возникает вопрос, не лишается ли свидетель возможности высказать все, что считает нужным, не ограничивает ли судья таким образом свободу свидетеля. На наш взгляд, в этом отношении в ходе допроса устанавливается определенный баланс между стремлением ведущего допрос прокурора или адвоката извлечь необходимые показания и стремлением судьи свести временные затраты на судебном процессе к минимуму.

Стремление судьи к экономии не отрицает его внимания к содержательной стороне показаний допрашиваемого, что проявляется в использовании им ряда тактик, определяющих если не смысл, то общее направление показаний. **Очерчивание** судьей **общего круга тем** необходимо, если свидетель чувствует себя неуверенно или растерянно, а круг вопросов, требующих обсуждения, достаточно широк. В следующем примере судья перечисляет пункты, по которым необходимы свидетельские показания, поскольку именно эти пункты лежат в основе обвинений, предъявляемых прокуратурой:

(267) СУДЬЯ: ...Вот вы были Свидетелем Иеговы. И нам расскажите, на сегодня ставится вопрос о ликвидации этой общины, в связи с тем, первое, что они понуждают, разжигают религиозную рознь, что они разрушают семью, что они склоняют к самоубийству и т.д. Вот на эти вопросы нам и отвечайте. (Св.И. 2001)

Судья возвращает свидетеля к обсуждению затронутой темы, когда тот меняет направление показаний:

(268) СУДЬЯ: Вы вот по семье начали, а вот теперь на разжигание религиозной... Давайте по семье мы сначала закончим. Вот семья, вот Вы стали там... Вот нам передайте как-то свои ощущения, мироощущения... я не знаю. (Св.И. 2001);

(269) СУДЬЯ: *Вы опять уходите. Изоляция от общества. Расскажите, пожалуйста. (Св.И. 2001)*

Интересной нам показалась следующая ситуация в английском суде, когда судья возвращает свидетеля к высказанному ранее стороной истца предположению, которое свидетель оставил без внимания:

(270) JUDGE: *Whilst I am asking you questions, I am not sure you have really responded to the suggestion that was implicitly being put to you by Mr Irving which is that these objects that one can see on the roof of the gas chamber, alleged gas chamber, are, in fact, drums containing some sort of sealant. You have not actually dealt with that suggestion.*

WITNESS: *No, and I would like to deal with that, if it is possible? (Irving 2000)*

Важно отметить, что судья избегает прямого вопроса и использует утверждение *You have not actually dealt with that suggestion (На самом деле вы не рассмотрели это предположение)*, чтобы побудить свидетеля дать показания. Свидетель правильно распознает коммуникативные намерения судьи и выражает свое желание обсудить вопрос (*I would like to deal with that - Я бы хотел обратиться к этому*).

Актуальный для судебного процесса **принцип релевантности** применяется судьей к свидетельским показаниям. Не имеющая отношения к делу информация сразу отбрасывается. Эксплицитно выраженные требования соблюдения принципа релевантности нередки в обращении судей к допрашиваемым:

(271) СУДЬЯ: *Многим наркоманам помогли?*

СВИДЕТЕЛЬ: *Ну, как сказать, порядка там 20 человек, которые достаточно долго употребляли достаточно разные наркотики и тяжелые наркотики.*

СУДЬЯ: *Хорошо, это к нам не имеет отношения. (Св.И. 2001)*

В примере (272) судья отрицает релевантность части показаний свидетеля, прерывая его, и дает четкое указание относительно требуемых фактов:

(272) СВИДЕТЕЛЬ: *На самом деле в каждом собрании стоит два ящика: один на нужды Зала Царств, другой на всемирное дело. Содержание первого ящика действительно идет на нужды... аренду, ремонт или еще что-то. Содержание второго ящика идет в корпорацию...*

СУДЬЯ: *Куда идет нам тоже все равно. Рассказывайте факты: обязательные платежи... (Св.И. 2001)*

В английском материале нам встретилась ситуация, когда вопрос о релевантности показаний по определенному вопросу поднимается свидетелем, и судья фактически поддерживает свидетеля, считая, что затронутая тема только отчасти относится к показаниям свидетеля. В результате истец, ведущий допрос, меняет линию аргументации:

(273) CLAIMANT: *The obvious question then is would she have been given a Chair in anything if she had not written the book, let us put it that way round?*

WITNESS: *My Lord, I do not see it is relevant. If you think it is relevant I will answer the question.*

JUDGE: *It has a sort of a relevance but not in terms of your evidence.*

CLAIMANT: *Yes. I will abandon that line of argument, my Lord. (Irving 2000)*

Поскольку принятие судьей решения по делу основывается на анализе изложенных фактов, **требование** от допрашиваемых **конкретной фактической информации** является одной из ключевых судебных тактик. Именно факты из свидетельских показаний будут использоваться судьей в дальнейшем для аргументации решения по делу. Эти факты судья будет суммировать в своем обращении к присяжным – если это процесс с участием присяжных, – делая собственную аранжировку информации, полученной из показаний. Очевидно, что чем более точную и внятную информацию судья получит, тем меньше вероятность того, что он представит ее через призму собственного субъективного видения, которое не будет способствовать непредвзятому осуществлению правосудия.

Побуждение свидетеля предоставить суду ясную и четкую информацию может быть выражено как вопросом, так и императивной конструкцией:

(274) СУДЬЯ: *Это Вы просто говорите, а конкретные случаи Вы знаете?*

СВИДЕТЕЛЬ: *Конкретные случаи я сейчас не помню... Я знаю конкретные случаи, но не помню фамилии, потому...*

СУДЬЯ: *А Вы можете конкретно... чем все эти истории заканчиваются?*

СВИДЕТЕЛЬ: *Я знаю проблемы этих историй...*

СУДЬЯ: *Как таковой проблемы нам здесь не нужно. Вы говорите общие слова. Проблема понятна. Скажите конкретно, Вы знаете, к чему это привело? (Св.И. 2001);*

(275) СВИДЕТЕЛЬ: *...Если изучение проходит у меня в комнате, какое-то время этому уделяется внимание. То есть, какая литература у тебя, что она...*

СУДЬЯ: *Это кто проверяет? Говорите конкретно. (Св.И. 2001);*

(276) JUDGE: *Yes, make your point on this because I have not understood it yet. (Irving 2000)*

Процесс конкретизации фактической информации происходит и в тех случаях, когда судья обращается к допрашиваемым за уточнениями. Уточнение судьей информации, поступающей от свидетеля, может иметь форму **цитаты из его показаний**, сопровождающейся уточняющими вопросами:

(277) СУДЬЯ: *Вы сказали, Вы человек верующий. Вы какие-то обязательства как верующий своей религии выполняете? (Св.И. 2001);*

(278) СУДЬЯ: *Вы говорите, он реально считал, что это учение...*

СВИДЕТЕЛЬ: *Правильное.*

СУДЬЯ: *Правильное, да?*

СВИДЕТЕЛЬ: *Нет, он считал, что оно правильное. Но у него были сомнения, скажем так. В отношении...*

СУДЬЯ: *А сомнения у него в отношении чего?*

СВИДЕТЕЛЬ: Ну, это самое. В отношении некоторых положений организации. Вот.

СУДЬЯ: То есть, он вам все это разумно говорил? Я правильно поняла? Вы с ним общались на этом собрании, да?

СВИДЕТЕЛЬ: Да. (Св.И. 2001)

Тактика уточнения информации может быть отмечена соответствующими метакоммуникативными маркерами:

(279) СУДЬЯ: Давайте рассказывайте. Как Ваша рабочая ночь проходила?

СВИДЕТЕЛЬ: Они звонят.

СУДЬЯ: Они – это кто? Давайте сразу уточняйте. (P3 5/2009);

(280) СУДЬЯ: Давайте уточним. Вы машину продали без двери? И дверь продали уже? (P3 6/2008);;

(281) СВИДЕТЕЛЬ: ...Ну, скажем, ... там... взять... там конкретных людей... там, то я видел, скажем, мальчика одного, который посещал собрания, которого родители приходили и когда приходили в Центр, ему еще не было тогда 18 лет. Вот. Он был вовлечен в эту организацию.

СУДЬЯ: То есть на собраниях вы видели несовершеннолетних?

СВИДЕТЕЛЬ: На собраниях тоже видел. (Св.И. 2001);

(282) СУДЬЯ: Деньги как собирали?

СВИДЕТЕЛЬ: Давали деньги Светлане как старшей по возрасту.

СУДЬЯ: Именно по возрасту? То есть других приоритетов не было?

СВИДЕТЕЛЬ: Нет. (P3 5/2009);

(283) JUDGE: Professor van Pelt, can I just make sure I have understood it, that when you say that these show the projections, whatever they may have been, you are talking about -- can you see -- that smudge there, that smudge there, that smudge there?(Irving 2000).

Несмотря на общую для примеров (279) – (283) интенцию уточнения, высказывания построены по-разному с языковой точки зрения. В примере (279) судья использует императивную конструкцию, направленную на свидетеля, на которого возлагается ответственность за недостаточную четкость и от которого судья дистанцируется. Пример (280) содержит инклюзивную конструкцию, указывающую на вовлеченность судьи в процесс уточнения и его совместную деятельность со свидетелем. В примере (280) английский судья, обращаясь за уточнением, берет ответственность за непонимание на себя (*Могу ли я убедиться, что правильно понял...*).

По нашим наблюдениям, английские судьи склонны формулировать запросы уточнений в виде альтернативных вопросов (примеры (284), (285)). Рассматривая фотографии, представленные экспертом, судья уточняет дату:

(284) JUDGE: That's 19 or 18? (P3 Campbell 2007)

В следующем фрагменте внимание судьи к деталям и уточняющий альтернативный вопрос *Она была там или направлялась туда?* побуждает свидетеля изменить показания. На первоначальный вопрос обвинителя он отвечает: *Он сказал, что она в Гримсби*, но на уточняющий вопрос судьи ответ звучит как *Направлялась в Гримсби*. Такой поворот заставляет прокурора

уточнить показания еще раз, и на этот раз свидетель подтверждает сказанное судьей:

(285) PROSECUTION: *Did you know where she was?*

WITNESS: *He said she was in Grimsby.*

JUDGE: *She was in or going?*

WITNESS: *Going to Grimsby.*

PROSECUTION: *She was going to Grimsby?*

WITNESS: *Yes. (Huntley 2003)*

В русских материалах уточнений в форме альтернативных вопросов нами не выявлено. Наши наблюдения подтверждаются статистическими данными, приведенными в работе А.С. Александрова [Александров, 2003, с. 251]. Альтернативные вопросы составляют только 0,5% от общего числа вопросов на допросе. Причем эта цифра включает вопросы и сторон, и судей.

В других ситуациях английский судья использует для уточнения фактов утвердительные высказывания, произносимые с вопросительной интонацией, и общие «да/нет» вопросы, предполагающие подтверждение либо отрицание и не ведущие к выявлению новой дополнительной фактической информации:

(286) DEFENDANT: *I packed her clothes...*

JUDGE: *You packed all her clothes up? In expectancy she would collect them.*

DEFENDANT: *That's correct. (P3 Campbell 2007);*

(287) JUDGE: *That's the text that Alison sent to you?*

DEFENDANT: *Correct. (P3 Campbell 2007);*

(288) JUDGE: *She would agree that you wouldn't give freedom to her? (P3 Campbell 2007);*

(289) JUDGE: *Sorry. Did you want to speak to him?*

DEFENDANT: *Yes. I wanted to speak to him. (P3 Campbell 2007)*

В примерах (286), (287) подсудимый подтверждает правильное понимание фактов судьей стандартной для суда речевой формулой *Correct/That's correct (Правильно/Это так)*, а в примере (289) – наречием *yes (да)* и утверждением на основе заданного судьей общего вопроса.

Необходимость переспроса может быть связана с тем, что судья не расслышал свидетеля или истца. В примерах (290), (291) английский судья повторяет за подсудимым фрагменты его показаний с вопросительной интонацией, подталкивая подсудимого к завершению высказываний:

(290) DEFENDANT: *She stayed very angry.*

JUDGE: *Stayed...?*

DEFENDANT: *Stayed very angry (P3 Campbell 2007);*

(291) JUDGE: *I miss something. As I was leaving...?*

DEFENDANT: *As I was leaving I took car keys and a wallet, and some money (P3 Campbell 2007)*

В последнем примере судья предваряет переспрос объяснением причины (*I miss something – Я кое-что упустил*).

Уточняющие вопросы судьи, даже минимальные по объему, и переспросы влияют на содержание фактической информации, аккумулируемой в деле и определяющей решение по нему.

В отечественных судебных процессах стремление судьи уточнить информацию может носить ярко выраженный характер. Следующий достаточно объемный фрагмент судебного заседания нам оказался интересным, поскольку он наглядно демонстрирует, как в ходе допроса инициатива полностью перехватывается судьей, который задает один за другим 14 вопросов, уточняя все новую и новую информацию, поступающую от свидетеля. В принципе, нарушения процедуры здесь не происходит – судья только использует свое право вмешательства в допрос на гражданском процессе. Отметим, однако, что прокурор так и не получает ответа на свой изначальный вопрос *Родители знают, что у этих детей есть такие карточки?* и, получив санкцию судьи на продолжение допроса, она задает вопрос в измененном виде, относительно конкретного человека, о котором рассказывал свидетель *У Артура была заполнена такая карточка?:*

(292) ПРОКУРОР: Родители знают, что у этих детей есть такие карточки?

СУДЬЯ: Не поняла, разве есть случаи, когда несовершеннолетние дети посещают собрания без родителей?

СВИДЕТЕЛЬ: Несовершеннолетние, есть и посещают собрание...

СУДЬЯ: Без родителей?

СВИДЕТЕЛЬ: Ну да, на примере Артура Козлова я знаю... (неразборчиво)

СУДЬЯ: Кого?

СВИДЕТЕЛЬ: На примере Артура Козлова, скажем, я могу сказать, что...

СУДЬЯ: Артур Козлов. Ему сколько лет?

СВИДЕТЕЛЬ: Ему тогда не было 18 лет.

СУДЬЯ: Когда - тогда?

СВИДЕТЕЛЬ: Ну, вот на тот момент, когда он посещал собрание. Сейчас он уже совершеннолетний.

СУДЬЯ: Это который в психиатрической больнице лежал?

СВИДЕТЕЛЬ: Нет, не тот, который в психиатрической больнице...

СУДЬЯ: А кто?

СВИДЕТЕЛЬ: Это... как бы один из мальчиков, он посещал Зеленоградское собрание.

СУДЬЯ: Из города Зеленограда?

СВИДЕТЕЛЬ: Ну да, ну так как город Зеленоград входит в Москву...

СУДЬЯ: Ну что-то я не пойму... Про Артура Козлова мы ничего не говорили... А как от туда попал?

СВИДЕТЕЛЬ: Ну как он туда попал? Ему...

СУДЬЯ: Он сам живет в Зеленограде?

СВИДЕТЕЛЬ: Он живет не в Зеленограде. Но так как... скажем, в его селе, поселке нету собрания Свидетелей Иеговы, то он ходил туда, где ближайшее. Ближайшее находилось в городе Зеленограде.

СУДЬЯ: А родители его (неразборчиво)?

СВИДЕТЕЛЬ: Родители очень противились этому, потому что...

СУДЬЯ: Папа и мама, да? Я правильно поняла?

СВИДЕТЕЛЬ: Да, папа и мама. Ну папа, он так немножко индифферентней к этому относился, а мама, собственно говоря,...

СУДЬЯ: Это в каком году и сколько лет ему было?

СВИДЕТЕЛЬ: ...Трудно сказать, потому что... Его сюда, кстати, приглашали как свидетеля. Но ему, по-видимому, сказали, что он не может быть свидетелем, потому что сегодня короткий день и поэтому его как бы не позвали... А так он был готов придти сюда и дать свои показания.

СУДЬЯ: Ему сейчас- то сколько лет?

СВИДЕТЕЛЬ: Сейчас ему, по-моему, 20 где-то. По-моему 97 год (неразборчиво).

СУДЬЯ: Так, пожалуйста, следующий вопрос.

ПРОКУРОР: Скажите, пожалуйста, у Артура была заполнена такая карточка? Вы что-нибудь знаете? (Св.И. 2001)

Таким образом, тактика уточнения информации в речи судьи может идти вразрез с намерениями ведущего допрос, и в таком случае последний принимает ситуацию как данное, вынужден адаптироваться и подстраиваться под судью, видоизменяя линию допроса.

Слушая показания допрашиваемых, судьи не могут не обращать внимания на языковую сторону свидетельских показаний, на то, как допрашиваемые **формулируют свои показания**. Претензии судьи, конечно, касаются не эстетической стороны высказываний, а тех качеств формулировок, которые влияют на воссоздание реальности второго плана, т.е. событий вне зала суда. В примере (293) судья просит свидетеля высказываться яснее:

(293) СВИДЕТЕЛЬ: Организация говорит конкретно, что... литература христианская разделена на два, на две половины. Это стол духовной пищи. Одна половина - это стол, пища от Иеговы Бога, все, что относится, не относится к... публикациям организации - это стол сатаны и к нему нельзя прикасаться.

СУДЬЯ: То есть отрицается... Вы говорите попонятней. Отрицается художественная литература, я Вас правильно поняла?

СВИДЕТЕЛЬ: Художественная нет. (Св.И. 2001)

В другой ситуации судья не может принять те категории, которыми оперирует свидетель (большое/ маленькое чувство стыда), и вынуждена вмешаться, чтобы побудить свидетеля к изложению фактов, а не собственных субъективных оценок:

(294) СВИДЕТЕЛЬ: Его не лишают общения, но сам человек чувствует, как бы вот ...т.е. психологически он получает, т.е. чувствует некий стыд...

АДВОКАТ: Моральную обязанность посещать...

СУДЬЯ: А христианин разве не будет чувствовать? Ну не пошел он один раз, два раза, у него нет этого чувства?

СВИДЕТЕЛЬ: Я думаю, у него не возникнет такого большого чувства стыда, если скажем...

СУДЬЯ: Вы знаете большое, маленькое... Я вас умоляю ... большое, маленькое. Откуда вы взяли, что возникает чувство стыда у Свидетелей Иеговы? Откуда вы это берете? (Св.И. 2001)

Кроме уже перечисленных нами коммуникативных тактик судьи, целью которых является получение как можно более точных и недвусмысленных свидетельских показаний, назовем еще одну. Это тактика **стимулирования свидетеля к умозаключениям и выводам**, которые он может сделать из своих же собственных показаний. Судья не предлагает им своего понимания для проверки, как часто бывает в случаях уточнения информации, а задает вопросы, побуждающие допрашиваемого к логическому завершению мысли:

(295) СУДЬЯ: В "Сторожевой башне" написано 40 тысяч. У бывшего руководителя - 67 тысяч. Вы говорите, что в эту цифру входят... Да, есть же те, которые действительно выведены из общества вот за те вещи, которые вы перечисляли, правильно? Но есть те, которые вышли по своему желанию, ну и что из этого? (Св.И. 2001);

(296) СУДЬЯ: Но они могут спокойно встать и уйти?

СВИДЕТЕЛЬ: С проповеди? Ну, проповедь на улице, по домам. Они ограничивают время: "У меня полтора часа, потом мне нужно быть дома, потому что муж против того, чтобы я проповедовала".

СУДЬЯ: О чем это говорит?

СВИДЕТЕЛЬ: Это говорит о том, что... об отношении к семье... (Св.И. 2001)

Обращаясь к эксперту-криминалисту, английский судья побуждает его сообщить, что тот обнаружил на стене и каковы версии:

(297) JUDGE: What have you found on that wall? What are the options? (P3 Campbell 2007)

Альтернативное объяснение фактов судья хочет услышать от свидетеля в следующем примере:

(298) JUDGE: What alternative explanation would you put forward? (Irving 2000)

Отметим, что постановка таких вопросов не означает, что за ними последуют удовлетворительные ответы, если только на вопрос не отвечает свидетель-эксперт, в чьи профессиональные обязанности входит представление соответствующих заключений на основе фактов. Тактику побуждения свидетеля к выводам следует отметить как еще одно средство формирования фактической базы, необходимой для принятия решения судьей.

Наконец, **прямые запросы информации** от свидетелей встречаются в речи как русских, так и английских судей. Выполнение до последнего времени русскими судьями инквизиционной функции накладывает отпечаток на их речевое поведение в настоящее время. Сформированное представление судей о своей роли на процесс приводит к тому, что судьи перехватывают инициативу в процессе сбора фактов и частично выполняют таким образом обязанности сторон. Выясняя обстоятельства дела по организации фирмы, предоставляющей интимные услуги, судья задает свидетельнице целый ряд вопросов: *Сколько работали? Что в феврале случилось? Кому идея принадлежала? Каким образом заказы распределялись? У кого телефоны были? Она знала, что Вы несовершеннолетняя? Кто хозяин конторы? Давайте поподробнее про распорядок дня. Кто разговор ведет? Деньги когда отдаются? Квартира кем*

оплачивалась? Водителя кто оплачивал? и т.д. (РЗ 5/2009) Нами зафиксированы случаи, когда судья проводил настолько подробный допрос свидетеля до начала допроса сторонами, что со стороны обвинения и защиты вопросов практически не было.

Значительное количество вопросов с запросом фактической информации отечественные судьи задают не только свидетелям, но и подсудимым. Такими вопросами могут быть общие «да/нет» вопросы:

Русские судьи при выяснении фактической информации у подсудимого также используют значительное количество общих вопросов, требующих ответов «да/нет», которые и дает подсудимый:

(299) СУДЬЯ: *А С. в курсе был, что у В. собираетесь снять (дверь машины – Т.Д.)?* (РЗ 6/2008);

(300) СУДЬЯ: *Вы куда-нибудь обращались по поводу нанесения побоев?.. Вы следователю говорили?*

ПОДСУДИМАЯ: *Да, говорила.* (РЗ 2/3008);

(301) СУДЬЯ: *Впоследствии Вы видели, как она тратит деньги?*

ПОДСУДИМАЯ: *Да.*

СУДЬЯ: *Вы ей все отдали?*

ПОДСУДИМАЯ: *Нет.*

СУДЬЯ: *То есть вместе тратили.* (РЗ 2/2008);

(302) СУДЬЯ: *Вы к квартире З. какое-нибудь отношение имеете?* (РЗ 2/2008)

Очевидно, что в последней ситуации ответа «да/нет» недостаточно, и судья фактически ожидает узнать, какое отношение подсудимая имеет к квартире потерпевшего.

Достоинство общих вопросов, если рассматривать их с прагматической точки зрения, состоит в том, что они не допускают увиливания и требуют однозначного ответа. С другой стороны, ответы на общие вопросы не предполагают сообщения дополнительной информации, что ограничивает их возможности в открытии новых обстоятельств преступления. С этой целью судья использует специальные вопросы:

(303) СУДЬЯ: *Сколько у Вас денег осталось, когда Вы в Пензу вернулись? Примерно? Ну, сколько Вы потратили? Давайте так подсчитаем.* (РЗ 2/2008);

(304) СУДЬЯ: *А квартиру на сколько снимали?*

ПОДСУДИМАЯ: *На трое суток.*

СУДЬЯ: *То есть трое суток.* (РЗ 2/2008)

(305) СУДЬЯ: *Какие были отношения между Вашим мужем и П.?*

СВИДЕТЕЛЬ: *Отношения между ними были приятельские, они время от времени общались.* (РЗ 4/2008)

В особую группу в речи русских судей можно выделить частные вопросы, посредством которых судья выясняет причины и цели поступков, совершенных подсудимыми:

(306) СУДЬЯ: *Вы говорили С., что это за деньги? Вы говорили, что Вы без ведома взяли? Почему она согласилась взять краденые деньги? Не отказывалась она?* (РЗ 2/2008);

В данном высказывании судья комбинирует несколько общих уточняющих вопросов с выяснением причины совершенных действий. Интересно, что в примере (307), представляющем фрагмент допроса другой подсудимой по тому же делу, судья обращается уже к ней лично с теми же вопросами:

(307) СУДЬЯ: Зачем она Вам эти деньги дала?

ПОДСУДИМАЯ: На хранение.

СУДЬЯ: А чего ж Вы не сохранили?.. Почему тратить начали? Или она Вам подарила? Сказала: «Гуляй!»?

ПОДСУДИМАЯ: Нет. (РЗ 2/2008)

Вопросы судьи относительно цели преступных действий могут касаться как отдельно взятых действий в ходе преступления (примеры (308), (309)), так и совершенного преступления в целом (пример (310)):

(308) СУДЬЯ (к подсудимой, скупавшей золотые изделия на краденые деньги): Когда Вы покупали, Вы какую цель преследовали? (РЗ 2/2008);

(309) СУДЬЯ: А для чего приезжали, предлагали дверь С.?

ПОДСУДИМЫЙ: Денег хотел заработать.

СУДЬЯ: Ясно. (РЗ 6/2008);

(310) СУДЬЯ: Что Вас на кражу толкнуло? Денег не хватает? Зарплата у Вас 7 тысяч. Работа не пыльная. Что Вас толкнуло на преступление? (РЗ 2/2008).

Как мы уже отмечали выше, запросы фактической информации встречаются и в речи английских судей. Например:

(311) WITNESS: *They are labelled here, and of course they were not labelled at the time, as the Zyklon-B introduction openings.*

JUDGE: Who did the labelling?

WITNESS: *In the final publication of Olère's drawings I think they were done by Klarsfeld or somebody who was working with Klarsfeld.*

JUDGE: Did Olère survive?

WITNESS: *Olère survived, yes. He survived and he was very far from Poland when Tauber gave his testimony. (Irving 2000)*

Однако в нашем материале нет примеров продолжительного участия в допросе свидетеля. И наоборот, есть значительное количество примеров того, что судья хранит полное молчание и ограничивается краткой благодарностью в адрес свидетеля. В этом плане нам представляется показательной ситуация, когда судья спрашивает у допрашивающего разрешения задать вопрос и обещает больше не вмешиваться:

(312) JUDGE: *Can I just ask one question and then I will stop? How do you date this photograph as February '43? (Irving 2000)*

Большое количество вопросов, адресованных свидетелям и подсудимым отечественными судьями и направленных на выяснение обстоятельств, свидетельствует о том, что, несмотря на изменения в российском процессуальном законодательстве, русские судьи не отдали полностью инициативу в руки состязующихся сторон и по-прежнему выполняют функции, характерные для инквизиционной системы. Выполнение судьей

инквизиционных функций практически не характерно для английских допросов, где роль судьи фактически сводится к организации процесса и уточнению фактов в случае необходимости.

Тактики третьего типа в речи судьи при его общении с допрашиваемыми, особенно в отечественных судах, связаны с толкованием юридических, правовых аспектов происходящего и наиболее ярко характеризуют судью как представителя судебной власти, который не только наделен правом руководить судебным процессом, но и обладает юридическими знаниями, пониманием права, необходимыми для осуществления руководства. Судья, используя средства языка, не только воссоздает в зале суда реальность права, но и служит посредником между этой реальностью и непрофессиональными участниками допроса, помогая им ориентироваться в ней.

Вопрос о необходимости пояснений юридического характера встает перед судьей чаще всего в случае, если свидетель близок к тому, чтобы нарушить важные правовые принципы, положения. Так, судья **объясняет** свидетелю **принципы судебного процесса**, когда тот собирается использовать письменные материалы в ходе дачи показаний:

(313) СВИДЕТЕЛЬ: Ну, во-первых, я хотел бы сказать, что ...

СУДЬЯ: Что это перед вами?

СВИДЕТЕЛЬ: Это мои материалы, которые я хотел бы, к которым я хотел бы обращаться.

СУДЬЯ: Нет, уважаемый, вы ведь свидетель. Я вам делаю замечание в этом плане. Вы можете смотреть, если даты какие-то, если цифры какие-то, пожалуйста.

СВИДЕТЕЛЬ: Цитаты можно?

СУДЬЯ: Ну, цитаты, если есть такая необходимость, конечно, естественно. А так вы непосредственно все говорите ...

СВИДЕТЕЛЬ: Все, хорошо. Я просто не знал.

СУДЬЯ: ... все свои показания, устно, непосредственно - это принцип судебного процесса. (Св.И. 2001)

Важно отметить, что судья не обходится простым запретом, чего было бы достаточно при ее безусловной власти в зале суда. Судья аргументирует свое замечание скрытой ссылкой на законодательный текст, а именно статью ГПК, в которой сформулированы основные принципы судебного разбирательства – непосредственность, устность, непрерывность. Принципиально, на наш взгляд, и то, что судья не дает свидетелю шанса нарушить эти принципы, вмешиваясь раньше, чем тот начнет читать.

Интертекстуальное включение законодательного текста в дискурс судебного допроса расширяет его границы, устанавливая связи между конкретным отдельно взятым судебным разбирательством и идеальным миром права и тем самым придавая новые смыслы судебной коммуникации. Мы считаем возможным говорить о новых смыслах, поскольку от участников судебной коммуникации требуется необычное, небытовое понимание многих аспектов уже случившегося и происходящего. Непрофессиональные участники

допроса не всегда готовы к правовому восприятию реальности, и судья оказывается тем участником процесса, который «посвящает» допрашиваемых в мир права, дает ориентиры для успешного выполнения ими своих функций в ходе допроса.

Вмешательство и помощь судьи тем более необходимы, когда допрашиваемый совершает ошибку, вызванную не совсем верным пониманием некоторых правовых категорий. Так, судья вмешивается в допрос, чтобы остановить неверный ход мыслей свидетеля и обратить его внимание на разницу между двумя понятиями:

(314) АДВОКАТ: Скажите, пожалуйста, Вы знаете разницу, что такое право, что такое обязанность в отношении, например, выборов?

СВИДЕТЕЛЬ: Да, я представляю, что такое право, что такое обязанность.

СУДЬЯ: То есть Вы считаете это обязанностью?

СВИДЕТЕЛЬ: Это и обязанность, и почетное право каждого гражданина...

СУДЬЯ: Нет, Вы знаете, обязанность и право - это разные вещи.

СВИДЕТЕЛЬ: Это обязанность.

СУДЬЯ: Соответственно, если это обязанность, то она влечет за невыполнение ответственность.

СВИДЕТЕЛЬ: Ну, тогда я неправильно понял. Значит это право. (Св.И. 2001)

После того, как недоразумение улажено, допрос возвращается в обычное русло, и вопросы продолжает задавать адвокат.

В следующем примере после вопроса прокурора, считает ли потерпевший значительным причиненный ему ущерб, судья считает необходимым объяснить потерпевшему, что понимается под значительным ущербом в зале суда:

(315) СУДЬЯ: Я Вам объясню, что это категория оценочная. То есть Вы были поставлены в затруднительное положение, Вам нечего было есть, негде было спать. (РЗ 6/2008)

Отметим, что в данном случае **смысловое наполнение правовой категории** объясняется доступным языком на примере жизненных обстоятельств. Подобным образом судья объясняет потерпевшему обыденный смысл своего вопроса о долговых обязательствах:

(316) СУДЬЯ: Долговые обязательства повлияют на Ваши показания? Правду будете нам говорить или соврете? (РЗ 6/2008)

В подобных ситуациях мы можем наблюдать трансформацию «правовая категория → жизненные обстоятельства», которая осуществляется в речи судьи с той целью, чтобы потерпевший правильно понял, о чем идет речь, и правильно оценил обстоятельства с точки зрения права. Направление трансформации может быть обратным, когда **обыденные обстоятельства получают правовое толкование** в виде категорий и квалификаций: «жизненные обстоятельства → правовая категория». Так, к примеру, заслушав показания свидетеля, который купил краденую автомобильную дверь,

предварительно обсудив возможность такой покупки с преступниками, судья дает юридическую оценку его действиям:

(317) СУДЬЯ: *Это называется подстрекательство к совершению преступления. Да, Х.? (апелляция к подсудимому – Т.Д.) Это причина, способствующая совершению преступления. Если бы Вы не согласились купить дверь, он бы не совершил преступление и не сидел на скамье подсудимых. (РЗ 6/2008)*

Очень показательной нам представляется следующая, совсем короткая, ситуация, в которой судья явно дает понять потерпевшему, что тот, подав заявление о краже, ступил на такую территорию, где он уже не может действовать по своему усмотрению, а должен следовать определенным правилам, установленным законодательством:

(318) ПОТЕРПЕВШИЙ: *Я хотел забрать (заявление – Т.Д.).*

СУДЬЯ: *Здесь такого не может быть. Дал, забрал... (РЗ 2/2008)*

Процесс «посвящения» в правовую реальность может быть только однонаправленным, где судья, знаток этой реальности, оказывает необходимую поддержку допрашиваемым. Ситуации, в которых по какой-либо причине происходит обратное и свидетель пытается дать **комментарии правового характера**, вызывают неприятие судьи и им **пресекаются**:

(319) СУДЬЯ: *...Вот, вовлечение несовершеннолетних. Что вы имеете в виду?*

СВИДЕТЕЛЬ: *Вовлечение тех людей, которые не достигли 18 лет.*

СУДЬЯ: *Я поняла. Что вы имеете в виду? Я поняла, кому нет 18 лет - это суду объяснять не надо. Что вы под этим имеете в виду?*

СВИДЕТЕЛЬ: *Ну то, что как бы проповедуется тем лицам, которые... то есть, вовлекаются лица в организацию, которые... не достигли совершеннолетия. (Св.И. 2001)*

Свидетель, неправильно поняв вопрос судьи, обращается не к известным ему фактам, а к толкованию понятия «несовершеннолетний», что не только является излишним, но и нарушает распределение ролей в зале суда – посредником между правовой реальностью и реальностью судебного заседания является судья, а не допрашиваемый.

Пример английского дискурса иллюстрирует иную ситуацию, в которой истец, ведущий допрос, не берет на себя ответственность объяснять свидетелю, в чем состоит «бремя доказывания», и отсылает его к судье:

(320) CLAIMANT: *Professor van Pelt, I think that his Lordship will educate you as to the burden of proof in an English defamation action.*

JUDGE: *I am not sure that is really quite right. If you are not saying that these are fakes, and I think you just told me that you were not putting forward that positive case, then it does not seem to me that it is necessary for this witness to refer to the expert analysis at all. But, if you are saying it is a forgery or has been tampered with in some way, then it may be that we do need to see what the expert said. (Irving 2000)*

Судья, однако, не принимает сторону истца в данном вопросе и подробно объясняет, в каком случае необходимо заключение эксперта. Судья, который отлично знает право и, безусловно, уверен в своих словах, начинает

высказывание с типично английской формулы вежливости *I am not sure that is really quite right* (*Я не уверен, что это действительно правильно*). Использование формул вежливости характерно для речи английских судей. В другой ситуации судья сначала применяет достаточно резкую формулировку (*you are wrong – Вы не правы*), убеждая свидетеля в том, что тот обязан дать некоторые объяснения, и затем в вежливой вопросительной форме просит помочь истцу, т.е. сделать то, что свидетель сделать просто обязан и в чем отказать не имеет права:

(321) *JUDGE: Professor, actually I think you are wrong on this point because you have accepted there is such a photograph. You have seen it. Can you not help Mr Irving -- he obviously has not got the photograph -- by giving the explanation that you obviously have? (Irving 2000)*

Отведенная допрашиваемому роль предполагает, что проявление любой речевой инициативы должно обязательно подкрепляться разрешением судьи. Допрашиваемые в основном осознают это и обращаются к судье за санкцией на совершение определенных действий:

(322) *СВИДЕТЕЛЬ: ...Организация, зная, что образование отнимает много времени, она воспитывает всякое пренебрежение к образованию. Это есть цитаты в «Сторожевой башне». Их нельзя прочитать?*

СУДЬЯ: Пожалуйста. (Св.И. 2001);

Отметим, что в английском суде ситуация, когда свидетелю необходимо опираться на личные записи, разыгрывается по несколько иному сценарию. В присутствии судьи прокурор предлагает свидетелю обратиться за помощью к письменному документу, судья выражает согласие и свидетель благодарит судью:

(323) *PROSECUTION: Dr. Grenville, you remain on oath and in the case of Maria West did you write a report when matters were fresh in your mind?*

WITNESS: Yes.

PROSECUTION: And would you be assisted by reference to it?

WITNESS: Yes I would.

JUDGE: Yes Dr. Grenville, you may refresh your memory.

WITNESS: Thank you, my Lord. (Shipman 1999)

Таким образом, выделенные нами три группы тактик в общении судьи с допрашиваемыми направлены на создание трех типов реальности, которые переплетаются и взаимодействуют в ходе допроса. В обобщенном виде тактики трех групп представлены в таблице 2.

Нам представляется, что большинство из перечисленных тактик (1-4, 7-12, 17) имеют метакоммуникативный характер. Они ориентированы на помощь участникам допроса в создании речевых произведений, соответствующих институциональным нормам, а также на регулирование взаимодействия между участниками допроса. Из таблицы видно, что тактики в речи русских и английских судей обнаруживают значительный параллелизм. Из 6 тактик, направленных на формирование первичной реальности 4 тактики являются общими для речевого поведения русских и английских судей. Есть и различия.

Таблица 2 «Тактики судьи в общении с допрашиваемым»

№	Тактика	Русск.	Англ.
I	<i>Создание первичной реальности, контроль процедуры</i>		
1	Распоряжение по процедуре (действиям) в суде	+	+
2	Распоряжение на будущее (запрет обсуждения)	–	+
3	Разрешение уйти	+	+
4	Контроль слышимости голоса	+	+
5	Напоминание об обязанностях и обеспечение прав	+	+
6	Призыв к соблюдению норм поведения	+	–
II	<i>Воссоздание вторичной реальности, контроль содержания показаний</i>		
7	Контроль временных рамок показаний	+	+
8	Очерчивание круга тем	+	+
9	Указание на (не)релевантность показаний	+	+
10	Конкретизация и уточнение информации	+	+
11	Контроль формулировок	+	–
12	Стимулирование умозаключений	+	+
13	Прямой запрос информации	+	+
III	<i>Обращение к реальности права, юридические пояснения</i>		
14	Объяснение принципов судебного процесса	+	+
15	Разъяснение правовых категорий	+	–
16	Квалификация действий с точки зрения права	+	–
17	Пресечение юридических комментариев	+	–

Русские судьи не применяют тактику запрета на обсуждение обстоятельств дела вне зала суда, а в речи английских судей отсутствуют призывы к соблюдению норм поведения. Последний факт может свидетельствовать о большем авторитете судебной власти и большем уважении к ней в обществе, а значит, об отсутствии необходимости делать замечания в зале суда.

Тактики, ориентированные на воссоздание вторичной реальности, способствуют эффективности допроса и касаются содержательного аспекта показаний. Эти тактики практически идентичны в русском и английском судебном дискурсе с той разницей, что тактика прямого запроса информации более широко применяется русскими судьями, склонными выполнять инквизиционные функции в ходе допроса. Отечественные служители Фемиды стремятся установить факты, не полагаясь на вопросы к свидетелю со стороны обвинения и защиты. Выполнение инквизиционной функции в ряде случаев приводит к нарушениям процедуры. Английские судьи, наоборот, делают запросы фактической информации только по необходимости, осознавая, что сбор фактов не является их обязанностью. Кроме того, национально-культурная специфика речи английских судей состоит в том, что они не указывают

свидетелям и подсудимым на недостаточную правильность их формулировок, а только уточняют сообщаемую информацию. Мы связываем это с характерной для английского общения вежливостью: акцент делается не на неумении собеседника правильно выразить свои мысли, а на собственной неспособности правильно его понять.

Что касается тактик третьей группы, ориентированных на конструирование реальности права, то здесь обнаруживаются значительные различия. Отечественные судьи используют несколько тактик для пояснений юридического характера, тогда как в английском материале обнаруживаются только единичные примеры объяснений принципов судебного процесса. Все вопросы правового характера английские судьи решают с ведущими допрос участниками судебного процесса, чаще всего являющимися профессиональными юристами. Представляется, что в английском судопроизводстве допрашиваемые (свидетели, подсудимые) получают достаточную правовую поддержку и необходимые инструкции от профессиональных юристов (прокурора, адвоката), которые и обсуждают все вопросы правового характера с судьей.

3.2.4 Судья и подсудимый: оценочный характер речи русских судей

Речевому поведению русских судей свойственна черта, не отмеченная нами в поведении английских судей. Это **оценочное отношение** к подсудимому и определенная степень **морализирования** в общении с ним. В рассмотренных нами процессах подсудимые признавали свою вину, и наши дальнейшие рассуждения касаются только таких случаев. Мы можем предположить, что отношение судьи к подсудимому будет носить несколько иной характер в случае, если тот не признает свою вину.

Оценочное отношение судьи к подсудимому тесно связано с их статусами в зале суда. В определенном смысле это антиподы с точки зрения занимаемых ими позиций на процессе. Судья – это фигура власти, тот, кто руководит, дает правовые оценки, принимает решения, выступая от имени Российской Федерации и общества, интересы которого он защищает. Даже физическое положение судьи – на возвышении – демонстрирует его наивысший статус на процессе. Подсудимый – это человек, предположительно нарушивший закон и потревоживший спокойствие общества. До вынесения приговора он, в зависимости от тяжести совершенного деяния, может конвоироваться в зал суда в наручниках и находиться за решеткой в ходе процесса. Эти очевидные атрибуты низкого статуса подсудимого не обязательны, однако их отсутствие не меняет статусного соотношения ролей. Подсудимый еще до принятия судом решения по делу является обладателем самого низкого статуса в зале суда, тогда как самое высокое статусное положение занимает судья. Статусное положение судьи находит выражение в его речи, причем не только в тактиках руководства и контроля. По нашим наблюдениям, русские судьи оценивают действия подсудимого, а иногда и свидетелей, не только с точки зрения права, но и с точки зрения морали, т.е. берут на себя функции «морального судьи».

Мы считаем, что такое поведение русских судей можно считать проявлением очень важной черты русского менталитета – «судейского комплекса», который лежит в основе ряда высказываний в речи русских судей, дающих оценку с опорой на категории морали и нравственности. «Судейский комплекс», по словам исследовательницы русского менталитета К. Касьяновой, связан с приматом нравственной сферы в области принятия решения и поступка [Касьянова, 1994, с. 235]. Авторы оценок на основе «судейского комплекса» часто вникают в чужие проблемы, не касающиеся их лично, чтобы восстановить справедливость, моральные нормы. Разумеется, при восстановлении моральных норм невозможно избежать отрицательных оценок. Рассмотрим примеры отрицательной оценки на основе «судейского комплекса» в речи русских судей. В следующем фрагменте диалога судья указывает на неблагоприятное, вызывающее осуждение поведение подсудимой, противоречащее ее статусу матери:

(324) СУДЬЯ: Ребенок Ваш где и с кем находился, пока Вы в Саранск ездили?

ПОДСУДИМАЯ: С 3.

СУДЬЯ: С 3.? То есть пока Вы пили, гуляли, ребенок там находился? (РЗ 2/2008)

Важно то, что в данном фрагменте отрицательную оценку получают не собственно противоправные действия подсудимой, а сопутствующие им действия, вызывающие у судьи человеческое неприятие и моральное осуждение. В конце допроса подсудимой судья вновь обращается к теме ребенка и несоответствия поведения подсудимой нормам, принятым в обществе. На этот раз моральное осуждение соединяется с правовой оценкой ситуации и озвучиванием возможного срока наказания:

(325) СУДЬЯ: Знаете, что за один эпизод до шести лет? Поедете тогда в Мордовию. (Намек на женскую колонию в Мордовии – Т.Д.) А у Вас ребенок. В школу пойдет в пятый класс – мама приедет из Мордовии. Выводы сделали для себя? Или Вас здесь как постоянных клиентов ждать? (РЗ 2/2008)

В другой ситуации совершенное подсудимым преступление оценивается судьей как «дерзкое», а подсудимому адресован вопрос о причинах совершения преступления, сначала сформулированный с использованием жаргонной лексики, а затем формальным языком:

(326) СУДЬЯ: Оснований думать, что машину продадут на запчасти, нет никаких. Дерзкое такое преступление. Ладно Х., он закоренелый. Вы-то чё ломанулись туда? Прокурор спросил, Вы так и не ответили. Причина совершения преступления какая была? (РЗ 6/2008)

Адресуя высказывание одному подсудимому, судья дает оценку сразу обоим. Один из подсудимых характеризуется как *закоренелый*, другой осуждается за то, что пошел на поводу у первого. Жаргонное *ломанулись* подчеркивает неадекватность и неожиданность действий адресата.

В основе следующего высказывания судьи, подхватывающего слова прокурора, также лежит «судейский комплекс». Осуждая занятие подсудимой

проституцией, прокурор указывает на печальные последствия этого для самой подсудимой, и судья подключается к этому осуждению:

(327) ПРОКУРОР: Здоровье Вы свое погубили...

СУДЬЯ: Детишек-то нет? С. Г., (обращается по имени и отчеству – Т.Д.), чё дальше-то делать будете?

Подсудимая плачет. (РЗ 5/2009)

Очевидно, что состояние здоровья подсудимой как таковое не является предметом рассмотрения в ходе судебного заседания. Однако прокурор и судья считают возможным обратиться к этой теме, осуждая не только противоправную деятельность подсудимой по организации конторы интимных услуг, но и ее безрассудное отношение к собственной жизни. Такие оценочные высказывания являются проявлениями не только «судейского комплекса», свойственного русскому менталитету и культуре общения. В этих высказываниях находит выражение и то, что Р. Райтмар называет *Einmischungskultur*, т.е. культура вмешательства, характерная для русской лингвокультурной общности [Ратмайр, 2003]. Ситуация, представленная в примере (327) получает продолжение, когда судья и прокурор, решая дальнейшую судьбу подсудимой, переходят к обсуждению ее семейных проблем:

(328) СУДЬЯ: А мама куда у Вас делась?

ПОДСУДИМАЯ: Она больная. Ее сестра забрала в Тамбов.

ПРОКУРОР: Что с Вами делать-то? Не плачьте. (РЗ 5/2009)

Если рассмотреть данную ситуацию в терминах психологии, а именно в рамках транзакционного анализа [Берн, 2008], то можно увидеть, что коммуникация строится не по схеме «взрослый – взрослый», адекватной институциональному общению, а по схеме «родитель – ребенок». Идущий от судьи и прокурора стимул (распекание родителями своего ребенка за неблагоприятные поступки), получает соответствующую реакцию: подсудимая плачет, как ребенок.

Обсуждаемые с подсудимой вопросы ее здоровья, семейных обстоятельств не имеют прямого отношения к сути дела, к совершенному преступлению. Однако выраженное вербально желание прокурора и судьи прояснить некоторые стороны ее личной жизни указывает на то, что прокурор будет просить судью об определенном наказании, а судья принимать решение с учетом тех жизненных перспектив, которые вырисовываются перед подсудимой. О.В. Красовская, характеризуя судебное общение, пишет: «Взаимодействие в суде обезличено и ориентировано на нефатическую коммуникацию» [Красовская, 2008, с. 20]. Мы согласны, что во многих ситуациях судебного взаимодействия это действительно так. Однако, как нам кажется, именно в отечественном суде встречаются такие ситуации, когда взаимодействие судьи и подсудимого выходит за рамки официального формализованного общения, построенного на основе исключительно правовых категорий, и к нему добавляется личностная составляющая. Вопросы прокурора и судьи *Чё дальше-то делать будете?*, *Что с Вами делать-то?* являются не только проявлением рефлексии самих говорящих субъектов, но и попытками

подтолкнуть подсудимую к раскаянию и размышлению, вызвать у нее чувство стыда за свои действия. Обращает на себя внимание и языковая форма заданных вопросов – неформальная, приближенная к разговорной, с использованием просторечного *чё* и частицы *то*, хотя и с сохранением вежливого *Вы*. Как нам кажется, осуждения и моральные оценки, призванные повлиять на эмоциональное состояние подсудимого, а в более широком плане – на его нравственные ценности, свидетельствуют о наличии в судебном общении фатической составляющей. Конечно, в силу различия статусов судьи и подсудимого пересечение границ формализованного общения может происходить только в одностороннем порядке, по инициативе судьи.

Поступки, совершенные подсудимыми, – не единственный в речи отечественных судей объект оценки с моральной точки зрения. Русские судьи склонны оценивать подсудимых и в ситуации судебного процесса. Например, судьи оценивают показания подсудимых как заслуживающие или не заслуживающие доверия. Подсудимой, утверждающей, будто она не знала о несовершеннолетнем возрасте занимающихся проституцией девушек, судья адресует следующий комментарий:

(329) СУДЬЯ: Представьте себе, живете полтора-два года с человеком не знаете, сколько ему лет. Боже, Вас умоляю! Да это первая вещь, которой интересуются. Я токарем работал в 17 лет и то знаю, в каком году станок выпущен. Чисто по-человечески интересно. (РЗ 5/2009)

Судья явно выражает сомнение в правдивости показаний подсудимой, прибегая к обычной житейской логике для аргументации своей позиции.

В другой ситуации один из двух подсудимых отрицает факт употребления наркотика до совершения преступления и судья обращается к нему за уточнением, а затем комментирует ответ:

(330) СУДЬЯ: На самом деле приняли дозу?

ПОДСУДИМЫЙ: Нет.

СУДЬЯ (иронично): Х. принял, а Вы не принимали. (РЗ 6/2008)

Через некоторое время судья делает обобщенную оценку показаний подсудимого:

(331) СУДЬЯ: Более правдоподобно звучит версия Х. Было скучно, и пойдем покатаемся. (РЗ 6/2008)

Оценочная позиция судьи по отношению к подсудимому, получающая вербальное выражение в ходе допроса, вступает в явное противоречие с ролью беспристрастного наблюдателя, которую судья должен выполнять в состязательной системе правосудия. Таким образом, мы вновь наблюдаем в современном отечественном судопроизводстве отступление от норм состязательной системы правосудия.

Совсем не соответствует представлению о невозмутимом и беспристрастном судье иронично-снисходительный тон, который отечественные судьи часто выбирают для общения с подсудимыми. Как нам кажется, такая тональность общения отчасти объясняется, опять же, привнесением со стороны судьи личностного начала и обычного человеческого отношения к тому, что обсуждается в зале суда, и к участникам процесса. В

некоторых своих проявлениях личности подсудимых не могут не вызвать удивления и осуждения, и реакцией на эти неадекватные проявления является ирония судей. Во время стандартной процедуры установления личности подсудимого и уточнения его анкетных данных выясняется, что тот не знает точную дату рождения своего самого младшего ребенка. Это, конечно, вызывает недоумение у судьи, который иронизирует:

(332) СУДЬЯ: В январе 30 дней. Под ёлочкой нашли? (РЗ 6/2008)

В другой ситуации судья выясняет у подсудимой, каким образом были потрачены краденые деньги, но подсудимая не дает внятных объяснений, упоминая только траты на спиртное. Судья обращается к ней с вопросом, заданным ироничным тоном: «Что Вы покупали на 7 тысяч? Пиво?», давая понять, что потраченная сумма явно выходит за рамки разумных трат на спиртное. Ситуация получает продолжение, когда подсудимая добавляет в список покупок товары бытовой химии, часть из которых она якобы оставила потерпевшему. Судья соединяет показания в достаточно комичную картинку:

(333) СУДЬЯ: А из бытовой химии Вы ему что оставили? Памперсы? После большого количества пива. (РЗ 2/2008)

Видим, что ирония используется судьями как специфическое средство указания на неувязки в показаниях подсудимых, на их неправдоподобность. Так, в ходе допроса выясняется, что подсудимые потратили 1500 рублей, чтобы доехать на такси до Саранска, но обратная дорога стоила уже 2500 рублей. Судья удивлен такой разнице в ценах, но он не высказывает вслух своих сомнений в правдивости показаний, а предлагает свое ироничное объяснение:

(334) СУДЬЯ: Пьяные, наверное, были. Надбавка идет за пьяных пассажиров. Знаете? (РЗ 2/2008)

Ироничное отношение судьи может в некоторых случаях распространяться непосредственно на личность подсудимого. Мы наблюдали, как судья общается с подсудимым, которого видел уже далеко не в первый раз. По всей видимости, отношение судьи к этому человеку было уже predetermined и, хорошо зная прошлое подсудимого, судья постоянно иронизирует над ним. Многочисленные судимости он называет «заочным юридическим образованием», а сообщение подсудимому о его правах, в том числе о праве возместить материальный ущерб, он сопровождает ироничным вопросом:

(335) СУДЬЯ: Вы вправе добровольно возместить материальный ущерб. Возместили материальный ущерб? Не заработали там? (РЗ 6/2008)

Под словом *там* судья подразумевает места лишения свободы, где вряд ли можно заработать.

Важно, на наш взгляд, тот факт, что для высказываний судьи, обращенных к подсудимым, характерно наличие сниженной, просторечной и жаргонной лексики. Такая лексика звучит в речи судьи как чужеродная, придавая дополнительные оценочно-коннотативные значения высказываниям. В некоторых случаях судья использует те выражения, которые были ранее использованы самими подсудимыми, например, *в шоболы* как эквивалент «нетрезвый, очень пьяный» при описании состояния одного из потерпевших.

Что касается жаргонной лексики, то она используется судьями, во-первых, для обозначения реалий криминального мира. Деньги, которые собирались вкладчину девушками, работавшими проститутками, судья называет «общак»:

(336) СУДЬЯ: То есть, я так понимаю, с лета начали втроем ездить?

ПОДСУДИМАЯ: Да.

СУДЬЯ: Кто хранителем общака был? Кто деньги хранил?

ПОДСУДИМАЯ: Никто.

СУДЬЯ: Ну как никто? В почтовом ящике что ли лежали? (РЗ 5/2009)

Кроме того, как нам кажется, применяя жаргонную лексику, судья намеренно опускается до уровня подсудимого, разговаривает на его языке, дает ему понять, что хорошо знает предмет обсуждения и что невозможно ничего утаить от него. Происходит своего рода языковая игра «Свои люди». Истоки такой игры надо искать за пределами зала суда. Ранее в исследовании отмечалось, что многие отечественные судьи приходят в суды из прокуратуры и следственных органов. Там они приобретают большой опыт и специфические навыки общения с представителями криминального мира. Позднее эти навыки и манеры общения автоматически переносятся ими из следственных кабинетов в залы суда, где они не всегда представляются адекватными и отвечающими требованиям судебной коммуникации. В следующем примере судья уточняет ответ подсудимой на вопрос прокурора, предлагая жаргонную формулировку:

(337) ПРОКУРОР: Ну они ведь давали из того, что они заработали?

ПОДСУДИМАЯ: Из своих.

СУДЬЯ: Из общака. (РЗ 5/2009)

Жаргонизмы, просторечные слова, оценочная лексика, ирония могут сочетаться в одном высказывании, придавая речи судьи субъективное эмоционально-экспрессивное звучание:

(338) СУДЬЯ: А кто сейчас рулит агентством? Куда обращаться, если чё? Ирина? Я вчера посмотрел на нее. Боевая деваха! Не пропадет. (РЗ 5/2009)

Таким образом, в речи русских судей общая стратегия выведывания информации у подсудимого сопровождается ярко выраженным отношением к подсудимому, его действиям и показаниям в суде, что получает соответствующее речевое воплощение.

Обращение к реальности права при общении с подсудимым минимально и сводится, главным образом, к указанию на возможное наказание за совершенное правонарушение. Также нам встретился единичный пример того, как судья по сути дает юридическую оценку действиям одной из подсудимых, называя вещи своими именами. Взять без разрешения означает украсть:

(339) ПОДСУДИМАЯ: Оставила 36 тысяч рублей.

СУДЬЯ: Чё сказала? Где взяла?

ПОДСУДИМАЯ: У 3.

СУДЬЯ: С разрешения?

ПОДСУДИМАЯ: Нет.

СУДЬЯ: Украла?

ПОДСУДИМАЯ: Ну, взяла. (РЗ 2/2008)

Суммируя сказанное о взаимодействии судьи и подсудимого в ходе допроса, отметим, что в речи русских судей ярко выражены оценочность и морализирование, направленные на подсудимого. Речевое поведение судей отражает такие черты русского менталитета, как «судейский комплекс» и стремление к вмешательству. Оценочность в речи судей придает формализованной в принципе судебной коммуникации личностный, эмоциональный, фатический оттенок. Оценочность в речи русских судей часто проявляется в иронизировании над подсудимыми и их действиями. Для речевого взаимодействия судей с подсудимыми характерно использование жаргонной лексики, служащей для обозначения реалий криминального мира. Кроме того, на использовании просторечных и жаргонных слов построена речевая игра «Свои люди». Применяя такую специфическую лексику, судьи демонстрируют свою близость к реальной жизни, знание криминального мира и, по-видимому, рассчитывают оказать определенное психологическое воздействие на подсудимых с целью получения информации. Характеристики, отмеченные нами как специфические для русского общения, нередко сочетаются в одном высказывании, придавая речи русских судей ярко выраженный эмоционально-оценочный характер.

3.2.5 Взаимодействие судьи и присяжных в английском суде

Общение судьи с присяжными в рамках судебного допроса минимально. Значительно более ярким примером взаимодействия судьи с присяжными является жанр напутственного слова, который мы рассмотрим в параграфе 3.3. Тем не менее мы сделаем некоторые замечания, касающиеся допроса. Материалом для настоящего параграфа служат исключительно английские стенограммы и записи, поскольку из-за закрытости отечественных процессов с участием присяжных подобный русский материал недоступен.

Многие обращения судьи к присяжным, как и к другим участникам судебного допроса, носят инструктивный характер. Инструкции судьи могут касаться технических вопросов. В следующем примере судья дает совет относительно того, в какую папку положить новые документы:

(340) *JUDGE: Members of the jury, don't put them into your bundle, just keep it loose for the moment and as Mr. Henriques has indicated you will be provided with a separate bundle to put them into tomorrow morning. (Shipman 1999)*

В другой ситуации судья призывает присяжных не торопиться при изучении представленных документов:

(341) *JUDGE: Members of the jury, take as long as you need to look at these documents. Don't rush. (Shipman 1999)*

Высказывания судьи, адресованные присяжным, начинаются с обращения *members of the jury* и содержат императивные формы *don't put, keep, take, don't rush*, характерные для инструкций.

В некоторых ситуациях устные инструкции судьи, адресованные присяжным, носят рекомендательный характер. Так, судья предлагает свою систему нумерации, но оставляет выбор за присяжными:

(342) *JUDGE: It does result in rather a lot of letters, members of the jury. I am going to mark mine 503 AW(a). It is up to you whether you adopt that kind of identification system. (Shipman 1999)*

Распоряжение судьи обязательно в тех случаях, если требуется удалить присяжных из зала суда для выяснения некоторых обстоятельств в их отсутствие:

(343) *JUDGE: I need to resolve the matter about the defense case. You will have to step out to the hall. (P3 Campbell 2007);*

(344) *JUDGE: Members of the jury, if you would like to go with your usher for a few moments whilst Mr. Winter clarifies something. We will break off for a very short time. (Shipman 1999)*

Такие распоряжения призваны гарантировать справедливый процесс и непредвзятое отношение присяжных к сторонам.

В обязанности судьи входит делать комментарии разъяснительного характера, помогающие присяжным правильно выполнять свои обязанности. В ряде случаев судья подсказывает присяжным, на что следует обратить внимание:

(345) *JUDGE: Right. Members of the jury, it is not a terribly good photostat but at the bottom of the document you should be able to see the number 1489 and the letters BW. It is Patient Referral Letter, the same format as the one you have just been looking at. I must say you have been remarkably patient with the difficult pagination in this bundle. (Shipman 1999)*

В приведенном примере нельзя не заметить практически извиняющийся тон судьи. В начале высказывания судья характеризует фотокопию как не особенно хорошую (*not a terribly good photostat*) и подсказывает, где должны быть видны цифры, а в заключительном предложении отмечает удивительное терпение присяжных (*remarkably patient*) при работе с трудной нумерацией страниц.

Судья нередко отмечает работоспособность присяжных. В следующем примере он высказывает восхищение тем, как присяжные справляются с документами (*we all admire the way you handle documents*) и подбадривает их (*don't feel embarrassed*):

(346) *JUDGE: (Speaking to the members of the jury) It should be your first bundle. Page 280 in Mrs. Grundy's section. The letter of 22nd June. Okay. Now, I think we all admire the way that you handle the documents in the bundles in such confined space so don't feel embarrassed. (Shipman 1999)*

Комплименты, благодарности, извинения имеют этикетный характер и отражают особенности английского коммуникативного поведения.

Объяснения со стороны судьи могут являться реакцией на вопросы присяжных, которые они излагают в записках, передаваемых судье. В следующем фрагменте содержится ответ судьи на два вопроса, поступивших от присяжных. Отвечая на первый, судья напоминает присяжным, что медицинские карты доступны для изучения. Важно отметить, что судья не предлагает присяжным своей интерпретации фактического материала. Наоборот, он указывает, что решение за ними (*...you will be able to see and*

consider...the cards within it for yourselves). Отвечая на второй вопрос, судья напоминает присяжным некоторые детали из свидетельских показаний в суде:

(347) *JUDGE: Members of the jury, thank you for the note which I have received and which I have considered together with counsel for both prosecution and defence.*

So far as concerns the first question which you have raised which relates to Mr. Hillier's Lloyd George cards, I can tell you that the folder and the cards are available for your inspection. Questions will be asked about them in due course and you will be able to see and consider the state of that Lloyd George folder and the cards within it for yourselves in due course. So far as concerns the second question, I can tell you that Gillian Morgan did give evidence in this case, as you probably recall, and she was not asked any questions in cross-examination as to whether she took Mrs. Hillier's blood pressure on the 2 occasions mentioned by Dr. Shipman in his evidence, namely January and February 1998. And that, as far as I can see, deals with those questions adequately at this stage. (Shipman 1999)

Объяснения судьи в ответ на записку могут варьироваться по степени подробности. Это может быть и краткий ответ на конкретный вопрос. Отвечая на вопрос о наличии синяков на теле убитой, судья лишь кратко напоминает, что такое свидетельство эксперта было и присяжные должны об этом помнить:

(348) *JUDGE: Indeed we had evidence about bruises. So, the jury, you remember there was an evidence about bruising (P3 Campbell 2007).*

Что касается записок присяжных, то направленные судье, они фактически адресованы сторонам, представляющим доказательства. В таких ситуациях судья выступает как посредник между присяжными и другими участниками процесса, озвучивая вопросы присяжных. Так, вопрос о разбитом окне в спальном комнате адресован эксперту:

(349) *JUDGE: «There is a broken window in the bedroom. How was it done?» (P3 Campbell 2007)*

Судья выполняет функцию посредника, не только зачитывая вопросы присяжных соответствующим адресатам, но и осуществляя обратную связь и перефразируя для присяжных сказанное участниками процесса. В ходе допроса свидетеля прокурор получает информацию о существовании дополнительных отметок на документе и привлекает внимание судьи и присяжных к этому факту. После этого судья перефразирует замечание прокурора и просит присяжных взглянуть на отметки внизу страницы:

(350) *PROSECUTION: You have told us about the marks on the previous document. Do you see any marks on this particular document other than manuscript entries so far as treatment is concerned?*

WITNESS: Yes, there are 7 lines at the bottom of the document.

PROSECUTION: Again perhaps that could be shown firstly to his Lordship please and the ladies and gentlemen of the jury.

JUDGE: Thank you. And of course I think I can see on my existing copy the marks already there. Members of the jury, you are being asked to look at the marks at the foot of the page. (Shipman 1999)

Суммируя сказанное о взаимодействии судьи и присяжных в ходе судебного допроса, мы можем выделить основные функции, выполняемые судьей. Во-первых, судья инструктирует присяжных относительно процедуры, порядка рассмотрения и сортировки документов. Во-вторых, судья делает комментарии разъяснительного характера, помогая присяжным ориентироваться в ходе процесса. В-третьих, судья выполняет функцию посредника между присяжными и другими участниками процесса, озвучивая вопросы присяжных и перефразируя высказывания сторон. Выполнение судьей всех этих функций, несомненно, способствует более ровному ходу процесса, экономии судебного времени и более осознанному подходу присяжных к выполнению своей ответственной миссии.

Речь судьи, обращенная ко всем участникам допроса, характеризуется некоторыми типичными языковыми чертами. В силу того, что судья в ходе допроса осуществляет, главным образом, функцию контроля, предписывания определенных действий, речь судей наполнена императивными, модальными, перформативными конструкциями. Императивные конструкции используются для того, чтобы дать участникам процесса четкие инструкции (*расскажите, скажите, отключите, отвечайте, слушайте, go on, ask it again, put... and answer, make your point и др.*). Указания могут смягчаться средствами вежливости (*пожалуйста, please*). Модальные конструкции содержат указания на правила (*должны говорить правду/ факты называть, they have to be/can be и др.*), выражают запрет или разрешение (*не нужно, вы вправе, можете, you must not, you may и др.*). Перформативы, встретившиеся в речи английских судей, являются эксплицитным выражением в речи волеизъявления судьи (*I will allow, I direct, I remind*). Различные типы вопросов, включая общие, специальные, альтернативные, вопросы-переспросы, используются судьями для уточнения фактической информации. Речь русских судей отмечена наличием оценок, часто выраженных в форме иронии и экспрессивно-оценочной лексики. Русские судьи также нередко используют просторечные и жаргонные слова, особенно в общении с подсудимыми, обладателями самого низкого социального статуса в зале суда.

3.3 Напутственное слово председательствующего, или *summing-up*

3.3.1 Функции напутственного слова и диалогичность как способ их реализации

Следующим в последовательности жанров судейской речи является жанр напутственного слова судьи, т.е. заключительного обращения судьи к присяжным. Напутственное слово не во всех случаях составляет часть судебного процесса. Это должен быть уголовный процесс, проходящий с участием присяжных заседателей. На таких процессах, как отечественных, так и английских, рассматриваются дела о тяжких преступлениях.

Напутственное слово судьи произносится непосредственно после прений, т.е. заключительных выступлений обвинения и защиты, и перед удалением

присяжных в совещательную комнату для вынесения вердикта. Оно, безусловно, способно оказать огромное влияние на процесс обсуждения присяжными обстоятельств дела и принятие ими решения.

Какова же функция напутственного слова? В руководстве, адресованном судьям, П. Тиерсма, рассматривая проблемы, связанные с напутственным словом в американских судах, и предлагая пути их решения, так пишет о распределении обязанностей в суде и функции этого жанра: «Постепенно сформировалось современное представление о том, что функция присяжных состоит в том, чтобы определить, что произошло, т.е. факты, а также вынести вердикт. Эксклюзивной обязанностью судьи стало принятие решений относительно правил закона, которые применимы к этим фактам. Конечно, если судьи принимают решения о том, какие положения закона применимы, они должны сообщить об этих правилах присяжным. В этом и состоит функция обращения к присяжным» [Tiersma, 2006a, p. 1].

Этот жанр является, по сути, императивным жанром, посредством которого судья дает присяжным указания, как применять закон, ставит перед присяжными определенные задачи, предостерегает от совершения некоторых ошибок, суммирует ключевые доказательства.

Выступая перед присяжными, судьи обращают их внимание на различие полномочий судьи и присяжных и задач, стоящих перед ними:

(351) Что касается юридической квалификации, то это относится к компетенции Председательствующего, правильно или неправильно квалифицировали. А ваша задача состоит в том, чтобы установить наличие и отсутствие факта причастности или непричастности М. к совершению преступления. (СП 2008)

Английский судья в самом начале речи перед присяжными указывает на существующее в суде строгое распределение функций. Присяжные оценивают фактические обстоятельства, решают, кто из свидетелей надежен, а кто нет, какие из свидетельств представляют важность. Эмфатическая конструкция *you and you only (вы и только вы)*, а также целый ряд параллельных конструкций, построенных по принципу противопоставления (*верите/ не верите, надежные/ ненадежные, важные/ неважные*) призваны сделать инструкцию судьи запоминающейся:

(352) Ladies and gentlemen, let me start my summing-up by directing you about your function and the difference between your function and mine. You and you alone are the judges of fact. You decide which witnesses you believe, which witnesses you disbelieve, which witnesses are reliable and which witnesses are unreliable. You decide what evidence is important and what evidence is unimportant. (Huntley 2003)

Свою задачу судья видит в том, чтобы дать указания относительно закона и напомнить некоторые доказательства:

(353) My task is to direct you as to the law and you must take direction of law from me. I will remind you of some, but by no means all, of the evidence. To do so would insult your intelligence. If you think I have missed something out which you regard as important, act upon it. It is your decision as to what is important which counts, not mine. (Huntley 2003)

Несколько другая формулировка использована в высказывании другого английского судьи, что не меняет основной идеи:

(354) *As the Judge it has been my duty to preside over this trial and to ensure that it has been conducted fairly according to the law. It is my duty now in the first part of my summing up to give you suitable directions as to the law which apply in this case. In the second part of my summing up I will remind you of the main features of the evidence which you have heard and upon which you must decide this case. As to the law, you must accept what I say and apply it to the facts as you find the facts to be. As to the facts, you and only you are the judges of the facts. (Shipman 2000)*

Видим, что судья дважды эксплицитно указывает на свою обязанность руководить процессом и гарантировать осуществление правосудия согласно букве закона (*it has been my duty, it is my duty*). Одновременно, как видно из примеров (353) и (354), судьи накладывают на присяжных обязательства подчиняться им в том, что касается применения закона. Для этого в обоих случаях использованы совершенно недвусмысленные, категоричные и не допускающие возражений конструкции с глаголом долженствования *must: must accept, must take* (должны принять). В то же время английские судьи подчеркивают полномочия, данные присяжным, применяя эмфатические конструкции: *you and you alone, you and only you* (вы и только вы); *it is your decision, it is for you to decide, it will be for you to decide* (именно вам решать) и т.д. Отметим, что напоминания судьями о полномочиях присяжных встречаются не только в начале речей, но и на всем их протяжении, что, по нашему мнению, увеличивает концентрацию внимания присяжных, способствует их более ответственному отношению к своим обязанностям и позволяет присяжным избежать влияния судьи на вердикт.

Напутственное слово является монологическим жанром, где единственным говорящим субъектом является судья. Речь судьи нельзя прервать вопросом или замечанием, нельзя отреагировать каким-либо другим способом. В то же время, как мы считаем, напутственное слово представляет собой жанр по сути глубоко диалогичный, или, по выражению М.М. Бахтина, проникнутый диалогическими обертонами. Судья не просто зачитывает формальные инструкции, а строит обращение к конкретным присяжным на основе конкретного дела, рассмотренного в суде. Перед судьей стоит задача быть не только услышанным, но и понятым. Умение выстроить диалог с присяжными в рамках монологического обращения свидетельствует, на наш взгляд, о высоком профессиональном уровне судьи. Английский исследователь К. Хеффер провел исследование корпуса текстов напутственного слова (100 шт.) в английских судах и пришел к выводу об использовании судьями двух когнитивных моделей при построении своей речи. Первый тип – это парадигматическая модель, т.е. модель теоретическая, воплощающая стремление к идеальным логическим системам описания и объяснения. Второй тип – это нарративная модель, опирающаяся на повседневную жизнь и воплощающая стремление понять действия и намерения людей в конкретных обстоятельствах [Heffer, 2002, p. 231]. К. Хеффер ссылается на работу других исследователей, в которой утверждается, что судебные решения определяются

влиянием как теории права, так и нарративным типом мышления [Amsterdam, Bruner, 2000]. К. Хеффер утверждает, что двум выделенным когнитивным тенденциям соответствуют определенные лингвистические формы, причем лингвистические приемы, характеризующие нарративный тип, в значительной степени улучшают понимание речи присяжными.

Тенденция диалогизации представляется ключевой при построении речи нарративного типа. Именно по такому типу построены имеющиеся у нас в распоряжении обращения судей к присяжным. Тенденция диалогизации монологического в принципе жанра «summing-up» реализуется посредством ряда языковых средств, которые мы выделили в этом жанре.

Очевидными проявлениями диалогичности являются обращения к адресату, а также глагольные и местоименные формы 2 лица:

(355) *Уважаемые присяжные заседатели! Переходим к завершающей стадии судебного процесса с вашим участием. (СП 2008)*

В приведенном примере в качестве средств диалогизации выступает обращение, а также притяжательное местоимение *вашим*. Кроме того, можно отметить использование судьей инклюзивной формы глагола *переходим*, посредством которой судья демонстрирует, что он работает в тесной связи и непосредственном контакте с присяжными.

В примере (356) английский судья сопровождает местоимение *you* (*вы*) уточнением *Jury* (*жюри/присяжные*):

(356) *Now if you, Jury, and again you have read about these cases, is sure the circumstances of the risk of death was so obvious and the failure was not just negligent but so bad as to amount to a crime, then that person will be guilty of the criminal offence of gross negligence manslaughter. (Huntley 2003)*

Путем простого подсчета обнаруживаем в произвольно выбранном фрагменте 5 личных местоимений *you* (*вы*) и 2 притяжательных *your* (*ваши*):

(357) *That would be an alternative to murder which you would be entitled to bring. You would only be entitled to do so if you are sure of those elements and if you took the view the defendant's account is true, or may be true. If that was your conclusion then on count two your verdict would be "Not guilty of murder but guilty of manslaughter by gross negligence" and you should say so, so that I know there is a distinction between manslaughter and manslaughter by gross negligence. (Huntley 2003)*

Неоднократное использование местоимений 2-го лица эксплицирует сферу адресата речи.

Общая функциональная направленность жанра обуславливает наличие в его составе большого количества **инструкций, предупреждений, просьб, рекомендаций, запретов**, обращенных к присяжным и регламентирующих их деятельность по осуществлению правосудия. Реплики судьи императивного характера по сути предполагают их безусловное принятие и без какого-либо обсуждения. О.А. Прохватилова отмечает, что императиву присуще выражение воли говорящего и императивные высказывания следует считать маркером иерархических отношений участников коммуникации [Прохватилова, 1999, с. 249]. Мы добавим, что семантику императива могут иметь модальные

конструкции со значением долженствования, которые также выражают направленность речи на адресата и выступают в качестве сигналов иерархических отношений. Рассмотрим пример:

(358) *Вы должны соотнести, значит, как это соответствует: либо, значит, кто-то из этих свидетелей говорит правду, что вот там двое ничего не делали, так, смотрели только и ужасались, что там происходит. Либо все четверо участвовали. Опять же с учетом показаний кого? Тех, кто видел, да? Наблюдал. (СП 2008)*

Указание судьи начинается с эксплицитно выраженного наложения обязательств на присяжных *Вы должны*. Далее судья предлагает два альтернативных видения события преступления, причем первое описано максимально жизненно и **приближенным к разговорной речи языком** (*так, смотрели только и ужасались*). Дополнительное требование к присяжным учитывать показания только непосредственных свидетелей имеет форму вопросно-ответного единства (*...с учетом показаний кого? Тех, кто видел...*). Характеризуя **вопросно-ответные** единства как средства создания диалогичности, М.А. Кормилицына отмечает: «Имитируя диалог, они позволяют автору «оживить» монологический текст, включить читателя в ход авторских мыслей, активизировать его участие в решении поставленных проблем и тем самым более эффективно воздействовать на адресата» [Кормилицына, 2003б, с. 470].

Что касается приближенности языка некоторых фрагментов напутственного слова к разговорной речи, то эта черта представлена в работе К. Хеффера как одна из составляющих нарративного типа наряду с тенденцией к диалогичности [Heffer, 2002, p. 232].

В английском примере судья инструктирует присяжных о том, что они должны учитывать только те показания, с которыми знакомы, и не должны ничего домысливать:

(359) *You must decide this case only on the evidence which you have heard, seen and read. You must not speculate or be drawn into speculation about matters as to which you have not heard any evidence. (Shipman 2000)*

Диалогизация высказывания происходит за счет неоднократного использования местоимения 2-го лица *you*. Указательное местоимение *this* и определенный артикль *the*, являющиеся маркерами определенности, а также придаточное определительное выполняют функцию конкретизации и помещают общее правило в контекст конкретной ситуации.

Инструкции, построенные с учетом конкретных обстоятельств дела и обстановки в зале суда, лишены ненужной абстрактности и идеализации, а значит, в большей степени ориентированы на получателя речи, т.е. конкретных присяжных.

Весьма любопытным представляется нам фрагмент речи английского судьи, в котором он сначала объясняет общий принцип, согласно которому предыдущие правонарушения обвиняемого не рассматриваются на процессе, а далее объясняет обстоятельства конкретного дела и причины неприменимости к нему общего правила:

(360) *Normally a jury does not hear about any previous criminal offences which have been committed by a defendant, other than those with which the defendant stands charged in the trial which he then faces. In this case it was inevitable that you should hear evidence which suggests that Dr. Shipman has committed these offences of unlawful possession of diamorphine contrary to the Misuse of Drugs Act because this evidence is relevant to the issue as to whether Dr. Shipman had available to him sufficient quantities of diamorphine for the purposes of administering a fatal injection to each of the alleged murder victims, as suggested by the prosecution. (Shipman 2000)*

Две части данного фрагмента маркированы противопоставляющими обстоятельствами *normally* (обычно) и *in this case* (в данном случае) и соответствуют парадигматическому и нарративному типам мышления и речи (по К. Хефферу). В первой части высокая степень обобщения и абстракции достигается за счет использования неопределенных артикля и местоимения (*a jury, a defendant, any previous offences*). Во второй части, наоборот, судья приближает свои рассуждения к действительности, посредством обращения к присяжным (*you should hear evidence*), использования определенного артикля (*the issue, the alleged murder victims, the prosecution*), указательных местоимений (*this case, these offences, this evidence*). В данном фрагменте мы можем наблюдать комбинацию изложения абстрактных принципов с объяснением условий применения данных принципов к конкретным обстоятельствам, и именно вторая часть имеет характеристики, облегчающие понимание юридических принципов присяжными.

Судья, обращаясь к присяжным с инструкциями, нередко эксплицитно обозначает цель отдельной реплики или фрагмента речи. Перформативы *прошу, предупреждаю, хочу акцентировать ваше внимание* не только реализуют «я»-тему, но и позволяют присяжным правильно распознать коммуникативную цель высказываний судьи, что способствует более эффективной коммуникации судьи с присяжными. Именно к успешной коммуникации с присяжными должен, по мнению П. Тиерсмы, стремиться судья: «Коммуникация... требует, чтобы вы не просто говорили или читали, обращаясь к кому-то, но также и того, чтобы аудитория действительно понимала, что вы намереваетесь сообщить. В противном случае ваша попытка коммуникации провалилась» [Tiersma, 2006a, p. 1]. Мы считаем, что эксплицитное выражение цели коммуникации облегчает диалог судьи с присяжными:

(361) *...Хочу акцентировать ваше внимание на необходимости правильного подхода к исследованию и оценке тех доказательств, которые были здесь исследованы в судебном заседании. (СП 2008);*

(362) *I want to say more about your judgment. (Huntley 2003);*

(363) *I want to give you directions about lies. (Huntley 2003)*

Апелляция к памяти, знаниям, пониманию присяжных способствует привлечению внимания и создает впечатление диалога, в котором коммуниканты владеют определенной информацией друг о друге. М.А. Кормилицина считает, что такие конструкции не только актуализируют фигуру говорящего, но и выполняют контактоустанавливающую и воздействующую

функции [Кормилицына, 2003б]. Контактустанавливающая функция апелляции к знаниям аудитории отмечена также в работе испанского ученого И.Ф. Гомеса [Gomez, 2004]. В следующем примере судья апеллирует к памяти присяжных, поскольку вполне обоснованно рассчитывает на то, что они должны помнить показания свидетелей:

(364) *Его показания подтверждают его родители, которые указывают о том, что мать звонила там в 18.31, как вы помните, а вот потом они, значит, около в более позднее время были дома и могут подтвердить, что он тоже никуда не уходил. (СП 2008)*

Апелляция к памяти присяжных широко распространена в речи английских судей. Она может иметь, как и в русском примере, форму утверждения, констатации либо вопросительную форму:

(365) *You remember the argument advanced by Mr Hubbard that there really had been a plot for Maxine Carr to say that they were going to be in Soham... (Huntley 2003);*

(366) *Dr. Shipman also agreed that when his house was searched on the 7th September 1998, that is just over 3 and a half years after Mr. Arrandale died, 4 x 10 milligram ampoules of stock number E5306B had been recovered from his back bedroom by the police, and you remember you heard the evidence about that much much later in the trial, not later in the trial, at a very late stage of the prosecution's evidence. (Shipman 2000);*

(367) *...They were much more skilled at finding people who had accidents or fallen, than others. One of them was David Hobbs, you remember? (Huntley 2003)*

Апелляция к интеллектуальным возможностям также может иметь форму декларативного акта либо вопроса, который фактически не предполагает ответа, но придает речи судьи более диалогическое и непосредственное звучание. В примере (368) апелляция к пониманию по сути является апелляцией к юридическим познаниям присяжных. Однако, не полагаясь на эти познания, судья дает необходимые разъяснения:

(368) *Но, как вы понимаете, есть убийство так называемое неквалифицированное, когда скажем совершается на почве ссоры. Это наиболее распространенная форма, так называемые бытовые, да, или там муж с женой или жена мужа или там сожительница – ну в жизни так уж в России в частности. И убийство квалифицированное. Убийства бывают сопряженные с разбоем, сопряженные с изнасилованием, двух и более лиц. А в данном случае Макарову вменено по п.Л, значит, по мотивам расовой и национальной ненависти. (СП 2008)*

Апелляция к памяти и знаниям присяжных может сочетаться с эксплицитным выражением судьей частной цели фрагмента речи и инструкцией, выраженной модальной конструкцией:

(369) *Я вас предупреждаю прежде всего от принятия легковесных решений, обусловленных какими-то сиюминутными эмоциями, впечатлениями поверхностными. Вы должны исходить, о чем я говорил в начале судебного заседания, из того факта, доказано ли участие Макарова в совершении того преступления, которое ему инкриминируется. Для этого вы обязаны*

восстановить в своей памяти те доказательства, которые исследовались в судебном заседании. (СП 2008)

Судьи диалогизируют общение с присяжными и одновременно побуждают их к аналитической деятельности, **предлагая им вопросы для размышления**. Так, судья предлагает присяжным проанализировать некоторые противоречивые показания:

(370) Хочу обратить внимание на показания свидетелей супругов Боровых. Вот с точки зрения оценки времени события, вы должны проанализировать, есть ли у супругов Боровых какие-то основания ошибаться во времени. (СП 2008)

В приведенном примере косвенный вопрос включен в императивную структуру, обязывающую присяжных к размышлениям.

Английский судья призывает присяжных подумать, как последовательные поступки обвиняемого после совершения преступления соотносятся с его показаниями о внутреннем паническом состоянии:

(371) How does it, his behaviour afterwards, as he took those bodies down the stairs, put one of them out of the way so they on the be seen from the door, he then put them in the car and drove to Wangford - how does that behaviour square with his account of having frozen and panicked so he was unable to think of anything to help them? (Huntley 2003)

В этой же речи судья адресует присяжным целую серию вопросов относительно неоднозначного поведения обвиняемого после совершения преступления:

(372) What was the approach to Holly Wells's father about? Was it merely part of the pretence? Or does it display a more sinister cynicism? Why did he feel it necessary to cut off the girls under clothes? Was it an unthinking part of a disposal of the evidence, or was it because he feared there might be some clues found on the under clothes? (Huntley 2003)

Очевидно, что вопросы, обращенные к присяжным, не требуют немедленной реакции. Однако не являются они и риторическими в традиционном понимании. Ответы на эти вопросы, возможно, будут найдены в совещательной комнате. Во всяком случае, задавая вопросы, судья побуждает присяжных к размышлению и обсуждению, результатом которых должен стать вынесенный вердикт. Таким образом, предполагается реакция присяжных на заданные судьей вопросы, хотя она и отсрочена по времени.

Судьи не только побуждают присяжных к размышлениям, задавая им вопросы. В некоторых случаях они направляют присяжных по определенному пути, **предлагая логику**, которой следует руководствоваться при решении спорных вопросов. Показательным в этом отношении и интересным с формальной точки зрения представляется следующее высказывание судьи:

(373) ... As to those lies which you are sure that Dr. Shipman told, ask yourself why did Dr. Shipman lie. The mere fact that a defendant tells a lie is not in itself evidence of guilt, common sense really. A defendant may lie for many reasons and they may possibly be innocent ones in the sense that they do not denote guilt of the charge against him or her. (Shipman 2000)

Судья не задает вопрос присяжным прямо, а предлагает им спросить себя, почему подсудимый лгал. Более того, судья предлагает присяжным определенную логику, которой следует руководствоваться при ответе на этот вопрос: причин для лжи может быть много, но ложь сама по себе не свидетельствует в пользу обвинения. Обратим внимание на то, что свои логические соображения судья высказывает безотносительно к конкретному делу и конкретному обвиняемому, т.е. в принципе. Употребленное дважды с неопределенным артиклем слово *a defendant (подсудимый)* означает, что рассуждение касается любого подсудимого. Кроме того, судья использует политически корректное выражение *the charge against him or her (обвинение против него или нее)*, чтобы избежать обозначения пола подсудимого. Рассуждения в целом и политкорректность судьи мы объясняем его стремлением сохранить беспристрастность и объективность, избежать обвинений в воздействии на мнение присяжных. Проблема объективности напутственного слова судей будет более подробно рассмотрена в п. 3.3.2.

Ложь подсудимых – одна из тех проблем, с которыми судье и присяжным приходится иметь дело достаточно часто. Именно судья, как показывают наши материалы, предлагает присяжным некоторые логические линии, следуя которым можно прийти к определенным выводам относительно лжи. В следующем фрагменте английский судья предлагает свою логическую цепочку рассуждений в помощь присяжным:

(374) But it might be that your time might be more profitably spent, and again it is entirely a matter for you, in focusing on his account of how he said the girls came to die. If you came to the conclusion that what he said about what happened in the bathroom was a lie, that is totally different. You would be entitled to ask yourselves, well, why did he lie about that? You would be entitled to conclude that the only explanation for a lie about how one or both came to die, was in the context of the evidence as a whole to conceal the fact that one or both had died because he had murdered them. (Huntley 2003)

Проследим развитие логической линии. Если присяжные пришли к выводу, что подсудимый лгал, то у них есть полное право спросить себя, почему он лгал. С учетом свидетельств единственным выводом может быть вывод о том, что он совершил убийство. Представим эту логическую линию на схеме 4.

Схема 4 «Предлагаемая логика»

<u>Вывод:</u> Подсудимый лгал	→	<u>Вопрос:</u> Почему подсудимый лгал?	свидетельства →	<u>Вывод:</u> Подсудимый совершил убийство
----------------------------------	---	---	--------------------	---

В то же время судья оговаривается, что только присяжным принадлежит право решать, на каких проблемах концентрировать внимание (*It is entirely a matter for you – это всецело ваше дело*). Присяжные не обязаны следовать логике рассуждений судьи и могут сделать свой выбор. Но, вероятно, в сложных ситуациях заданные судьей вопросы и предложенные варианты

рассмотрения отдельных аспектов дела могут оказаться поддержкой для присяжных при принятии ими решения.

Диалог между судьей и присяжными выстраивается не только за счет инструкций, вопросов и предложений судьи, адресованных присяжным, но и за счет **ответов судьи на некоторые вопросы присяжных**, полученные судьей ранее в письменном виде. Судья не обязательно цитирует заданный ему вопрос. В следующем примере он ограничивается ссылкой на него (*You will find the answer to the question one of you asked - Вы найдете ответ на вопрос, заданный одним из вас*) и далее дает разъяснения относительно вещественных доказательств, не исследованных судебными экспертами:

(375) *You will find the answer to the question one of you asked if you look at the very last schedule of fibres, just before transfer of hairs behind tab 5 in the green bundle, have you got that one the split schedule? Do you see, schedule F fibre transfers torn from other items in the bin, you see items 4 and 5 the last two, yellow duster, refuse bin from hangar, carpet in the boot that could have come from the car or the house and on the dish cloth exactly the same, the fibres from the carpet, the car or the house. (Huntley 2003)*

Другое высказывание судьи является ярким примером диалогического взаимодействия судьи с присяжными:

(376) *One of you asked a question about medical evidence, let me give you a further direction, it is relevant to what he said in evidence and relevant to what he is saying to his mother, remember that conversation? There is no evidence no factors in this case, both prosecution and defence can call. What this effect of there being no medical evidence? It means there is no evidence to support what he is saying but bear this in mind he's under no obligation to call any evidence. The burden is on the prosecution and you must not speculate about what a doctor might or might not have said. (Huntley 2003)*

Судья ссылается на вопрос присяжных относительно медицинских свидетельств, затем апеллирует к памяти присяжных, напоминая доказательство, использует вопросно-ответное единство для ответа на вопрос и инструктирует присяжных, запрещая им домысливать, что бы мог сказать врач.

Ориентация напутственного слова судьи на присяжных проявляется и в том, что для разъяснения юридических понятий, правовых категорий судьи используют **примеры жизненных ситуаций**, хорошо знакомых присяжным. Такие объяснения, безусловно, облегчают понимание инструкций присяжными, среди которых могут быть люди разных социальных уровней, с разным уровнем интеллекта и образования. Замечание П. Тиерсмы о присяжных в США, как нам кажется, в равной степени может быть применимо к суду присяжных в России или Англии: «Каждый суд присяжных отличен от другого. Поэтому нелегко точно определить, кто составляет вашу аудиторию, особенно что касается их уровня образования, навыков чтения и понимания <...> Несмотря на то, что инструкции никогда не будут ясны *всем* присяжным, представляется вполне разумным требовать хотя бы того, чтобы наши инструкции эффективно сообщали закон *среднему* присяжному заседателю...» [Tiersma, 2006a, p. 2]. П. Тиерсма рекомендует судьям представить, что они

объясняют юридическое понятие парикмахеру, официанту или другому «простому» человеку» [Ibid. P. 2].

Наблюдения над нашим материалом показывают, что прием объяснения юридических понятий и правил с помощью жизненных иллюстраций применяется как в русском, так и в английском суде. Русский судья, объясняя правила голосования в совещательной комнате, в некотором смысле противопоставляет их хорошо знакомым правилам голосования в более стандартных ситуациях:

(377) Голосование в совещательной комнате проводится открытое. И два варианта: либо за, либо против. Значит, в данном случае закон не предусматривает такой формы, как «воздержался», да? Знаете, такое есть на любом собрании, митинге там, конференции, имеет право человек воздержаться, ну, не определился с позицией. В данном случае нельзя. Либо за, либо против. (СП 2008)

Английский судья объясняет присяжным понятие *manslaughter by gross negligence* (убийство из-за преступной халатности) и последовательно перечисляет пять признаков такого преступления. Первым признаком он называет *duty of care* (обязанность заботы). Что предусматривает это юридическое понятие на практике, он объясняет на примере жизненных ситуаций. Одна из них – вождение машины на дороге. Другой пример он называет классическим (*a classic example of a duty*), и это ситуация, когда учитель ведет детей в поход и в этом случае несет за них ответственность:

(378) Firstly, he must owe a duty of care to the person who dies. Secondly, he must fail to do something which would have prevented the death. Thirdly, that failure must be a breach of duty. Fourthly, the failure must be a more than trivial cause of the death and fifthly if, having regard to the risk of death, the failure was, in your judgment, so bad as to amount to a criminal failure, then he is guilty of gross negligent manslaughter. Let me break up those elements. All must be proved. You must be sure about them all. Firstly, as to the duty of care in some circumstances, one individual owes another a duty to take care for his safety. Let me give you obvious examples which will be familiar to you. When you drive a car on the road, you owe a duty of care to other road users. It is a classic example of a duty, can you remember a less common one, but one you may have read about is of a school teacher taking a party of children on an expedition on an adventure training and takes them out somewhere into the mountains. The school teacher owes a duty of care. (Huntley 2008)

Из речи судьи ясно, что он намеренно прибегает к понятным для присяжных ситуациям. Его цель представить закон в доступном виде получает эксплицитное выражение: *Let me give you obvious examples which will be familiar to you* (Позвольте мне дать вам очевидные примеры, которые будут вам знакомы). Апелляция к общему опыту (appeals to shared experience), каковой по сути являются иллюстрации жизненными примерами правовых концептов, включена К. Хеффером в список характеристик нарративного типа речи, более доступного для адресата.

Наконец, оживление интеракции судьи и присяжных в рамках монологического жанра напутственного слова происходит за счет обращенных к присяжным **вопросов сопутствующего (технического) характера**. Мы посчитали возможным выделить эти вопросы в отдельную группу, поскольку их основная коммуникативная цель состоит не в побуждении присяжных к размышлению (в отличие от вопросов, рассмотренных выше), а именно в создании эффекта диалога, беседы с присяжными заседателями. Эти вопросы касаются не сути дела, а различных процедурных аспектов заседания. Так, сообщая присяжным о правилах осуществления совещания по принятию решения, судья уточняет, есть ли у них ключи от совещательной комнаты:

(379) *Закрываются, ключи-то есть, да? Ключи есть, ключи у пристава. Закрываются. (СП 2008)*

Английский судья, отсылая присяжных к тексту обвинения (indictment, charge sheet) и списку пунктов обвинения, уточняет, у всех ли есть эти документы:

(380) *Let me turn to the charges against them. You have got your indictment and your charge sheet, which is in my green bundle behind tab. 1. Have you got that? (Huntley 2003)*

Очевидно, что такие вопросы не требуют непосредственной реакции присяжных, но в то же время диалогизируют монологический жанр напутствия.

Наблюдения над речевым материалом и проведенный анализ показывают, что хотя единственным говорящим субъектом жанра напутственного слова является судья, присяжных также можно назвать участниками жанра присутствие которых отражено в напутственном слове.

Выделенные в речи судей средства диалогизации общения с присяжными позволяют утверждать, что судьи ориентируют свою речь на присяжных и стремятся донести до них закон эффективным способом.

3.3.2 Отражение граней языковой личности судьи в напутственном слове

Нам представляется, что в жанре напутственного слова в структуре личности судьи в наибольшей степени реализуется роль независимого рефери.

От судьи требуется беспристрастное и объективное освещение обстоятельств дела. К признакам напутственного слова относят полноту, ясность для присяжных, объективность, безошибочность в разъяснениях закона и обстоятельств дела [Насонов, 2009].

Проблема объективности напутственного слова привлекает внимание правоведов, обсуждается в различных исследованиях. Н.А. Развейкина высказывает мнение, что на практике невозможно избежать воздействия судьи на присяжных посредством напутственного слова. Исследовательница пишет: «Невозможно отрицать, что, суммируя факты и версии сторон, судья в напутственном слове воздействует на присяжных заседателей. Мнение председательствующего проявляется уже в выборе обстоятельств дела, о которых он упоминает. Большое значение имеет группировка доказательств

обвинения и защиты, освещение свидетельских показаний, последовательность их изложения: важно, на что судья обратит особое внимание присяжных заседателей: на какое выражение, фразу, а часто отдельное слово обвиняемого, потерпевшего или свидетеля. Все сказанное судьей так или иначе отражается на внутреннем убеждении присяжных. Оттенья одни обстоятельства перед другими и умело систематизируя их, можно представить одно и то же дело с совершенно разных сторон» [Развейкина, 2007, с. 124]. Нельзя не согласиться с утверждением о том, что способ представления дела судьей оказывает влияние на мнение присяжных. Чтобы выяснить, в какой мере судья соответствует роли объективного рефери, выступая с напутственным словом, рассмотрим речевой материал.

Во-первых, отметим, что судьи четко осознают свою обязанность подходить к изложению обстоятельств объективно и справедливо. В самом начале речей английские судьи призывают присяжных игнорировать мнение судей, так как только мнение самих присяжных имеет значение:

(381) If, in identifying the issues or summarising the evidence, you think I am expressing an opinion with which you agree, well then all well and good. If you disagree, it is not just your right, but it is your duty to disregard it. Because it is your opinion, your judgment, your judgment that counts, not mine. (Huntley 2003)

Судья акцентирует внимание присяжных на их обязанности игнорировать точку зрения судьи, противоречащую их собственному мнению. Высказывание построено с несколькими эмфатическими конструкциями (*it is your duty to disregard; it is your opinion, your judgement that counts*), а также противопоставлением (*your judgement, not mine*).

Подобная инструкция содержится в начале другой английской речи. Судья убеждает присяжных отвергнуть его точку зрения и самим оценивать важность или неважность свидетельств:

(382) If I appear to have a view of the evidence or of the facts with which you do not agree, reject my view. If I mention evidence which you regard as unimportant, disregard that evidence. If I make no reference to evidence which you do regard as important, follow your own view and take that evidence into account as you consider appropriate. (Shipman 2000)

Инструкция состоит из трех параллельных конструкций с придаточными условия и императивными формами (*reject, disregard, follow*). Риторическая сила параллельных конструкций отмечалась в работах по юридической риторике применительно к речам обвинения и защиты [Введенская, Павлова, 2002]. Как мы видим, этот риторический прием может использоваться и судьей, но не с целью воздействия на мнение присяжных по делу, а для внушения им принципов справедливого и независимого правосудия.

Подобным образом русский судья обращается к присяжным с замечанием о необходимости собственного объективного подхода к обстоятельствам дела, но делает это не в начале речи, а обобщив доказательства и позиции сторон:

(383) Все, что я вам сказала, вы можете принять во внимание, а можете не принять. Я старалась не высказать свое мнение по делу. (СП 1991)

Понятие справедливости и справедливого судебного процесса неоднократно упоминаются в речах судей. Так, судья убеждает присяжных оценивать всех свидетелей по одинаковым справедливым стандартам:

(384) Judge all witnesses by the same fair standards. (Shipman 2000)

И далее судья обязывает присяжных применять те же справедливые стандарты к показаниям подсудимого. Факт нахождения его в заключении не должен рассматриваться против него:

(385) You must, of course, apply the same fair standards to the evidence given by Dr. Shipman. Do not hold it against him that he came to give evidence to you from the dock. (Shipman 2000)

Русские судьи в конце напутственного слова обязательно приводят цитату из присяги, принятой присяжными, согласно которой они должны «разрешить дело... как подобает гражданину и справедливому человеку».

Понятие справедливости встречается и в других контекстах. Объяснение понятия *manslaughter by gross negligence* (*непредумышленное убийство из-за преступной халатности*) английский судья предваряет комментарием справедливости ради (*in fairness*) о том, что юридическое объяснение не означает указания на факты действительности. Таким образом, судья разводит по разные стороны закон и оценку фактов, не позволяя присяжным воспринимать толкование закона как заведомо данную оценку реальной действительности. Объяснение закона не равно объяснению реальной ситуации, и судья подчеркивает это:

(386) I must deal with the suggestion if you believe the defendant or think he may have been telling the truth, you would be entitled to conclude he is guilty of manslaughter by gross negligence. So I must explain this to you and I shall do so. It requires more directions of law and they are, you may think, a little more complex, although not that complicated. I must stress the fact, although I in fairness must dwell upon the meaning of the law of gross negligence, it does not mean I am giving any indication one way or the other as to the reality of what is suggested. (Huntley 2003)

Сопровождение обобщающей речи по делу комментариями о стремлении к объективности, конечно, только отчасти способствует непредвзятому отношению присяжных к фактам дела. Многое зависит не от вступительных фраз судьи, а непосредственно от способа представления этих фактов. И здесь нам представляется возможным отметить некоторые особенности представления фактов в ходе суммирования обстоятельств дела.

1) В напутственном слове судья обязан суммировать **аргументы и свидетельства, представленные обеими сторонами** – обвинением и защитой. Мнения и убеждения обеих сторон должны получить отражение в его речи в равной степени, причем без выражения какого-либо отношения к ним со стороны судьи. Ст. 340 УПК РФ гласит: «В напутственном слове председательствующий <...> напоминает об исследованных в суде доказательствах, как уличающих подсудимого, так и оправдывающих его, не выражая при этом своего отношения к этим доказательствам и не делая выводов их них; излагает позиции государственного обвинения и защиты...» [Уголовно-процессуальный кодекс, 2008, с. 177]. Некоторые правоведы

отмечают существование проблемы, связанной с последовательностью напоминания присяжным заседателям доказательств обвинения и защиты. С. Насонов считает, что, руководствуясь статьей 340 УПК РФ, судья должен сначала напомнить доказательства, уличающие подсудимого, а затем оправдывающие его. «Именно такую последовательность напоминания доказательств диктует логика состязательного судопроизводства», – отмечает исследователь и указывает на то, что такая логика не всегда находит отражение в напутствиях отечественных судей. [Насонов, 2009]. В результате проведенного анализа речевого материала мы приходим к выводу, что соблюдение последовательности, при которой суммируются сначала уличающие доказательства, а затем оправдывающие, т.е. сначала заявляется позиция обвинения, а затем позиция защиты, не всегда возможно. В сложных делах с большим количеством свидетелей и доказательств многие факты могут по-разному интерпретироваться разными сторонами, и судья излагает эти интерпретации, следуя логической линии своего рассказа или хронологическому принципу предшествующего изложения доказательств на процессе. В английском материале мы наблюдаем частые взаимопроникновения доказательств оправдывающих в часть выступления, посвященную позиции обвинения, и доказательств уличающих в ту часть речи, задачей которой является суммирование фактов оправдывающих. Рассмотрим пример. Судья напоминает показания одного из свидетелей о том, что подсудимая тщательно отмывала кухню. Это могло свидетельствовать о попытке скрыть следы убийства. В то же время судья указывает и на возможность альтернативной интерпретации, в пользу подсудимой, поскольку та не скрывала того, что делала. Таким образом, точки зрения обвинения и защиты отражены в одном фрагменте:

(387) What Michael Gee also gave evidence about, however, on that Wednesday, was going back to College Close with Ian Huntley to have a cold drink and seeing Maxine Carr scrubbing the kitchen wall tiles and complaining that it took the paint off because she was scrubbing so hard. Again you are going to have to make your mind up about the significance of Maxine Carr's cleaning, with the rival arguments about that. But certainly, as Michael Gee's evidence established the cross-examination on behalf of Maxine Carr she did not try to conceal what she was doing; indeed, she drew attention to it and was going to get the dog out before she continued to clean downstairs. (Huntley 2003)

Решение относительно важности упомянутых свидетельских показаний судья оставляет на усмотрение присяжных (*you are going to have to make your mind up about the significance...*).

На практике порядок представления позиций сторон может быть обратным: сначала позиция защиты, затем – обвинения:

(388) You recall rival arguments about that approach, Mr Coward's submissions to you that this was again just part of the inevitable cover up, once he had chosen to lie and the prosecution's submissions, that is a piece of evidence which goes beyond merely a covering up. (Huntley 2003)

В представленном коротком высказывании судья эксплицитно указывает на различие в интерпретации свидетельств сторонами, называя их противоборствующими аргументами (*rival arguments*), и четко обозначает две позиции (*Mr. Coward's submissions, the prosecution's submissions*).

Еще одним вариантом сохранения баланса в представлении позиций обвинения и защиты является вариант, когда представление позиции обвинения сопровождается правовым комментарием судьи, который значительно ограничивает силу утверждений, выдвинутых обвинением. В следующем примере судья вносит необходимые поправки в речь государственного обвинителя и объясняет свои действия с правовой точки зрения:

(389) Я считаю необходимым отметить следующее. Государственный обвинитель вам сказал в речи, что Макаревичу особые мучения и страдания причинены путем нанесения большого количества ударов - по заключению эксперта 12-13. Разъясняю вам, что вы должны исходить из 6 ударов по голове и телу и трех ударов палкой по голове, так как предъявлено обвинение. Прокурор, не перепредъявив обвинение, произвольно увеличил его. Это запрещено законом. (СП 1991)

Высказанные судьей соображения, безусловно, способствуют объективности судебного процесса.

Английский судья сопровождает представление позиции обвинения комментарием о том, что сокрытие следов и притворство не доказывают факт убийства:

(390) It is that sort of evidence on which the prosecution relies in showing that the defendant was well able to tag the police along in expressing what the prosecution submit to be phony regret. But again, remember the warning I gave you about all that evidence, however good he was at covering up his tracks, giving a false appearance of hope, it does not prove murder. (Huntley 2003)

В данном случае судья не добавляет контраргументов со стороны защиты, а сам выступает гарантом объективности, делая ссылку на правовые нормы, используемые в пользу подсудимого. Такой речевой ход судьи позволяет избежать распространенной ошибки, на которую указывает С. Насонов и которая состоит в том, что судья переводит смысловой центр процесса с вопроса о доказанности обвинения на вопрос правдивости показаний подсудимого [Насонов, 2009]. В примере (390) напоминание судьи о законе разграничивает проблему лжи и проблему доказательства преступления.

2) Указание судьями на противоречия или их отсутствие в мнениях сторон и показаниях различных свидетелей распространены и встречаются в речи как русских, так и английских судей. Автор цитируемой нами выше работы считает, что «суждения председательствующего о наличии противоречий между исследованными в судебном заседании доказательствами, во-первых, являются выводами, которые указанная норма закона запрещает делать в напутственном слове. Во-вторых, такое суждение является оценочным, поскольку представляет собой результат сопоставления содержания ряда доказательств» [Насонов, 2009]. Иными словами, наличие высказываний о противоречии доказательств автор считает нарушением принципа

объективности и беспристрастности. Нам представляется, что указания на противоречия точек зрения, обнаруживающиеся в зале суда, не обязательно нарушают объективность судебного процесса. Рассмотрим конкретный пример:

(391) В ходе судебного следствия стороны исследовали имеющиеся по делу доказательства, которые непосредственно связаны с событием совершения преступления. И вы заметили, что позиции сторон, ну, будем говорить так, диаметрально противоположны. То есть, казалось бы, исследовали одни и те же доказательства по существу. А выводы и суждения, которые высказывались, сторона обвинения, затем сторона защиты, они не совпадают и более того противоположны. Поскольку гособвинитель говорил о доказанности виновности подсудимого М., а сторона защиты в лице адвоката утверждала о непричастности его к совершению этого преступления. (СП 2008)

В приведенном фрагменте судья отмечает диаметрально противоположные позиции сторон и противоположные выводы, сделанные ими на основе одинаковых доказательств. Такое утверждение представляется нам скорее содержащим само собой разумеющуюся информацию, чем глубокие аналитические размышления и выводы. Различие позиций сторон – это то, на чем собственно и построен судебный процесс.

Другой пример:

(392) И здесь вот показательны показания свидетелей П., П. и К., которые по-разному вообще описывают, да? И при этом, конечно, необходимо иметь в виду их процессуальный статус. Они сами являются, ну как бы сейчас я не знаю в каком они статусе пребывают, но они, в отношении них дело выделено в отдельное производство по факту вот этого нападения. И вы должны соотнести в этой части показания супругов Б., о том, что в избиении участвовало ну там опять тоже по-разному, правда, говорят: ну там от 3-х до пяти, до шести, да? В принципе вот скажем, а вот двое участвовали или нет? Исходя из позиции некоторых свидетелей, я только что, вот они вдвоем стояли, ну как, в сторонке стояли и ничего не делали, да? А другие свидетели говорят, что нет, все участвовали. И вот с этой точки зрения необходимо как бы иметь в виду и формулу обвинения о том что, значит, э, нападение на Р. как преступление, вменено всем четверем. (СП 2008)

В данном случае разногласия в показаниях свидетелей очевидны и не требуют применения аналитических навыков для обнаружения, поскольку речь идет о конкретном числе участников преступления. Наверное, такие высказывания судьи также не следует считать выводами либо оценочными утверждениями. Тем более что далее судья побуждает присяжных к принятию независимого решения:

(393) Мы здесь показательно, ну как, собственно, в любом процессе с участием присяжных заседателей, ну не только с присяжными заседателями, позиции сторона обвинения, сторона защиты, я уже об этом говорил, основываются на одних и тех же показаниях, но интерпретация противоположная. Поэтому с учетом тех аргументов, которые были высказаны сторонами, вы должны принимать самостоятельное решение,

основанное на вашем личном убеждении. Насколько подтвердилось или не подтвердилось то обвинение, которое вменено М. (СП 2008)

В ряде случаев высказывания в суде, указывающие на противоречия в показаниях и свидетельствах, действительно могут содержать определенные выводы, причем маркированные соответствующим образом:

(394) *When I asked why he had not told anyone, Police Sergeant Nelson, he said he had and waved his arm at crowd. He just couldn't remember anything about him being flummoxed, or Mrs Hurrell, so there was clearly conflict in matters between what she was saying and what those other witnesses were saying. The next piece of evidence was the evidence of what happened at the place where the CCTV was being shown. You remember the evidence about Ian Huntley's obvious interest about the CCTV. (Huntley 2003)*

Приведенный фрагмент состоит из двух частей. Первая часть от первого лица представляет собой цитату свидетельницы, тогда как метакоммуникативный маркер *so (таким образом)* отмечает начало речи самого судьи, указывающего на противоречие между показаниями подсудимой и других свидетелей. В то же время судья никоим образом не комментирует эти противоречия и не дает им никаких объяснений, сразу переходя к следующему свидетельству. Выводы такого плана не представляются нам оказывающими какое-либо неправомерное воздействие на присяжных.

Подобным образом отечественные и английские судьи обращают внимание присяжных на отсутствие конфликта между сторонами по каким-то вопросам, на сходство показаний свидетелей. Зачитывая и комментируя вопросы из вопросного листа, русский судья замечает:

(395) *По первому вопросу, поставленному в вопросном листе, у сторон нет спора, поэтому я думаю, для вас не будет особой сложностью дать на него ответ. (СП 1991)*

Английский судья объясняет свое нежелание подробно останавливаться на некоторых деталях тем, что признание подсудимого устранило спор по факту:

(396) *Can I turn then, having reminded you that the interviews are there, and that there was a whole lot of other evidence read. For example, evidence read about the Fiesta and the changing of the tyres back on the Monday, but now that is no longer in dispute, precise details of it do not matter. The fact of the matter is, in order to avoid being traced, this defendant went so far as to get the tyres on his car changed at Ely but, having stated that, there is really no need to run the point. (Huntley 2003)*

Комментарии судьи, констатирующие наличие или отсутствие конфликта мнений, способствуют, на наш взгляд, более четкому изложению обстоятельств и не оказывают неправомерного воздействия на присяжных, если судья не пытается найти обоснование этих мнений.

Особым образом судьи представляют мнение экспертов. Общее руководство относительно свидетельств, представленных экспертами, сводится к тому, что эксперты обладают специальными знаниями и присяжные не могут ставить под сомнение их мнение. В то же время они вправе не принимать его:

(397) *Заключение эксперта - это заключение специалиста в области каких-либо знаний, это доказательство равное другим доказательствам. Оно не имеет какого-то преимущественного значения. Эксперты должны обладать высокой квалификацией, знать данное дело и быть добросовестными. Если вы считаете, что эксперты обладают этими свойствами, то ничего не мешает вам поверить им как специалистам. (СП 1991);*

(398) *There is another aspect of the evidence I want to direct you about and that is expert evidence. The reason you hear expert evidence, that is evidence of the opinion of an expert, is that that expert has knowledge and expertise the rest of us, you and I, do not have. You are not bound to accept expert evidence, though in this case apart from really the evidence of Poleontologist there is virtually no dispute but you must bear in mind you do not have the expertise to challenge it. (Huntley 2003)*

В дальнейшем, уже перечисляя конкретные свидетельства экспертов, английский судья характеризует их как «*undisputed*» (не подлежащие обсуждению, неопровержимые), тем самым подчеркивая их особый статус:

(399) *The evidence you heard from Peter Bristowe, the chartered engineer. The evidence that showed that at a certain point just by or within number 5 College Close, a mobile would take a signal from and give back the signal when it was turned off; not to the Soham aerial but to the one at the Burwell site. and his evidence undisputed, was that Jessica's mobile was detached from the Burwell cell site at 18.46. As he put it, the records show 18.46, within a minute or so when it was detached from the network of the Burwell site. (Huntley 2003)*

Напоминание свидетельств эксперта завершается вопросом, побуждающим присяжных к размышлениям, как показания подсудимого соотносятся с показаниями эксперта:

(400) *He told you the record would be kept, the phone records and that is how he knows. It could have been detached, he pointed out in cross-examination, if the battery was taken off or ripped off, but Ian Huntley said he did not do either of those things; when he saw it in her pocket after she was dead it was turned off. Is that the truth, or may it have been the truth or was it turned off by Huntley? Fifteen minutes or less from the time when the girls arrived at that house. (Huntley 2003)*

Таким образом, свидетельства экспертов, изначально представляемые как неоспоримые, воспринимаются судьей как возможность активизировать аналитическую деятельность присяжных, в обязанности которых входит рассмотрение свидетельств в совокупности.

3) Абсолютной прерогативой судьи является **отбор свидетельств**, которые получают отражение в напутственном слове. Конечно, отбор доказательств носит весьма субъективный характер, а перечислить все свидетельства может быть просто невозможным – слишком велик их объем. Поэтому отбор доказательств в той или иной степени неминуем. Определенная доля субъективности проявляется не только в отборе доказательств, но и в **представлении уже отобранных доказательств как важных или неважных**. Характеристика свидетельства как особо важного или, наоборот, не представляющего интереса влияет на восприятие этих свидетельств

присяжными. Маркировка доказательств как значимых или незначимых в большей степени характерна для английских речей, но и в отечественных образцах напутственного слова есть единичные указания на важность доказательств:

(401) *Первое важное обстоятельство – время совершения преступления. То есть время события, да. (СП 2008)*

Большее количество указаний на качество представляемых свидетельств именно в английских речах мы объясняем большим объемом английских речей и тем, что английские судьи подробно излагают доказательства по делу. Отечественные судьи лишь кратко суммируют их, не останавливаясь подробно на деталях и не выстраивая логические связи между отдельными доказательствами, как это делают их английские коллеги. Английские судьи маркируют доказательства по степени важности как:

- важные и очень важные: *very important (очень важный), clearly a very important issue (явно очень важный вопрос), obviously rather important (очевидно весьма важный), the importance of that evidence (важность этого свидетельства), the importance is too apparent (важность слишком очевидна)* и др.;

- более важные, чем другие: *more important (более важный), much more crucial evidence (намного более значимое свидетельство)* и др.;

- некоторой степени важности, возможно значимые: *may be of significance (может быть значимым), of some significance (некоторой важности), perhaps more importantly (возможно, более значимо), you may find very important (вы, возможно, посчитаете очень важным), the only significance (единственное значение)* и др.;

- неважные: *may not matter very much (возможно, не играют большой роли), not sure if it matters (не уверен, что оно много значит), do not need to spend a lot of time considering (не нужно проводить много времени, обдумывая)* и др.

Судья не во всяком случае объясняет, почему тому или иному доказательству присваивается определенная степень важности. В ситуациях, когда судья делает это, важность свидетельства чаще всего объясняется тем, что обнаруживаются противоречия между ним и другими свидетельствами и показаниями. К примеру, судья подчеркивает важность показаний свидетеля о том, что подсудимый ничего не имел при себе, что противоречит показаниям самого подсудимого о том, что он выносил из дома сумку:

(402) *He told you that he did not have any recollection of Dr. Shipman carrying anything with him at the time. Now the importance of that evidence is that it is Dr. Shipman's case that he had brought his bag into the house and that he had carried out what he I think described as a modified examination, but it involved amongst other things using his stethoscope. (Shipman 2000)*

В другом фрагменте судья эксплицитно привлекает внимание к доказательству, указывая на цель – сравнить его с показаниями подсудимого:

(403) *Now the importance of this piece of evidence from Dr. Tait is for the purposes of comparison with what Dr. Shipman came to tell you in due course as to*

how he had learnt and when he had learnt of Mrs. Pomfret's chest pains. (Shipman 2000)

Поскольку судья лишь констатирует факт расхождения в показаниях и привлекает внимание присяжных к этому, не предлагая своих объяснений этому факту, мы склонны считать такое речевое поведение соответствующим объективному руководству процессом и роли независимого рефери.

Посредством комментариев относительно важности/неважности свидетельств судья не только акцентирует внимание присяжных на проблемных моментах дела и устанавливает связи между различными показаниями, но и удерживает внимание присяжных и вынуждает их быть очень внимательными, что является непростой задачей, учитывая большой объем материалов дела. Из следующего примера видно, что судья стремится побудить присяжных относиться к полученной информации критично. Он замечает, что казалось бы важное свидетельство может вести по тупиковой дорожке:

(404) Then we get to the journalists on the 8th August. for example, Debbie Tubby, the journalist for the BBC who recently had to come back with a notebook which had an account of what she told you was important evidence; namely, that he said they think I did it or have they found the girls clothes. That is not in dispute and it seemed important in the course of that cross-examination but at the end of the day you may wonder partly to show how witnesses can get it wrong even when they work for the BBC, and it did not take the case very much further forward. (Huntley 2003)

Стремление стимулировать аналитическую деятельность присяжных просматривается и в том случае, когда судья оставляет решение о важности свидетельств на усмотрение присяжных:

(405) Whether he said "supposedly" or not that piece of evidence was used by the prosecution as part of the news Maxine Carr might have picked up. Why did he say "supposedly"? She said she didn't hear that and whether it would have had that significance at the time is something you will have to consider. (Huntley 2003)

4) **Группировка свидетельств** – еще один фактор, определяющий эффективность напутственного слова. Выше отмечалось, что судья посредством своих комментариев устанавливает связи между некоторыми свидетельствами, отмечая противоречия между ними. Именно этот тип логической связи используется судьями при группировке свидетельств. Группировка показаний часто имеет маркеры, например: *с учетом тех событий, в совокупности, when you take it with the evidence of P. (если вы рассмотрите это с учетом показаний P.), in that connection (в этой связи) и др.:*

(406) The other evidence he gave was about the boots he was wearing, that was of some important when you take it with the evidence of the Poleontologist, who said he made two trips and she, the Poleontologist, focused on certain spots, although nothing on the pair of boots, which were the suede ones, but when - PC Warren and DC Taylor, who were there and took those statements at lunch time on 5th August was asked, it wasn't those suede boots at all it was the other brown leather boots that in fact this defendant was wearing. (Huntley 2003)

Судьи могут не только сами указывать на связь между свидетельствами, но и призывать присяжных к самостоятельной мыслительной деятельности и принятию решения на ее основе:

(407) Это имеет значение в связи с тем, что допрошенные другие свидетели, а по существу соучастники событий, значит, со временем давали разные показания. И как вы помните, они объясняли по-своему смещение вот этого времени. И вы должны проанализировать и дать оценку, есть ли основания у этих лиц, то есть, у П., П., К. скажем, скрывать время или они просто заблуждаются относительно того времени, которое было. С учетом вообще тех событий, которые имели место или предшествовали, самому преступлению. То есть, во сколько они встретились, сколько времени требуется преодолеть путь от такого до такого-то и с учетом того что ну вот по крайней мере оглашали показания, вы помните что часть утверждала о том, что это событие (первоначально утверждало, имеется в виду) значит, вы должны воспринимать, что событие-то имело 8го ноября, а лица допрашивались только в январе. Ну, то есть по истечении более двух месяцев. Называлось время там 19, 19:30, то есть само событие преступления. Вы должны соотнести это все и принять решение, соответствует это или не соответствует и в чем здесь причина. (СП 2008);

(408) То есть вы должны все это соотнести, сопоставить, и из этих, ну по существу разрозненных показаний, с точки зрения соответствия друг другу, да? - из этой мозаики составить общую картину: что вообще произошло, и кто в какой степени к этому причастен. (СП 2008).

Жанр напутственного слова накладывает на судей особую ответственность и требует максимальной объективности, ведь речь судьи – это последнее, что услышат присяжные перед удалением в совещательную комнату. В этом жанре судья должен в полной мере проявить себя как объективный и независимый рефери. Выделенные нами в речевом материале способы представления доказательств в целом соответствуют этой роли: судьи суммируют доказательства, представленные обеими сторонами; указывая на связь между различными свидетельствами, обнаруживая противоречия между ними, не пытаются объяснить эти противоречия, а побуждают присяжных сделать это; в целом не навязывают присяжным своего видения ситуации. Проблематичной может показаться характеристика судьями свидетельств как важных или неважных. Оценочность таких утверждений отрицать нельзя. В то же время такие оценки часто служат для привлечения внимания присяжных к спорным и противоречивым моментам дела, не позволяя им упустить эти моменты из вида. Кроме того, судьи часто оставляют за присяжными право принять решение о важности свидетельств. В любом случае за присяжными всегда остается право игнорировать слова судьи и руководствоваться исключительно собственными соображениями.

Нельзя отрицать того, что нарушения принципов объективности в напутственном слове происходят. В результате вердикты присяжных опротестовываются как вынесенные под воздействием мнения судьи. Наверное,

такие случаи неизбежны, ведь, как было сказано ранее, мы живем не в Утопии, а в судебной системе работают живые люди.

В английском материале мы отметили некоторые речевые проявления **индивидуальности судей**. Тот факт, что речь судьи, ее объем и способ изложения всегда носят отпечаток его индивидуальности, отмечается в работе Н.А. Развейкиной [Развейкина, 2007]. Судья и на заключительном этапе процесса остается не только рефери, но и просто живым человеком, и общечеловеческие проявления встречаются в напутственном слове. К таким проявлениям мы относим сообщение судьей о своем личном восприятии дела или отдельных свидетельств. Так, комментируя показания эксперта о том, что тот не знает случаев утопления в ванне в присутствии других людей и считает такую ситуацию связанной с насилием, судья характеризует эти показания как не очень удивительные:

(409) *"I would associate drowning when a third party is present with forced drowning, ie holding somebody under. I am not aware of a previous case where it is suggested someone drowned in the bathroom in the presence of two other persons, particularly bearing in mind it is not a huge area, it is a very compact area." Pausing there, you have to be careful, is this the evidence of an expert or is it really just a question for you, although you may think what he was saying was not so very startling or surprising. (Huntley 2003)*

В другом примере судья сообщает, что интерес подсудимого к обсуждению вопросов, связанных с ДНК-анализами, после исчезновения жертв не вызывает удивления:

(410) *It was on the Wednesday as well, the police surveyed the CCTV which did show a correct time, which showed the girls on the College Road and the correct timing and also the evidence of discussions with, for example Special Constable Carr and Gilbert about DNA and the conversations about how long, and that you can continue to discover DNA, a topic in which it appears Ian Huntley was interested in at that time and you may think small wonder. (Huntley 2003)*

Отметим, что в обоих случаях судья приписывает свое восприятие ситуации присяжным посредством конструкции *you may think* (*вы можете подумать*), однако из общего контекста ясно, что эти оценки ситуаций принадлежат исключительно судье.

Замечания судьи, сообщающие о его личном отношении к обстоятельствам дела, встречаются нечасто. Можно спорить о том, в какой степени они определяют решение присяжных, и сложно прийти к достоверным выводам на этот счет. Ясно то, что общечеловеческая составляющая языковой личности судьи находит отражение, правда, ограниченное, и в жанре, призванном быть нейтральным и объективным.

Жанр напутственного слова как жанр обобщающий не предполагает тщательного **анализа лингвистических деталей** в показаниях свидетелей, на которые ссылается судья. Тем не менее принципиальные детали языкового характера, явившиеся объектом внимания в ходе судебного следствия, получают отражение в выступлении судьи. Ярким примером является фрагмент речи, в котором судья напоминает присяжным о споре между сторонами

относительно использования подсудимой прошедшего времени в высказывании о жертвах. Это дало обвинению повод считать, что подсудимая знала о смерти жертв:

(411) ...There was evidence from those two journalists from Rachel Dane and the cameraman Sean Whitemore about the interview with Look East, and you have got the transcript of that, and that's when most graphically the question of the use by Maxine Carr of the past tense was brought up because certainly the cameraman was worried about her using the past tense because clearly the parents wouldn't want her to do so and she made the same mistake. (Huntley 2003)

Судья представляет и позицию защиты в этом вопросе, согласно которой использование прошедшего времени не подразумевает смерть того, о ком говорят:

(412) You may think it is very difficult to hinge any knowledge that the girls were dead on the use of past tense, and that's certainly one little battle Mr Hubbard has won. The interviews went on over the Thursday. (Huntley 2003)

Решить, насколько важным является использование подсудимой прошедшего времени, судья предлагает самим присяжным (*Whether that is a point of any weight is a matter for you*).

Таким образом, в жанре напутственного слова судья реализует в большей или меньшей степени разные грани своей языковой личности: рефери, лингвист, живой человек.

Театральная сторона личности судьи находит выражение в ярко выраженном институционально обусловленном характере напутственного слова. Судья, выступая с напутственным словом, поставлен в достаточно жесткие рамки. Отечественные судьи должны руководствоваться ст. 340 УПК РФ, которая представляет строгую композиционную схему выступления, определяющую его содержание. Согласно УПК РФ, в композиционную структуру напутственного слова входят:

- 1) содержание обвинения,
- 2) содержание уголовного закона,
- 3) напоминание о доказательствах, уличающих и оправдывающих,
- 4) изложение позиций обвинения и защиты,
- 5) разъяснение ряда правовых принципов и правил оценки доказательств,
- 6) руководство по толкованию отказа от дачи показаний,
- 7) разъяснение порядка совещания присяжных,
- 8) напоминание присяги, данной присяжными,
- 9) напоминание о возможности признать подсудимого заслуживающим снисхождения [Уголовно-процессуальный кодекс, 2008].

Отметим, что, согласно российскому УПК, в структуру собственно напутственного слова не включено представление и обсуждение судьей вопросного листа, хотя фактически это обсуждение происходит либо непосредственно перед оглашением обвинения, либо интегрировано в структуру самого напутственного слова между его частями. Границу между передачей вопросного листа и собственно напутственным словом судья обозначает метакоммуникативным переходом:

(413) Господа присяжные заседатели! Закончились судебное следствие и судебные прения. Скоро вы удалитесь в совещательную комнату для вынесения вердикта, которым называется решение коллегии присяжных заседателей по поставленным перед ней вопросам, включая вопрос о виновности и подсудимого. Вопросный лист вам передан. Но прежде чем вы удалитесь в совещательную комнату, я по закону должна обратиться к вам с напутственным словом, в котором приведу содержание обвинения, предъявленное подсудимым, содержание уголовного закона, напомню исследованные в суде доказательства, изложу позиции сторон, разъясню основные правила оценки доказательств, сущность презумпции невиновности, положение о толковании неустранимых сомнений в пользу подсудимого с тем, чтобы помочь вам разобраться в этом деле. (СП 1991)

Видим, что судья не только эксплицитно обозначает переход к напутственному слову, но и представляет краткий план планируемой речи.

Рекомендуемая структура напутственного слова английских судей представлена в документе «Crown Court Bench Book», разработанном комиссией Judicial Studies Board [Crown Court., 2008]. Этот документ носит рекомендательный характер, и в выступлении разработчики обращают внимание судей на то, что те могут менять порядок обращения к разным аспектам по своему усмотрению и в зависимости от конкретного дела. В обобщенном виде композиция жанра, согласно рекомендациям комиссии, выглядит следующим образом:

1) General (общая часть, в которой разъясняются функции судьи и присяжных, понятия бремени и стандарта доказательства, указание на отдельное рассмотрение различных эпизодов преступления, указание на отдельное рассмотрение подсудимых, некоторые другие правовые аспекты);

2) Various aspects of evidence (различные аспекты свидетельств, в том числе косвенные улики, допустимость свидетельств, особенности свидетельств, полученных от детей, ложь, допросы в полиции, отказ от дачи показаний и др.);

3) Summarise the evidence (суммирование свидетельств, повествование о событиях с учетом записей, сделанных во время процесса);

4) Before retirement (часть перед удалением присяжных, включающая руководства о выборе старшины, единогласном вердикте, доступности материальных свидетельств) [Crown Court., 2008].

Английское руководство, как нам представляется, охватывает большее количество возможных пунктов, подлежащих рассмотрению, и при этом допускает большую гибкость. Судья обращается к тем вопросам, которые имеют непосредственное отношение к конкретному делу, и сам определяет последовательность их рассмотрения. Несмотря на то, что в целом значительных отклонений от схемы не происходит, место обсуждения вопросного листа может варьироваться. Как и в русских материалах, в некоторых случаях рассмотрение вопросного листа оказывается включенным в структуру напутственного слова – после общей части и перед рассмотрением различных свидетельств. Фрагмент речи, касающийся вопросного листа легко выделим, поскольку «обрамлен» метакоммуникативной рамкой. Судья

начинает рассмотрение вопросного листа словами *Can I turn to the question (Могу ли я обратиться к вопросам?)* и заканчивает рассмотрение словами *So here is my summary. Let me turn to another topic, an important topic in this case. I want to give you directions about lies (Таково мое обобщение. Позвольте мне обратиться к другой теме, важной для этого дела. Я хочу дать вам указания относительно лжи)*.

Гибкость английской схемы состоит и в том, что в случае необходимости судья вносит необходимые дополнения относительно применения закона в другие структурные отрезки своего выступления. Однако, мы считаем, что это в большей степени характерно для сложных процессов, где есть несколько подсудимых, несколько эпизодов, множество свидетелей, и в результате может возникнуть необходимость внести дополнения.

Таким образом, общие композиционные схемы для составления напутственных слов русскими и английскими судьями допускают определенную степень варьирования с точки зрения формы и содержания. Отечественная схема, представленная в УПК РФ, представляется более строгой, но менее подробной. Поэтому содержание и степень детализации речи будет во многом зависеть от судьи. Английская схема, наоборот, достаточно подробная, и в этом случае задачей судьи является правильный отбор пунктов для освещения. В любом напутственном слове находят отражение как профессионализм судьи, так и его личные предпочтения.

3.3.3 Интертекстуальность напутственного слова

Напутственное слово, несмотря на его принадлежность одному говорящему субъекту, представляется нам жанром очень многоголосым. Судья ссылается как на устные показания участников процесса, так и на различные письменные документы. Мы выделили несколько различных жанров, которые служат источниками представленной в речи судьи информации:

1) судебный допрос. Поскольку принципы устности и непосредственности закреплены в обеих судебных системах, судебные допросы являются самым большим по объему источником. Именно на показания, данные в ходе судебного допроса, наиболее часто ссылаются судьи:

(414) What you may think of of some significance is the evidence of Mr Mikilovich, the London editor of the Herald in Scotland, who when cross-examined on behalf of Maxine Carr, spoke in his earlier statement when Maxine Carr said in the presence of Ian Huntley, Maxine "They wouldn't have gone with someone they didn't know, they would have kicked up right stink, they would have screamed out if someone tried to get hold of them." (Huntley 2003)

В приведенном примере мы можем наблюдать, как показания свидетеля преломляются в речи судьи. Судья эксплицитно декларирует источник показаний – *when cross-examined (во время перекрестного допроса)* и оценивает показания с точки зрения важности – *of some significance (некоторой важности)*. Обращает на себя внимание то, что цитата, приведенная судьей,

принадлежит подсудимой, а не свидетелю, который только цитировал ее слова в ходе допроса. Наглядно это может быть представлено в виде схемы 5.

Схема 5 «Цитирование»

Напутственное слово	Судебный допрос	Разговор до судебного процесса
Судья →	Свидетель →	Подсудимая: « ».

Таким образом, речь других людей, не только свидетелей, оказывается опосредованно включенной в текст напутственного слова, что делает его не только многоголосым, но и многослойным образованием;

2) прения, состоящие из речей обвинителя и защитника, в которых ясно излагаются позиции сторон:

(415) *Государственный обвинитель считает, что Р. убийство совершил из хулиганских побуждений, то есть используя незначительный повод как предлог для убийства, сам Р. даже не мог объяснить, почему он нанес удар М., которого ранее не знал, и с особой жестокостью, так как по заключению судебно-медицинского эксперта М. причинено не менее 12-11 воздействий по голове и телу. (СП 1991);*

(416) *Stated shortly, it is Dr. Shipman's case that he did not forge Kathleen Grundy's Will and that he did not administer morphine or diamorphine, whether by injection or otherwise, to any of the alleged victims. (Shipman 2000)*

В примере (416) судья оформляет позицию защиты метакоммуникативной конструкцией *stated shortly* (*коротко говоря*), указывая таким образом на способ представления информации;

3) присяга, данная присяжными заседателями. Это обязательный компонент речи русских судей:

(417) *Завершая свое напутственное слово, напоминаю вам содержание данной вами присяги о том, что вы должны исполнять свои обязанности честно и беспристрастно, принимать во внимание все рассмотренные в суде доказательства, доводы, обстоятельства дела и ничего, кроме них, разрешать дело по своему внутреннему убеждению и совести, как подобает свободному гражданину и справедливому человеку. (СП 1991);*

4) результаты судебных экспертиз, представленные устно или письменно. В русском примере судья сообщает о результатах экспертизы почвы и вещей подсудимого:

(418) *Из заключения судебно-биологической экспертизы следует, что на образцах почвы с места происшествия, соскобе с пола, полуботинке и носке К. обнаружена кровь, которая могла произойти от М. (СП 1991).*

В подобном английском примере судья только напоминает присяжным о проведенной экспертизе почвы и о том, что эксперт дал характеристику мела:

(419) *You heard evidence, I am not going to bother to remind you of it, of the laying down of the concrete to repair Common Drove at Wangford, all of which*

would have been necessary had you needed to rely upon Mr Moncrieff the geology expert as to the type of chalk it was. (Huntley 2003)

Оформляя это напоминание метакоммуникативной рамкой *I am not going to bother to remind you (Я не буду докучать вам напоминаниями)*, судья дает понять, что рассчитывает на память присяжных;

5) протоколы следственных действий, которые могут быть оглашены в соответствии со ст. 285 УПК РФ. Использование письменных доказательств в большей степени присуще отечественной судебной системе, но возможно и в английском суде:

(420) Согласно протоколу осмотра места происшествия, напротив дома 4 по ул. Сакко и Ванцетти г. Калининграда обнаружено бревно. От него на расстоянии трех метров две лужи вещества, похожего на кровь. От них следы волочения со следами красно-бурового цвета, похожего на кровь, в сторону железнодорожных путей 2 главного пути перегона 22 км ст. Подлипки - Большево. На железнодорожных путях обильное пятно красно-бурого цвета, похожего на кровь (на рельсах и щебеночных покрытиях). (СП 1991);

6) законодательные тексты. Ссылка на законодательный текст может принадлежать непосредственно судье (пример (421)), либо она вводится опосредованно, например, когда цитируются следственные органы (пример (422)):

(421) В соответствии со статьей 339 УПК РФ коллегии присяжных заседателей предлагается ответить на следующие вопросы. (СП 2008);

(422) Действия М. квалифицированы органами предварительного следствия п.Л ч.2 ст.105 УК РФ как убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, совершенное по мотивам расовой и национальной ненависти. То есть вот такой состав преступления в Уголовном Кодексе имеется. (СП 2008);

7) тексты неинституциональных жанров. Интересным представляется нам пример использования русским судьей цитаты из очерка «Нравственные начала в уголовном процессе», автором которого является известный юрист А.Ф.Кони [Кони, 1956], с целью убедить присяжных в необходимости устранения сомнений:

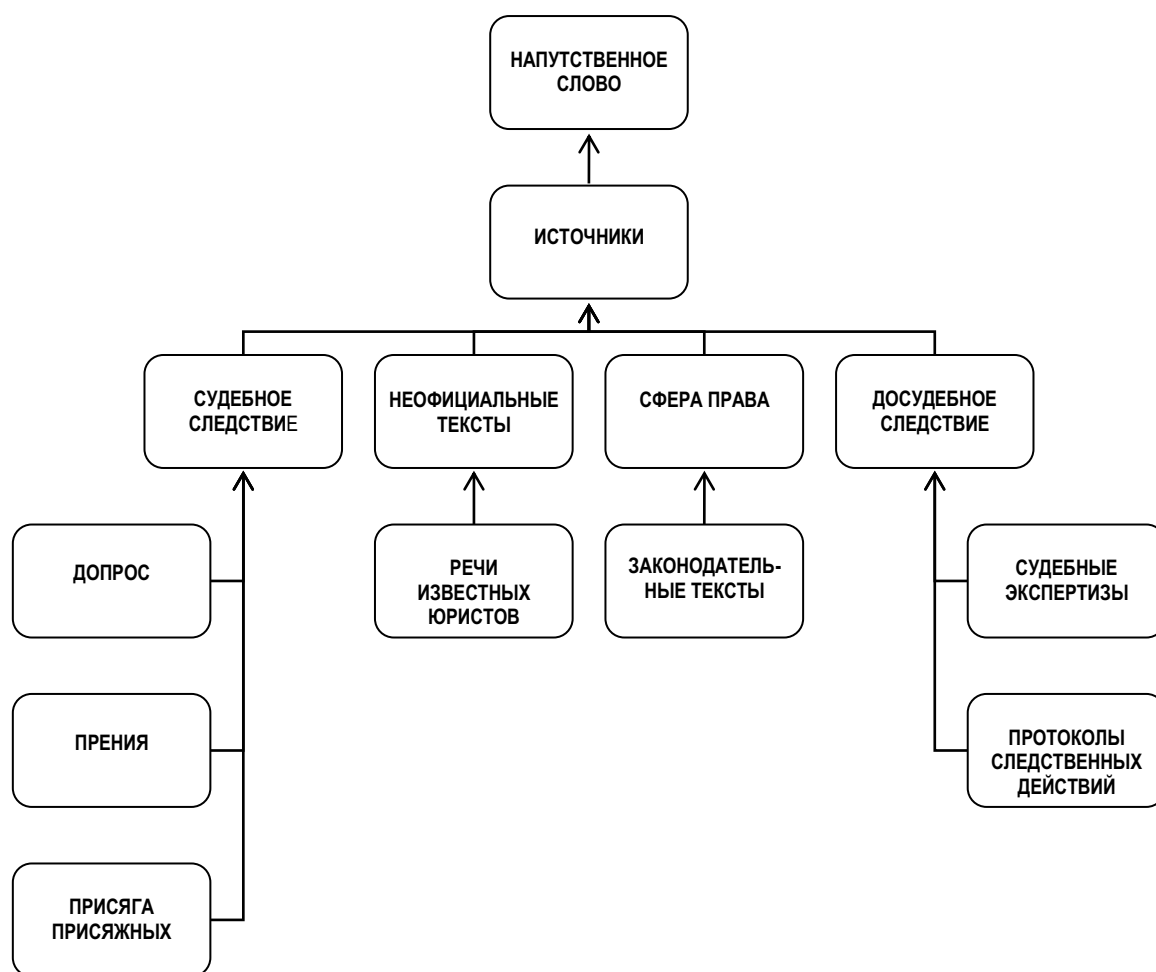
(423) По выражению выдающегося русского юриста Л.Ф. Кони, с сомнением нужно бороться и победить его или быть им побежденным, так, чтобы в конце концов «не колеблясь и не смущаясь, сказать решительное слово – «виновен» или «не виновен». (СП 1991)

Такие риторические приемы единичны, но их существование свидетельствует о том, что индивидуальность судьи может находить проявление даже в таком регламентированном и институционально обусловленном жанре, как напутственное слово.

Представленные жанры-источники напутственного слова можно разделить на 4 группы по принадлежности и сфере реализации: 1. судебное следствие, 2. досудебное следствие, 3. сфера законодательства, 4.

неофициальная сфера. Представим схему, отражающую источники напутственного слова.

Схема 6 «Интертекстуальные связи напутственного слова»

Перечисленные нами жанры не образуют исчерпывающего списка источников, на которые полагается судья при составлении напутственного слова. Однако даже из этого списка видно, что жанр напутственного слова связан интертекстуальными связями с большим количеством других жанров, реализующихся как в рамках процесса, так и вне их. Напутственное слово образует своего рода мозаику, которую судья выкладывает в рамках определенной схемы, допускающей долю творчества и проявления индивидуальности при отборе материала, комбинации элементов текста, проставлении акцентов за счет использования метакоммуникативной рамки, включения риторических приемов. Все перечисленные индивидуальные проявления мы могли наблюдать наряду с соблюдением общих принципов построения напутственного слова, изложенных в нормативных документах.

3.3.4 Языковые характеристики жанра

Многие языковые черты напутственного слова были отмечены нами в ходе анализа речевого материала. Мы обобщим то, что было сказано о языковой стороне жанра ранее, и отметим некоторые другие языковые характеристики, соотносящиеся с разными частями напутственного слова.

Для той части выступления, которая посвящена инструктированию присяжных относительно применения закона и процессуальных правил, характерно большое количество конструкций со значением долженствования и запрета: *вы должны исходить, основной упор вы должны сделать, вы должны проанализировать и дать оценку, вы должны соотносить, вы не должны переходить ко второму вопросу, нельзя переходить к третьему, часы надо установить правильно, ваш вердикт должен быть основан на вашей опытности, никто из вас не вправе воздержаться при голосовании, нельзя поддаваться влиянию бытового сознания, you must put out of your minds, you must decide this case, you must accept what I say, they must not be allowed to influence your judgement, you must not assume* и др. Отметим использование в английских конструкциях модального глагола *must*, в силу своей категоричности нечасто употребляемого в повседневной речи.

Императивные конструкции используются при инструктировании присяжных, причем их количество значительно именно в английском материале: *вспомните обстоятельства дела, act upon it, put out of your mind, stick to the essentials, do not be overawed, do not fall into the error, do not get lost, do not speculate, do not be frightened* др. В отличие от конструкций с *must*, инструкции, построенные на основе императивов без соответствующих средств вежливости, звучат достаточно прямо, но имеют больше рекомендательный, чем обязывающий характер.

Структуры со значением позволения, разрешения применяются, чтобы сообщить присяжным об их правах: *вы можете иметь в виду, вы можете принять во внимание, вы можете вернуться в зал, it is/will be for you to decide, you are entitled, it is a matter for you* и др.

Основу части, в которой суммируются доказательства, представленные в ходе судебного следствия, составляют конструкции с косвенной речью, вводимые с помощью глаголов речи: *Б. пояснил, что..., Б. говорил, что..., родители указывают о том, что...* (сохраняем неправильное управление в оригинале), *свидетели говорят, что..., подсудимый вину не признал и пояснил, что..., Dr. J.G. gave evidence to you and told you that..., Dr. G. expressed the opinion that..., they each confirmed that..., Dr. Sh. Referred to..., Mrs. D. said that...* и др. Ссылки на речь свидетелей более широко используются и имеют более разнообразные формы в английских материалах. Мы объясняем это отчасти большим объемом имеющегося у нас английского материала напутственных речей. Кроме того, как мы указывали ранее, английский судебный процесс характеризуется высокой степенью устности и непосредственности, когда даже эксперты обязаны дать устные показания в суде. За счет этого количество цитируемых лиц увеличивается.

Выше мы отмечали еще одну характеристику речи английских судей – указание на степень важности цитируемых показаний и установление логических связей между ними. Использование метакоммуникативной рамки при суммировании доказательств позволяет судье создать более системную картину преступления, хотя при этом существует опасность быть обвиненным в предвзятости.

Вообще, роль метакоммуникации в напутственном слове велика. Именно использование метакоммуникативных комментариев и рамок позволяет придать напутственному слову четкую просматриваемую структуру. Судьи обрисовывают общий план и принципы своих дальнейших речевых действий (*приведу содержание обвинения, изложу позиции, напомним доказательства; расскажу о классических примерах; буквально несколько слов еще, т, что формулирует закон; this summing-up will be divided into two parts; I shall be coming back to deal with the toxicological evidence; we'll come to that in chronology*), отмечают начало новой темы (*что касается юридической квалификации; а теперь по четвертому вопросу; теперь разъясню, как в законе понимается совершение убийства по неосторожности; I come to the evidence on counts 1 and 2; firstly, as to the burden of proof; let me turn to charges against them; some more directions as to the law*), отмечают окончание темы (*this extremely brief introduction is sufficient; that completes my summary; that is all I am going to remind you*), ссылаются на предшествующие высказывания, свои и других участников судебного процесса (*я вам уже разъясняла; я вам напомним; I spoke right at the outset*). Структурируя дискурс, судьи, безусловно, облегчают присяжным его восприятие.

Характеризуя жанр напутственного слова со стилистической точки зрения, отметим прежде всего доступность языка и отсутствие перегруженности лишней юридической терминологией. Сложности в восприятии речи могут возникнуть в ряде случаев на уровне строения предложения. К примеру, понять смысл второго предложения в примере (424) затруднительно из-за наличия в нем трех отрицательных форм: (*is not argued, did not kill, unlawfully*):

(424) *He does not suggest that he took hold of her by accident or that he was lawfully entitled to take hold of her. If you thought this version is or may be the truth, then it is not argued that he did not unlawfully kill her. (Huntley 2003)*

Он не утверждает, что схватил ее случайно или что у него было законное право схватить ее. Если вы думаете, что эта версия правдива или может быть правдой, то не утверждается, что он не убивал ее незаконно.

Нам представляется также, что степень детализации, с которой английские судьи воспроизводят показания свидетелей, настолько высока, что порой за деталями теряется суть дела. Следующий фрагмент речи судьи больше напоминает отрывок из художественного произведения, чем извлечение из институционального жанра:

(425) *On Monday 11th May 1998 Sheila Mellor received a telephone call from her sister Kathleen informing her of her mother's death. She went round to her mother's house. Her sister Kathleen met her at the door and she went into the house*

where she saw her mother sitting in the chair just by the window. She described her mother's appearance in the following words: "She looked like she had just drifted off to sleep. She still had her glasses and shoes on. She was sitting peacefully in the chair. Her head was bowed, her eyelids closed, and her sleeve was rolled up to just above the left elbow." Sheila Mellor then knelt down in front of her mother and held her hands. (Shipman 2000)

В понедельник 11 мая 1998 года Шейла Меллор позвонила ее сестра, чтобы сообщить о смерти матери. Она пошла в дом матери. Ее сестра Кэтлин встретила ее у дверей, и она вошла в дом, где увидела мать сидящей в кресле у окна. Она описала внешний вид своей матери такими словами: «Она выглядела так, как будто только что уснула. На ней были очки и туфли. Она умиротворенно сидела в кресле. Голова склонилась, глаза были закрыты, а левый рукав был закатан чуть выше локтя». Шейла встала на колени перед матерью и взяла ее за руки.

В некоторых русских выступлениях просматривается другая проблема – неумение судьи построить связный дискурс. В результате отдельные фрагменты выступления звучат невнятно, и коммуникативная задача судьи не ясна:

(426) Говорилось, значит, Б. пояснил четко да, что когда вот это все происходило скоротечно, это событие, началась программа «Время». Вот вы и должны сделать вывод, насколько это соответствует. Сопоставив эти показания с уже официально зарегистрированным сообщением. То есть там речь идет о том, что, ну Б. говорил, что минут десять звонил, не мог дозвониться там десять или сколько-то. Потом там поступило сообщение на соответствующий пульт, потом с пульта по территориальности поступило и где-то там в то время, которое я не хочу называть, чтоб вы это сами определяли. То есть вот показания Б. оценивать с точки зрения по времени. (СП 2008)

Исследование разных аспектов жанра «напутственное слово» позволяет утверждать, что специфика этого жанра состоит в присущей ему глубокой диалогичности, обусловленной функцией жанра. В напутственном слове судья должен создать такое речевое произведение, чтобы быть услышанным присяжными, которые будут принимать важные решения с опорой на слова судьи. Кроме того, специфической особенностью жанра является его интертекстуальный характер. В нем получают отражение другие юридические жанры, включая устные показания участников процесса и различные письменные документы. Значительное количество интертекстуальных включений расширяет границы судебного дискурса.

В заключение следует сказать, что несмотря на некоторые национально-специфические особенности напутственного слова в русском и английском судах, при изучении речевого материала обнаруживаются как общие принципы организации данного жанра, так и похожие черты языкового воплощения.

3.4 Решение и приговор суда как заключительные жанры судебного процесса

3.4.1 Функции и адресованность судебных решений и приговоров

Приступая к анализу финальных жанров в речи судьи, мы считаем необходимым представить толкование терминов «решение» и «приговор» и объяснить, почему целесообразно рассматривать эти жанры вместе.

Понятия «решение» и «приговор» используются для обозначения видов решений суда в гражданском и уголовном процессах соответственно. Соответствующими терминами в английском судопроизводстве являются «judgment» и «sentence», причем первое слово, подобно русскому «решение», может использоваться как обобщающее понятие. Решение или приговор суда, в зависимости от типа процесса, являются «финальным аккордом», конечной целью судебного процесса, на достижение которой и были направлены процессуальные действия участников. В обоих случаях происходит разрешение конфликта: в случаях гражданского процесса – конфликта между сторонами; в случае уголовного процесса – конфликта между правонарушителем и государством, контролирующим соблюдение правовых норм в обществе.

Сущность судебного решения описывается так: «... Посредством него суд превращает спорные материально-правовые отношения в бесспорные и предписывает субъектам этих отношений оптимальный вариант индивидуального поведения, высказывая безусловное повеление по установленным им правоотношениям» [Изварина, 2005: 94]. Представляется, что сущность решения по гражданским делам в английских судах такова же. Перед судьей стоит задача принять решение относительно подходящего выхода из конфликтной ситуации, если таковой есть, и определить его четкие условия [Judiciary, 2009].

Что касается приговора, то в ст.5 УПК РФ дается следующее определение: «Приговор – решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции» [Уголовно-процессуальный кодекс, 2008, с. 28]. Решение о виновности или невиновности подсудимого, а также наказании в отношении него содержится и в английском приговоре, выносимом судом магистратов. Однако при рассмотрении дела судом присяжных именно присяжные являются судьями фактов и выносят вердикт о виновности или невиновности подсудимого, и в этом случае задача судьи состоит в назначении адекватного наказания.

Как видим, функция судьи в жанрах решения и приговора напрямую зависит от типа процесса, а между жанрами можно установить последовательную связь, в которой прослеживается изменение функций судьи. Наглядно это можно представить в виде следующей схемы:

Схема 7 «Функции судебных решений и приговоров»

Жанр	Решение		Приговор 1		Приговор 2
Тип процесса	Гражданский		Уголовный без присяжных		Уголовный с присяжными
Функции судьи	оценка фактов	↔	оценка фактов		
	разрешение конфликта в соответствии с правовыми нормами		решение о виновности/ невиновности		
			квалификация преступления	↔	квалификация преступления
			назначение наказания	↔	назначение наказания

Прослеживаемая между жанрами связь позволяет нам думать, что целесообразно рассматривать жанры «решение» и «приговор» вместе, несмотря на некоторые формальные и функциональные различия между ними.

Кроме указанных нами функций судебное решение и приговор имеют более масштабную функцию, которая состоит в укреплении законности и правопорядка, предупреждении правонарушений, защите законных интересов граждан. Эта функция отражена в таких нормативных актах, как УПК РФ (ст. 6) [Уголовно-процессуальный кодекс, 2008], ГПК РФ (ст. 2) [Гражданский процессуальный кодекс, 2008], Criminal Justice Act 2003 (section 142) [Criminal Justice Act, 2003]. Судебное решение и приговор имеют, по нашему мнению, двойную природу. С одной стороны, они призваны продемонстрировать обществу то, что судьба граждан находится в надежных руках правосудия и решается по справедливости. С другой стороны, они создают в обществе представление об этой самой справедливости.

Решение и приговор являются жанрами обязательными для судебного процесса. При их отсутствии судебный процесс теряет смысл, поскольку не будет достигнута конечная цель, т.е. осуществление правосудия.

Обратимся к участникам этих жанров. Общность автора и адресата решений и приговоров также позволяет нам объединить эти жанры при изучении.

Единственный автор жанров – судья, в то время как адресатов несколько. Непосредственными адресатами решения или приговора являются стороны процесса и подсудимый. Адресованность финального решения судьи может получать или не получать вербальное выражение в дискурсе. Формат отечественных решений и приговоров не предусматривает диалогичности и непосредственных обращений к сторонам или подсудимым, в то время как для

английских приговоров такие обращения характерны. Речь английского судьи может быть от начала до конца построена в форме обращения к подсудимому либо заканчиваться фрагментом, указывающим на адресата. Для сравнения приведем два варианта вступительной части английского приговора, в котором судьи сообщают о том, что подсудимые были признаны виновными судом присяжных. В примере (427) судья делает это в форме обычного декларатива (*these defendants were convicted – эти подсудимые были признаны виновными*), а в примере (428) обращается к подсудимому по имени (*you Frank Lund were found guilty – Вы, Фрэнк Ланд, были признаны виновным*):

(427) *On 4 December 2008 these defendants were convicted by a jury of three offences: kidnapping, false imprisonment and doing acts tending and intended to pervert the course of justice. Sentencing was then adjourned for the preparation of reports. The reports are now available. (Donovan 2009)*

(428) *On 9 May 2007, you Frank Lund were found guilty at this Court of murdering Patricia Lund on 1 September 2006. I am required by statute to impose on you the mandatory life sentence which I now do. I now have to determine the minimum period that you will have to serve before you can be considered for parole. Since you were convicted I have received a pre-sentence report and a report by Dr. Richard Badcock, a Consultant Forensic Psychiatrist dated 4 April 2007. (Lund 2007)*

Сходство приведенным примерам придает тот факт, что в обоих случаях судьи ссылаются на полученные ими дополнительные документы, например, материалы психологической экспертизы, которые они использовали при принятии решения и в качестве средства аргументации этого решения.

Речь, построенную от третьего лица, начало которой приведено в примере (427), судья завершает обращением к самим подсудимым:

(429) *The defendants will now stand. The offences that you committed were truly despicable. (Donovan 2009)*

Тексты русских решений и приговоров в максимальной степени безличны, лишены диалогичности и обращенности к участникам процесса. Шапки решения и приговора практически идентичны и содержат указания на дату, название суда и его состав, участников процесса, тип процесса, причину гражданского спора или квалификацию преступления. Оглашение решения и приговора происходит в полном соответствии с их письменным вариантом. По нашим наблюдениям, единственным дополнением к письменному тексту является вопрос судьи «Приговор понятен?» перед ознакомлением с условиями обжалования.

Непосредственный адресат не получает выражения и в английских решениях по гражданским делам, которые также начинаются с безличного сообщения о первопричине судебной тяжбы и ее участниках:

(430) *This is a claim for libel brought by McDonald's Corporation, the First Plaintiff, and McDonald's Restaurants Limited, the Second Plaintiff, against Ms Helen Steel and Mr Dave Morris, the First and Second Defendants, and a counterclaim for libel brought by Ms Steel and Mr Morris against McDonald's Restaurants Limited. (McDonald's 1997)*

Схема 8 «Шапка решения и приговора»

Решение	Приговор
Именем Российской Федерации	Именем Российской Федерации
дата _____	дата _____
_____ суд г. _____ в составе:	_____ суд г. _____ в составе:
председательствующего _____,	председательствующего _____
народных заседателей _____	
при секретаре _____,	при секретаре _____,
с участием:	с участием:
прокурора _____ и	государственного _____ обвинителя
адвокатов _____,	_____,
	потерпевших _____,
	подсудимого _____,
	защитника _____,
рассмотрев в открытом заседании	_____ рассмотрев в открытом
гражданское дело № _____, по	судебном заседании материалы
представлению прокурора _____	уголовного дела в отношении:
о _____,	<u>ФИО</u> , обвиняемого в совершении
	преступлений, предусмотренных
установил: ...	_____ УК РФ,
	установил: ...

Кроме непосредственного адресата судебные решения и приговоры адресованы более широкой аудитории, которая интересуется тем, как протекает процесс и какое решение примет суд. Указания судьи на общественный интерес, а значит, и на потенциального адресата своей речи, неоднократно встречались нам в английских материалах. К примеру, в начале решения суда по делу о клевете на МакДональдс сообщается о том резонансе, который был вызван публикацией буклета и заявлениями ответчиков еще до начала судебного процесса:

(431) In the run up to the trial which eventually began on 28th June, 1994, the case received publicity, some of which was unfavourable to McDonald's who were portrayed in some quarters as bullies who were trying to stifle freedom of speech. Between March and May, 1994, the U.K. company produced and published a press release, a leaflet and a background briefing to explain why McDonald's was going to court. Ms Steel and Mr Morris took these publications to call them liars and to make other defamatory statements about their conduct. (McDonald's 1997)

Можно предположить, что общественность, проявившая интерес к буклету с негативной информацией о компании МакДональдс, продолжит следить за развитием событий.

Для английской системы правосудия характерно обнародование значительного количества решений и приговоров, в том числе на официальном сайте английского судейского корпуса [Judiciary, 2009]. Много сообщений о

содержании судебных решений и приговоров обнаруживаем мы и в отечественных СМИ, доносящих информацию до широкой общественности.

Наконец, адресатами судебных решений и приговоров являются другие судьи. Эта особенность характерна для английской судебной системы с Общим Правом (Common Law), в которой решения, принятые судьями, становятся источником права при рассмотрении последующих дел другими судьями. Практически в любом английском приговоре мы обнаруживаем ссылки на принятые ранее решения. Так, вынося приговор по делу о похищении ребенка в 2009 году, судья приводит в качестве ориентира случай киднеппинга, который произошел в 1983 году и который теперь цитируется как guideline case (дело-образец):

(432) The guideline case is R v Spence & Thomas (1983) 5 Cr. App. R(S) 413, where the appellants were convicted of kidnapping and attempted kidnapping of two prostitutes; one was forcibly abducted and the other escaped. The offences were committed over a period of hours. The offenders were sentenced to 8 years and 6 years imprisonment respectively. (Donovan 2009)

Прецедент имеет определенную силу и в отечественной системе правосудия, несмотря на существование источников права, таких как УК РФ и нормативные акты, полный список которых представлен в ст. 11 ГПК РФ [Гражданский процессуальный кодекс, 2008]. Исследование, проведенное в 2003-2006 гг., в котором приняли участие 1737 судей, выявило значительную склонность отечественных судей учитывать принятые ранее решения. 68,6% судей допускают признание судебной практикой отдельного решения, то есть прецедентной модели. 63,7% респондентов на вопрос «Зачем юристы и не юристы знакомятся с судебной практикой?» ответили: «С целью прогнозировать возможное судебное решение». Ряд других вопросов также продемонстрировал господство прецедентного видения правоприменительного процесса. Автор исследования приходит к выводу о том, что «столетиями сохраняется неопределенность, при которой законодатель не признает прецедента, а реально он существует» [Бошно, 2007, с. 73].

При таком положении дел в число адресатов отечественных судебных решений входят другие правоприменители, которые будут знакомиться с судебной практикой.

Таким образом, мы выделяем среди участников жанров «решение» и «приговор» одного автора – судью – и три группы адресатов: 1. подсудимый и стороны процесса; 2. общество; 3. судьи.

3.4.2 Способы мотивирования решений и приговоров

Главной стороной языковой личности судьи, которая проявляется в жанрах решения и приговора, является роль судьи-рефери. Именно эти финальные жанры процесса представляют собой акты справедливого правосудия. «Высшая цель для суда – справедливость, законность: “установление справедливости” для суда гражданского и “справедливое возмездие” для уголовного. Решение по делу должно быть справедливым

(“высшая ценность”) и при этом строго соответствовать закону (“практическая ценность”)), – так определяет цель судебного решения Л.Ю. Иванов [Иванов, 1996, с. 373]. Задача, стоящая перед судьей, состоит как в том, чтобы свершить правосудие, так и в том, чтобы убедить адресата в справедливости и правильности принятого решения. Об особенностях принятия судьей решения по делу исследователь судебной аргументации Н.В. Михалкин пишет: «...Судья всегда ориентирован на результат в интересах конкретного человека, но с учетом социально-политических, моральных и других ценностей и норм своей страны, своего государства, а не какого-то абстрактного общества. Он – государственный человек, со своими личными психофизиологическими и умственными качествами, все его решения – это решения в контексте государственных законов, но «пронизанные» общей культурой общества и его личным миропониманием» [Михалкин, 2004, с. 288]. С точки зрения речевого поведения, выполнение такой задачи требует использования определенных тактических и речевых средств для демонстрации обоснованности собственной позиции.

Надежным средством аргументации является ссылка на существование **общепринятых принципов исследования и оценки фактов**, которыми руководствуются судьи. В отечественных приговорах для этого используется стандартная формулировка, которая может незначительно варьироваться:

(433) При назначении Ч. наказания суд учитывает характер и степень общественной опасности преступления, личность подсудимого, в том числе наличие смягчающих и отсутствие отягчающих наказание обстоятельств, а также влияние назначенного наказания на исправление подсудимого и на условия жизни его семьи. (ПрЧ 2008);

(434) При назначении подсудимому наказания суд учитывает характер, степень общественной опасности и обстоятельства совершённого преступления, личность подсудимого, в том числе наличие смягчающих и отсутствие отягчающих наказание обстоятельств, а также влияние назначенного наказания на исправление подсудимого и на условия жизни его семьи. (ПрФ 2008)

Английский судья перед оглашением решения по делу о клевете на компанию МакДональдс, посвящает целый фрагмент речи объяснению правовых принципов, которые лежат в основании решения. О намерении объяснить эти принципы судья сообщает эксплицитно:

(435) Since Ms Steel and Mr Morris did, in my judgment, publish the factsheet to the extent which I have just set out, I must next consider the meaning of the factsheet, whether it is defamatory of either Plaintiff in any respect and, if so, whether either Defendant nevertheless has a defence to a claim of libel. The main legal principles which I apply to those questions are as follows. (McDonald's 1997)

Среди прочего судья перечисляет аспекты печатных материалов с информацией о компании, которые подлежат оценке. Эти аспекты включают метод и форму публикации, адресата, контекст и способ представления, цель прочтения и возможные последующие действия читателя, вызванные прочтением:

(436) *It is for the Court to decide how much attention the ordinary, reasonable reader would give to the material complained of, having regard to the relevant circumstances of the publication in question, including the method of publication, the form in which it is published, to whom it is published, its context and presentation, and the purpose for which it is read including whether the reader might act on it in some way, among other matters. (McDonald's 1997)*

Кроме того, судья определяет ряд требований к самому себе при толковании печатных материалов и сообщает о них аудитории:

(437) *The Court should not be too literal in its approach <...> Whilst limiting its attention to what the Defendants are actually alleged to have published, the Court should be cautious of an over-elaborate analysis of the material in issue <...> Although a combination of words may in fact convey different meanings to the minds of different readers, the Court is required to determine the single meaning which the publication would convey to the notional, reasonable reader and to base its verdict and any award of damages on the assumption that this was the one sense in which all readers would have understood it. (McDonald's 1997)*

Налагаемые судьей на самого себя обязательства получают выражение в конструкциях со значением долженствования *the Court should/ should not (суд должен/ не должен), the Court is required (от суда требуется)*.

Как мы уже отмечали, в тех судебных процессах, где судья заседает без присяжных, его роль предполагает рассмотрение и исследование фактической информации. **Принципы составления доказательной базы** также получают освещение в текстах решений и приговоров. Наличие обширной доказательной базы должно свидетельствовать об обоснованности принятого судьей решения и назначенного наказания (последнее – для уголовных процессов).

Форма представления судьей доказательной базы может быть разной. Английский судья в своем решении буквально раскладывает все по полочкам, выделяя три категории свидетельств: 1. устные показания свидетелей; 2. письменные показания свидетелей; 3. разнообразные документы, выступающие как самостоятельные доказательства или используемые во время допросов:

(438) *The evidence which has been put before me has fallen into three broad categories <...> The first category consisted of the evidence of the very many witnesses who gave oral evidence from the witness box <...> The second category of evidence consisted of written witness statements <...> The third category of evidence consisted of a very considerable number of documents which were referred to, either as evidence in their own right or to assist the examination or cross-examination of witnesses. Some were learned articles. (McDonald's 1997)*

Доказательная база получает отражение и в отечественных решениях и приговорах. Судьи не представляют ее в обобщенном виде в начале речи, а последовательно обращаются к представленным суду доказательствам. В том порядке, в котором доказательства перечислены в одном из приговоров, список выглядит следующим образом: устные показания свидетелей, письменные заявления свидетелей, протоколы выемок, заключение почерковедческой экспертизы, справка из организации и т.д. Приведенный список доказательств является примерным и, конечно, может несколько меняться в зависимости от

конкретного дела. Однако ясно, что в целом категории доказательств, используемых отечественными судьями, совпадают с заявленными английским судьей.

Примером использования заключения судебно-медицинского эксперта в качестве подтверждения вины подсудимого может быть следующий фрагмент приговора:

(439) Степень тяжести причинённых потерпевшему телесных повреждений, определённая судебно-медицинским экспертом, сомнений у суда не вызывает. Нашло подтверждение и наличие прямой причинной связи между действиями подсудимого и наступившими последствиями в виде причинения тяжкого вреда здоровью Симбухова, от которого наступила его смерть. (ПрФ 2008)

Квалификация преступления также должна быть мотивирована и аргументирована судьей. Русский судья кратко представляет картину преступления, выделяя квалифицирующие признаки, чтобы завершить описание выводом о квалификации преступления:

(440) При совершении кражи подсудимые действовали совместно и согласованно между собой, при этом они договорились о совершении преступления до начала действий, непосредственно направленных на хищение. Судом установлено, что действуя согласно распределённым ролям, М. и Т. поочерёдно взломали металлические ставни контейнера, совместно разбили стекло, а затем поочерёдно проникали внутрь контейнера и изымали оттуда имущество. Таким образом, квалифицирующий признак кражи, совершённой группой лиц по предварительному сговору, нашёл своё подтверждение. (ПрМ 2009)

Вывод присоединяется метакоммуникативным маркером *таким образом*, и аргументативная структура выглядит как «аргументы → *таким образом, положение*».

Возможна обратная структура аргументации: «положение → *поскольку, аргументы*», как в следующем примере:

(441) Квалифицирующий признак кражи, совершённой с незаконным проникновением в хранилище, также нашёл подтверждение в судебном заседании, поскольку подсудимые, не имея на то какого-либо права, с целью кражи вторглись в помещение металлического контейнера ларёчного типа, предназначенного для хранения материальных ценностей. О незаконности свидетельствует способ проникновения – путём взлома запорных устройств. (ПрМ 2009)

Оценка фактов с правовой точки зрения в английских речах может сопровождаться личным мнением судьи. Из фрагмента приговора по делу об утечке ядерных отходов на перерабатывающем заводе видно, что судья комбинирует два типа оценки – лично от себя и с точки зрения права. Последняя как более весомая поставлена на второе место:

(442) It is to me obvious that one way or another this leak of radio-active material from the fractured pipe should have been detected soon after it happened,

certainly within weeks, probably within days. That it went undetected for fully eight months is a serious failing deserving of condemnation.

Those breaches of their operating instructions in relation to allowing too much fluid to gather in the sump and failing properly to monitor the levels of fluid in the sump, failing properly to take samples and failing properly to act upon such analysis as was provided are cumulative failures amounting to a breach of Licence Condition 24. (Sellafiled 2006)

За личной оценкой судьи (*a serious failing deserving of condemnation – серьезная ошибка, заслуживающая осуждения*) следуют перечисление допущенных на заводе просчетов и квалификация преступления согласно нормативному акту (*a breach of Licence Condition 24» - нарушение Условий Лицензирования 24*). В данном случае структура аргументации выглядит следующим образом:

«положение 1 → аргументы → положение 2»
(мнение судьи) (факты нарушений) (квалификация преступления)

В такой аргументативной структуре мнение судьи и квалификация преступления оказываются связаны посредством изложения фактической информации.

Исследуя факты, судья **критически подходит к версиям**, выдвигаемым обеими сторонами, и это получает отражение в речи. Примерами критического подхода в отношении стороны истцов и обвинения может быть исключение отдельных признаков преступления при его квалификации, поскольку представленные факты не подтверждают их, или снятие обвинения:

(443) *С учётом позиции государственного обвинителя суд исключает из обвинения Д/ как излишне вменённый признак мошенничества, совершённого путём злоупотребления доверием, считая установленным, что во всех случаях Демидов совершал хищения путём обмана. (ПрД 2009);*

(444) *Утверждение о том, что организация Свидетелей Иеговы принуждает к разрушению семьи, никакими объективными фактическими данными не подтверждается. (Св.И. 2001);*

(445) *The charge that the Plaintiffs are only interested in recruiting cheap labour and that they exploit disadvantaged groups, women and black people especially, as a result, has not been proved to be true. It is not justified. (McDonald's 1997);*

(446) *It has not been proved that the Plaintiffs provide bad working conditions. That charge has not been justified. (McDonald's 1997).*

В примерах (444), (445), (446) использованы стандартные для рассматриваемой ситуации конструкции: *не подтверждается, has not been proved/ justified (не доказано/ не подтверждается).*

Не менее критически судья подходит к утверждениям подсудимых, стремящихся представить свои действия в более выгодном свете:

(447) *Доводы подсудимого о том, что он хотел вернуть Б. полученные от него деньги, суд считает несостоятельными, поскольку у подсудимого имелась реальная возможность вернуть похищенное как сразу, так и после*

получения денег от последующих потерпевших, однако, он этого не сделал. (ПрД 2009);

(448) *The explanations put forward are inadequate and unsatisfactory and do not begin to excuse what amounts to a series of serious and culpable failures. (Sellafield 2008).*

Синонимичные характеристики использованы русским и английским судьей для описания доводов, приводимых подсудимыми: *несостоятельные, inadequate (неадекватные), unsatisfactory (неудовлетворительные)*.

Отступление судьи от общепринятых норм при оценке доказательств – а такие примеры есть в нашем материале – также должно быть обосновано судьей, чтобы оно не выглядело немотивированным судебским произволом. Назначая наказание по делу о киднеппинге, судья ссылается на главу 5 нормативного документа, Акта об Уголовном Правосудии, согласно которому преступление признается тяжким. Однако судья выражает свое собственное мнение о конкретном деле. Он считает, что подсудимые не представляют значительной опасности для общества, и поэтому он не будет назначать наказание согласно упомянутой главе правового акта:

(449) *Kidnapping and false imprisonment are “serious offences” for the purposes of the dangerous offender provisions of Chapter 5 of the Criminal Justice Act 2003. I would say immediately, however, that I am not of the opinion that either of these defendants poses a significant risk to members of the public or serious harm occasioned by the commission by him or her of further specified offences. Accordingly, I shall not pass sentences under the provisions of Chapter 5 of the 2003 Act. (Donovan 2009)*

В данном примере мы видим, что положение *I shall not pass sentences under the provisions of Chapter 5 of the 2003 Act* (Я не буду выносить приговор в соответствии с главой 5 Акта об Уголовном Правосудии)

защищается аргументом

I would say immediately, however, that I am not of the opinion that either of these defendants poses a significant risk to members of the public

(Я сразу же отмечу, что я не придерживаюсь того мнения, что кто-либо из подсудимых представляет серьезную опасность для членов общества).

Официальная власть, которой наделен судья, позволяет ему использовать в качестве законного аргумента персональную точку зрения.

Справедливый и мотивированный подход к назначению наказания находит выражение в указании судей на смягчающие и отягчающие обстоятельства. Как правило, в деле находятся и те и другие:

(450) *В качестве смягчающих наказание обстоятельств суд учитывает признание подсудимым вины, наличие у него несовершеннолетнего ребёнка, 6 мая 1994 года рождения, а также способствование раскрытию преступления, выразившееся в добровольном написании после задержания и доставления в милицию явок с повинной <...>*

Вместе с тем, суд учитывает, что Д. в мае 2008 года был осуждён условно (т.1 л.д.273-275), однако, на путь исправления не встал и через

непродолжительное время, в период испытательного срока, вновь совершил четыре преступления средней тяжести, со стороны участкового уполномоченного милиции по месту жительства характеризуется отрицательно, как лицо, злоупотребляющее спиртными напитками (т.1 л.д.272). (ПрД 2009)

Английский судья последовательно исследует сначала отягчающие, а затем смягчающие обстоятельства. К первым он относит отказ властей предприятия учесть рекомендации экспертов по безопасности:

(451) In my judgment a failure to follow safety procedures which were recommended by the company's own safety experts is plainly a relevant factor in this case and it does go to aggravate these matters. (Sellafield 2006)

Убежденность судьи передается лексическими средствами (*plainly* – очевидно, *a relevant factor* – относящийся к делу фактор) и эмфатической конструкцией (*it does go to aggravate these matters* – это действительно является отягчающим обстоятельством).

В числе смягчающих обстоятельств называются сотрудничество со следствием, признание вины, устранение технических недостатков на заводе:

(452) I turn then to such mitigation as there is. I accept, of course, that once the leak was found the defendants have done all they can to co-operate with the investigation. They have always accepted responsibility for what happened. They entered pleas of guilty at the Magistrates Court at the earliest opportunity. Furthermore, the defendants have accepted and implemented each of the 55 recommendations which the Health and Safety Executive have made in their report following this incident. (Sellafield 2006)

Выявление в деле как смягчающих, так и отягчающих обстоятельств и указание на них в речи свидетельствует о всестороннем и непредвзятом рассмотрении фактической информации судьей в ходе процесса.

Нам также встретился пример нетипичного для английского суда проявления непредвзятости судьи. Судья в приговоре сообщает о том, что он интересовался мнением сторон относительно предполагаемого срока наказания:

(453) Counsel for the Crown at my invitation indicates that a total sentence in the range of 8 to 10 years would be appropriate for the court's consideration. That is helpful to the court, but as Mr. Goose QC correctly states it is not the function of the Crown to "ask" for any particular sentence. He was only responding to my request for any help that he was able to give in the context of this most unusual case. On the other hand, Counsel for the defence submit that the appropriate range is 5 to 8 years imprisonment in total. I should say immediately that my initial impressions had been that a range 7 to 9 years imprisonment was appropriate. (Donovan 2009)

Судья оговаривается, что в функции обвинения не входит ходатайство о конкретном сроке и что прокурор только отвечал на запрос судьи. Судья, как ясно из примера, придерживается промежуточного мнения относительно срока наказания. Отметим, что запрос английским судьей мнений сторон можно рассматривать как проявление демократичности с его стороны, поскольку, в отличие от отечественного суда, это не типично для суда английского.

Предложения сторон служат дополнительным основанием при назначении наказания.

Наряду с перечисленными выше приемами мотивирования судебного решения, которые представляются нам убедительными и соответствующими роли судьи-рефери, мы отметили и некоторые **спорные приемы**.

Вызывает несогласие следующая трактовка акта судебно-медицинской экспертизы:

(454) Также акт судебно-медицинской экспертизы от марта 1996 г. в отношении Л.О.И., обвиняемой по ст.ст. 15, 103 УК РСФСР не может служить основанием для удовлетворения представления. В акте отмечено, что она вступала в различные религиозные секты - кришнаитов, баптистов, активно общалась там, с 1990 г. она стала вместе с мужем посещать Свидетелей Иеговы, где на собраниях узнала, что скоро наступит расплата за грехи, погибнут ее дети, по ночам стала вновь слышать «голос», имели место галлюцинации, а также выступающие на первый план бредовые идеи религиозного толка. Было установлено, что она страдает хроническим психическим заболеванием в форме шизофрении. О каких-либо неправомерных, умышленных действиях со стороны организации Свидетелей Иеговы, ее членов, определенных в установленном законом порядке, в акте не говорится (том 2-261- 268). (Св.И. 2001)

Из краткого изложения содержания можно понять, что основную задачу – медицинское освидетельствование – эксперты выполнили и поставили диагноз «шизофрения». Выявление связи между психическим состоянием личности и факторами внешнего воздействия является задачей следствия, а не судмедэкспертов. Тем не менее отсутствие в заключении именно этой информации рассматривается судьей как одно из оснований, по которому представление прокуратуры не подлежит удовлетворению.

В то же время судья не видит никакого противоречия в заключении другого эксперта:

(455) Отказ верующих от переливания крови основан на присущем им понимании библии и библейского принципа «воздерживаться от крови» и не имеет ничего общего с отказом по религиозным мотивам от медицинской помощи. (Св.И. 2001)

Это утверждение в высшей степени противоречиво, поскольку понимание Библии как раз и формирует религиозные мотивы, а переливание крови – это способ оказания медицинской помощи.

То, что свидетельства экспертов толкуются судом исключительно в пользу ответчика, а также конфликтный настрой этого судьи по отношению к прокурору, о чем мы писали в главе 2, не могут не наводить на мысль о предвзятом отношении судьи к рассматриваемому делу.

Неоднозначным способом аргументации решения представляются нам предположения. Яркий пример опоры судьи на предположения содержится в приговоре по необычному делу, когда муж помог жене по ее просьбе умереть. Судья обнаруживает в деле шесть чрезвычайно необычных и очень убедительных смягчающих обстоятельств:

(456) In my view there are 6 factors which show that your case has many extremely unusual and very cogent mitigating factors. (Lund 2007)

Одним из этих факторов судья считает возможность совершения погибшей самоубийства. Учитывая ее неблагоприятное психическое состояние, судья выдвигает предположение, что она сама бы совершила самоубийство, если бы подсудимый не помог ей умереть, как это произошло на самом деле. Он даже определяет сроки этого возможного события:

(457) Fifth, if you had not promised on 18 August 2006 to suffocate your wife and to ensure that she would not finish up in hospital, I am quite convinced from the evidence in this case that she would still have committed suicide in matter of weeks if not days after the time when she actually did so. In my view it is highly likely that Patricia Lund would have committed suicide well before the end of September 2006. (Lund 2007)

Обосновывая свое утверждение, он приводит факты о пяти предшествующих попытках самоубийства погибшей и показания ее сына, подтверждающие отчаянное желание матери умереть:

(458) She left unequivocal notes which indicated this intention on her part to commit suicide and it must not be forgotten that she had taken overdoses in attempts to commit suicide on 5 previous occasions. In my view Patricia Lund was desperate to commit suicide by September of last year. I am fortified in coming to this conclusion by the fact that her son, who was an impressive witness, has expressed the same view in his helpful victim impact statement. (Lund 2007)

Тем не менее, выстраивание догадок о будущем даже на основе реальных фактов не представляется нам убедительной тактикой судебной аргументации.

Подобный пример есть и в другом приговоре. Судья учитывает не только реальные жертвы преступления, но и жертвы потенциальные (*a potential victim*), которые могли бы появиться при определенных условиях:

(459) In addition, it is not without relevance to mention that a national newspaper offered a reward of £50,000 for information leading to the safe return of Shannon. While, no doubt, the reporting of sad cases of this type will enhance the circulation of newspapers, the reward was offered in good faith and there was always the possibility that an ordinary member of the public, having nothing to do with the defendants' scheme, would provide information that would trigger the payment of the reward, leading to there being another "victim" of these serious offences – a potential victim which I am sure will not object, however, to being called far less important for the court's consideration than Shannon, but a potential victim nonetheless. (Donovan 2009)

Применение английскими судьями подобного рода доводов мы объясняем той свободой, которая традиционно предоставляется судьям в английской системе правосудия. Отсутствие вплоть до настоящего времени четких нормативных документов относительно применения права и назначения наказаний предполагает большую самостоятельность судей, которые индивидуально толкуют прецедентные случаи, привнося в решение свое понимание закона.

3.4.3 Субъективные оценки и интерпретации

Основную роль судьи в жанрах решения и приговора мы определяем как судья-рефери. В то же время судья проявляет себя и с других сторон. Для выступлений английских судей, оглашающих приговор от первого лица, характерны значительные проявления эмоциональности, что позволяет нам утверждать о реализации в рассматриваемых жанрах еще одной стороны личности судьи, судьи-человека. Сразу отметим, что абсолютно обезличенный характер дискурса русских судей исключает проявления индивидуальности и эмоциональности. Тексты решений и приговоров построены с использованием соответствующих безличных формулировок: *судом не было установлено, суд считает, суд приходит к выводу, суд учитывает, суд признает, суд квалифицирует* и т.п. Поэтому обратимся к английскому материалу.

Мы выделили 3 типа проявлений индивидуальности в жанрах решения и приговора:

1) ссылки на собственное мнение, чувства, опыт. Оценивая утверждения ответчиков, судья сообщает о своем непонимании и неприятии их позиции:

(460) The Defendants made much during the evidence, although not in final submissions, of the Plaintiffs' insistence that crew should smile at customers. I could not understand their criticism. Many normal people greet strangers as well as friends with a smile anyway, and I do not see why a retail company should not expect its staff to welcome customers in that way. It costs the employee nothing, and the evidence that crew found it difficult was negligible. The Plaintiffs' keenness that crew should smile, which was common ground, to my mind shows that both companies want crew to appear cheerful to please the customer, and they are unlikely to achieve that if working conditions are bad. (McDonald's 1997)

В примере содержится три конструкции со значением выражения личного отношения: *I could not understand* (*Я не мог понять*), *I do not see why* (*Я не понимаю, почему*), *to my mind* (*по моему мнению*). Отрицание позиции обвиняемых строится на личном опыте и восприятии, согласно которому нет ничего плохого в том, что обслуживающий персонал компании улыбается. Среди других широко используемых маркеров субъективного мнения мы отметили *in my judgment* (*по моему мнению*), *I regard* (*я считаю*), *it seems to me* (*мне кажется*);

2) выражение личного отношения к вердикту, вынесенному присяжными. Оглашение приговора по делу серийного убийцы-врача, убивавшего своих пациентов, судья начинает с реплики: *I have no doubt whatsoever but that these are true verdicts* (*У меня нет никаких сомнений в том, что это правильные вердикты*). Так как по каждому эпизоду выносился отдельный вердикт, слово употреблено во множественном числе;

3) описание и характеристика преступления с общечеловеческой, а не только правовой, точки зрения. В приговоре по вышеупомянутому делу врача-убийцы судья называет преступление чудовищным (*wicked*) и омерзительным (*heinous*), не поддающимся описанию (*defies description*), шокирующим (*shocking*) и повлекшим трагедию и горе (*tragedy and grief*):

(461) *The time has now come for me to pass sentence upon you for these wicked, wicked crimes <...> The sheer wickedness of what you have done defies description and is shocking beyond belief. You have not shown the slightest remorse or contrition for any of your evil deeds and you have subjected the family and friends of each of your victims to the agony of having to relive in this Court in public the tragedy and grief which you visited upon them. (Shipman 2000)*

Отметим лексический повтор с целью усиления, а также высокую степень концентрации эмоциональных оценок в сравнительно небольшом фрагменте.

Примерам ненавистного отношения судьи к подсудимому могут быть противопоставлены такие, которые иллюстрируют видимое сочувствие судьи. Так, упоминавшееся дело мужа-убийцы, действовавшего по просьбе жены, судья характеризует как чрезвычайно печальный случай (*an extremely sad case*) и использует значительное количество лексики с эмоциональным значением, чтобы описать ситуацию, предшествующую преступлению, и само преступление. Отношения между супругами характеризуются как очень близкие, характерные для любящих людей (*very close, very loving relationship*). Но моральное состояние супругов представлено как все более тревожное, вызывающее боль (*increasingly concerned, painful*). Данную подсудимым клятву о помощи в самоубийстве жены судья описывает как торжественное обещание (*a solemn pledge*), а ее нарушение было бы величайшим актом предательства и неверности (*greatest act of betrayal and disloyalty*). Убитую в своей речи судья не называет *the deceased* (*усопшая*), как это принято, а использует определения, данные с точки зрения подсудимого: женщина, которую вы любили (*the woman you loved*), любовь вашей жизни (*the love of your life*). Среди смягчающих обстоятельств судья называет то, что подсудимый не испытал удовольствие обычного убийцы, а наоборот пережил боль и потерю близкого человека:

(462) *Unlike the position of most people who commit murder, you derived no pleasure or relief from smothering Patricia Lund. On the contrary it must have been a painful experience especially as by your actions you were losing the love of your life.* (Lund 2007)

Совершенно невозможно представить себе подобные субъективные и эмоциональные формулировки в безличных текстах отечественных приговоров. По нашему мнению, оглашение решения или приговора от первого или третьего лица в огромной степени определяет стилистику судейского дискурса. Есть и еще некоторые причины, определяющие национально-культурную специфику этих жанров. Мы рассмотрим их далее.

В изучаемых жанрах судья проявляет себя в определенной степени и как лингвист. Исследованные нами материалы включали гражданские процессы, в значительной степени опирающиеся на интерпретацию печатных материалов. В решениях судов освещаются как общие принципы интерпретации этих материалов, так и непосредственно понимание этих материалов судьями. Остановимся на некоторых ситуациях.

Вынося решение по делу о клевете, преступлению, совершаемому посредством речи, судья сначала объясняет, в чем в принципе суть клеветнического заявления:

(463) *A statement is defamatory of a Plaintiff if it would tend to lower the Plaintiff in the estimation of right thinking members of society generally or would be likely to affect the Plaintiff adversely in the estimation of reasonable people generally. (McDonald's 1997) – Заявление признается клеветой по отношению к истцу, если оно в целом понижает статус истца в глазах нормально мыслящих членов общества или в целом может отрицательно повлиять на истца, с точки зрения здравомыслящих людей.*

Важно, что в роли такого среднего здравомыслящего человека выступает сам судья, и именно впечатление, произведенное на судью печатным материалом, имеет принципиальное значение:

(464) *In deciding what impression the material complained of would have been likely to have had on the hypothetical reasonable reader the judge is entitled, if not bound, to have regard to the impression it has made on him. (McDonald's 1997)*

Иными словами, интерпретация судьей печатного слова ложится в основу решения и озвучивается в его тексте. Рассмотрим пример такой интерпретации в решении судьи по делу английского историка Д. Ирвинга. Одним из пунктов обвинений в адрес Ирвинга со стороны ответчиков было обвинение в антисемитизме. Историк, защищая свое достоинство, обращается в суд в качестве истца. Однако толкование судьей текста его книги и устных выступлений оказывается не в его пользу:

(465) *It appears to me to be undeniable that most, if not all, of the statements set out in paragraph 9.5 reveal clear evidence that, in the absence of any excuse or suitable explanation for what he said or wrote, Irving is anti-semitic. His words are directed against Jews, either individually or collectively, in the sense that they are by turns hostile, critical, offensive and derisory in their references to semitic people, their characteristics and appearances. A few examples will suffice: Irving has made claims that the Jews deserve to be disliked; that they brought the Holocaust on themselves; that Jewish financiers are crooked; that Jews generate anti-semitism by their greed and mendacity <...> (Irving 2000)*

Начиная с авторизирующей конструкции *it appears to me* (мне представляется), судья приводит ряд эпитетов, характеризующих слова Ирвинга о евреях как враждебные, критичные, оскорбительные и нелепые. Свою точку зрения судья иллюстрирует подборкой цитат. Справедливости ради судья приводит аргументы Ирвинга, выдвинутые в свое оправдание, но сразу же отвергает их, ссылаясь на то, что смысл слов Ирвинга был истолкован иначе, чем думает автор. (Выше мы писали о принципиальном значении того впечатления, которое производит на судью исследуемый текст):

(466) *The principal explanation or justification offered by Irving for his comments about Jews is that he is seeking to explain to Jews why anti-semitism exists and not himself adopting the anti-semitism. But I do not think that this was the message that Irving was seeking to convey to his audiences and it was certainly not the sense in which his remarks were understood. (Irving 2000)*

Вывод судьи, сделанный им на основе анализа речи истца, звучит совершенно однозначно и не в пользу Ирвинга. Судья говорит о нарушении

историком границы между справедливой критикой и очернением еврейского народа и признает его антисемитом:

(467) But it appears to me that Irving has repeatedly crossed the divide between legitimate criticism and prejudiced vilification of the Jewish race and people <...> The inference which in my judgment is clearly to be drawn from what Irving has said and written is that he is anti-semitic. (Irving 2000)

В отечественных судах распространена практика обращения за интерпретацией печатного слова к экспертам. Это не означает, однако, что судья не будет критически оценивать результаты экспертиз и примет их безусловно. В приведенной далее ситуации судья указывает на целый ряд недостатков выполненных экспертиз и отказывается использовать их в качестве оснований для решения:

(468) Однако, ни один из экспертов, в том числе эксперт (психолог) Л. не смогли пояснить суду на основании каких объективных данных, исследований они пришли к данному выводу о воздействии литературы Свидетелей Иеговы на восприятие людей. (Св.И. 2000);

(469) Однако, методы исследования, которые использовались экспертами для оценки текстов Свидетелей Иеговы, не указаны. Эксперт Б. в судебном заседании подтвердил, что он не делал сравнительного анализа и это его впечатление. (Св.И. 2000);

(470) Таким образом, оценивая заключение 4-х экспертов, а также принимая во внимание отдельное заключение эксперта И., суд, не установив фактических данных, которые могли бы подтвердить представление прокурора, не может положить данное заключение в основу решения. (Св.И. 2000)

Таким образом, просматривается различный подход русских и английских судей к речевому материалу, представленному в качестве доказательств. В английском суде ведущая роль в интерпретации речевого материала отводится судье. Полагаясь на свое субъективное восприятие и понимание, судья может проявить себя как лингвист, особенно в ходе процессов о клевете, которые весьма распространены в Англии. Русские судьи, с одной стороны, запрашивают мнение экспертов, но, с другой стороны полагаются на него лишь отчасти, контролируя качество лингвистических экспертиз, указывая на недостатки, и могут отказаться использовать результаты экспертизы в качестве основания для своего решения.

3.4.4 Регламентированность формальной и семантической структуры жанров

Финальные жанры судебного процесса характеризуются высокой степенью институциональной обусловленности, что способствует реализации в них судьей роли участника драматического действия. Это проявляется прежде всего в невербальном поведении: судья оглашает решение или приговор стоя, а значит, и все присутствующие в зале заседания также должны встать. Такое условие оглашения придает важности моменту. Что касается вербальной

стороны действия, то формальная и семантическая структура жанров регламентирована и не допускает значительных отклонений.

В российской судебной системе содержание решений и приговоров суда регламентирована ГПК РФ и УПК РФ соответственно. Согласно ст. 198 ГПК РФ, решение суда состоит из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей [Гражданский процессуальный кодекс, 2008, с. 82]. Содержание приговора определяется ст.ст. 304–308 УПК РФ и включает вводную, описательно-мотивировочную и резолютивную части [Уголовно-процессуальный кодекс, 2008, с. 161–163]. Как видим, структуры решения и приговора практически идентичны с той лишь разницей, что приговор объединяет в единое целое описательную и мотивировочную части. Матрица вводной части отечественных решения и приговора приводилась нами ранее в виде схемы 8, из которой ясно, что вводная часть решений и приговоров строится практически по единой схеме.

В текстах решений и приговоров несложно определить начало описательной и описательно-мотивировочной частей, так как оно в обоих случаях маркировано словом «установил», после чего в решениях сообщается о требованиях истца и возражениях ответчика:

(471) Прокурор Северного административного округа г. Москвы обратился с представлением о ликвидации и запрете деятельности религиозной общины Свидетелей Иеговы в г. Москве, зарегистрированной Управлением Юстиции г. Москвы 30 декабря 1993 г.<...> Представители религиозной общины возражали против представления, ссылаясь на то, что прокурором не представлено никаких фактических данных <...> (Св.И. 2001)

Описательно-мотивировочная часть приговора начинается с описания преступного деяния:

(472) А. совершил грабёж, то есть открытое хищение чужого имущества. Преступление им совершено при следующих обстоятельствах <...> (ПрА 2008)

Четко обозначена и последняя, резолютивная, часть решения и приговора, которая начинается с формулировок «суд решил» и «суд приговорил» соответственно.

Что касается мотивировочной части решения, то в имеющемся у нас тексте решения, она занимает место между фрагментами части описательной и предваряется сообщением судьи об отказе в удовлетворении представления прокурора:

(473) Суд, выслушав стороны, 3-лицо, свидетелей, экспертов, проверив и обзрев материалы дела, выслушав заключение прокурора, полагавшего представление подлежащим удовлетворению, считает представление не подлежащим удовлетворению по следующим основаниям. (Св.И. 2001)

Основания, по которым судья отказывает, приводятся ниже. Такое изменение структуры решения приводит к тому, что фактически резолютивная часть дублируется перед мотивировочной частью, а мотивировочная часть, которая логически должна следовать за описательной, разрывает ее на две части, нарушая логические связи в дискурсе. Нам представляется, что

соблюдение четких правил построения решения и приговора, содержащихся в ГПК РФ и УПК РФ, способствует построению логичного, структурно и семантически завершенного дискурса, поскольку предложенные в нормативных актах схемы отражают естественный ход человеческой мысли: знакомство с ситуацией (вводная часть) → представление проблемы (описательная часть) → анализ проблемы и поиск решения (мотивировочная часть) → решение проблемы (резолютивная часть). Изученные нами тексты приговоров построены в точном соответствии с этой схемой. Поэтому мы считаем, что встретившийся нам образец с измененной структурой является скорее исключением из правил и нет оснований говорить об отступлении русских судей от канонов жанра.

Содержание изученных нами английских приговоров несколько отличается по той причине, что это приговоры процессов с участием присяжных. Функция судьи в таком случае более узкая – ему не надо решать вопрос о виновности/ невиновности. Перед судьей стоит задача назначения наказания с учетом фактической информации. В то время как наказание по уголовному делу отчасти определяется Актом об Уголовном Правосудии от 2003 года [Criminal Justice Act, 2003] и Актом об Уголовном Правосудии и Судах от 2000 года [Criminal Justice and Courts Services Act, 2000], т.е. документами, соответствующими по функции УК РФ, нам не удалось найти нормативных документов, содержащих строгие правила, касающиеся формы судебного решения или приговора, подобно российским ГПК и УПК. В качестве основы для составления решений и приговоров используются образцы документов, составленных высокопоставленными судьями, называемые «templates», а также «свежий» нормативный акт от 2006 года под названием «Forms of Words in Sentencing» с рекомендациями относительно использования ряда формулировок в текстах приговоров [Forms of Words..., 2006]. В предисловии к нормативному акту Президент Суда Королевской Скамьи Айгор Джадж отмечает сложную задачу, стоящую перед судьей, которая заключается не только в принятии правильного решения, но и в умении правильно и доходчиво объяснить свое решение в открытом заседании, так чтобы подсудимый, пострадавший, общество в целом, апелляционный суд могли понять, почему суд пришел к тому или иному заключению.

Обратимся к речевому материалу, чтобы определить, как английские судьи соответствуют выдвигаемым институциональным требованиям и решают поставленную задачу посредством языковых форм. Далее мы выявим типичную для английских приговоров структуру.

Приговор начинается с вводной части, сообщающей о том, что подсудимый был признан присяжными виновным в совершении преступления:

(474) *Thomas William Palmer, the jury have found you guilty of the murders of Steven Bayliss and Nuttabut Meechao “Twoood” Nadauld. (Palmer 2007);*

(475) *Harold Frederick Shipman, stand up. You have finally been brought to justice by the verdict of this jury. (Shipman 2000).*

В вводной части также может содержаться дополнительная информация о сопутствующих обстоятельствах. Так, судья отмечает значительный резонанс в

СМИ, вызванный преступлением. Он объясняет, что по этой причине приговор будет длиннее и более подробным, чем обычно, чтобы дело не было искажено в СМИ:

(476) The case has given rise to an enormous amount of publicity in the media and has been the subject of public comment there and by the police. I have, therefore, thought it right to set out my reasoning, on the sentences that I shall shortly pass, in rather more detail than might be customary, in order hopefully to assist in accurate reporting and to facilitate a full understanding of the sentences that I consider to be appropriate. (Donovan 2009)

За вводной частью следует описательная, представляющая в деталях события преступления. Начало описательной части маркировано такими конструкциями как *the offences were committed...* (*преступление было совершено*), *the background to this case is...* (*в основе данного дела*), *the facts of this case are...* (*факты дела таковы*) и т.п. В описательной части английских приговоров по делам, рассматриваемым с присяжными, не приводятся доказательства. Причина очевидна – решение о виновности уже принято присяжными. Поэтому после описания события судья переходит к вопросу о назначении наказания. Окончание описательной части может быть обозначено метакоммуникативным комментарием:

(477) You told the paramedics and the police officers who came to your house as well as the police officers who interviewed of the events which I have just summarised. (Lund 2007)

Начало мотивировочной части, объясняющей мотивы решения вопросов, относящихся к назначению наказания, также может быть обозначено эксплицитно:

(478) I now have to fix the minimum sentence you will have to serve before you can be considered for parole. (Lund 2007)

Именно в мотивировочной части приводятся смягчающие и отягчающие обстоятельства, приводятся соображения судьи, которыми он руководствуется при назначении наказания. В примере (480) судья сообщает о том, что размер штрафа должен определяться совокупностью обстоятельств и отражать общественную озабоченность проблемами здоровья и безопасности:

(479) A fine must, of course, balance the gravity of the offending against the means of the offending company. It must mark public disquiet at the offence. It must be sufficient to ensure that health and safety issues are driven up the board room agenda and serve as an ever present reminder to all levels of management and indeed across the factory floor that health and safety issues matter and achieving public safety is a matter of paramount importance. (Sellafield 2006)

Резолютивная часть содержит сообщение о наказании и комментарии к нему, если таковые необходимы. В следующем примере после назначения срока тюремного заключения судья сообщает о том, что дни, проведенные подсудимыми в заключении, засчитываются им в приговор:

(480) In each of your cases, I sentence you to total terms of imprisonment of 8 years <...> In the case of you, Donovan, the period of 311 days spent in custody on

remand will count towards sentence and in your case, Matthews, the period of 289 days spent in custody on remand will also count towards sentence. (Donovan 2009)

Таким образом, структура английских приговоров по делам, рассматриваемым с участием присяжных, в целом соответствует структуре русских решений и приговоров по делам, рассматриваемым без участия присяжных, с той разницей, что первые не включают в описательно-мотивировочную часть доказательства по делу. Эта же особенность характерна для русских приговоров по делам с участием присяжных. Согласно ст. 351 УПК РФ, «в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора должны содержаться описание преступного деяния, в совершении которого подсудимый признан виновным, квалификация содеянного, мотивы назначения наказания и обоснование решения суда в отношении гражданского иска» [Уголовно-процессуальный кодекс, 2008, с. 181]. Доказательства, как видим, не находят отражения в приговоре.

Отдельные замечания касаются структуры английских судебных решений, исследованных нами. Их некоторая специфика определяется тем, что это сложные и долгие процессы о клевете, анализу которых можно посвятить отдельное исследование. Материала только одного из решений, объем которого составляет 800 листов, может быть достаточно для исследования построения аргументации в речи судьи. Подробный анализ дел такого типа и решений по ним не является нашей задачей. Мы считаем нужным указать только на некоторые характеристики таких решений. Английские судьи в начале решения представляют его план. Поскольку в подобных делах обычно выделяется несколько клеветнических утверждений, судьи обращаются к ним поочередно. Так, структура одного из решений, как она представлена самим судьей, выглядит следующим образом:

(481) This judgment falls into thirteen parts:

- *1. the introduction which I have just given,*
- *2. the issue of publication of the leaflet,*
- *3. some general principles,*
- *4. starvation in the Third World and destruction of rainforest,*
- *5. the use of recycled paper,*
- *6. McDonald's food and heart disease, cancer of the breast and cancer of the bowel,*
- *7. advertising,*
- *8. the rearing and slaughter of animals,*
- *9. food poisoning,*
- *10. employment practices,*
- *11. a summary of the main findings on the Plaintiffs' claims,*
- *12. the Defendants' counterclaims, and*
- *13. conclusions. (McDonald's 1997)*

Пункты 1-5 составляют вводную часть, в которой судья представляет суть рассматриваемого дела и некоторые общие принципы. Пункты 4-12 составляют описательно-мотивировочную часть. Пункты 4-10 касаются отдельных утверждений, сделанных обвиняемыми (н-р, еда в МакДональдсе и заболевания

сердца, рак груди и рак кишечника; реклама; практика найма на работу и др.). Пункт 11 представляет основные обстоятельства дела, установленные судом. Пункт 12 содержит указание на возражения обвиняемых. Решение завершается заключением (пункт 13), которое образует резолютивную часть.

Решение может иметь более развернутую структуру. К примеру, решение по делу историка Ирвинга включает 14 пунктов, количество подпунктов в которых достигает 18, причем подпункты поделены на подразделы. В то же время в решении просматривается типичная структура.

Таким образом, жанры решения и приговора в процессах разных типов имеют схожую композиционную структуру, включающую вводную, описательную, мотивировочную (или описательно-мотивировочную) и резолютивную части. Некоторое варьирование происходит внутри отдельных частей. Композиционное строение жанров обусловлено нормативными документами и существующими в странах традициями судопроизводства, и вариации в построении жанров происходят в рамках устоявшейся институционально регламентированной структуры.

3.4.5 Интертекстуальность решений и приговоров

Жанры «решение» и «приговор», являясь жанрами, завершающими процесс, опираются на значительное количество других жанров, хронологически им предшествующих. Интертекстуальность отмечена как одна из важнейших характеристик судебного решения в работе исследователей из Гонконга, которые считают, что это свойство придает судебному решению диалогическое звучание [Cheng, Sin, 2008].

Ранее мы описывали, как формируется доказательная база, на основе которой судья принимает решение о виновности и невиновности, если заседает без присяжных. Все доказательства представляются вербально и воплощаются в виде различных жанров речи. Мы обобщим уже сказанное и внесем необходимые дополнения, чтобы более точно представить картину взаимодействия между разными жанрами судебного дискурса.

Жанрами, существующими вне рамок судебного процесса и безотносительно к нему, являются нормативные акты, прежде всего УК РФ для российских судей и Criminal Justice Act 2003 для английских судей. (Существовала и более ранняя редакция последнего документа.) Судьи также руководствуются другими правовыми актами. Перечень нормативных правовых актов, применяемых судей при разрешении гражданских дел, представлен в ст.11 ГПК РФ. Так, в одном из решений русский судья ссылается на целый ряд законодательных актов: Конституцию РФ, Европейскую Конвенцию о защите прав и основных свобод человека, Закон о свободе совести и религиозных объединениях. Английские судьи как в гражданских, так и в уголовных процессах также ссылаются на законодательные акты, например, на уже упомянутую выше Европейскую Конвенцию о защите прав человека. В некоторых случаях судьи не уточняют источник права и обходятся общим понятием English law/ English domestic law (английское право):

(482) To return to the relevant principles of English law the defamatory meaning pleaded by a Plaintiff is to be treated as the most injurious meaning which the words are capable of bearing <...> (McDonald's 1997)

Отличительной чертой английских процессов являются ссылки на принятые ранее прецедентные решения, а также на заявления судей Апелляционного Суда, представляющего высшую судебную инстанцию. Содержание именно этих документов и речей часто кладется в основу оглашаемого судьей решения. В примере (483) приводятся слова судьи, который ссылается на мнение, высказанное Апелляционным Судом и Палатой Лордов в ходе рассмотрения спорного гражданского дела:

(483) The Plaintiff in the Derbyshire County Council case was a democratically elected local authority, and both the Court of Appeal and the House of Lords decided that notwithstanding the general principle that a trading or non-trading corporation was entitled to sue in libel to protect so much of its corporate reputation as was capable of being damaged by a defamatory statement, a local authority, a public authority or a governmental body should not be allowed to do so. (McDonald's 1997)

В тексте практически любого английского судебного решения можно заметить ссылки на прецедентные дела.

В решениях и приговорах также обнаруживается большое количество ссылок на жанры, непосредственно касающихся текущего судебного процесса. Среди них заявления сторон (пример (484)), исковые заявления (пример (485)), судебный допрос, письменные заявления свидетелей и пострадавших (пример (486)), протоколы, заключения экспертиз (пример (487)), справки, наконец, вердикт присяжных:

(484) The prosecution have opened this case from a carefully prepared statement of case which was circulated in advance. The defence have also put their mitigation into writing. (Sellafield 2006);

(485) The burden of establishing that the leaflet or any part of it bears a defamatory meaning within that pleaded in the Statement of Claim, lies on the Plaintiffs, to be judged on the balance of probabilities. (McDonald's 1997);

(486) Из заявления Д. (л.д.5) следует, что он просил принять меры к неизвестному, который взял у него сотовый телефон и не вернул. (ПрА 2008);

(487) Из заключения товароведческой экспертизы (л.д.31) следует, что остаточная стоимость телефона на момент совершения преступления составляет 483 рубля. (ПрА 2008)

Что касается связей с жанрами последующими, то они устанавливаются уже вне рамок данного процесса, поскольку оглашение решения и приговора закрывает судебное заседание. Однако осужденный в уголовном процессе может обжаловать приговор, а стороны гражданского процесса – решение суда. Это право обязательно, согласно ст. 309 УПК РФ и ст. 198 ГПК РФ, отражается в резолютивной части жанров «решение» и «приговор»:

(488) Приговор может быть обжалован в кассационном порядке в судебную коллегию по уголовным делам Пензенского областного суда через

Первомайский районный суд г.Пензы в течение 10 суток со дня его провозглашения, а Ч.А.В. – в тот же срок со дня вручения ему копии приговора.

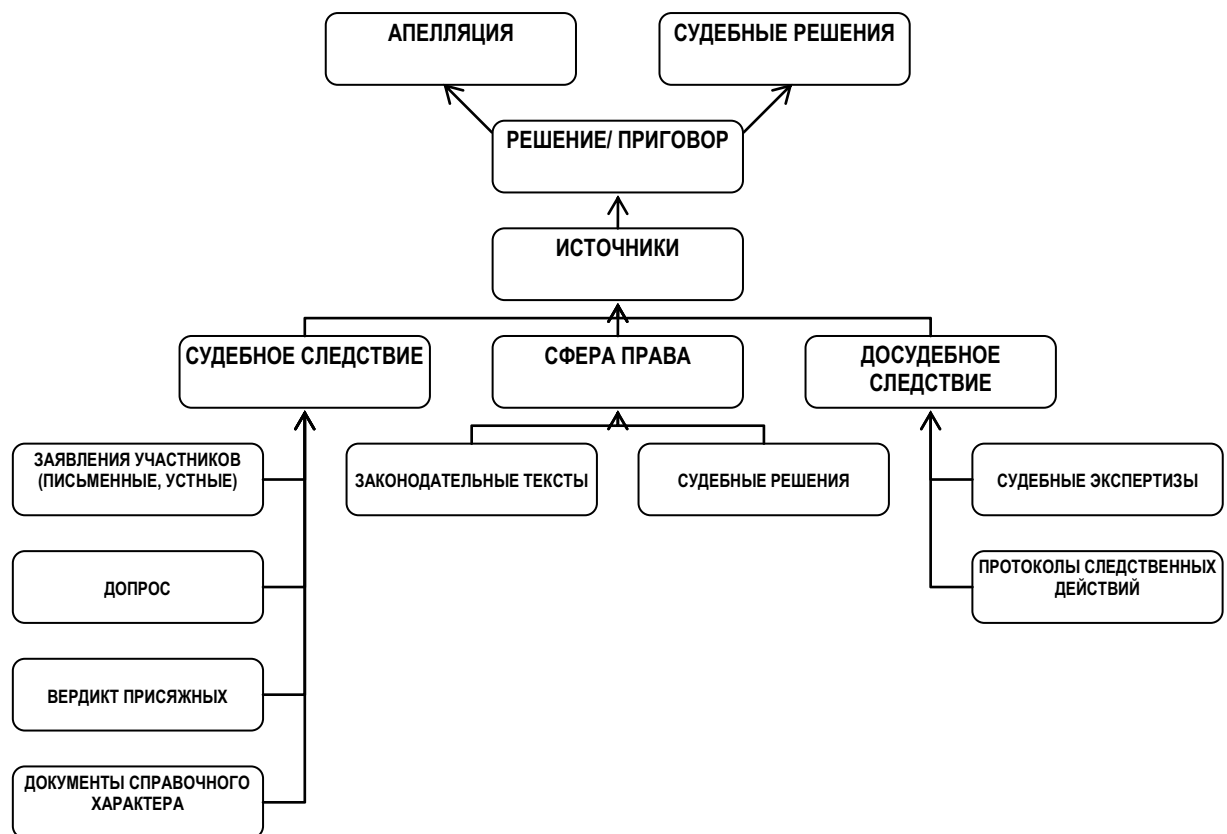
В случае подачи кассационной жалобы Ч.А.В. вправе в течение 10 суток со дня вручения ему копии приговора ходатайствовать о своём участии в рассмотрении уголовного дела судом кассационной инстанции, о чём он должен указать в своей кассационной жалобе. (ПрЧ 2008)

Таким образом, кассационная жалоба, или апелляция в более широком понимании, может быть жанром-реакцией на решение или приговор. Тот факт, что право апелляции не отражено в английских решениях и приговорах, не исключает самой возможности подать апелляцию, которая получает вербальное выражение в форме соответствующего жанра.

Кроме того, и мы уже отмечали это, судебные решения английских судей могут стать прецедентными, и тогда они будут предметом ссылок в последующих решениях коллег по судейскому корпусу.

Описанные нами межжанровые связи представлены на схеме 9.

Схема 9 «Интертекстуальные связи решения и приговора»

3.4.6 Национально-культурная специфика решений и приговоров

Обобщение типичных языковых характеристик жанров «решение» и «приговор» мы считаем целесообразным объединить с рассмотрением национально-культурной специфики этих жанров.

Характеризуя язык рассматриваемых жанров в целом, сразу отметим несколько различающуюся стилистику русских и английских речей. Язык русских судей более формальный, обезличенный, насыщенный юридическими штампами, сложными синтаксическими конструкциями, без каких-либо эмоциональных проявлений. Иными словами, стиль русских решений и приговоров является образцом стиля письменных официальных документов. В качестве примера рассмотрим фрагмент из описательной части приговора:

(489) 23 сентября 2008 года, примерно в 17 часов, А., находясь в состоянии алкогольного опьянения около дома № 7^А по ул. Пацаева в г. Пензе, умышленно, с целью открытого хищения чужого имущества, для облегчения себе механизма завладения чужим имуществом попросил у находящегося также в состоянии алкогольного опьянения Д. принадлежащий тому сотовый телефон «Моторола W205» стоимостью 483 рубля, чтобы позвонить, а когда получил его, осуществляя свой преступный умысел, открыто для потерпевшего, не реагируя на требования Д. вернуть телефон, с похищенным имуществом с места преступления скрылся, причинив Д. имущественный ущерб на сумму 483 рубля. (ПрА 2008)

Прежде всего обращает на себя внимание длина предложения – 91 печатное слово. По структуре предложение сложносочиненное, причем первая часть осложнена придаточным цели, а вторая – придаточным времени Кроме того, в предложении содержится 4 деепричастных оборота. Многочисленные клише, такие как *находясь в состоянии алкогольного опьянения, с целью открытого хищения чужого имущества, завладение чужим имуществом, осуществляя преступный умысел, похищение имущества, причинив имущественный ущерб на сумму*, дополняют общую картину. Очевидно, что совокупность представленных лексических и грамматических характеристик типична для речи письменной, а не устной. Мы признаем, что пример (489) является крайним проявлением характеристик письменного языка в судебном приговоре. Однако в большей или меньшей степени эти черты характеризуют все тексты. Рассмотрим другие примеры:

(490) Поскольку все это произошло перед летними каникулами, с детьми о случившемся она разговаривала в начале следующего учебного года, так же в школе была создана комиссия по разбору указанного случая, и К. был поставлен в школе на учет в рамках которого она постоянно вела с ним беседы, а позже, после публикации случившегося в газете «Комсомольская Правда», эта ситуация была предметом обсуждения на родительском собрании. (ПрГ 2009)

Длина предложения – 63 слова, предложение сложное, в составе которого 6 простых. Используются формальные обороты речи: *создана комиссия, поставлен на учет, в рамках которого*.

(491) Наряду с этим, в качестве обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, суд учитывает, что А. привлекался к административной ответственности (л.д.47), ранее неоднократно судим, в том числе за совершение аналогичных преступлений (л.д.37-42, 99-104), однако, освободившись из мест лишения свободы 29 июня 2008 года (л.д.43), должных выводов для себя не сделал, на путь исправления не встал и спустя небольшой промежуток времени вновь в состоянии алкогольного опьянения совершил преступление средней тяжести. (ПрА 2008)

Длина предложения – 66 слов. Предложение сложноподчиненное, осложненное причастным оборотом, деепричастным оборотом, однородными членами предложения.

Некоторый отход от форм письменного языка происходит в тех случаях, когда воспроизводятся показания свидетелей:

(492) Свидетель М. показал, что вечером 23 сентября 2008 года они с незнакомым ему ранее А. во дворе дома № 7Б по ул. Пацаева встретили Д. А. спросил у Д. телефон, чтобы позвонить. Потерпевший дал телефон, А. стал звонить, а затем развернулся и пошёл в сторону дома № 7, положив телефон к себе в карман. Д. шёл за ним и неоднократно просил отдать телефон, но А. сказал: «Отстань!» и телефон не отдал. Затем А. зашёл к себе домой, а потерпевший ушёл. Через некоторое время, когда А. вышел на улицу, к ним подъехали сотрудники милиции вместе с Д. и их задержали. В момент задержания А. стал засовывать телефон ему в карман. (ПрА 2008)

В таких фрагментах наблюдается стилистическая контаминация. С одной стороны, сохраняется часть лексики и оборотов речи, характерных для формального юридического языка (*незнакомый ранее А., потерпевший, неоднократно, сотрудники милиции, задержать, в момент задержания*). С другой стороны, значительно сокращается длина предложений, воспроизводится прямая речь (*Отстань!*), используется разговорная лексика (*засовывать*). Черты речи свидетелей смешиваются с характеристиками формального судебного дискурса, образуя несколько разнородный с точки зрения стилистики текст.

Интересным нам показался фрагмент приговора, в котором судья ссылается на показания свидетеля-милиционера и который наполнен милицейскими штампами:

(493) Свидетель Ж. – милиционер ОВО при Первомайском РОВД г. Пензы, показал, что 23 сентября 2008 года, в 17-м часу, от дежурного поступило сообщение о грабеже в районе ул. Попова. Прибыв на место, они увидели потерпевшего, который заявил, что у него был отобран телефон. Вместе с заявителем они стали отрабатывать район, на ул. Пацаева, 7 потерпевший указал на двух мужчин, одним из которых был подсудимый. Данные граждане были задержаны и доставлены в Первомайский РОВД. В момент задержания телефон находился у подсудимого, но при посадке в машину он пытался подсунуть его второму мужчине. (ПрА 2008)

Распространены в речи судей предложения с союзами *так как* и *поскольку*, устанавливающие причинно-следственные отношения между

фактами. Их распространенность объясняется тем, что судье необходимо сделать понятной логику своего мышления и мотивировать выводы:

(494) ...Показания несовершеннолетних свидетелей значительно разнятся между собой, поскольку даже при высоком личностном развитии каждого из них, они остаются 13 летними детьми, которые не в состоянии договориться о деталях преступления и предусмотреть возможные вопросы при их допросе в суде. (ПрГ 2009);

(495) У суда не возникает сомнений в правильности выводов экспертов, так как они основаны на объективном исследовании личности подсудимого, тщательном изучении материалов дела и медицинской документации, с использованием научно-обоснованных методов, а поэтому в отношении содеянного суд считает К. вменяемым. (ПрК 2008)

Устное оглашение решения и приговора в отечественном суде по сути является зачитыванием вслух письменного документа, в редких случаях сопровождающееся комментариями, не включенными в текст письменного документа. В нашей практике наблюдений за речевым поведением судей был случай, когда судья обещал лично прийти и арестовать осужденную, если она в течение обозначенного в приговоре срока не пойдет учиться или не устроится на работу. Сложно представить, чтобы судья выполнил свое устрашающее обещание, поскольку это просто не входит в его обязанности. Разумеется, такой комментарий не может быть включен в официальный текст приговора, поскольку он просто не имеет под собой юридического основания и был использован для того, чтобы оказать психологическое воздействие на едва достигшую совершеннолетия осужденную. Такого рода проявления, личностные и эмоциональные, представляют редкость в речи русских судей, являющейся устным воспроизведением письменного решения.

Рассматриваемые жанры в речи судей английских, напротив, отмечены рядом черт, характерных для устной речи. Хотя мы не отрицаем тот факт, что присутствуют и значительные по объему сложные конструкции, в целом длина предложений короче, а структура – проще. В следующем фрагменте судья описывает прецедентный случай киднеппинга, на который он ссылается при определении наказания. Описание последовательности событий состоит из ряда небольшой длины предложений. Приведем этот очень показательный пример полностью:

(496) *In R v Rashid [2004] 2 Cr App R(S) 5, which was a true ransom case, the appellant was convicted at trial of kidnapping, false imprisonment and blackmail. Three men had attacked a corner shop. One of the men discharged a handgun and attacked a person present in the shop. The victim was taken out of the premises and forced into a car. He was prevented from escaping by a stab in the back. He was handcuffed and put on the floor of the vehicle. He was then transferred to another vehicle and taken for a journey of about an hour. He was taken blindfolded into the rear bedroom of a terraced house where he was detained for 30 hours. Contact was made with his family and £75,000 was demanded. During this period the appellant was with the victim. Violence was threatened but none was used. Arrangements were made for the payment of £35,000 which was left in a park hut. The victim was then*

taken to hospital by the appellant where he was found to be suffering from severe and life threatening injuries and would suffer from permanent restriction of movement in his arms. The appellant was sentenced to 10 years imprisonment for kidnapping, 4 years consecutive for false imprisonment and 4 years concurrent for blackmail, giving rise to a total sentence of 14 years imprisonment. On appeal the total sentence was reduced to 11 years imprisonment. (Donovan 2009)

Фрагмент состоит из 15 предложений, средняя длина предложения – 16 слов. 6 предложений из них сложные, но не осложненные. Есть сложное предложение, части которого образованы только главными членами предложения (подчеркнуто в примере). Во всех предложениях употреблены простые грамматические формы – сказуемое стоит в форме Past Simple действительного или страдательного залога. Основная лексика – общеупотребительная. К лексике официально-делового стиля и тематически принадлежащей к судебной сфере можно отнести следующие единицы: *appellant (подавший апелляцию), was convicted (был осужден), victim (жертва), on appeal (по результату апелляции)*. При описании причиненных жертве преступления увечий использованы медицинские термины: *life threatening injuries (ранения, угрожающие жизни), permanent restriction of movement in his arms (ограниченная подвижность рук)*. Фрагмент производит впечатление построенного предельно просто и потому ясно и понятно. Быть понятым и есть основная цель судьи, согласно руководству «Forms of Words in Sentencing», выдержки из которого мы приводили. Намеренное, как нам кажется, упрощение речи способствует в данном случае выполнению задач, стоящих перед судьей.

Рассмотрим пример из приговора по делу об убийстве двух школьниц:

(497) Ian Kevin Huntley, on the 4th August 2002, you enticed two ten year old girls, Holly Wells and Jessica Chapman, into your house. They were happy, intelligent and loyal. They were much loved by their families and all who knew them. You murdered them both. You are the one person who knows how you murdered them. You are the one person who knows why. You destroyed the evidence, but you showed no mercy and you showed no regret. (Huntley 2003)

Небольшая длина предложений, простые грамматические формы в сочетании с риторическими приемами не оставляют сомнений в том, что это фрагмент устной речи, призванной оказать воздействие на слушателей. Параллельные конструкции и повторы, в том числе с указанием на преступление и отсутствие раскаяния (*you murdered them – вы убили их; you are the one person who knows wh) – вы единственный, кто знает, почему; you showed no mercy/regret – вы не проявили милосердия/сожаления*), нагнетают атмосферу и подчеркивают весь ужас совершенного преступления.

К синтаксическим характеристикам устной речи относится эллипсис. Эллиптические предложения используются в английской речи:

(498) You had plenty of opportunity to refuse to persist in a course of lying and deception. You chose not to. (Huntley 2003);

(499) I cite those cases simply to illustrate the variety of cases of this type <...> Once could cite many more. (Donovan 2009)

Среди риторических средств, находящих применение в английских приговорах, встречается антитеза. На противопоставлении построены высказывания, цель которых высказать моральное осуждение в адрес преступника:

(500) *Your tears have never been for them, only for yourself.* (Huntley 2003);

(501) *The children you murdered were children whose lives brought joy to the community and whose death brought grief.* (Huntley 2003).

Эмоциональность речи английских судей также создается за счет использования эпитетов. Посредством эпитетов, судьи дают резко отрицательные оценки преступникам и их действиям (*terrible wicked lie* – ужасная злонамеренная ложь; *a savage and brutal attack* – дикое и жестокое нападение; *merciless cynicism* – безжалостный цинизм; *false alibi* – фальшивое алиби; *selfish concern* – эгоистичная озабоченность; *a manipulative and self-centred person* – манипулятор и заикленный на себе человек) и положительно оценивают тех, кто пострадал от этих действий (*happy, intelligent and loyal girls* – жизнерадостные, умные и верные девочки; *an earnest and disstressing search* – тщательный и утомительный поиск; *valuable police time* – ценное время полицейских).

Грамматическим средством построения обвинения и создания отрицательного портрета подсудимых является сослагательное наклонение (Subjunctive Mood). Судья указывает на правильные действия, которые должны были иметь место:

(502) *Production at the plant continued over the weekend. It should have been shut down at once <...>* (Sellafield 2006);

(503) *As a result, the risks to the pipe work for unforeseen whereas they were or should have been foreseeable by skilled examination* (Sellafield 2006):

(504) *If you had slightest true regard for those girls, or their families, you would have told the truth <...>* (Huntley 2003).

Тактика предъявления вины или выражения неодобрения через указание на правильное действие была выделена нами среди других тактик речевых жанров «осуждение» и «обвинение» [Дубровская, 2003]. По нашим наблюдениям, эта тактика часто используется английскими судьями, но не применяется русскими судьями.

Выделенные нами черты русских и английских судебных решений и приговоров складываются в следующую картину. Язык русских судей очень формальный и содержит черты официальной письменной речи – длинные сложные предложения, причастные и деепричастные обороты, штампы, отсутствие эмоциональных проявлений. Эта картина полностью соответствует описанию судебной речи, представленной в работе Л.А. Введенской и Л.Г. Павловой. Авторы отмечают, что судебная речь в большинстве случаев ближе всего к официальной деловой речи. «В ней используется терминология, юридические стандарты, клише. Эмоциональность и образность отсутствуют. Выступающий старается излагать события объективно, протокольно, логично» [Введенская, Павлова, 2002, с. 75].

В английских речах, особенно в приговорах, мы, напротив, обнаруживаем большее тяготение к стилистике устной речи. Простые небольшой длины и эллиптические предложения, риторические приемы, в том числе повторы, параллельные конструкции, проявления эмоциональной оценочности делают речи английских судей понятными, яркими и рассчитанными прежде всего на слуховое восприятие.

Попытка объяснить обнаруженное между русскими и английскими речами различие с точки зрения национального менталитета обречена на провал, поскольку большей эмоциональности и непосредственности следует ожидать от носителей русской культуры, а большей формальности и сдержанности – от носителей культуры английской. Категоричность, несдержанность в уровне проявления эмоций, оценочность отмечаются как черты русского национального характера в работах многих исследователей [Стернин, 2000; Касьянова, 1994; Уфимцева, 2000; Гачев, 1998; Вежбицкая, 1997; Richmond, 1992]. Английскому национальному характеру традиционно приписываются такие качества, как сдержанность, самоконтроль, воздержанность от осуждений [Fox, 2004; Гачев, 1998; Вежбицкая, 1997; Овчинников, 1987]. Как видим, особенности речевого поведения судей в жанрах решения и приговора не соответствуют представленным описаниям национальных характеров.

Мы считаем, что объяснение надо искать в другой плоскости, поскольку мы исследуем дискурс институциональный, черты которого определяются функциями и институциональными традициями.

Ярко выраженные черты устной речи в английских решениях и приговорах, объясняются с исторической точки зрения. Исследование вопроса о текстуализации прецедента П. Тиерсма начинает с указания на существование в англо-американском мире двух источников законодательства – писанного закона (*lex scripta*) и неписанного закона (*lex non scripta*). Второй включает судебные решения, которые традиционно имели устную форму, произносились со скамьи и начали фиксироваться в письменной форме, начиная с 13 века. «Неписанный закон, создаваемый судьями в течение долгого времени навязывался самой юридической сферой, особенно в Англии, как превосходящий во многих отношениях письменные постановления законодателей... Даже в наши дни английские судебные решения не обязательно должны быть записаны судьей или секретарем, чтобы иметь силу прецедента», – пишет П. Тиерсма [Tiersma, 2007, p. 1187–1188].

Таким образом, для существовавших изначально в устной форме судебных решений эта форма остается основной и в наши дни, что в значительной степени объясняет соответствующий языковой облик этих жанров.

Что касается ярко выраженной оценочности в английских судебных приговорах, то мы считаем ее не проявлением национального характера, а языковым воплощением специфической функции, выполняемой судьей. На эту функцию указывает Дж. Ли, последовательно рассматривая сущность приговоров и наказаний в Англии [Lea, 2006]. Правовед пишет об идее

возмездия (retributivism), которая лежит в основе назначения наказания и которая имеет два аспекта. С одной стороны, государство заменило старые устаревшие представления о мести идеей справедливого наказания и закрепило за собой право и обязанность наказание назначать. Другая сторона идеи возмездия состоит в функции осуждения, выполняемой государством от имени общества, демонстрации порицания по отношению к преступлению. «...То, что наказание – это просто плата за преступление, является ретроспективной санкцией на правонарушение. Нет ничего страшного в том, чтобы совершить преступление, если вы готовы расплатиться наказанием (do the crime, do the time – совершил преступление – получи срок). Наказание же как порицание говорит: вы не должны были делать этого, и тот факт, что вы наказаны, ни в коем случае не означает, что ничего страшного не произошло», – пишет Дж. Ли [Lea, 2006].

Нам представляется, что именно такой двухмерный подход к принятию решений и назначению наказаний практикуется английскими судьями. Данной им властью они не только назначают наказание, но и от имени общества выступают с осуждением в адрес правонарушителей. Высказанные отрицательные оценки не имеют только лишь ретроспективный характер, т.е. направлены не только на подсудимого и уже произошедшее событие преступления. Отрицательные оценки также обращены в будущее с целью осуждения потенциальных преступников и их деяний, формируя в обществе отношение к противоправным действиям как к чему-то неправильному и противоестественному. Важность, которая придается в английском обществе этой функции приговора, находит отражение в языковых формах, используемых судьями.

Обращенность английских приговоров к широкой общественности подтверждается также значительной степенью их публичности: регулярно обновляемые страницы официального судебного сайта пополняются новыми речами судей.

Можно ли говорить о существовании принципиальных различий между русскими и английскими судебными решениями и приговорами? Мы считаем, что нет. Одинаковые функции и способы аргументации, идентичная структура, похожие межжанровые связи образуют инвариант жанра, который реализуется в национально-специфическом варианте в русских и английских судах.

Выводы

Предложенная нами модель анализа речевых жанров, охватывающая несколько факторов, влияющих на формирование и функционирование жанров в институциональной сфере, позволила нам составить «портреты» принципиальных для деятельности судьи речевых жанров и отметить характеристики речевого поведения русских и английских судей в этих жанрах. Жанры допроса, напутственного слова, решения и приговора являются важнейшими жанрами судебного дискурса, по сути воплощающими ход

судебного процесса. В этих жанрах полностью раскрывается языковая личность судьи и проявляются характеристики его речевого поведения.

Главной гранью личности судьи, проявляющейся в рассмотренных жанрах, является грань «судья-рефери». В большей или меньшей мере, в зависимости от рассматриваемого дела и степени институциональной обусловленности жанра, судья проявляет себя как участник драмы, лингвист, обычный человек.

В диалогическом жанре допроса участие судьи носит, главным образом, регулятивный характер и реализуется в применении по отношению к участникам допроса разных тактик, регулирующих их взаимодействие и направленных на обеспечение равно справедливых условий для обеих сторон. В напутственном слове, обращенном к присяжным, судья неоднократно эксплицитно подчеркивает свое стремление быть непредвзятым и не влиять на мнение присяжных. Функция судьи в этом жанре – побудить присяжным критически подойти к анализируемым фактам и инструктировать их относительно применения закона к конкретному делу. Судебное решение и приговор можно назвать наивысшими проявлениями деятельности судьи как рефери. В жанре приговора он не только назначает наказание, но и выносит порицание в адрес правонарушителя, тем самым определяя отношение к преступным деяниям в обществе. Таким образом, посредством рассмотренных жанров судья регулирует взаимодействие между участниками конкретного судебного процесса, отношения между участниками процесса и законом, а также, в более широкой перспективе, правовые отношения в обществе.

Изученные жанры различаются степенью участия в них судьи. Если допрос – жанр диалогический, в котором судья играет роль организующего центра, то в жанрах напутственного слова, судебного решения и приговора сам судья выступает в качестве единственного говорящего субъекта. В то же время обращение к присяжным настолько диалогично, что присяжных можно назвать полноправными участниками этого жанра.

Что касается решений и приговоров, то большую диалогичность и тяготение к стилю устной речи обнаруживает речь английских судей, тогда как отечественные решения и приговоры очень формальны и шаблонны. Мы объясняем выявленную национальную специфику с исторической точки зрения – существованием в течение долгого времени английских судебных решений только в устной форме и сохранением до наших дней ориентации на устную форму прецедента. На примере жанра «приговор» видно, что институциональные нормы, регулирующие речевое поведение, могут вступать в противоречие с типичным коммуникативным поведением, присущим той или иной лингвокультурной общности и обусловленным особенностями национального характера. При этом институциональные нормы имеют большую силу и определяют характеристики судебного дискурса. Черты национального коммуникативного поведения либо отступают на второй план, либо не проявляются вообще.

Институциональные нормы, введенные недавно и призванные регулировать судебный процесс, могут вступать в противоречие с

закрепившейся в системе традицией, уже не имеющей под собой правового основания. Русские судьи, несмотря на смену уголовно-процессуального законодательства и переход от инквизиционной системы к системе состязательной, до сих пор остаются активными участниками судебных допросов. Это свидетельствует о том, что в борьбе институциональных норм и традиций побеждают традиции и требуется время, чтобы осуществить полный переход к практической реализации новых институциональных правил.

Сила традиции проявляется и в сохранении прецедентной системы правосудия в Англии, в которой при принятии решения о наказании судьи опираются в большей степени на прецедентные случаи и собственное понимание рассматриваемых дел, чем на закрепленное в письменной форме законодательство, не содержащее готовых решений на все случаи. В силе прецедента проявляется традиционное доверие общества к судьям и их здравому смыслу.

Институциональная обусловленность жанров речи судей проявляется в их достаточно четкой структуре и однозначном распределении ролей, определяемом нормативными документами. Некоторые видоизменения композиции жанров обусловлены особенностями рассматриваемых дел. Структуры русских и английских жанров обнаруживают значительное соответствие.

Для каждого из рассмотренных жанров характерно особенное языковое воплощение, типичные тактические и языковые средства, имеющие специфическую функциональную ценность. В жанре допроса востребованы метакоммуникативные и модальные конструкции, императивы, перформативы в силу их регулирующей и структурирующей функций. Различные типы вопросов используются судьями с целью уточнения фактической информации. Для жанра напутствия присяжным характерны конструкции со значением долженствования, запрета, разрешения, императивные конструкции, используемые в инструкциях. При суммировании обстоятельств дела велика роль цитирования, а также метакоммуникации. В жанрах решений и приговоров незаменимы средства аргументации и мотивирования решения, ссылки на законы и прецеденты, перформативы при назначении наказания. Некоторая национальная специфика языковых и тактических средств отражает особенности функционирования судебных систем России и Англии, существующие традиции, национальный менталитет.

Все рассмотренные жанры связаны межжанровыми связями между собой и с другими жанрами юридического дискурса. Из схем 6, 9 видно, что образуется некая связанная жанровая система, включающая как жанры текущего судебного процесса, так и жанры, сформированные и функционирующие вне его. Образованное разными юридическими жанрами дискурсивное пространство носит незавершенный характер, поскольку постоянно обновляется за счет появления новых законодательных актов, новых судебных решений, новых апелляций и т.д. Устанавливающиеся между ними новые связи ведут к постоянному расширению дискурсивного пространства. Следовательно, можно говорить о том, что границы дискурса одного судебного процесса

весьма условны и выходят за пределы зала суда, поскольку через межжанровые связи дискурс конкретного судебного процесса оказывается связан с дискурсом других судебных процессов. В нашем понимании судебный дискурс является объемным абстрактным конструктом, а в рамках конкретного судебного процесса мы можем наблюдать и подвергнуть анализу его отдельный относительно завершенный отрезок.

В своих рассуждениях мы идем дальше и утверждаем, что при ряде условий границы судебного дискурса могут расширяться настолько, что это приводит к появлению гибридных типов дискурса, к которым мы обратимся в главе 4.

Глава 4

Речевое поведение судей в гибридных типах дискурса

В главах 2 и 3 мы представили анализ речевого поведения судей в ходе судебного процесса, то есть в собственно судебном дискурсе, где судья проявляет несколько граней своей личности: рефери, участник драмы, лингвист, обычный человек. Существует и еще одно амплуа судьи, судья-публичная фигура, которое, однако, актуализируется в иной обстановке и в иных типах дискурса. В данной главе мы обратимся к 3 разным жанрам, в которых судья выступает в качестве публичной фигуры: публичная речь, интервью, эссе. Очевидно, что названные жанры не являются способом реализации собственно судебного дискурса, поскольку они занимают положение, пограничное между судебным дискурсом, дискурсом СМИ, политическим дискурсом и имеют признаки перечисленных типов дискурса. Мы считаем, что в таких случаях целесообразно говорить о формировании гибридного дискурса. Выделяя свойства институционального дискурса, В.И. Карасик отмечает градуальный характер институциональности [Карасик, 2002]. В институциональном дискурсе, по мнению ученого, можно выделить ядро (общение базовых участников) и периферию, «где находится контакт представителя института с человеком, не относящимся к этому институту» [Карасик, 2002, с. 292–293]. Мы полностью согласны с идеей о полевой структуре институционального дискурса и считаем, что эта идея применима к судебному дискурсу. Жанры публичной речи, интервью, эссе являются именно такими периферийными жанрами, в которых представитель судебной власти вступает в непосредственный контакт с обществом либо с представителями СМИ, выступающими в качестве посредников между судебной властью и обществом.

Развивая идею о полевой структуре дискурса, мы утверждаем, что разнородный состав участников периферийного общения – не единственный признак гибридного дискурса. Гибридный дискурс характеризуется утратой одного или нескольких принципиальных признаков исходного дискурса и присвоением признаков другого типа дискурса. Чтобы объяснить механизм образования гибридных типов дискурса, мы будем использовать понятия «интертекстуальность» и «интердискурсивность», смысловое наполнение которых мы рассмотрим более подробно. Затем мы охарактеризуем перечисленные жанры с функциональной и формальной точки зрения и отметим особенности речевого поведения судей в этих жанрах и типах дискурса.

4.1 Интертекстуальность и интердискурсивность

Обобщая исследования последних десятилетий, В.Е. Чернявская выявляет существование 2-х моделей интертекстуальности – широкой и более узкой [Чернявская, 2009]. Первая модель связана с именами Ю. Кристевой, Р. Барта, М.М. Бахтина.

Ю. Кристева определяет интертекстуальность так: «Мы назовем интертекстуальностью такую текстуальную интеракцию, которая происходит внутри отдельного текста. Для познающего субъекта интертекстуальность – это признак того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее» [Цит. по: Ильин, 1996, с. 225]. Тексты, вписываясь в историю, создают, выражаясь современным языком, виртуальную базу данных, которая доступна для других субъектов, познающих и говорящих. Об этом пишет Р. Барт: «...Каждый из нас отнюдь не первым и не последним пользуется словами, оборотами, синтаксическими конструкциями, даже целыми фразами, жанрами дискурса, хранящимися в «системе языка», которая напоминает не столько «сокровищницу», предназначенную для нашего индивидуального употребления, сколько «пункт проката»; задолго до нас все эти единицы и дискурсивные комплексы прошли через множество употреблений, через множество рук, оставивших на них те или иные неизгладимые следы» [Барт, 1994, с. 14].

М.М. Бахтин представляет интертекстуальное взаимодействие, используя понятие диалога и диалогичности: «Два высказывания, отдаленные друг от друга во времени и в пространстве, ничего не знающие друг о друге, при смысловом сопоставлении обнаруживают диалогические отношения, если между ними есть хоть какая-нибудь смысловая конвергенция (хотя бы частичная общность темы, точки зрения и т.п.)» [Бахтин, 1986б, с. 321]. Кроме диалогических отношений, устанавливаемых между говорящим и адресатом, существуют, таким образом, диалогические отношения между конкретным высказыванием и другими высказываниями в дискурсивном пространстве. М.М. Бахтин пишет об этих отношениях: «...Во всяком высказывании при более глубоком его изучении в конкретных условиях речевого общения мы обнаружим целый ряд полускрытых и скрытых чужих слов разной степени чуждости. Поэтому высказывание изборождено как бы далекими и еле слышными отзвуками смен речевых субъектов и диалогическими обертонами, до предела ослабленными границами высказываний, совершенно проницаемыми для авторской экспрессии» [Бахтин, 1986а, с. 288].

Второй, более узкий, подход к исследованию интертекстуальности В.Е. Чернявская связывает с лингвистикой текста, в которой интертекстуальность выступает как текстовая категория и как особое качество определенных текстов, взаимодействующих в плане содержания и выражения с иными текстовыми целыми или их фрагментами» [Чернявская, 2009, с. 185].

В силу того, что в данной работе мы исследуем жанровые формы и языковые средства в социальном контексте, узкий лингвистический подход не соответствует нашим задачам. Мы опираемся на понимание интертекстуальности, представленное в работах английского ученого Н. Фэрклофа, основателя школы критического анализа дискурса. Отметим, что именно в работах М.М. Бахтина английский ученый обнаруживает значительный потенциал для исследования социальных процессов через анализ дискурса. Он считает возможным объединить в понятии «интертекстуальность» структурную, языковую неоднородность и полифонию голосов речевых

субъектов и определяет интертекстуальность текста как «присутствие в нем элементов других текстов (и, следовательно, потенциально других голосов помимо собственно авторского)...» [Fairclough, 2004, p. 218]. Включение в текст других голосов обуславливает диалогичность текста, поскольку авторская позиция представлена на фоне и в сопоставлении с другими позициями. Интертекстуальность в понимании Н. Фэрклофа, таким образом, не только формальная характеристика текста, но и характеристика, наполняющая текст дополнительными смыслами. Н. Фэрклоф, используя бахтинское понимание диалогичности, указывает на то, что «не все тексты диалогичны в равной степени. Диалогичность демонстрирует степень диалогических отношений между голосом автора и другими голосами, степень, в которой эти голоса представлены и получают ответ, или, наоборот, исключаются и подавляются» [Fairclough, 2004, p. 214]. Именно с таких позиций мы будем рассматривать проявления интертекстуальности в речи судей.

Еще более важным для нас понятием, напрямую выводящим к понятию гибридного дискурса, является понятие интердискурсивности. На частичное наложение друг на друга понятий «интертекстуальность» и «интердискурсивность» и вытекающую отсюда сложность в их разграничении указывают М. Блур и Т. Блур [Bloor, Bloor, 2007]. Авторы объясняют различие достаточно механистически. Они утверждают, что включение в текст вкраплений, имеющих подобную жанровую и стилистическую принадлежность, обозначается как интертекстуальность, тогда как включение инородных по жанру и стилю фрагментов интертекста приводит к смешению жанров и может быть обозначено как интердискурсивность. Нам представляется, что при таком толковании интердискурсивности не учитывается внетекстовая составляющая дискурса и теряется социо-прагматическая подоплека процессов, проявляющихся на уровне текста.

Мы считаем, что интердискурсивность предполагает процессы, касающиеся социо-прагматической стороны дискурса. В.К. Бхатиа выделяет 4 уровня дискурсивной и профессиональной деятельности – текст, жанр, профессиональная практика, профессиональная культура – и определяет интердискурсивность как присвоение семиотических ресурсов, которые могут включать текстовые, семантические, социо-прагматические, жанровые и профессиональные, на уровне двух или более из четырех перечисленных уровней [Bhatia, 2008, p. 165].

Социальная подоплека интердискурсивности ярко выражена в работах Н. Фэрклофа, который связывает ее не только с уровнем текста, но и с уровнем осуществления социально значимой деятельности. «Анализ интердискурсивности текста это анализ специфического смешения жанров, дискурсов и стилей, на которые он опирается, а также того, как разные жанры, дискурсы и стили выражены вместе в тексте. Этот уровень анализа является посредником между лингвистическим анализом текста и различными формами социального анализа общественно значимых событий и практик», – пишет исследователь [Fairclough, 2004, p. 218].

Н. Фэрклоф и другие ученые [Harvey, 1990; Jameson, 1991] называют одной из черт современного общества размытость границ между социальными практиками. «Гибридность» социальных практик проявляется в интердискурсивности дискурса, а анализ гибридности в текстах позволяет исследовать социальные процессы.

Таким образом, далее в работе мы будем рассматривать интертекстуальность как присутствие в тексте элементов других текстов, обуславливающих как его структурную неоднородность, так и смысловое многоголосие. Интердискурсивность – явление другого уровня. Это присутствие в дискурсе признаков дискурса другого типа, причем эти признаки могут быть не только языкового, но и социо-прагматического характера. Дискурс, обнаруживающий признаки нескольких типов дискурса, мы называем гибридным.

4.2 Публичные речи судей

Исследование судьи в роли фигуры публичной представляет интерес, поскольку эту роль нельзя назвать типичной для него. Судейская деятельность предполагает определенную степень удаленности от общественного внимания. Согласно статье 10 «Закона о статусе судей в Российской Федерации», «судья не обязан давать каких-либо объяснений по существу рассмотренных или находящихся в производстве дел, а также представлять их кому бы то ни было для ознакомления, иначе как в случаях и порядке, предусмотренных процессуальным законом» [Закон о статусе судей, 2008]. Отношение к публичности английских судей не менее строгое. Принцип беспристрастности, один из основных принципов судейской деятельности, представлен в «Руководстве по поведению судей» в том числе и положением 3.4 о том, что судья должен избегать выражения собственных взглядов вне суда, если это может быть воспринято как предвзятость или досрочное решение по делу [Guide to Judicial Conduct, 2008]. В п. 3.10 английского руководства оговаривается, что судья может быть лишен права слушать дело, если он придерживается резкой точки зрения на проблему, связанную с этим делом, и выразил мнение в публичном заявлении.

Иными словами, к публичному выражению судьями своих мнений и в России и в Англии отношение весьма осторожное. Понятно, что вышеперечисленные запреты и ограничения обусловлены стремлением государственной власти иметь в лице судьи человека максимально объективного, независимого, не склонного к высказыванию оценок и выражению субъективного мнения. В то же время, как нам кажется, определенное противоречие ситуации состоит в том, что при существующих ограничениях публичности судейского корпуса одной из главных целей самой судебной власти – как в России, так и в Англии – является создание и поддержание своего образа как прозрачной, независимой и открытой для диалога с обществом системы. Достижению этой цели в значительной степени

способствуют выступления высокопоставленных представителей судебной власти перед коллегами и широкой аудиторией.

Осознание возможного положительного воздействия участия судей в общественных дебатах, семинарах, лекциях отражено в п. 8.2.1 английского руководства для судей. Участие в перечисленных мероприятиях даже признается желательным, т.к. «оно может способствовать пониманию обществом системы управления правосудием и доверию общества к судебному корпусу. По меньшей мере, оно может помочь устранить непонимание и исправить неправильные представления. Нет возражений против такого участия, если оно напрямую касается деятельности судов, независимости судей и аспектов управления правосудием» [Guide to Judicial Conduct, 2008].

Такая формулировка совершенно эксплицитно выражает коммуникативные цели, стоящие перед судьей, выступающим с публичной речью. Образовательная задача и задача формирования положительного имиджа судебной власти и укрепления ее авторитета в обществе лежат, по нашему мнению, в основе всех публичных выступлений судей независимо от конкретной темы выступления и конкретной ситуации.

В отечественном «Кодексе судейской этики» явное указание на важную роль публичных речей судей отсутствует, однако ст. 10 документа разрешает судьям совмещать основную работу с научной, преподавательской, лекторской не в ущерб интересам правосудия [Кодекс судейской этики, 2004].

Судьи, особенно английские, действительно достаточно часто выступают публично. Изучение их публичных выступлений, безусловно, выводит нас за рамки собственно судебного дискурса. Если сравнить дискурс публичных выступлений судей с собственно судебным дискурсом, то мы обнаружим как общие, так и различные черты. Общей характеристикой, имеющей для нас принципиальное значение, является автор, производитель дискурса. Это судья, который в обоих типах дискурса выступает в качестве представителя судебной власти, человека, говорящего от имени судебной системы. В некоторых случаях можно говорить об общем месте речевого события, поскольку ряд публичных выступлений судей происходит непосредственно в стенах суда, где судьи проводят совместные заседания и обращаются к своим коллегам. В то же время речи произносятся на встречах со студентами, в деловых клубах, на конференциях, и в этих случаях они ориентированы на адресата, далекого от судебной сферы.

Речи судей посвящены актуальным проблемам правосудия в стране, происходящим в судебной системе изменениям, роли судьи в этих процессах. Тематическую сферу речей можно обозначить в целом как «Судебная власть и осуществление правосудия». Среди изученного нами материала - речи, озаглавленные «The Sentencing Decision» (Назначение наказания), «The Role of the Judge» (Роль судьи), «Youth Justice Speech» (Речь о правосудии в отношении несовершеннолетних), «The Mask and the Judge» (Маска и судья), «Обеспечить эффективную защиту прав и свобод гражданина и человека», «Особенности

формирования общественного мнения о судебной системе в российских СМИ» и др.

Выступления судей в дальнейшем получают отражение в масс-медийном дискурсе. Их полнотекстовые варианты размещаются в СМИ, а также на официальных сайтах российских и английских судов, во многом определяя общественное мнение о судебной власти.

4.2.1 Диалог с обществом

Стремление построить диалог с широкой аудиторией находит, по нашему мнению, отражение в тех языковых и тактических средствах, которые судьи используют в публичных выступлениях. Эти средства отчасти совпадают со средствами диалогизации, используемыми в зале суда, но их репертуар в публичных выступлениях шире, что объясняется меньшей институциональной обусловленностью речи вне зала судебных заседаний.

На основе изученного нами материала в рамках более общей стратегии диалогизации мы выделили ряд типичных тактик и отдельных речевых средств, которые в соответствии с выполняемой функцией можно разделить на три группы: 1. обеспечивающие понятность и доступность речи; 2. служащие для привлечения и удержания внимания аудитории; 3. направленные на интимизацию общения. Отметим, что это разделение носит условный характер, поскольку некоторые языковые средства могут выполнять в контексте конкретного высказывания несколько функций, а в рамках одного высказывания часто комбинируются разные языковые средства и реализуются разные тактики.

1. К первой группе мы относим языковые средства, **обеспечивающие понятность и доступность речи**. Эти средства направлены, прежде всего, на то, чтобы придать выступлению четкую логическую структуру, которая проецируется в сознании слушателя, облегчая восприятие продолжительного монологического высказывания. Именно такую функцию выполняют широко используемые **композиционно-структурные и логико-связующие метакоммуникативные конструкции**. По наблюдению Т.В. Харламовой, «композиционно-структурные метатекстовые конструкции могут являться показателем начала темы или подтемы, указывать на порядок следования подтем, осуществлять ссылку на упомянутую ранее информацию, завершать тему или подтему текста», тогда как «логико-связующая группа... может вводить дополнительную, конкретизирующую, уточняющую, поясняющую информацию, указывать на обобщение сказанного, вывод, суммарность информации, предваряет цитацию» [Харламова, 2000, с. 19]. Структурирование выступления значительно облегчает восприятие речи аудиторией, и поэтому метакоммуникативные средства широко применяются в публичных речах, в том числе в выступлениях судей. Судьи отмечают подтемы своих выступлений, очерчивают их общие схемы:

(505) Прежде всего, хотелось бы остановиться на законодательной базе российского правосудия (Лебедев 2004);

(506) *What I want to do in this talk is first to consider the extent of the problem of youth offending and then to refer to some of these initiatives, almost all of which depend heavily on volunteers (Phillips 2006).*

Использование нумерации в структуре выступления для выделения значимых моментов также структурирует сообщение и встречается как в русской, так и в английской речи:

(507) *Актуальность этого направления обусловлена несколькими факторами. Во-первых, включение в оценку системы правосудия результатов опроса общественного мнения может существенно ускорить ответную реакцию со стороны судебных органов на поступающие жалобы, потребности и ожидания граждан – пользователей системы... Во-вторых, проявление судебными органами инициативы в организации действительно валидных и качественных исследований лишит наших оппонентов возможности спекулировать на результатах некорректно проведенных опросов (Одинцов 2006);*

(508) *So what are the benefits of projects such as these? I believe they are four-fold. First, they successfully engage young people in a way that more traditional education and training projects do not... Second, these programmes focus not so much on the obvious indicators of social disadvantage, the lack of qualifications and so on, but rather on the key underlying barriers facing these young people (Phillips 2006).*

Представители судебной власти, выступающие с публичной речью, всегда стараются подвести итог сказанному, эксплицитно и емко выразить суть, донести ее до слушателя. Промежуточные подытоживания в речи маркируются метакоммуникативными конструкциями, сигнализирующими о завершении фрагмента выступления:

(509) *Резюмируя, можно с уверенностью сказать: за три прошедших года был создан большой задел в нормализации отношений судов и СМИ, ситуация сдвинулась с мертвой точки, тотальный негатив и наиболее вопиющие стереотипы были изжиты (Одинцов 2006);*

(510) *I want now to draw my remarks to a close by making a few observations about the future (Phillips 2006).*

В выступлениях представителей российской и английской судебной власти мы отметили применение целого ряда структур как сигналов:

1) начала темы (подтемы): *начну выступление с повторения тезиса, хочу обратить внимание на то..., I am now going to mention, I now want to come to..., I do not intend to address..., I want to address... и др.;*

2) смены темы (подтемы) или ее развития: *кстати; добавлю; напомним, что; ...before turning to my topic of...; further...; but I must move on I suppose from... to...; next и др.;*

3) завершения темы (подтемы): *я остановился только на некоторых вопросах; таким образом; as I am coming to the end, finally и др.*

К средствам, способствующим диалогизации выступления и облегчающим его восприятие, можно отнести такой прием, как **повтор**. А.К. Михальская обращает внимание не только на способность повторов усиливать

выразительность речи, но и на их роль в организации целостного дискурса. Повторяя тему, общий тезис, основные идеи, выступающий облегчает восприятие дискурса слушателем публичной речи, который «находится по сравнению с читателем в весьма невыгодном положении: он не в состоянии по своей воле вернуться к тому месту изложения, которое он не понял, перелистнуть страницу и снова поразмыслить над не вполне ясным пассажем. Он не может восстановить утерянную им нить размышления. Он не в силах перечитать важные выводы. Все эти возможности должен предоставить ему оратор в своем публичном выступлении. Как это сделать? Основным механизмом этого – повтор» [Михальская, 1996, с. 232].

Повторение тезиса в начале и в конце тематически завершенного фрагмента наблюдаем в следующих примерах:

(511) *Надо существенно упростить процедуру дознания и предварительного следствия по очевидным преступлениям, в отношении преступлений небольшой и средней тяжести... Не надо тратить длительное время органам следствия и дознания на оформление доказательств, предъявление обвинения. Все это можно упростить...* (Лебедев 2004);

(512) *And if the criminal justice system is to work, there must be public confidence that the punishment administered is adequate and appropriate. This means that those who do not believe in punishment, and those who do not believe that prison is the most satisfactory form of punishment, have limited room for manoeuvre. And those who have emphasised the importance of persuading the public, and politicians who are keen to respond to wishes of the public, of the benefits of alternatives to prison, have been right to do so. As Chief Justice it is my job to administer the criminal law. And in doing so I have to have regard to the need to keep public confidence in the criminal justice system* (Phillips 2006).

Повторы могут осуществляться и на более коротком отрезке дискурса, выполняя в таком случае дополнительную функцию. Они «способствуют запоминанию речи, привлекают и активизируют внимание слушателей» [Там же. С. 232–233]. В следующем примере можно обнаружить комбинацию двух типов повторов: фигуру стыка, где последующая фраза начинается с повтора элемента, завершающего предыдущую фразу, и анафорический повтор, то есть повтор слов в начале частей фразы:

(513) *Since I have become Chief Justice I have learned of the amazing number of different initiatives that exist in the United Kingdom that, in one way or another, are seeking to do the same thing. That thing is to help young people to develop self-respect. To learn, often for the first time, that there are people who think that they are worth something, to learn the satisfaction of achievement, so that they come to value themselves* (Phillips 2006).

Как нам представляется, повтор на стыке предложений служит не только для дополнительной экспрессии, но и позволяет дробить высказывание на более короткие предложения, что способствует лучшему восприятию речи и может считаться шагом навстречу слушателям.

2. Средства, образующие вторую группу, выполняют функцию **привлечения и удержания внимания аудитории, вызывают**

заинтересованность публики. Проверенными средствами активизировать процесс восприятия речи являются **вопросительные высказывания**, в частности вопросно-ответное единство, риторический вопрос, которые активно используются для диалогизации монологической речи. На эту функцию вопросительных высказываний в различных стилях речи и типах коммуникации указывает ряд исследователей [Михальская, 1996; Введенская, Павлова, 2002; Зотов, 1991]. Ораторы от судебной власти часто применяют тактику «озадачивания» аудитории с помощью вопросительных высказываний, чтобы оживить общение с аудиторией (мы отмечаем этот прием в напутственном слове судей). Приведем пример вопросно-ответного единства, когда выступающий предлагает свой вариант ответа на поставленный им самим вопрос:

(514) Мы заинтересованы в том, чтобы в судах работали образованные, высоконравственные люди, заинтересованы в том, чтобы именно за счет такой категории пополнялись наши суды. Как разрешить проблему? Отчасти ее можно разрешить силами Российской академии правосудия, которая специально создавалась для этой цели. (Лебедев 2004)

Английский судья подробно объясняет, что происходит, когда акт Парламента противоречит Конвенции о Правах Человека, предваряя объяснение постановкой проблемы в виде вопроса:

(515) What happens if an Act of Parliament expressly authorizes an official to act in a way that infringes a Convention right? It is a fundamental constitutional principle in this country that Parliament is supreme. Judges cannot refuse to apply an Act of Parliament on the ground that it is unconstitutional or contrary to a Convention to which the United Kingdom is party. (Phillips 2007)

Вопрос, заданный оратором, может остаться и без ответа. В этом случае говорят о риторическом вопросе, который представляет собой «эффективную фигуру диалогизации монологической речи, служащую «для эмоционального выделения ее смысловых центров, для формирования эмоционально-оценочного отношения адресата к предмету речи, а также для представления адресату особенно важных в смысловом отношении этапов рассуждения (доказательства)» [Михальская, 1996, с. 241].

Обращаясь к проблеме качества юридического образования, оратор задает вопрос, ответ на который представляется достаточно очевидным и потому не требует озвучивания:

(516) Следует, может быть, даже в рамках съезда или в другой аудитории, поговорить о качестве юридического образования. К нему давно есть большие вопросы. Много отраслевых вузов готовят юристов, а насколько эта подготовка является качественной, в этом надо разобраться. И вообще, надо ли их так много готовить? (Лебедев 2004)

Стремление выступающего привлечь аудиторию к мыслительному процессу, к поиску решения и ответов на вопросы получает вербальное выражение в речи английского судьи. Обсуждая проблему соотношения юридической и моральной вины, он открыто заявляет о том, что не дает готовых ответов и хочет, чтобы слушатели нашли ответы самостоятельно:

(517) The first man is guilty of wounding with intent to cause grievous bodily harm. The second is guilty of manslaughter. He is a “killer” – and that is how he will be described in the evening paper. Which of those two men is morally more culpable? I won't answer the question. You answer for yourselves. Which is legally the more to blame? (Judge 2005)

Как в русских, так и в английских публичных речах представителей судебной власти нам встретились серии из нескольких вопросов, усиливающие напряжение и способствующие максимальной концентрации мысли у аудитории. Критикуя некоторые законодательные инициативы, Председатель Верховного Суда РФ задается рядом вопросов и обращается к слушателям:

(518) ... Речь шла о том, чтобы приостановить действие пп.2 и 3 ст.2 Федерального закона «О финансировании судов Российской Федерации», которые говорили о невозможности уменьшения ассигнований на деятельность судов без согласия органов судейского сообщества. Причем здесь борьба с коррупцией? Для чего этот законопроект внесен в Правительство? (Лебедев 2004)

Во фрагменте из речи английского судьи, посвященной теме общественного мнения о судебной системе, ряд вопросов начинается с одного и того же вопросительного слова *why* (почему), что позволяет говорить о комбинации вопросительной тактики с анафорическим повтором:

(519) Why do people get it wrong? ... Why is there this vast and deeply alarming discrepancy between what actually happens and what you believe? ... But why does this happen? (Judge 2005)

Вопросительные высказывания, привлекая внимание аудитории к определенным моментам в речи выступающего, не только вербально реализуют тактику «озадачивания» аудитории, но и часто выполняют композиционную, структурирующую функцию, определяя содержание последующей части:

(520) How about the sentencing of offenders? (Phillips 2007)

(521) Can I come back to where I started? (Judge 2005)

Вопросительные высказывания в публичных выступлениях российских и английских судей как средства диалогизации монологической речи обнаруживают значительное сходство функций и способов употребления. В то же время вопросительные высказывания как зачин темы или сигнал возвращения к проблеме в нашем материале встретились только в английской речи.

Специфически английским средством вовлечения аудитории в живое общение, способом заинтересовать аудиторию нам представляется **апелляция оратора к необычным фактам**, связанным с основной темой выступления, но звучащим несколько неожиданно из уст официального лица. Рассмотрим примеры. Анализируя проблему молодежной преступности в современной Англии, Лорд Главный Судья совершает экскурс в историю, напоминает слушателям о том, как появилось слово *hooligan* (хулиган), и даже подробно описывает внешность и стиль одежды настоящего хулигана 19 века:

(522) That same year the word “hooligan” made its way into our language, and then, as now, one knew a hooligan by his dress. The uniform dress code then was

peaked caps, neck scarves, bell-bottom “narrow-go-wide” trousers cut tight at the knee, heavy leather belts with designs worked in metal studs, and a hair style which was cropped close to the scalp with a “donkey fringe” hanging over the forehead – a dress code to strike fear into the heart of every upstanding citizen (Phillips 2006)

В контексте официального выступления такая неформальная историческая справка не только служит яркой, почти наглядной иллюстрацией того, что проблема молодежной преступности не нова, но и оживляет речь, вызывая интерес слушателей. В речи высокопоставленного судьи, наполненной статистическими данными, такая исторически-бытовая иллюстрация является одновременно и умственной «разрядкой», поскольку аудитория, вынужденная воспринимать большое количество абстрактной аналитической информации, получает возможность переключиться на восприятие визуального образа, созданного вербальными средствами.

Продолжая обсуждение молодежной преступности, Лорд Главный Судья демонстрирует знания не только исторического характера, но и осведомленность о жизни современных молодых англичан. В следующем примере, рисуя общую картину жизни современных подростков, он обозначает их основное занятие разговорным выражением *hanging out (тусовка)*:

(523) *“Hanging out with mates” is what teenagers do in the UK. (Phillips 2006)*

Судья также цитирует текст вывески в одном из самых неблагополучных районов, которая гласит *Sod the dog, beware of the kids (К черту собак, бойтесь детей)*:

(524) *In Salford, there is on one of the most run-down estates a sign which reads, “Sod the dog, beware of the kids”. (Phillips 2006)*

Слово «sod» маркировано в словаре как «spoken not polite» (разговорное невежливое) и толкуется так: «Used to say rudely that something is not important» (Используется, чтобы грубо сказать, что что-то не представляет важности) [Longman, 2006, p. 1571]. Использование в публичной речи высокопоставленным судьей разговорных и даже грубых выражений в данных случаях, на наш взгляд, оправдано. Во-первых, это все-таки цитирование, а не речь от первого лица. Во-вторых, такая лексика встречается в речи оратора редко, и оратора нельзя обвинить в популизме. Напротив, удачное и нечастое применение таких выражений в соответствии с общим замыслом высказывания, а не ради самих выражений, свидетельствует о знании судьей реальной жизни и предмета речи, а также производит эффект неожиданности на слушателей, завладевает их вниманием.

3. Третью группу составляют тактики, **направленные на интимизацию общения и сокращение дистанции между оратором и аудиторией**. В рамках этой группы мы выделяем несколько типов тактик. Прежде всего, это **апелляция к аудитории**. Апелляция к аудитории может иметь форму утверждений либо вопросов, но обязательным показателем является употребление личных и притяжательных местоимений второго лица:

(525) Вы помните, что по закону каждый судья имеет право на повышение своей квалификации, один раз в три года и это гарантия судьи для его работы. (Лебедев 2004);

(526) *Many people think that we live in a violent society, and if you are one of them, you would simply reflect public opinion generally.* (Judge 2005)

Апелляция к аудитории имеет еще более выраженный диалогический характер, если высказывание является оценочным. В нашем материале встретились примеры **положительной оценки**, направленной на аудиторию. В речи, обращенной к коллегам, Лорд Главный Судья ставит своих слушателей на ступеньку выше себя, заявляя о том, что многие из них имеют гораздо более богатый опыт работы в системе уголовного правосудия, чем он сам:

(527) *Over the past two days it has been apparent that most of you have a much greater experience of the criminal justice system than I have.* (Phillips 2006)

Представитель пресс-службы Верховного Суда РФ заканчивает свое выступление эксплицитно выраженной благодарностью, обращенной к аудитории и содержащей целый ряд лексических единиц с положительно-оценочной семантикой:

(528) *В завершении я хотел бы поблагодарить присутствующих здесь уважаемых представителей системы правосудия за понимание важности публичной работы и конструктивное сотрудничество с пресс-службой, а также журналистов за корректное и содержательное освещение деятельности российских судов.* (Одинцов 2006)

Очень распространенной тактикой интимизации общения и сокращения дистанции между говорящим и аудиторией в английских выступлениях является тактика **объединения говорящим себя с аудиторией**. Она находит воплощение прежде всего в использовании инклюзивного *мы/we (us)*, когда оратор говорит не только от себя лично, но и от имени слушателей:

(529) *Отмечаются позитивные процессы в социальной сфере. Об этом мы знаем и из послания главы области.* (Назаров 2008);

(530) *A range of practical projects was undertaken, including community landscaping, maintenance of play and sports areas, decoration of community property and graffiti removal. A list well-known to those of us familiar to unpaid work.* (Phillips 2006)

Сокращение дистанции ощущается в еще большей степени, если выступающий объединяет себя с аудиторией в рамках бытовых, жизненных, хорошо знакомых всем присутствующим ситуаций, таких как получение водительских прав, получение паспорта для выезда из страны и т.д. Как мы помним, ссылки на бытовые ситуации являются типичным приемом судей в напутственном слове. Именно к таким ситуациям апеллирует оратор в следующем примере, несколько раз используя инклюзивное *we*:

(531) *The life of the individual in modern society is beset by officialdom at every turn. We need a licence to drive a car. We need a permit to extend out house. We need a passport if we are going into and out of the country. Nearly half the workforce of the country is employed in regulating how we all behave.* (Phillips 2007)

Указание на то, что оратор не изолирован от аудитории, а живет в обществе, которое он обозначает как *our community* (наше общество), и разделяет озабоченность проблемами этого общества, также способствует интимизации общения:

(532) *In our community there is a profound sense of unease about crime, in particular a fear, sometimes paralyzing, of criminal violence, and genuine concern about sentencing decisions, as they say, “handed down” in court. (Judge 2005)*

Обращаясь к коллегам-судьям, Председатель Верховного Суда РФ неоднократно использует инклюзивные формы *мы, у нас, наши*, чтобы продемонстрировать свою принадлежность к аудитории:

(533) *У нас с вами исключительное, необычное положение: мы самая публичная власть. И она должна быть самой прозрачной. Поэтому, чтобы общество воспринимало нас именно так, необходим комплекс мер, которые предупредили бы совершение поступков, порочащих честь и достоинство судьи и умаляющих авторитет судебной власти. Необходимо обсуждение и принятие на нашем форуме Кодекса судейской этики судьи. Во-вторых, более тщательно надо производить подбор кандидатов на должности судей. Здесь мы должны в полной мере опросить и спецслужбы, и правоохранительные органы, чтобы были представлены всесторонние сведения на того кандидата, который претендует на высокую должность судьи. (Лебедев 2004)*

Отдельно отметим необычный прием построения живого диалога с аудиторией, использованный Президентом Отделения королевской скамьи. Оратор использует **интерактивный подход** и буквально вовлекает аудиторию в совместную деятельность, давая необходимые указания и делая замечания по ходу эксперимента. Он просит слушателей взять карандаш, бумагу и ответить на вопросы, которые он задаст, с тем, чтобы выяснить, насколько мнение аудитории соответствует реальным статистическим данным:

(534) *But first, I want to test you. You, after all, members of this most distinguished club, men and women of wide experience and knowledge, capable of critical analysis of what you read. The point of this exercise is to examine what you know, and set against that what your perceptions are. Take out a pencil and paper and write down your own personal answers to the following simple questions <...> Now to the answers: check your own. I shall give you the facts, and you can see where you stand - how right or how wrong. (Judge 2005)*

Отметим в приведенном высказывании многократные апелляции к публике с использованием местоимения *you*, применение тактики положительной оценки мыслительных способностей аудитории, а также наличие указаний, обращенных к публике и выраженных глаголами в императивной форме *take out, write down, check*. Императивные обращения оратора к публике свидетельствуют о существовании определенных ожиданий со стороны оратора, его желании получить отклик, увидеть реакцию публики (в данном конкретном случае – выполнение ряда действий), что позволит ему осуществить замысел выступления. Задав аудитории ряд вопросов, оратор продолжает разговор со слушателями, предлагая им вместе проанализировать результаты:

(535) *Let us look at the first question. (Judge 2005)*

Наконец, среди тактик интимизации общения назовем **тактику апелляции к личности оратора**. Эта тактика предполагает, что «оратор при обсуждении каких-либо вопросов обращается к своему жизненному опыту, приводит случаи из своей жизни, говорит о своем восприятии тех или иных событий» [Введенская, Павлова, 2002, с. 275]. Российские ораторы от судебной власти не склонны сообщать личные детали и рассказывать о персональном опыте и переживаниях публично. Они ограничиваются редкими ссылками на личные убеждения или мнения по обсуждаемому вопросу, используя в высказываниях вводные субъективно-модальные конструкции:

(536) *Думаю, что необходимо ввести, как можно быстрее, автоматизированный порядок распределения дел между судьями по методике случайной выборки. (Лебедев 2004);*

(537) *Убежден, профессиональная работа приведет к положительным сдвигам и в случае с этой, специфической аудиторией. (Одинцов 2006)*

Английские судьи, наоборот, широко применяют тактику апелляции к своей личности. Как и российские ораторы, они могут ссылаться на личные мнения и убеждения:

(538) *These projects do not of course, offer a complete solution. The problems faced by these young people are too complex for that to be the case. But my hope is that the value of well-run initiatives aimed at personal development, be they partnerships between government and the volunteers, or wholly voluntary, may be fully realized. For this to happen, I believe three factors are crucial. (Phillips 2006)*

Другие ссылки личного характера в речи английских судей могут касаться таких аспектов жизни, как карьера, семья, привязанности, интересы и увлечения, чувства. Ссылки на эти аспекты своей жизни ораторы используют таким образом, чтобы показать их связь с настоящим моментом, ситуацией, с аудиторией. В этом отношении образцовым примером может служить начало речи Лорда Главного Судьи, которую он произносит в Кардиффе, столице Уэльса. Он демонстрирует свою принадлежность к стране и связь с присутствующими в зале слушателями, сообщая семейный факт: его невестка родом из Уэльса:

(539) *Being called Phillips I ought to have some Welsh connections, but the best that I can do, and it is not the bad best, is to have a daughter-in-law who hails from Porthcawl. (Phillips 2007)*

В другом выступлении Лорд Главный Судья, подводя аудиторию к обсуждению вопроса благотворительности и заслуг действующих благотворительных организаций, говорит о том, что он сам участвует в благотворительных проектах:

(540) *This emphasis on the value of sport in developing social skills bring me on to a charity with which I am involved, Endeavour Training. (Phillips 2006)*

Благодаря применению английским судьей тактики апелляции к своей личности он выглядит не только фигурой власти, но и обычным человеком, живущим своей собственной жизнью. Судьи, как мы отмечали в самом начале работы, в силу характера своей основной деятельности не являются фигурами

публичными, и их частная жизнь – не достояние общественности. В том числе и по этой причине ценной и привлекательной кажется аудитории та информация личного характера, которой судья готов поделиться в ходе публичного выступления.

Таким образом, представители российской и английской судебной власти строят публичные речи, ориентируя их на адресата, и используют целый ряд тактик и языковых средств, чтобы сделать выступление понятным для аудитории, чтобы удерживать внимание публики и стимулировать ее мыслительную деятельность, создать впечатление живого диалога со слушателями. В то время как языковые средства, применяемые для придания дискурсу четкой структуры и логичности, обнаруживают значительный параллелизм в русской и английской речи, некоторые тактики привлечения внимания и интимизации общения имеют национально-культурную специфику. Только английские судьи удерживают внимание посредством апелляции к необычным фактам и сокращают дистанцию между собой и аудиторией, апеллируя к деталям профессиональной и семейной жизни и даже вовлекая слушателей в совместную деятельность. Многие из перечисленных приемов успешно используются в зале суда, тогда как тактики, связанные с сообщением необычных фактов и информации личного характера, могут быть применены только вне судебного процесса. Демонстрация озабоченности проблемами общества и стремление к диалогу с общественностью способствует созданию образа открытой и прозрачной судебной власти.

4.2.2 О роли интертекстуальных ссылок на законодательные тексты

Подобно речи в зале суда, публичные речи судей содержат значительное количество интертекстуальных обращений к законодательным текстам. Ссылки на законодательство, как мы отмечали в главе 3, типичны для речевого поведения судей в зале суда независимо от жанра. Эта особенность характеризует и их публичные выступления. С одной стороны, интертекстуальные ссылки на законодательные тексты обусловлены социальным статусом говорящего и тематической сферой выступления. С другой стороны, они помогают четче обозначить эту тематическую сферу. Рассмотрим данный тип интертекста с формальной и функциональной точек зрения.

С точки зрения формы мы выделяем три основных типа включений законодательных текстов в публичный дискурс судей:

1. ссылка на закон, в которой дается его точное название, но содержание закона не толкуется и не цитируется;
2. краткий пересказ содержания закона, чаще его конкретного пункта, значимого для темы выступления;
3. собственно цитирование закона.

Все перечисленные типы включений можно отнести к намеренно маркированной интертекстуальности (термин В.Е. Чернявской [Чернявская, 2008, с. 187]), что объясняется официальной сферой деятельности и

формальной обстановкой общения. Ссылки на тексты законов должны помочь выступающему в достижении коммуникативных целей, а не быть препятствием к пониманию его слов аудиторией. От аудитории не требуется проницательности, чтобы обнаружить интертекст, но в то же время во многих случаях слушатели должны обладать определенным набором знаний, чтобы воспринять смысл высказывания. Особенно это касается интертекста, в котором оратор только упоминает название закона. Он рассчитывает на то, что аудитории известно содержание, которое в таком случае образует пресуппозицию высказывания. К примеру, выступая на съезде судей от имени Высшей квалификационной коллегии судей, ее председатель ссылается на то, что в своей работе руководствуется законом. Говорящий не уточняет, каковы требования, предъявляемые законом к судьям. Поскольку речь произносится на съезде судей, очевидно, что аудитория состоит главным образом из людей, которым хорошо знаком текст закона и которым достаточно упоминания о нем:

(541) Судье с учетом стажа, опыта судебной работы и занимаемой должности присваивается квалификационный класс, который не является специальным либо почетным званием. При этом оцениваются уровень его профессиональных знаний, умение применять их при осуществлении правосудия, деловые качества и соответствие его требованиям, предъявляемым к судье Законом Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации". (Кузнецов 2004)

Подобным образом без подробных объяснений упоминается статья Трудового кодекса в следующем примере:

(542) В работе квалификационных коллегий судей по этому направлению также возникали сложные моменты. Так, спор о возможности применения требований статьи 193 Трудового кодекса Российской Федерации о сроках давности привлечения судьи к дисциплинарной ответственности стал предметом судебного разбирательства. (Кузнецов 2004)

Общие знания оратора и аудитории создают необходимую основу для использования ссылок на законодательные тексты. Общая сфера профессиональной деятельности и, как следствие, наличие общей базы знаний, общего когнитивного пространства обеспечивают успешность таких ссылок при коммуникации с аудиторией. Представляется, что упоминание законов способствует созданию образа оратора как юридически грамотного и законопослушного представителя судебной власти.

В выступлениях английских судей ссылка на законодательный акт практически всегда сопровождается его толкованием, часто цитированием фрагментов. Мы объясняем это некоторыми экстралингвистическими факторами. Дело в том, что адресат публичных речей судей в Англии отличается от адресата подобных выступлений в России. Отечественные судьи произносят речи главным образом перед коллегами – судьями, тогда как публичные речи английских судей чаще адресованы более широкой аудитории: не только специалистам в области права, но и бизнесменам, студентам, членам общественных организаций. В определенном смысле эти выступления носят более публичный характер, что отражается и на характере ссылок,

интертекстуальных связей. Обращаясь к неспециалистам в области законодательства, английские судьи не только дают ссылки на определенные законы, но и обращаются к их содержанию. Выдержки из законодательных текстов обеспечивают аудиторию информацией, необходимой для понимания идей оратора. Ссылаясь на Акт о правах человека, принятый британским правительством в 1998 году, судья объясняет, что этот законодательный акт требует от властей соблюдения прав человека, а от судей осуществления защиты этих прав в соответствии с решениями Суда в Страсбурге:

(543) UK citizens could not sue the government in this country for infringing their human rights; they had to go off to Strasbourg. All this changed when the current Government introduced the Human Rights Act 1998. That Act places a duty on all public authorities to observe citizens' human rights and citizens can sue for damages if their rights are infringed. The Act requires the judges to enforce human rights and expressly requires us to take account of decisions of the Strasbourg Court when doing so. (Phillips 2007)

В подобных случаях, обращаясь к содержанию законодательных текстов, судья выступает своего рода посредником между законодателями, авторами законов, которыми он руководствуется в своей деятельности, и аудиторией. Это посредничество не обязательно сводится к объективной ретрансляции законодательных текстов. В речи судей законы и законодательные инициативы могут получать оценку. Так, оратор напоминает содержание статьи Федерального конституционного закона, чтобы подчеркнуть несоответствие действий законодательных органов страны принятым ими же законам:

(544) Казалось бы, что конституционный принцип независимости судов и судей уже не оспаривается, но приходится говорить об этом снова и снова, поскольку регулярно появляются законопроекты и предложения, направленные на то, чтобы что-то отнять у судей или в чем-то их ограничить. К сожалению, новые инициативы Совета Федерации, Правительства в том же духе. При этом законодатель игнорирует законы, которые сам и принимал. В статье 5 Федерального конституционного закона (О судебной системе), т.е. закона обладающего наивысшей силой (после Конституции), записано, что в Российской Федерации не могут издаваться законы и иные нормативные акты, отменяющие или умаляющие самостоятельность судов, независимость судей. (Сидоренко 2004)

Целый ряд языковых средств, в том числе маркер субъективной оценки *к сожалению*, лексические единицы с отрицательной коннотацией *отнять, ограничить, игнорирует, умаляющие*, разговорное выражение *в том же духе*, придаёт высказыванию ярко выраженный субъективный характер. Судья вступает в полемику с авторами закона и влияет на отношение аудитории к законодательному акту, о котором идет речь.

Несмотря на то, что цитаты считаются «эмблематической формой интертекстуальности» [Пьеге-Гро, 2008, с. 85], мы находим только отдельные примеры цитирования текстов законов. Мы считаем, что цитата используется в тех случаях, когда особую важность представляет ее «каноническая функция – быть авторитетной» [Там же. С. 85]. Пример (545) иллюстрирует такой случай.

Оратор начинает свое выступление, посвященное правам детей в суде, цитируя положение из принятого Парламентом в 1933 году Акта о молодежи, которое он считает чрезвычайно важным и потому достойным повторения:

(545) That was the year in which Parliament laid down a principle which I regard still to as being of the greatest importance and bear repeating; namely that contained in the Children and Young Persons Act 1933, section 44(1). That provision states: "Every court in dealing with a child or young person who is brought before it, either as an offender or otherwise, shall have regard to the welfare of the child or young person and shall in a proper case take steps for removing him/her from undesirable surroundings, and for its education and training". (Woolf 2002)

Все три типа интертекстуальных включений, перечисленные нами, предполагают введение в авторский дискурс дополнительной информации – как той, которая хорошо знакома адресату и требует только лишь упоминания, так и той, которая требует более подробных объяснений. Интертекстуальные включения являются источником дополнительных смыслов, а также способом построения диалогических отношений между автором выступления и автором «чужого» текста. На специфику отношений между автором и «другими голосами» указывают М. Блур и Т. Блур: «Эти другие голоса могут добавлять дополнительную информацию или мнения, или они могут поддерживать или опровергать значения, создаваемые главным автором» [Bloor, Bloor, 2007, p. 55]. Так, к примеру, ссылка на букву закона используется для укрепления собственной позиции оратором, который убеждает аудиторию в безупречности своей и своих коллег репутации и в соблюдении ими закона:

(546) Исполняя Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», Высшая квалификационная коллегия судей 15 мая 2003 года утвердила Положение об экзаменационных комиссиях по приему квалификационного экзамена на должность судьи, а также состав состоящей при ней экзаменационной комиссии. (Кузнецов 2004)

В данном случае единство позиций оратора и авторов законодательного акта очевидно и способствует созданию положительного образа выступающего, который действует, «исполняя закон».

Авторы сами создают необходимое вербальное оформление интертекстуальных включений. О создании и использовании вербальной «рамки» для интертекстуальных включений Н. Фэрклоф пишет: «...Когда голос другого включается в текст, всегда есть варианты того, как оформить его «рамкой», как включить его в контекст других частей текста, и в этом состоит суть отношений между передаваемым фрагментом и авторской точкой зрения» [Fairclough, 2004, p. 53]. Рамка в значительной степени определяет то, как чужой текст, в нашем случае – законодательный текст, будет восприниматься адресатом в контексте выступления. Иными словами, авторская рамка может носить модальный характер, что придает высказыванию в целом если не эксплицитно оценочный, то полемический характер. В рамках высказывания строится диалог, основанный на единстве или различии позиций главного автора и автора включенного элемента. В следующем примере выступающий ссылается на закон и дает ему оценку:

(547) *Совсем недавно, этой осенью был внесен целый пакет законодательных актов, которые, с моей точки зрения и с точки зрения моих коллег, не надо подвергать глубокому анализу, их направленность очевидна – это ограничение самостоятельности суда и независимости судей. Это закон о новом порядке формирования квалификационных коллегий судей и закон о новой процедуре назначения Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (п.4 ст.15 проекта Федерального закона «О бюджете Российской Федерации на 2005 год»).* (Лебедев 2004)

Выступающий не объясняет содержания законодательных нововведений, но их отрицательная оценка и расхождение позиций автора высказывания и авторов законопроекта очевидны. В данном случае авторская рамка как выражение позиции автора высказывания практически перекрывает «чужие голоса» авторов законопроекта. Несмотря на использование автором метакоммуникативной конструкции для выражения субъективной оценки (*с моей точки зрения и с точки зрения моих коллег*) следующая часть высказывания звучит достаточно категорично (*не надо подвергать глубокому анализу, направленность очевидна*). Поскольку оратор выступает не как частное лицо, а как представитель судебной власти, фактически диалог строится между различными ветвями власти – судебной и законодательной.

Авторской рамкой, выражающей субъективное отношение к чужим словам, может быть оформлена конкретная цитата, как это происходит в следующем примере. Оратор, не согласный с действиями правительства, цитирует принятый правительством антитеррористический закон, позволяющий без суда и следствия держать в заключении подозреваемых:

(548) *After 9/11 the Government purported to derogate from the Convention by passing an Act, the Anti-Terrorism, Crime and Security Act 2001, that gave them the power to lock up without trial: “foreign nationals present in the United Kingdom who are suspected of being concerned in the commission, preparation or instigation of acts of international terrorism... and who are a threat to the national security of the United Kingdom”.* (Phillips 2007)

Отметим в словах судьи, предваряющих выдержку из Закона, использование лексических единиц *purported* и *derogate*, имеющих негативную коннотацию. Глагол «purport» толкуется как «to claim to be or do something, even if this is not true» (утверждать, что вы являетесь кем-то или делаете что-то, даже если это неправда) [Longman, 2006, p. 1331]. Толкование значения глагола «derogate» звучит как «to make something seem less important or less good» (сделать так, чтобы что-то казалось менее важным или менее хорошим) [Ibid. P. 422]. Используя лексику с отрицательно-оценочной коннотацией, автор помещает цитату из закона в «рамку», обеспечивающую негативное восприятие аудиторией сообщаемой информации.

Таким образом, как и в судебном дискурсе, в публичных речах судей законодательные тексты образуют богатый источник интертекстуальности. Они помогают оратору очертить тематическое пространство речи, аргументировать собственную позицию либо выстроить полемический диалог с автором включения посредством помещения цитаты в модальную рамку.

Полнотекстовые цитаты и объяснения законодательных текстов обеспечивают аудиторию, состоящую из неспециалистов, дополнительной информацией, необходимой для восприятия речи. Такие функции интертекста соответствуют функциям, которые он выполняет в собственно судебном дискурсе: разъяснение законодательства присяжным в жанре напутственного слова, разъяснение прав участникам процесса в жанре допроса, ссылки на законодательство в качестве аргументации при назначении приговора в жанре приговора, а также случаи выражения критического отношения к закону в том же жанре. Установленное соответствие позволяет нам утверждать, что в жанре публичной речи судьи активно используют элементы речевой практики, регулярно применяемые ими в судебном дискурсе. Перенос некоторых типичных для судебного дискурса способов организации речевого взаимодействия в публичный дискурс, ориентированный на иного адресата и в целом имеющий иную коммуникативную интенцию, свидетельствует об интердискурсивности и формировании гибридного дискурса.

4.2.3 Интертекст как способ укрепления авторитета судебной власти

Помимо ссылок на законодательные тексты, характерные для судебного дискурса, в публичных выступлениях судей содержится большое количество интертекстуальных включений других типов, что значительно расширяет их тематические границы, функциональные возможности и предоставляет ораторам определенную творческую свободу. Рассмотрим эти типы интертекста и их частные функции в рамках общей задачи создания положительного образа судебной власти и укрепления ее авторитета в обществе.

Типичным официальным источником информации, к которому обращаются судьи, являются **статистические данные**. Статистика служит средством аргументации точки зрения оратора, придавая ей более убедительное и весомое звучание. Так, стараясь убедить аудиторию в важности работы по профилактике преступности, Лорд Главный Судья сначала представляет собственные ожидания от такой работы (*I expect - я ожидаю*) и затем приводит расчеты экономической выгоды, представленные в отчете аудиторской комиссии:

(549) *I expect the results to be significant. The Audit Commission estimated that in 2004 that if effective early intervention had been provided for just one in ten young offenders in custody, annual savings in excess of £ 100 million could have been made. (Phillips 2006)*

В приводимых статистических данных может отмечаться положительная динамика функционирования судебной власти:

(550) *За 4 года Высшая квалификационная коллегия судей провела квалификационную аттестацию 1906 руководителей судов и судей. Это на треть больше, чем за предыдущий период. В прежних классах оставлено 98, остальным присвоены более высокие квалификационные классы, в основном, первый и высший. Квалификационные коллегии в регионах провели аттестацию*

20871 судьи и руководителя соответствующих судов, из которых в прежних классах оставлены 391... (Кузнецов 2004);

(551) Суды области рассмотрели за год более 170 тыс. дел и материалов, а если учесть количество защищаемых сторон, то цифру следует умножить минимум на 2. Такое количество граждан в том или ином качестве участников процесса воспользовались правосудием. (Назаров 2008)

Другой важный и обширный источник интертекстуальности представляют ссылки на **речь представителей других ветвей власти, официальных лиц и официальных организаций.** Контекст этих ссылок может быть разным – от полного согласия с цитируемым мнением до острой полемики с ним. Представители российской судебной власти часто черпают поддержку в речи президентов. Обсуждая необходимость изменений в законодательстве, председатель Верховного Суда ссылается на мнение президента:

(552) *Хочу обратить внимание на то, что необходимо внести изменения в действующий федеральный закон «О мировых судьях Российской Федерации». Владимир Владимирович Путин уже говорил о том, что нагрузка на мирового судью сегодня достаточно высокая, и поэтому здесь следует скорректировать вопросы оптимизации обеспечения деятельности мировых судей и нагрузки на мирового судью* (Лебедев 2004).

Подобный пример ссылки, уже на слова Д.А. Медведева, встречаем в речи Председателя Конституционного Суда РФ:

(553) <...> *Обеспечение судейской независимости является первостепенной, приоритетной задачей в концепции совершенствования судебной системы. В частности, на необходимость срочной разработки и внедрения современных законодательных и других механизмов, позволяющих повысить уровень судейской независимости, неоднократно указывалось Президентом России в его выступлениях.* (Зорькин 2008)

Примеры (552), (553) реализуют тактику демонстрации единения с законодательной властью, на которую возлагаются надежды относительно законодательных изменений. Упоминание о поддержке Президента призвано свидетельствовать о правильности реформ, происходящих в сфере правосудия.

Яркий пример конфронтации оратора с автором интертекста мы можем наблюдать в речи Лорда Главного судьи, который называет мнение, высказанное бывшим Министром внутренних дел о роли судьи в обществе, абсолютным заблуждением (*a fundamental misconception*):

(554) *I read an account of the evidence given on 17th January by ex Home Secretary, Charles Clarke to the House of Lords Select Committee on the Constitution. He raised some very interesting issues, but some of his comments disclosed, so it seems to me, a fundamental misconception of the role of the judge... Here, by way of example, are two passages from Charles Clarke's evidence: ... "the judiciary bears not the slightest responsibility for protecting the public and sometimes seems utterly unaware of the implications of their decisions for our society".* (Phillips 2007)

Перечисленные типы интертекста типичны для речи как русских, так и английских судей. В то же время мы отметили источники интертекста, характерные только для речи английских судей.

Во-первых, это **ссылки на слова коллег-судей**. Как и в жанре приговора, где английские судьи ссылаются на принятые ранее их коллегами решения, чтобы аргументировать свою позицию, цитирование других судей в публичных выступлениях служит для демонстрации последовательности действий и согласия в судебском корпусе. Причем чувство коллегиальности и преемственности может охватывать достаточно продолжительный период времени. В примере (555) судья, доказывая, что проблема подростковой преступности существовала всегда, цитирует слова коллеги-магистрата, произнесенные более ста лет назад:

(555) Submitting evidence to the Howard Association on the subject of juvenile offenders in 1898, Mr Heathcote, a Stipendiary Magistrate, bemoaned that, "the child of today is coarser, more vulgar, less refined than his parents were". (Phillips 2006)

Ссылки на предшественников, как и в жанре приговора, создают диахронически связанное дискурсивное пространство, свидетельствуют о преемственности в судебском корпусе, способствуя созданию чувства стабильности в обществе и укреплению авторитета судебной власти.

Отсутствие подобных ссылок в публичных речах отечественных судей мы объясняем присущим нынешней судебной власти стремлением «откреститься» от советского прошлого, с которым власть связывает негативные процессы в системе правосудия. Из фрагмента выступления представителя Верховного Суда РФ, который мы приводим ниже, следует, что недостатки были присущи советской системе правосудия, но не нынешней и что проекция этих недостатков на современность неправомерна:

(556) В антисудебных эскападах солируют оппозиция, представители западных политических и экспертных кругов и связанные с ними некоммерческие организации в России, слишком близко к сердцу принявшие доклад Всемирного банка «Судебная система в странах с переходной экономикой: оценка прошлого и взгляд в будущее». Как правило, эти высказывания характеризуют перенос особенностей советского правосудия на нынешнюю систему, отсутствие конкретных представлений о текущем состоянии судопроизводства в России, экстраполяция собственного негативного судебного опыта на систему в целом. (Одинцов 2006)

Таким образом, типы интертекстуальных включений могут указывать на идеологические доминанты, существующие в профессиональной сфере. Если в английском правосудии поддерживаются традиции и преемственность (об этом свидетельствует и сохраняющий свою силу прецедент), то в отечественной системе, напротив, акцент ставится на происходящие изменения и реформы, поддерживаемые Президентом.

Интертекстуальные включения в некоторых случаях можно отнести к проявлениям творческой индивидуальности в речи судей. К интертекстуальным включениям, в которых раскрывается творческий и эстетический потенциал

судей, мы относим **прецедентные тексты**, в том числе **цитаты из художественной литературы и библейские аллюзии**. К таким источникам интертекста обращаются, по нашим наблюдениям, только английские судьи. Президент Суда Королевской Скамьи цитирует Шекспира, стремясь убедить аудиторию в необходимости милосердия:

(557) I have a theory, not to be analysed now, that if the community as a whole believed that each of us, in our time, will have to face a greater Judge than any on earth, for him to weigh our thoughts and virtues in the balance, mercy would not have become so unfashionable. Isabella's plea in Measure for Measure says it all:

*"... How would you be,
If He, which is the top of judgement, should
But judge you as you are? O, think on that;
And mercy then will breathe within your lips..." (Judge 2005)*

Оратор не называет имени автора, только название пьесы, рассчитывая на определенный уровень образования и культуры аудитории, которая должна знать великого английского драматурга. Функция литературного интертекста – не просто декоративная. Посредством цитаты из литературы судья проводит параллели между обсуждаемой ситуацией в реальной жизни и ситуацией в литературном фрагменте. Проецируя элементы ситуации, представленной в цитируемом тексте на реальную ситуацию, оратор предлагает аудитории схему понимания реальности, в которой поддерживается его идея о милосердии.

Источником вдохновения и авторитетным текстом является для английских судей Библия. По замечанию О.В. Спиридовского, исследующего интертекстуальность в речах зарубежных президентов, Библия представляет собою богатый источник мудрых мыслей, изречений и поучительных историй, и ее интертекстуальный потенциал очень высок [Спиридовский, 2006]. Мы можем наблюдать использование этого потенциала в речи английского судьи, посвященной проблеме назначения наказания. Оратора больше интересует не религиозная сторона сюжета, а общечеловеческие проблемы, отраженные в библейских сюжетах. С характерным английским юмором он представляет библейский сюжет, применяя категории и термины судебной сферы, и сообщает о том, что первое преступление было совершено в садах Эдема и там же было назначено первое наказание:

(558) Those of you who know your book of Genesis will remember that the first crime was committed in the Garden of Eden. It was also the place where the first sentencing decision was made. (Judge 2005)

По словам судьи, дело осложнялось тем, что Адам совершил умышленное преступление (*deliberately committed the offence*). Кроме того, у него не было адвоката (*lacked legal assistance*). Судья даже перечисляет названия газет, в которых могло бы быть описано это дело: *The Guardian Angel, The Daily Hail, The Eternal Times*. В этих названиях аудитория легко узнает названия популярных современных британских газет, остроумно трансформированные с помощью игры слов в названия с библейскими аллюзиями. Многочисленные юридические термины и понятия, используемые выступающим, производят впечатление слушания дела в суде. Президент Суда Королевской Скамьи

проводит параллели между современной ситуацией с назначением наказаний, жесткость которых во многих случаях он считает неоправданной, и чрезмерно жестким приговором, вынесенным Адаму за похищение одного-единственного яблока (*a manifestly excessive sentence – such horrendous consequence for scrumping a single apple*).

Такой пример из публичной речи судьи наглядно иллюстрирует соединение в его рамках дискурса Библии с ее поучительной и воспитательной функцией и судебного дискурса с типичным способом анализа дел посредством применения юридических категорий. Содержащиеся аллюзии на текст СМИ только увеличивают степень интертекстуальности фрагмента.

Многие из перечисленных нами типов интертекста отмечаются в работе О.В. Спиридовского как характерные для президентского дискурса [Спиридовский, 2006]. Исследователь обнаруживает в публичных речах зарубежных президентов помимо прочего ссылки на других президентов, на общественных деятелей и политиков, писателей, Библию. Несложно заметить, что этот арсенал интертекста задействован судьями в публичных речах. Большинство из этих типов интертекста является принадлежностью исключительно публичного дискурса и не может быть использовано в ходе судебного процесса. Ссылки на Библию могут оказаться неуместными, мнение президента или политиков не имеет значения, поскольку ветви власти в России и Англии разделены, а оспаривать в зале суда мнение, высказанное в СМИ, английским судьям просто запрещено.

Меняя сферу деятельности и выступая в качестве публичной фигуры, судьи адаптируют соответствующим образом свое речевое поведение и присваивают часть речевых практик, т.е. социально значимых способов речевого поведения, характерных для этой сферы. Некоторые чуждые речевые практики получают специфическое преломление в публичных речах судей под влиянием типичных для судьи речевых практик (например, библейский сюжет, представленный как судебное дело). Кроме того, судьи применяют типичные для них практики, но со специфической для данной сферы коммуникативной интенцией. Ссылки на законодательные тексты, проявления судебной преемственности служат не для осуществления правосудия как в судебном дискурсе, а для самопрезентации и формирования положительного портрета судебной власти в обществе. В результате происходит не только смешение стилей на текстовом уровне, но и смешение способов речевого поведения судьи, принадлежащих к разным сферам деятельности. Если неоднородность на уровне текста мы связываем с понятием интертекстуальности, то неоднородность на уровне речевого поведения позволяет говорить нам об интердискурсивности и характеризовать публичные речи судей как дискурс гибридного типа, совмещающего в себе признаки судебного дискурса, политического дискурса и дискурса масс-медиа.

4.3 Речь судей в дискурсе СМИ

Как публичная фигура судья проявляет себя также в дискурсе СМИ, в рамках которого мы рассмотрим два разных с точки зрения формы, но близких функционально жанра: интервью и эссе.

Сделанные нами в п. 4.2 замечания относительно статуса судьи как публичной фигуры в полной мере относятся к жанрам интервью и эссе. Налагаемые на поведение судей институциональные ограничения в значительной мере определяют характер взаимоотношений между судебной властью и СМИ. В отечественном кодексе судейской этики закреплены следующие правила поведения судьи во взаимоотношениях с представителями средств массовой информации: «1. Судья не вправе делать публичные заявления, комментировать судебные решения, выступать в прессе по существу дел, находящихся в производстве суда, до вступления в законную силу принятых по ним постановлений. Судья не вправе публично, вне рамок профессиональной деятельности, подвергать сомнению постановления судов, вступившие в законную силу, и критиковать профессиональные действия своих коллег. 2. Судья не может препятствовать стремлению представителей средств массовой информации освещать деятельность суда и, если это не будет создавать помех проведению судебного процесса или использоваться для оказания воздействия на суд, должен оказывать им необходимое содействие» [Кодекс судейской этики, 2004].

Подобные нормы поведения судей отражены в английском «Руководстве по поведению судей» в п.8.1.1: «Судьи должны использовать свою свободу общения со СМИ с ‘великой’ осмотрительностью. Лорд Бингхэм отмечал, что ‘привычка быть молчаливым отличает хороших судей’ <...> В своей речи в Палате Лордов 21 мая 2003 года Лорд Вулф ссылаясь на очень важное правило, состоящее в том, что судьи не должны обсуждать конкретные дела» [Guide to Judicial Conduct, 2008]. Ссылки на авторитетные мнения в руководстве для английских судей призваны поддерживать существующую в судебной системе традицию, согласно которой судьи не являются публичными фигурами.

В результате существующих ограничений английские судьи избегают публичности, а те из них, кто составляет единичные исключения, привлекают всеобщее внимание и становятся притчей во языцех. Такой фигурой стал, к примеру, Лорд Деннинг, который так часто появлялся на телеэкране, что его стали узнавать таксисты и прохожие [Pannick, 1987, p. 179]. Впрочем, большинство судей по-прежнему придерживается принципа, провозглашенного Лордом Главным Судьей Витгери (1971-1980): «Лучший судья – тот, кто меньше всего известен читателям Daily Mail». Он советовал: «Судьи не должны работать на публику, и, конечно же, им не следует выполнять свою работу так, чтобы попадать в поле зрения газетчиков» [Ibid. P. 169].

В то же время, и мы уже отмечали этот факт, и в российском, и в английском обществе назрела необходимость освещения деятельности института правосудия. От представителей судебной власти ждут публичных заявлений, ответов на многочисленные вопросы. Из работы С. Принс,

посвященной взаимоотношениям английской судебной системы и СМИ, следует, что доверие общественности к судам всегда основывалось на доверии к вершащим правосудие и вере в основные принципы правосудия. Однако, как отмечает исследовательница, «в связи с озабоченностью судебными ошибками, беспокойством и критикой, выходящими на первый план, можно предположить, что общественная вера в управление правосудием ослабла, а значит, следует искать средства усиления прозрачности и отчетности перед общественностью» [Prince, 1998, p. 87].

Сторонники системы правосудия, где судьи имели бы право высказывать свои соображения по общественно значимым вопросам, считают до сих пор неясным, «почему от представителя независимого судейства необходимо требовать молчания вне зала суда. Независимость судейства компрометируется не публичным объяснением судьей своей точки зрения, а попытками ограничить его и угрозами уволить, если он не соблюдает условности, не имеющие юридической силы и противоречащие общественному интересу» [Pannick, 1987, p. 175].

Представители судебной власти сами осознают необходимость сотрудничества с СМИ и выстраивания таких отношений с ними, которые способствовали бы выполнению стратегической задачи – создание образа независимой, прозрачной, беспристрастной судебной власти. В отечественной судебной системе вопрос о взаимодействии с СМИ начал ставиться в 1994 году, поскольку пресса, по мнению судей, целенаправленно создавала отрицательный образ российского суда и российского судьи. По словам Л.Н. Майковой, возглавившей комиссию по связям со средствами массовой информации в Совете судей РФ, была необходима разработка концепции информационного обеспечения судебной власти. «Те социологические исследования, которые проводила комиссия, подтверждали, что основная информация о судебной системе черпается (мы это и предполагали) прежде всего из СМИ. Поэтому создание положительного имиджа судебной системы в глазах гражданского общества, а именно такая задача стоит непосредственно перед нашей комиссией, без взаимодействия со СМИ невыполнима» (Майкова 2005). Как видим, о задаче создания положительного образа судебной власти представители судебной власти России и Англии заявляют открыто и, как мы покажем далее, активно используют для решения этой задачи потенциал СМИ.

4.3.1 Интервью с судьями

Интервью как жанр СМИ представляет интервьюируемому достаточно широкие возможности заявить о себе и своей позиции по тем проблемам, которые ему представляются актуальными. Анализируя интервью с представителями власти, Э.М. Ножкина отмечает: «Чиновник высокого ранга стремится быть услышанным и признанным обществом, быть открытым для него, поэтому достаточно часто соглашается давать интервью в СМИ» [Ножкина, 2003, с. 39]. На другую причину популярности интервью как средства формирования имиджа политика указывает М.А. Кормилицына: «...Сам жанр

политического портрета постепенно уходит из прессы и заменяется интервью с этими лицами. А это снижает долю ответственности журналистов за оценки политических деятелей и одновременно создает впечатление фактуальности, объективности» [Кормилицына, 2004, с. 68].

Нам представляется, что данные замечания можно отнести и к представителям судебной власти, которые в той или иной степени прибегают к политтехнологиям, чтобы создать впечатление справедливой, прозрачной и доступной судебной власти. Интервью с судьями являются одним из средств создания такого имиджа.

Интервью обычно приурочены к каким-либо событиям или изменениям, происходящим в судебной сфере. Так, председатель Верховного Суда РФ В. Лебедев дает интервью сразу после вступления в силу нового Уголовно-процессуального кодекса в 2001 году. Интервью с первым заместителем председателя Верховного Суда РФ В. Радченко посвящено проекту закона «Об обеспечении прав граждан и организаций на информацию о судебной деятельности судов общей юрисдикции в РФ». Лорд Главный Судья Филлипс дает интервью сначала после назначения его на эту должность в 2006 году, а затем через год, чтобы подвести промежуточные итоги своей деятельности.

В традиционном для СМИ жанре интервью судья выступает в необычной для своего статуса роли. Если в зале суда он выполняет функцию организующего центра коммуникации и является носителем речевой инициативы, то в интервью он оказывается, выражаясь судебным языком, в роли допрашиваемого. При этом судья остается носителем своего статуса и интересуется интервьюера именно в этом качестве. Каким образом проявляется статус судьи в ходе интервью? Накладывают ли институциональные нормы отпечаток на его речевое поведение? Каково соотношение статусного и личного в речевом поведении судьи в жанре интервью?

Мы считаем, что **судейский статус интервьюируемого** проявляется прежде всего в демонстрации своей тесной связи с судебским сообществом и выражении коллективного мнения по многим проблемам.

Как и в публичных выступлениях, судьи широко используют инклюзивную форму *мы*. Однако если в публичных выступлениях инклюзивное *мы* служит для демонстрации близости с аудиторией, то в интервью эта форма используется судьями в значении «мы, судьи». В примере (559) *мы* соотносится с употребленными далее номинациями *суды* и *у судей*:

(559) *Мы рассматриваем сложнейшие уголовные и гражданские дела, а с 1991 года, на протяжении уже 11 лет, суды рассматривают жалобы на незаконность и необоснованность применения меры пресечения в виде заключения под стражу и продления срока ареста. Так что опыт у судей есть.* (Лебедев 2001)

Лорд Главный Судья использует многочисленные инклюзивные формы *we (мы), us (нас), our (наш)*, констатируя принцип независимости судей:

(560) *...Whatever the dispute, it is absolutely essential that the judge resolves it independently without any outside influence on the result. We all take an oath to administer the law without fear or favour, affection or ill-will. It's very important that*

nobody's trying to influence us when we do our job and that we're not subject to any personal bias when we do our job. (Lord Chief Justice 2006)

В другом высказывании, сообщая о финансовых нуждах судейского сообщества, судья конкретизирует инклюзивное *we* (*мы*) существительным *judges* (*судьи*):

(561) Part of my statutory function is to discuss with Government the resources we judges need to administer justice, but the provision of those resources is for Government. (Lord Chief Justice 2006)

Конструкции типа «мы, судьи» имеют практически абсолютную степень инклюзивности. Она несколько ниже, если говорящий выражает мнение большинства, но не всех судей:

(562) Я и большинство судей со дня вступления в силу Конституции РФ придерживались позиции, что эта конституционная норма должна быть введена как можно быстрее. (Лебедев 2001)

Нами отмечены и некоторые другие проявления коллегиальности в речи судей, направленные на создание идентичности говорящего. Эксплицитно выраженное нежелание обидеть коллег содержится в следующем комментарии:

(563) Я не хочу обидеть коллег из других окружных судов, но, объективно говоря, концентрация в столице огромных капиталов, наличие высокой деловой активности, близость федеральных органов власти, Высшего Арбитражного Суда России и целый ряд других факторов, которые переплелись между собой, все же накладывают на споры, рассматриваемые в Москве, свой «фирменный» отпечаток. (Майкова 2005)

Лорд Главный Судья называет подчиненный ему судейский корпус семьей (*judicial family*), а также заявляет о готовности защищать его интересы и «бороться за свой угол» (*fight my own corner*):

(564) I sympathise, of course, with hospitals, with schools, but I have to fight my own corner. (Lord Chief Justice 2007)

Большое значение в английской системе правосудия придается преемственности и традициям, и в ходе интервью английские судьи ассоциируют себя не только с судьями-современниками, но и со своими предшественниками. На вопрос о том, следует ли учитывать перегруженность тюрем при назначении наказания, судья ссылается на точку зрения предшественников и поддерживает ее:

(565) Q: Prison overcrowding is the bane of this decade in particular and there has been a difference of opinion over how far you as judges should take into account the state of overcrowding in your sentencing. Now what is your position on that?

A: Well my position is that of my predecessors as is well stated in a number of decisions of the criminal division of the court of appeal, it is that where prisons are overcrowded this can have relevance to the sentencing exercise in these respects <...> (Lord Chief Justice 2007)

В другой ситуации Лорд Главный Судья называет имя своего предшественника Лорда Вулфа, чьи способы руководства судебной системой он перенял:

(566) Q: Nevertheless, up to relatively recently it was never thought the done thing for Lord Chief Justices to even speak to Home Secretaries about policy; you're going to be doing this.

A: This is something of a change, I'm not inaugurating that change, my predecessor Lord Wolf used to discuss matters of mutual interest with the Home Secretary and with the Lord Chancellor. (Lord Chief Justice 2006)

Исключительным показался нам пример высказывания Лорда Главного Судьи, в котором он весьма смело высказывает от имени конкретного коллеги целый ряд оценок, в совокупности создающих картину бедственного положения в Центральном суде Лондона, причиной которого является нехватка финансов:

(567) Q: How serious is it? You say that the Lord Chancellor has a duty - a statutory duty - to provide these services, but at what point does he fail to do so?

A: Well of course it's a difficult question to answer. If you asked the Lord Chancellor he would say, The courts are meeting all their targets, there is no crisis here. If you talked to Paul Collins at central London he will say, My court is in crisis.

Q: He's the judge at Central London court?

A: Yes, I can't get the staff I need; I can't pay enough in central London to attract and to keep staff so I am short of staff. This means w're not getting the work out as fast as we should. We are in a state of crisis. That is what he would say to you. (Lord Chief Justice 2007)

Мы полагаем, что, выражая оценки от лица коллег, высокопоставленный судья демонстрирует свою осведомленность о существующих проблемах, знание текущего состояния дел и близость к подчиненным.

Судейский статус интервьюируемого определяет некоторые **институциональные ограничения**, налагаемые на его речь, что приводит в некоторых случаях к отказам отвечать на вопросы в том виде, в котором они заданы. В следующем примере судья избегает прямого ответа на вопрос, объясняет свой речевой ход и оставляет решение проблемных вопросов на будущее:

(568) B: Я правильно понял, что с рядом нововведений вы не согласны?

О: Судьи - правоприменители. Теперь, когда УПК стал законом, мы не можем говорить, согласны мы с ним или нет. Однако в ходе применения нового УПК может возникнуть вопрос: соответствуют ли Конституции те или иные его положения? В этом случае суд любой инстанции вправе поставить такой вопрос перед Конституционным судом. Дискуссий по проекту УПК было немало, да и сегодня еще звучат вопросы в отношении некоторых его положений. Судебная практика покажет, насколько состоятельны имеющиеся опасения. (Лебедев 2001)

Подобным образом судья не реагирует на провоцирующую к оценочному высказыванию реплику журналиста и просто указывает на конституциональность суда присяжных:

(569) В: В спорах о том, насколько они (суды присяжных- Т.Д.) подходят для России, также сломано немало копий.

О: Можно спорить, хорош ли этот суд, в полной ли мере объективен и беспристрастен, но нельзя забывать главное - это конституционная норма. Мы потеряли много времени с ее реализацией. (Лебедев 2001)

В ситуации из английского интервью мы можем наблюдать воплощение институциональной нормы, согласно которой судьи не могут обсуждать детали конкретных дел на публике. Журналист апеллирует к известному делу, которое когда-то рассматривал интервьюируемый, но судья отказывается обсуждать конкретное дело:

(570) Q: You were of course the judge in one of the most famous fraud cases of the Brothers Maxwell a few years ago. You think that that case would have been what quicker? And judged better if you would have been able to do it yourself?

A: My opinions are not based on any individual cases and I wouldn't want to speak about individual cases <...> (Lord Chief Justice 2007)

Наряду с чертами речевого поведения, в которых отражен судейский статус интервьюируемого, мы отметили речевые характеристики, в которых проявляется индивидуальность говорящего. В ходе интервью судья реализует себя не только как представитель и носитель судебной власти, но и как отдельная личность с присущими ей воззрениями, жизненным опытом, пониманием мира. Об усилении личностного начала в русской речи последних лет пишет М.А. Кормилицына [Кормилицына, 2003б]. Разные проявления личностного начала в структуре интервью с политиками выделяет Э.М. Ножкина [Ножкина, 2003]. **Проявления личностного начала** в речи судей во многом соотносятся с теми, что выделены в указанных исследованиях. Перечислим те, которые мы отметили:

1) **оценочные высказывания** практически всегда сопровождаются **метакоммуникативными маркерами** субъективности: *как мне представляется, я считаю, полагаю, думаю, я не думаю, могу предположить, I believe/don't believe, I think/don't think, I don't have any trouble with that, I would say, I regard:*

(571) Думаю, что к отчетности судей перед населением возвращаться не нужно, да и невозможно, потому что мероприятие это было чисто формальное. (Радченко 2007);

(572) В: Если судья оклеветан, надо обращаться в суд. Разве не так?

О: Судья в собственном деле? Я полагаю, что это неправильно. Разве что складывается уж совсем какая-то исключительная ситуация. Совет судей принял свои рекомендации по поводу урегулирования конфликтов со СМИ. И обращение в суд с иском о защите чести и достоинства в этих рекомендациях - самая крайняя мера. (Майкова 2005)

Следующий английский пример насыщен маркерами субъективности, включая эксплицитный декларатив *This is my personal opinion* (Это мое личное мнение):

(573) Q: *Do you believe that there ought to be a curb on juries in fraud trials?*

A: *I myself have gone on record, so I have no hesitation in saying this, as saying that I believe that long, serious fraud trials would be better tried by judge alone than by a jury. This is my personal opinion. I have read arguments to the contrary and there are valid arguments on either side. (Lord Chief Justice 2007);*

2) **ссылки на личные чувства**, связанные с профессиональной деятельностью, делают образ судьи более человечным:

(574) *Становится досадно и обидно. За прошедшие десять с лишним лет сделано так много по созданию судебной системы. Ее составляющие - суды общей юрисдикции, арбитражные суды, Конституционный суд РФ - отвечают по своим основным судоустройственным параметрам и принципам деятельности самым строгим современным стандартам, а спотыкаемся на бытовом уровне. (Туманов 2004);*

(575) *Я охотно присоединяюсь к поздравлению в адрес наших коллег. (Майкова 2005);*

(576) *I'm particularly concerned with the resources we need for the administration of justice. (Lord Chief Justice 2007);*

3) **ссылки на личный опыт и жизненные истории** могут служить в качестве аргументов либо просто дополнять человеческий образ судьи. Английский судья вспоминает начало своей карьеры и ту нехватку советов и рекомендаций от коллег, которую он испытывал. Его воспоминания служат аргументом в пользу введения системы взаимопосещения судей:

(577) Q: *That would mean, what a judge at least sitting in another judges court?*

A: *Yes, a judge would occasionally go and sit in to see how another judge was acting, and this is something that the judges would welcome, it's helpful. When I became a judge I found one of the most disconcerting things was there was nobody to tell me how I was doing my job to give me positive, helpful, information as to how I could do it better. (Lord Chief Justice 2007);*

4) **системы образов** позволяют говорящему не только проявить индивидуальный способ мышления в речи, но и донести до адресата свою мысль в наглядном и понятном виде. Метафора болезни использована в следующем примере, чтобы описать ошибки судейского сообщества. Намеренно или ненамеренно автор комбинирует этот образ со стандартной формулировкой «органы судейского сообщества», приобретающей в таком контексте звучание языковой игры:

(578) *Ошибка органов судейского сообщества в том, что они долгое время не осознавали серьезности этого заболевания, полагая, что речь может идти лишь об отдельных случаях. А болезнь между тем прогрессировала, и сегодня она очень серьезно беспокоит общество. (Туманов 2004);*

5) **интертекстуальные включения**, источником которых является народное творчество, художественные произведения, демонстрируют не только широкий кругозор судей, но и при удачном использовании – остроту ума. Обсуждая проблему негативного отношения к судам, интервьюируемый обращается к В. Далю, чтобы только подтвердить печальный факт:

(579) Когда-то великий собиратель народных пословиц и поговорок В. Даль писал, что в России “не было ни одной пословицы в похвалу судам”. Не создало таких пословиц и наше время. (Туманов 2004)

Далее судья цитирует строки из песни Булата Окуджавы, чтобы образно представить картину со взяточничеством:

(580) Сам же судья, подобно персонажу из известной песни Булата Окуджавы, ничего не требует и не просит – “каждый сам ему приносит и спасибо говорит”. (Туманов 2004)

Видимо, будучи оцененными журналистом по достоинству, эти строки стали заголовком раздела интервью.

Таким образом, в дискурсе интервью судьи проявляют себя, во-первых, как представители судебной власти, выступающие от имени всего судейского сообщества или его части, и на их речевое поведение накладываются соответствующие институциональные ограничения. Во-вторых, судьи проявляют свою индивидуальность, высказывая личные оценки, ссылаясь на личные переживания и опыт, творчески используя язык.

Определяя основную цель интервью как **создание положительного образа судебной власти** в обществе, мы ставим задачу выявить **основные речевые средства формирования этого образа**. Мы составили список тактик, применяемых русскими и английскими судьями для достижения своей основной цели. Рассмотрим эти тактики с точки зрения формальной и функциональной специфики. Наш список включает:

1) **признание ошибок**. Публичные признания ошибок и недостатков в работе демонстрируют, как нам кажется, критический и аналитический подход говорящего к себе и своей деятельности, что свидетельствует о его сознательности и добросовестности. Кроме того, признание собственной ошибки может использоваться стратегически, так как оно лишает собеседника повода для критики и нападения. Именно таким образом поступает судья в следующем примере, высказывая критические замечания относительно системы назначения кадров, и немедленно подстраховывается сообщением о принимаемых мерах:

(581) В: Вы проводите жесткую политику в отношении кадров?

О: Да, меня считают жестким человеком. В любом отношении. А что касается подбора кадров, то я полагаю, что здесь лучше семь раз отмерить, а один раз отрезать, нежели потом думать о том, каким образом исправить ошибку <...> Вообще, я полагаю, что система назначения кадров, которая на сегодняшний день существует, имеет много погрешностей, много неясного. В настоящее время в Совете судей Российской Федерации сформирована

рабочая группа по совершенствованию Закона «О статусе судей в Российской Федерации», касающейся именно подбора судейских кадров. Для нас это чрезвычайно важный вопрос. (Майкова 2005)

Английский судья, признавая факт проволочек в судах магистратов, предлагает альтернативный способ назначения наказания – фиксированное наказание для ряда случаев:

(582) *It's been taking longer and longer to get summary trials on before magistrates, and so it's a natural reaction, well if we can't get trials on quickly is there any alternative way of dealing with them? I think that there are some areas where diversions or fixed penalties are perfectly appropriate. (Lord Chief Justice 2007)*

Разновидностью тактики признания ошибок мы считаем тактику уступки, когда признание недостатка сопровождается указанием на положительные моменты, что несколько смягчает неблагоприятную картину. Эта тактика широко используется русскими судьями, но не отмечена нами в речи судей английских. Формальными маркерами этой тактики являются конструкции типа «безусловно, но...», «да, но...», «пожалуй, но...» и т.п.:

(583) *Да, возможны ошибки, но не «холодное лето 53-го». (Лебедев 2001);*

(584) *Сказанное не означает, что борьба с фактами коррупции в судах должна быть ослаблена, судейское сообщество решительно избавляется от судей, подозреваемых в нечестности. Были у нас и уголовные процессы по делам о взятках, полученных судьями. К примеру, в Москве трое судей по одному из уголовных дел были наказаны лишением свободы на длительные сроки - свыше 8 лет. Поэтому проблема, конечно, есть, но она не носит такого глобального характера, о котором нам постоянно говорят. (Радченко 2007);*

2) **непризнание вины и ошибок.** Эта тактика в определенном смысле противостоит первой, уже названной, и обычно представляет собой реакцию на выдвинутые журналистом обвинения:

(585) *В: Население должно бы знать: "А судьи кто?" Раньше судей первого звена избирало население. Теперь только назначают. И перед народом судьи не отчитываются, даже не встречаются, кроме как в зале суда. Не создалась ли замкнутая и бесконтрольная корпорация? <...>*

О: <...> Что касается "замкнутой и бесконтрольной корпорации", то вряд ли это справедливо. Сама система рассмотрения дел очень прозрачна. Сторона участвует в процессе, сторона имеет право на принесение жалобы. Жалоба, принесенная на судебное решение, обязательно будет рассмотрена судом второй инстанции и тоже в гласной открытой процедуре. Сохраняется возможность надзорного обжалования. Поэтому говорить о замкнутости и бесконтрольности совершенно неправильно. (Радченко 2007)

В приведенном примере мы можем наблюдать переход от некатегоричного *вряд ли справедливо* через стадию аргументации к однозначному и категоричному *совершенно неправильно*.

В другом примере журналист транслирует обвинения Президента в адрес судейского корпуса, и судья отвергает их, предлагая объяснения, почему обвинения были выдвинуты:

(586) *В: Как расценивать публичное (после бесланских событий) президентское обвинение судей в коррупции?*

О: Я думаю, Владимир Владимирович необдуманно выдвинул обвинения в судейский адрес. Но так как это произошло сразу после страшной трагедии в Беслане, его по-человечески можно понять. (Серов 2004)

Очень прямолинейно звучит реплика английского судьи, в которой он отвергает обвинение в том, что судьи стали выносить более мягкие приговоры. В реплике судьи использованы языковые средства для придания ей категоричного звучания: *would certainly refute* (несомненно опроверг бы), *simply not true* (непросто неправда), *more severe* (более суровы):

(587) *Q: So you would refute the charge that judges are these days getting softer?*

A: I would certainly refute it, it is simply not true. Judges by and large can be shown to be getting rather more severe in their sentencing. (Lord Chief Justice 2006);

3) **положительная оценка деятельности судей** и своей деятельности в частности. В рамках данной тактики широко используются лексические средства с положительно-оценочной семантикой (*справились, высокое качество, позитивные сдвиги, стабильность решений, эталонное качество решений, полноценная судебная инстанция, working well enough, worked very well, judges of high integrity/ high ability, admirable state of affairs*) и т.д.:

(588) *Q: Do you think though, that the public at the moment, has cause to be proud, or perhaps, not very proud of the way justice is administered for them in this country?*

A: I think overall the public should be proud of the way justice is administered. We have in this country judges of high integrity and high ability and that is something of great value. I have been travelling around the world quite a lot and all I can say is it's not something you find everywhere. (Lord Chief Justice 2007);

(589) *В: Очень важный вопрос: а судьи кто? Какая у них квалификация и, главное, как ее повысить?*

О: Наши судьи - настоящие профессионалы своего дела. Благодарю всех московских судей за то, что они отдают всех себя нашей нелегкой, но такой нужной и почетной профессии. (Егорова 2007)

4) **обещания на будущее**, представляющие положительные перспективы развития и планируемые изменения:

(590) В: То есть с введением в действие президентского пакета законов по судебной-правовой реформе точка в ней поставлена не будет?

О: Конечно. Правосудие и дальше будет совершенствоваться. Но нельзя сводить все только к изменениям УК и УПК. Требуется решать всю совокупность проблем, порождающих преступность. Это целый комплекс мер, включающих борьбу с наркоманией, с безработицей, беспризорностью, профилактику правонарушений.. (Лебедев 2001);

(591) Сейчас мы ставим задачи более четкого разграничения специализации судей по категориям дел, увеличения количества судей. Не секрет, что количество дел, поступающих в суды, постоянно увеличивается. Поэтому мы ставим задачу перераспределения нагрузки между судьями для более эффективного рассмотрения ими дел. Все это будет в полной мере способствовать повышению и укреплению авторитета судебной власти. (Егорова 2007)

О предстоящих изменениях в сторону расширения контингента людей, из числа которых будут назначаться судьи, сообщает английский судья:

(592) *Appointments will still be made on merit but it's hoped that we will have a wider pool which will produce a more diverse judiciary as a result of attracting into the pool people who are at present not viewing the judiciary as one of their options.* (Lord Chief Justice 2007)

Далее, правда, судья оговаривается, что значительной смены составов судов следует ждать не ранее, чем через 10 лет:

(593) *We are not going to get changes over night you can't expect that but over 10 years I would hope we will see quite a significant difference in the composition of the judiciary.* (Lord Chief Justice 2007)

Обещание перемен к лучшему – типичная тактика политических деятелей в борьбе за власть и популярность;

5) **критика в адрес других сил**, которые стоят на пути развития судебной системы. Отечественные судьи часто вступают в конфронтацию с законодательной властью и выражают негативное мнение о законопроектах:

(594) *Полагаю также практически малопродуктивной и спорной в конституционно-правовом плане основную идею предложенного проекта - превращение Высшей квалификационной коллегии судей (ВККС) из выборного органа судейского сообщества в орган, формируемый Советом Федерации и тем самым подпадающий в значительной мере в ведение последнего.* (Туманов 2004);

(595) *Мы полагаем, что в этой части УК требует корректировки – не должен человек за повторное совершение незначительного преступления переводиться в разряд рецидивистов* (Лебедев 2001).

В английской судебной системе более актуальной представляется другая проблема – вмешательство в судебную сферу министров, т.е. представителей исполнительной власти. В следующем примере тему вмешательства министров поднимает журналист, побуждая судью высказать свое мнение. Интересно, что

критическое замечание делается судьей в исключительно корректной форме. Ошибку министров судья объясняет не их злым умыслом, а недостаточным пониманием того, где проходит граница между судебной и исполнительной сферами:

(596) *Q: But there have been what appeared to be – and I say appeared to be because you may think that this is an incorrect perception - of ministers of state and I suppose I might as well say in particular Home Secretaries who have appeared to be attempting to or purporting to say things which are really in the judicial province.*

A: There have in the past been instances of that; there have in the last year been one or two instances of ministers making comments about sentences that judges have imposed which were not appropriate. I regard this as something that has happened in the past and has happened not out of malice but simply as a result of a failure to understand where the line should be drawn as to what is, and what is not appropriate for a minister to comment on. (Lord Chief Justice 2007)

Смягчение критики и неконфликтный настрой мы наблюдаем и в другой ситуации. Судья характеризует присущую СМИ тенденцию все преувеличивать как объяснимую (*understandable*), а изображаемый в СМИ разлад между судьями и министрами – как обычное расхождение во мнениях (*merely a difference of opinion*):

(597) *Q: So generally speaking do you feel that this apparent rift between, or occasional rift, between you, the judiciary, and the government is a manufactured one, is misrepresented, is what?*

A: I think the media have an understandable tendency to over exaggerate differences between the judiciary and ministers and present them as a rift where they may be merely a difference of opinion. Relations, I think, at the moment between judges and ministers are good. (Lord Chief Justice 2007)

Высказанные ранее критические замечания в адрес министров не мешают судье прийти к выводу о хороших отношениях между двумя ветвями власти. Критические, но корректно сделанные замечания в адрес противостоящих сил создают образ судебной власти, способной к отстаиванию своих интересов, с одной стороны, и компромиссу и кооперации с другими ветвями власти, с другой стороны. Ни в русском, ни в английском материале нам не встретилось критики из уст судей, которую можно было бы назвать агрессивной или нарушающей нормы социального взаимодействия. Безусловно, такое речевое поведение характеризует судей и судебную власть с лучшей стороны;

б) **неоднократные упоминания принципов функционирования судебной системы.** В ходе интервью судьи ставят акцент на нескольких основных категориях, определяющих работу судей и судебной системы в целом: независимость, демократия, публичность, прозрачность, эффективность. Неоднократные обращения судей к основополагающим принципам правосудия создают картину независимого, справедливого и эффективного правосудия и портрет судейства, борющегося за соблюдение этих принципов вопреки неблагоприятным условиям и тормозящим внешним силам. Слова,

обозначающие эти принципы, в силу их повторяемости можно назвать ключевыми в речи судей.

Независимость понимается судьями как свобода от какого-либо внешнего давления, личного или со стороны правительства. Так, Лорд Главный Судья последовательно отрицает правительственное влияние на судебную власть. Синтаксический параллелизм и лексические повторения придают высказыванию убедительное звучание, не оставляя сомнений в его истинности:

(598) Q: Don't you sometimes get government pressure on you?

A: We don't get government pressure, we never have got government pressure in this country and that's an admirable state of affairs and we never must have government pressure upon us. We have to be independent of the government. Very often the government is party to the dispute and a citizen is challenging the government, we have to decide that dispute fairly. It would be very undesirable if we were under any kind of pressure or influence from the government. (Lord Chief Justice 2006)

Председатель Совета Судей РФ, отвечая на вопросы журнала «Судья», также подчеркивает необходимость создания условий, гарантирующих независимость судов и судей:

(599) Мы в своей деятельности прежде всего руководствуемся Постановлением пятого Всероссийского съезда судей, в котором были сформулированы задачи органов Судейского сообщества. Одна из главных таких задач - укрепление независимости и самостоятельности судов при тесном взаимодействии органов Судейского сообщества с органами законодательной и исполнительной власти как в центре, так и на местах. (Сидоренко 2005)

Судья объясняет важность закона о статусе судей для обеспечения независимости судейства, несколько раз повторяя ключевое слово:

(600) Почему мы так дорожим этим законом? Потому что там содержатся гарантии независимости судей и судов, а независимость это главное достижение судебной реформы. Статус судей - не самоцель, а средство обеспечения гражданам, защита прав которых доверена судьям, необходимых гарантий эффективности такой защиты. Статус судей должен обеспечивать ту беспристрастность, которую население вправе ожидать от судов. Независимость судьи является основополагающим принципом и правом граждан любого государства. Независимость - обязательное условие беспристрастности судьи, которая жизненно важна для доверия к судебной системе. Судейская независимость является не личной привилегией судьи, а средством защиты публичных интересов, и, прежде всего, интересов правосудия. (Сидоренко 2005)

С понятием независимости тесно связаны понятия **демократии** и **публичности**. Лорд Филлипс, устанавливая связь между ними, объясняет, что закон управляет демократией, а без независимой судебной власти невозможно гарантировать правильное применение закона:

(601) *The rule of law is what governs a democracy. The citizen needs to know that the law will be applied fairly in his case, that if he is in the right and the state is in the wrong his right will be respected, and unless you have an independent judiciary you can't be happy that the rule of law is going to be properly implemented. (Lord Chief Justice 2006)*

О публичности и гласности правосудия, обеспечиваемых посредством сотрудничества с СМИ, говорят и отечественные судьи:

(602) *Очень важным мы считаем обеспечение реализации принципов публичности и гласности правосудия, в том числе путем взаимодействия судов со средствами массовой информации. (Сидоренко 2005)*

Озабоченность по поводу недостаточно открытой системы правосудия выражает в интервью и другой судья, связывая эту проблему главным образом с проблемами материального обеспечения и нехваткой мест в залах заседания:

(603) *У нас иногда в суде, где работают 10-12 судей, от силы два зала судебных заседаний. Понятно, что и размеры залов небольшие, а гражданские и некоторые уголовные дела приходится рассматривать в судейских кабинетах. Это явно противоречит принципам открытости судебного процесса, поскольку очень сложно разместить всех желающих посмотреть вызывающий общественный интерес судебный процесс в маленьком, тесном зале судебного заседания. А если дело рассматривается в кабинете судьи, то там есть место только для истца, ответчика и их адвокатов. Увы, это реальность, с которой мы постоянно сталкиваемся. (Радченко 2007)*

Делая акцент на проблемы материального характера, судья фактически избегает обсуждения распространенного среди российских судей нежелания работать публично, причем даже в тех случаях, когда техническая возможность для этого существует.

Понятие **прозрачности**, по-видимому, настолько часто обсуждается применительно к английской судебной власти, что английский журналист употребляет его с резко отрицательной характеристикой «ужасное слово» (*awful word*). Но судья никак не реагирует на своего рода словесную провокацию, своим ответом показывая, что для него это не «ужасное слово», а принцип работы:

(604) *Q: Can one apply to be a judge?*

A: You have to apply to be a judge now <...> Now things have changed a lot and anyone who wishes to be a judge has first to apply and then they have to go through exactly the same process when their application is considered.

Q: So to use that awful word – transparency has come to the judiciary?

A: It's going to be much more transparent, the appointment system. (Lord Chief Justice 2006)

Эффективность – еще один принцип, определяющий функционирование судебной системы. Как эффективное руководство судебной системой (*efficient running of the justice system*) определяет свою задачу Лорд Главный Судья. Интересно, что слово *efficient* подхватывается журналистом, который добавляет

ему отрицательную коннотацию, саркастически называя его модным словечком (*buzz-word*). Как и в примере (604), судья игнорирует отрицательный оттенок слова, добавленный журналистом, и повторяет тезис об эффективности судебной системы, которая может быть достигнута путем сотрудничества с Лордом Канцлером и Отделом Конституционных дел:

(605) *Q: Will these changes, these constitutional changes, actually have any effect in practice on the way justice is administered in the courts of England and Wales?*

A: I rather hope not, what we're looking for is a seamless change. Justice is well administered I believe, and I hope it will continue to be well administered. The individual citizen who is resorting to the courts, I hope will not notice any difference.

Q: Except presumably that you hope to make the courts more efficient and all those new 'buzz-words'.

A: Well, one's always trying to make the system function as efficiently as possible. A large part of the job of making sure they operate efficiently remains with the Lord Chancellor and the Department of Constitutional Affairs. (Lord Chief Justice 2006)

Эффективность работы системы правосудия предполагает высокую результативность и качество принятых решений. Российские судьи как положительный результат работы отмечают стабильность и высокое качество решений. Осознание того, что только соблюдение всех принципов правосудия в совокупности может дать положительный результат, просматривается в дискурсе интервью:

(606) *В: Согласитесь, однако, Владимир Александрович, что далеко не только на "бытовом уровне" основана столь распространенная негативная оценка деятельности судов?*

О: Разумеется, вы правы. Гораздо важнее такие критерии, как независимость и беспристрастность судей, справедливое судебное разбирательство, результативность судебного решения и не в последнюю очередь честность и неподкупность судьи. (Туманов 2004);

7) **самоирония.** Эту тактику мы отметили только в английских материалах, что можно объяснить особенностями национального менталитета. Самоирония относится к характерным чертам английской речевой культуры и не чужда даже институциональному общению. В последней части интервью, посвященной менее формальным вопросам, журналист поднимает тему ношения судейских париков и интересуется точкой зрения Лорда Филлипса:

(607) *Q: And do judges wear these long full bottom wigs that come halfway down their backs?*

A: They wear them once a year when they go to the service at Westminster Abbey for the opening of the legal year and after that if the weather's fine, and it usually is, they walk across the road to the Chancellor's, the Lord Chancellor's Reception in the Great Hall. And as they're walking across the road they have their photograph taken by the media. And when the judge says something silly – and we

don't say something silly very often but sometimes we do – what they do, they fish out the photograph of the judge looking like a rather aged sheep and put that photograph over the story which is merely accentuates the impression that all judges are stupid. I'm not very enthusiastic about the full bottom wig. (Lord Chief Justice 2006)

Как видно из реплики, судья не без юмора описывает ситуацию, когда судьи в длинных париках идут на открытие юридического года в Вестминстерское Аббатство и при этом выглядят, как престарелые бараны (*aged sheep*). Представители СМИ потом злоупотребляют снимками судей в таком облачении, помещая их рядом с не очень умными высказываниями судей, что производит впечатлений поголовной глупости судей. Отметим, что даже описывая судей не в самых приятных ситуациях (*we don't say something silly very often but sometimes we do – мы не очень часто говорим глупости, но иногда бывает*), Лорд Филлипс не отстраняет себя лично от судейской братии и использует инклюзивное *we* (*мы*).

Умение с чувством юмора выходить из затруднительных ситуаций, не теряя при этом достоинства и поддерживая своих коллег, дополняет создаваемый судьями положительный образ судебной власти.

Таким образом, жанр интервью предоставляет судьям трибуну для обсуждения проблем, актуальных для судебной системы, выражения позиции судебной власти по этим проблемам, воздействия на общественное мнение с целью укрепления авторитета судебной власти и доверия к ней. Строго говоря, такие задачи имеют политический характер, поскольку выполняются в рамках общей стратегии сохранения власти посредством преобразования коллективной картины мира. Характерной для политической коммуникации является также ориентация на массового адресата. Как и в политической речи, в речи судей обнаруживается ряд ключевых концептов, которые отражают общие ценности социума, реализуемые в рамках конкретного института власти. Тактические средства, применяемые судьями в интервью, типичны для политического дискурса. Критика оппонентов, стремление минимизировать негативную информацию и привлечь внимание к позитивной, предложение рецептов дальнейшей работы, наблюдаемые в интервью с судьями, отмечены как типичные речевые ходы политических деятелей [Чудинов, 2003, с. 57].

В то же время в ходе интервью судьи сохраняют свой статус представителя судебной власти. Профессиональный опыт позволяет им обсуждать вопросы функционирования института правосудия и высказывать мнение от себя лично или от общего лица. Судьи осознают ограничения, накладываемые статусом на их речевое поведение даже вне зала суда, и соответствующим образом реагируют на вопросы журналистов. В целом проявляя сдержанность в высказываниях, судьи в случае необходимости защищают «честь мантии» и авторитет всей судебной власти, исходит ли угроза от других ветвей власти, неблагоприятного общественного мнения, третьих лиц или непосредственно журналиста.

4.3.2 Эссе «День из жизни судьи»: английские судьи о своей работе

Исследуя проявления публичности в языковой личности судьи, мы не могли пройти мимо такого необычного жанра как эссе, автором которого является сам судья. В наших материалах шесть таких эссе, размещенных на официальном сайте английского судебного сообщества. Задача сайта – познакомить общественность с особенностями судебной системы, ее работой, результатами этой работы и, как следствие, сформировать положительное общественное мнение о судебной власти.

Эссе, написанные четырьмя судьями судов разных уровней, представляют взгляд на работу судьи глазами самого судьи, реализуя на популярном уровне просветительскую функцию. Цель эссе – показать не столько функционирование безличного механизма системы правосудия, сколько жизнь конкретного человека, работающего в этой системе. Судебная система «с человеческим лицом» получает воплощение на страницах эссе. Повествование ведется от первого лица, а центральное место личности судьи в эссе определено уже с первых строк, начинающихся с личного местоимения 1 л. ед.ч (*I, me*):

(608) *I am in an almost unique position as a district judge. (Es4);*

(609) *For me, today always begins at the end of the day before, when I pick up all those letters, reports, consultation papers I did not have a chance to read during the day. (Es3)*

Нам представляется возможным выделить во всех эссе несколько основных аспектов, благодаря которым создается цельная картина работы в судебной системе.

Во-первых, судьи выступают в роли экспертов и знакомят читателей с разными особенностями **деятельности судов**, с которыми знакомы не понаслышке. Прежде всего, они сообщают о сферах судопроизводства, в которых они работают, и оказывается, что от каждого из них требуется компетентность во многих областях права. Районный судья, используя обширный терминологический аппарат судопроизводства, перечисляет типы гражданских и семейных споров, которые он рассматривает:

(610) *Then there are the areas of the law that I cover – I am expected to have a working knowledge of the law, practice and procedure affecting civil disputes (contract, negligence, personal injury, property disputes, civil injunctions etc.) and family disputes (divorce, nullity, disputes over children and finances, domestic violence etc) . Many district judges, in addition, have to master bankruptcy, dealing with bankruptcy petitions by both creditors and debtors and the winding up of insolvent companies. (Es4)*

Более конкретные описания рассматриваемых дел делают деятельность судей более осязаемой и понятной для читателя. Судья Высокого суда приводит примеры нескольких последних дел, среди которых дело об опеке и использовании денег на нужды детей. Судья поясняет, что суд несет ответственность за этих детей до достижения ими возраста 18 лет, сообщая таким образом между делом о нормах права:

(611) The morning brings an appointment with a parent and the trustees of a family trust, to plan the use of the money held in the trust for the welfare of the children named. The Court is responsible for these children until they turn 18. (Es3)

Повествуя о своей работе, судьи развенчивают некоторые стереотипы, существующие в обществе. Районный судья, к примеру, сообщает, что заседает совершенно один, в кабинете и без судейских атрибутов, которые обычно возникают в сознании публики при упоминании судов:

(612) For a start, most of the time I sit completely alone – no clerk, police officers, or phalanxes of court staff. This is in the rather informal surroundings of my chambers – a room, not a court room with a bench, witness stands or any of the trappings that the public imagine a court of law looks like. (Es4)

В эссе в той или иной форме содержатся указания на важный принцип судопроизводства, неоднократно подчеркиваемый судьями в других жанрах. Это принцип справедливого и беспристрастного судопроизводства. Так, судья Высокого суда, описывая свою задачу в рамках одного дела, в качестве конечной цели называет достижение справедливого результата (*a fair result*) при наименьших затратах времени, труда и денег:

(613) My task is to draw up a code of practice enabling the issues of fact and law to be heard, so a fair result can be achieved with the least time, labour and costs. (Es3)

Окружной пишет об огромной ответственности судей (*enormous responsibility*), значительном влиянии их решений на жизни граждан (*significant influence*) и необходимости гарантировать каждому справедливое слушание (*fair hearing*):

(614) All Court work involves contact with members of the public and the Judge's decisions will have a significant influence and impact on their lives. A Judge has an enormous responsibility to do justice and to ensure that everyone has a fair hearing. (Es2)

Принцип беспристрастного судопроизводства фигурирует и в следующем фрагменте. Хотя этот принцип не упоминается эксплицитно, очевидно, что именно свою беспристрастность хочет подчеркнуть судья. Сообщая о том, что на основе публикаций в СМИ он может составить предварительное мнение о деле, магистрат сразу же оговаривается, что после выступлений адвокатов он частично или полностью меняет свою точку зрения:

(615) Like the oil depot fire case earlier, I might have made up my mind provisionally from reading the papers, but I frequently find after hearing from counsel that I modify my views or change my mind. (Es3)

Речевая тактика заверения в собственной независимости от СМИ была отмечена нами при рассмотрении собственно судебного дискурса.

Во-вторых, рассказывая о своей работе, судьи обращают внимание не только на деловую ее сторону, но и на то, **с какими людьми** они сталкиваются в своей профессиональной деятельности. Районный судья подчеркивает как одну из самых важных сторон своей работы общение с самыми разными людьми – здравомыслящими и умственно отсталыми, вежливыми и откровенно неприятными, понимающими и совершенно бестолковыми:

(616) *However, there is one area which stands head and shoulders above the rest in importance – people management. Most of the individuals who appear in front of me do not have the benefit of legal representation and they range from one end of the spectrum to the other, from the supremely lucid to the mentally incapable; from the polite to the downright nasty; from the highly clued to the clueless. (Es4)*

Такие оценочные комментарии представляют и самих судей как людей с живым восприятием действительности, осознающих то, что они работают не с абстрактными делами, а с конкретными людьми.

В следующем комментарии судья подчеркивает ответственность и сложность выполняемых функций, ведь ему приходится быть не только знающим юристом, но и социальным работником, психологом и терапевтом, работающим с самыми разными слоями общества:

(617) *With no one else to support me and with minimal protection, I am required to be not just a knowledgeable lawyer but a social worker, psychologist and therapist as well. I will be dealing one-on-one with all strata of society from incredibly diverse backgrounds with only occasional help from legal representatives. (Es4)*

Другой аспект человеческих отношений в судебной сфере – отношения между коллегами-судьями. Эти отношения представлены как исключительно доброжелательные и взаимообогащающие как в профессиональном, так и в общечеловеческом плане. Так, судья Высокого суда характеризует персонал своего суда как одну из самых опытных команд в стране (*one of the most experienced court administrations in the country*). В другом эссе районный судья замечает, что судьи в его суде регулярно встречаются, чтобы обсудить вопросы, вызывающие общий интерес. Обмен мыслями представляется ему весьма полезным занятием:

(618) *The district judges in my court try to meet regularly in order to discuss matters of interest and to preserve a degree of consistency. ‘Bouncing thoughts’ off each other is a useful exercise and one in which the circuit judges are only too willing to participate. We have a lunch meeting of all the judges at least once a week. (Es4)*

Отметим тот акцент, который ставится на поддержании последовательности среди судей (*to preserve a degree of consistency*). Характерная черта английской судебной системы, в которой судьи традиционно опираются на мнения друг друга, получает отражение в эссе.

Третьим компонентом общей картины судебской деятельности является выражение судьями **личного отношения** к своей работе. Во всех четырех эссе обнаруживается целый ряд лексических единиц и выражений, представляющих работу судьи как сложную и требующую много сил и терпения, с одной стороны, и интересную, и приносящую удовлетворение, с другой стороны. Приведем выделенные нами единицы, указывающие на:

1) сложность работы: *very demanding day* (очень обязывающий/ сложный день), *responsibility is heavy* (ответственность велика), *listen patiently* (слушать терпеливо), *a pivotal role* (важная роль), *enormous responsibility* (огромная ответственность), *I feel quite exhausted* (я чувствую себя достаточно

измотанным), *effective use of court time* (эффективное использование судебного времени), *very challenging work* (работа, требующая много усилий);

2) интерес к работе и удовлетворение от нее: *rewarding day* (день, приносящий удовлетворение), *fascinating hearings* (захватывающие слушания), *excitement of the job* (возбуждение от работы), *interesting points of law* (интересные пункты закона), *instructive and educational evidence* (полезные и познавательные показания), *especially enjoy* (особенно наслаждаюсь), *never regretted becoming a Judge* (никогда не сожалел, что стал судьей), *ready and willing for another Court day* (готов к новому дню в суде и жду его наступления), *varied and interesting work* (разнообразная и интересная работа), *issues of very real human interest* (вопросы, действительно вызывающие живой интерес).

Важную роль в достижении цели – влиянии на общественное мнение – играет **стиль изложения**. Поскольку адресатом эссе является широкая публика разного возраста и разного социального уровня, они написаны достаточно простым и понятным языком.

Единственную сложность может представлять наличие большого количества лексики, тематически относящейся к деятельности судов, а также юридических терминов в тех частях эссе, где рассказывается о конкретной сфере деятельности того или иного судьи: *draft a civil procedure treaty* (написать черновик соглашения по гражданскому делу), *enforcement of judgments* (исполнение судебных решений), *private/public hearings* (закрытое/открытое слушание), *the breach of a court order* (нарушение судебного приказа), *statute law* (законодательство, закрепленное в нормативных актах) и т.д.

Кроме того, присутствуют лексические единицы, которые можно охарактеризовать как судебный сленг. Например, *boxwork*, т.е. бумажная работа, которая выполняется в отсутствие сторон и часто связана с практическим исполнением судебных решений. Однако судьи не используют сленговые единицы без объяснений, и их применение не затрудняет понимание, а только создает впечатление близости с автором.

Наряду со специальной лексикой встречается значительное количество выражений, характерных для разговорной речи: *for a start* (для начала), *collapse into a deep and welcome sleep* (провалиться в глубокий и долгожданный сон), *a dozen or so letters and emails* (с дюжину писем и имейлов или около того), *pick up all those letters* (захватить все те письма), *every couple of weeks or so* (каждые две недели или около того) и т.д.

Мы отметили также некоторые черты, характерные для разговорного синтаксиса: эллипсис; опущение относительного местоимения *that*, присоединяющего придаточное предложение; предложения, начинающиеся с союза *and*.

Несмотря на наличие в эссе характеристик разговорной речи, нельзя говорить о намеренном упрощении судьями языка или обвинить авторов эссе в популизме. В эссе, на наш взгляд, соблюден баланс между чертами официальной и разговорной речи. В результате, с одной стороны, очевидно, что повествование ведется от имени официального лица, имеющего высокий

социальный статус. С другой стороны, создается эффект неофициальной обстановки и доверительного разговора с автором.

Эссе, написанные судьями, далеки от судебного дискурса в его «чистом» виде. Прежде всего в силу своей коммуникативной интенции. Задача, стоящая перед судьей-писателем, принципиально отлична от той, которая стоит перед ним в ходе судебного процесса. Пишущий судья стремится не к фактическому осуществлению правосудия, а к созданию картины осуществления правосудия. Причем картина эта должна быть максимально приближена к жизни и содержать достоверные детали, чтобы она была воспринята адресатом как достоверная. Детали из личного опыта и становятся таким средством завоевания доверия.

В то же время на фоне личного опыта преподносятся общие принципы правосудия – справедливость, беспристрастность, последовательность, упоминания о которых часто встречаются в разных жанрах дискурса собственно судебного. Связь эссе с судебным дискурсом устанавливается за счет автора – эссе написаны судьями, и именно этот статус авторов придает ценность и авторитетность речевым произведениям. Кроме того, эссе объединены с жанрами судебного дискурса тематической сферой и соответствующими этой сфере языковыми средствами.

Сочетание перечисленных характеристик судебного дискурса с коммуникативной интенцией, характерной для дискурса публицистического, и разностилевыми языковыми средствами позволяет нам говорить о гибридности рассмотренных эссе.

Выводы

Речь судьи не ограничена пределами зала судебных заседаний. Судья проявляет себя как языковая личность не только в судебном дискурсе, но и в других типах дискурса. Мы называем эти типы дискурса гибридными, поскольку они находятся на периферии судебного дискурса и несут в себе признаки политического и масс-медийного дискурсов. Среди жанров гибридного дискурса в речи судьи мы отметили публичные выступления, интервью, эссе.

Исполняемую судьей в этих жанрах роль мы обозначаем как «публичная фигура». Эта роль не характерна для судьи в условиях судебного процесса. Для выполнения функций публичной фигуры судья, сохраняя свой судейский статус, но преследуя иные цели, присваивает не типичные для судьи способы речевого поведения. Мы видим основную цель гибридных типов дискурса в создании положительного образа судебной власти и укреплении ее авторитета. Наибольшие возможности для достижения данной цели судья имеет в жанрах публичной речи и эссе, где он является единственным говорящим субъектом и полностью определяет содержание речевого произведения. Меньшей свободой судья обладает в жанре интервью, где он часто регулирует свое речевое поведение, выбирая соответствующие тактики в зависимости от реплик журналиста. Благодаря личному участию в жанре судья может отразить атаки

на судебную власть и представить свое видение обсуждаемых проблем. В названных жанрах у судьи есть возможность представить себя и других представителей судебной власти как людей, озабоченных проблемами эффективного функционирования института правосудия, переживающих за простых людей и стремящихся к усовершенствованиям в системе. Такое речевое поведение, характерное для политических деятелей, свидетельствует о присвоении судьей «чужих» речевых практик.

В гибридных типах дискурса судья проявляет себя не только как публичная фигура. Судья также выступает в разных жанрах как представитель судебной власти и как обычный человек, отдельная личность с индивидуальным видением проблем, которое получает выражение в оценочных высказываниях и творческом использовании языка. Наиболее ярко человеческая индивидуальность судьи проявляется в жанре эссе.

Несмотря на отличительные особенности рассмотренных жанров в гибридных типах дискурса, во всех этих жанрах важность представляет статус судьи как представителя судебной власти. Этот статус поддерживается судьей с помощью соответствующих тактик и отдельных языковых средств.

Заключение

В ходе анализа русского и английского материала выявлена структура языковой личности судьи и в ней выделено несколько граней, соотносящихся с определенными целями и деятельностью для их достижения: судья-рефери, судья-участник драмы, судья-лингвист, судья-обычный человек. Каждая из этих граней реализуется в той или иной степени на разных стадиях и в разных ситуациях судебного процесса посредством характерных языковых средств. Стадии судебного процесса имеют фиксированный характер и закреплены в институционально обусловленных жанрах. В исследовании наглядно продемонстрировано, как разные грани языковой личности судьи получают выражение в жанрах судейской речи.

К жанрам судейской речи в работе отнесены как монологические произведения, единственным субъектом которых является сам судья (напутственное слово присяжным, решение/ приговор), так и комплексный жанр судебного допроса, имеющий несколько участников с противоположными целями и потому требующий особых организующих усилий со стороны судьи. Предложенная модель анализа жанров судебного дискурса охватывает несколько аспектов речевого взаимодействия в условиях судебного процесса: функция жанра, участники и их роли, роль судьи, обусловленность жанра институциональной обстановкой, связь с другими жанрами, типичные языковые средства, национально-культурная специфика. Такая модель позволяет установить взаимосвязь между жанрами речи и сторонами языковой личности судьи, а также между самими жанрами, которые образуют единое коммуникативное пространство судебного дискурса. В перспективе предложенная модель может быть использована для изучения жанров других типов институционального дискурса.

Подход к речевому поведению судей со стороны структуры языковой личности судьи и со стороны жанровых форм судебной речи позволил связать жанры как речевые произведения с личностью их производителя как представителя социального института, выполняющего свои профессиональные обязанности, как отдельной личности со своим мировоззрением и характером, наконец, как представителя лингвокультурной общности с типичными чертами коммуникативного поведения. Такой подход способствовал созданию цельной картины речевого поведения русских и английских судей.

При том, что структура языковой личности русского и английского судьи одинакова и жанры, авторами которых являются судьи российских и английских судов, идентичны, отмечается определенная национальная специфика речевого поведения русских и английских судей, которая имеет ряд социокультурных оснований.

Предыдущий профессиональный опыт отечественных судей в органах следствия и прокуратуре, а также функционирование до 2001 года отечественной системы правосудия как инквизиционной приводят к инквизиционной направленности деятельности отечественных судей. Большой

нейтралитет английских судей по отношению к сторонам процесса обеспечивается долгой традицией состязательности в английских судах.

Английская традиция проявляется также в силе прецедента при принятии судьями решений и соответствующих способах аргументации ими этих решений. Принадлежность английских судей к высшему социальному классу, элите общества, их воспитание и образование находят выражение в общей высокой культуре речи.

Характерная для речи отечественных судей оценочность объясняется такими чертами русского менталитета как «судейский комплекс» и стремление к вмешательству. В английском судебном дискурсе также отражаются национальные способы мышления, что приводит к появлению развернутых метафорических систем, построенных на знакомых англичанам образах. Встречаются также случаи применения английскими судьями тактик самоуничтожения и юмора, соотносящихся с английским национальным характером.

Таким образом, наблюдения над судебным дискурсом показывают, что характеристики повседневного общения лингвокультурной общности не нивелируются полностью в институциональном дискурсе даже под давлением институциональных норм.

Многостороннее рассмотрение языковой личности судьи выводит за пределы судебных заседаний, поскольку в качестве публичной фигуры судья проявляет себя в гибридных типах дискурса во время контактов с представителями других социальных институтов: СМИ, системы образования, бизнеса и т.д. В этих случаях судьи решают иные, по сравнению с типичными, задачи. Основной задачей судей в гибридных типах дискурса нам представляется создание у общественности положительного образа судебной власти. Для выполнения этой политической по сути задачи судьи используют репертуар жанров и тактик, характерных для политической сферы деятельности. Публичная речь, интервью, написанное судьей эссе становятся все более широко распространенными способами популяризации судебной власти и укрепления ее авторитета. Выступая в роли публичной фигуры, судья остается обладателем своего судейского статуса, что накладывает некоторые ограничения на его речевое поведение. В публичных выступлениях судей отмечены положительные отзывы о коллегах-судьях, нежелание критически обсуждать уже принятые законы, отказы комментировать реальные судебные процессы.

Изучение гибридных типов дискурса представляется перспективным направлением дискурсивных исследований. Сферы человеческой жизни и деятельности не изолированы друг от друга, и именно в гибридных типах дискурса наглядно просматривается взаимосвязь между различными сферами деятельности, социальными институтами и их взаимовлияние. Анализ дискурса в таком случае способен дать ключ к дальнейшему и более глубокому пониманию происходящих в обществе процессов.

Список литературы

- Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. – Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003. – 420 с.
- Александров А.С. Судебная драма // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 38–48.
- Александров А.С. Характеристики вопросов, употребляемых в ходе судебного допроса // Юрислингвистика-5: лингвистические аспекты права и юридические аспекты языка: сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 169–180.
- Александров А.С. Язык и судебная истина // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 36–73.
- Андрющенко Т.Я. Метатекст и его роль в интерпретации текста // Проблемы реализации речевого общения. – М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1981. – С. 127–150.
- Араева Л.А., Осадчий М.А. Экспертно-лингвистическая идентификация социальной принадлежности при расследовании преступлений, предусмотренных статьей 282 УК РФ // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 307–313.
- Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1990. – С. 136–137.
- Арутюнова Н.Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – С. 52–56.
- Байбурин А.К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения. – Л.: Наука, 1985. – С. 7–21.
- Байкова Л.И. Проблема речевого этикета в аспекте современной лингвистики // Филология и культура: материалы IV Международной научной конференции 16-18 апреля 2003 г. / отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – С. 189–191.
- Байкулова А.Н. Семейная беседа // Хорошая речь / под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – С. 151–163.
- Байшева З.В. Языковая личность судебного оратора Анатолия Федоровича Кони: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Уфа, 2007. – 46с.
- Баранов А.Г. Когнитивность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 4–12.
- Баранов В.М., Александров А.С., Голев Н.Д. Риторика и право // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 113–124.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – 615 с.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986а. – С. 250–296.

Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986б. – С. 297–325.

Берн Э. Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. – М.: Эксмо, 2008. – 576 с.

Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Л., 1984. – 31 с.

Богомолова М.А. Метатекст в устной речи монологического характера (на материале телевизионных выступлений журналистов и международных) // Русский язык за рубежом. – 1984. – №6. – С. 81–84.

Бойко Б.Л. Военно-морской жаргон экипажа корабля (штрихи к коллективному речевому портрету) // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс: сб. науч. тр. / под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 317–339.

Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. – М.: Ком Книга, 2007. – 288 с.

Бошно С.В. Прецедент, закон и доктрина (Опыт социолого-юридического исследования) // Государство и право. – 2007. – №4. – С. 72–78.

Вавилова А.А. Значение орфографии и пунктуации в тексте нормативного правового акта // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 81–92.

Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Риторика для юристов: учебное пособие. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 2002. – 576 с.

Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. VIII: Лингвистика текста. – С. 402–423.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.

Векшин А.А., Матвеева Е.Ю. Роль научно-экспертных советов, комитетов и комиссий Совета Федерации Федерального собрания РФ в законотворческом процессе: современное состояние и перспективы развития // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 31–36.

Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. – М.: КомКнига, 2005. – 176 с.

Вепрева И.Т. Метаязыковой аспект непрямой коммуникации // Прямая и непрякая коммуникация: сб. науч. статей. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2003. – С. 109–120.

Гайда С. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУнц «Колледж», 1999. – Вып.2. – С. 103–111.

Гайда С. Проблемы жанра // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1986. – С. 22–28.

Гастева Н.Н. Диалогические единства с констатирующей исходной репликой в речевом жанре «дружеской беседы» // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУнц «Колледж», 1997. – С.123–130.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций. – М.: Издательский дом «Академия», 1998. – 432 с.

Голев Н.Д. Лингвистические тупики юридической техники // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2007а. – С. 92–104.

Голев Н.Д. О специфике языка права в системе общенародного русского языка и ее юридического функционирования // Юрислингвистика-5: Лингвистические аспекты права и юридические аспекты языка: сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 41–59.

Голев Н.Д. Самоопределение юридической лингвистики в России // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвузовский сборник научных статей / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2007б. – С. 7–13.

Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУнц «Колледж», 1997. – С. 23–34.

Гольдин В. Е. Речь и этикет: кн. для внеклас. чтения учащихся 7-8 кл. – М.: Просвещение, 1983. –109 с.

Гольдин В.Е., Сиротина О.Б., Ягубова М.А. Русский язык и культура речи: учебник для студентов-нефилологов. – М.: УРСС, 2002. – 212 с.

Горелова И.А. Коммуникативно-правовая деятельность и ее воплощение в тексте (эротетико-логический анализ процессуальной документации) // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 115–127.

Госдума приняла в первом чтении законопроект «О статусе судей в России» (28.06.2001) // Сайт «Новости России». – [Электронный ресурс]. URL: http://newsru.com/arch/russia/28jun2001/sud_duma.html (дата обращения 5.01.2010).

Гражданский Кодекс РСФСР (1965) // Сайт компании «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/gkrsfsr/> (дата обращения 5.01.2010).

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 20 апреля 2008 года). – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. – 158 с.

Григорьев В.Н. Уголовный процесс: учебное пособие/ В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. – М.: Эксмо, 2006. – 384 с.

Гроته Г.-Р. де Язык и право // Журнал российского права. –2002. – №7. – С. 145–152.

Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. – М.: Норма, 2004. – 157 с.

Девяткина В.В. Защитительная речь адвоката: объект оценки как стилиобразующий фактор // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. – Вып. 9. – С. 154–160.

Девяткина В.В. Некоторые штрихи к речевому портрету государственного обвинителя // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. – Вып.8. Материалы Международной науч.-практ. конф. «Современное состояние русской речи: эволюция, тенденции, прогнозы». – С. 367–376.

Девяткина В.В. Современная речь адвоката в системе функциональных стилей литературного русского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2006. – 18 с.

Дементьев В.В. Светская беседа: жанровые доминанты и современность // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 157–177.

Дементьев В.В. «Текстоцентрическое» и «жанроцентрическое» изучение речи // Вопросы стилистики. – Изд-во Саратов. ун-та. Саратов, 1998. – Вып.27. Человек и текст. – С. 21–33.

Дементьев В.В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 34–44.

Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М., 2002. – №3. – С. 32–43.

Демьянков В.З. Текст и дискурс как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой / отв. ред. В.Н. Топоров. – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 34–55.

Демьянова Е.М. Некоторые особенности языковой личности в русской народной сказке // Личность – Язык – Культура: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. 28-29 ноября 2007 г. – Саратов: ООО Издательский Центр «Наука», 2008. – С. 43–47.

Долинин К.А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУнц «Колледж», 1999. – Вып.2. – С. 7–13.

Дубровская Т.В. Вежливость и невежливость в русском и английском судебном диалогическом дискурсе // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. – Вып.8. Материалы Международной науч.-

практ. конф. «Современное состояние русской речи: эволюция, тенденции, прогнозы». – С. 351–361.

Дубровская Т.В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русском и английском речевом общении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2003. – 25 с.

Дубровская Т.В. Судебные документы и речи обвинителей как образцы речевых жанров «осуждение» и «обвинение» // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. – Вып. 5. – С. 123–126.

Дубровская Т.В. Экспрессивные языковые средства в судебном дискурсе // Романо-германская филология: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – Вып. 4. – С. 256–262.

Дубровская Т.В., Леонова Ю.В. Судебный процесс и его воплощение в художественной литературе. На примере произведения E.S. Gardner “The case of the Glamorous Ghost” // Романо-германская филология: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. – Вып. 5. – С. 255–259.

Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» (по состоянию на 25 июня 2008 года). – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. – 30 с.

Захарова Е.П. Типы коммуникативных категорий // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – С. 12–19.

Земская Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. – М.: Наука, 1988. – С. 5–44.

Зотов Ю.П. Проблемы создания диалогического эффекта в научной коммуникации // Диалог и диалогизм: межвуз. сб. науч. тр. – Саранск: Изд-во Мордовского университета, 1991. – С. 5–14.

Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия. – М.: Юристъ, 2007. – 455 с.

Иванов Л.Ю. Аргументация в функциональных разновидностях языка // Культура русской речи и эффективность общения. – М.: Наука, 1996. – С. 357–375.

Изварина А.Ф. Судебная власть в Российской Федерации: содержание, организация, формы. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 350 с.

Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Эксмо-Пресс, 1996. – 238 с.

Исаков В.Б. Язык права // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 64–80.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: КомКнига, 2006. – 288 с.

Исютин-Федотков Д.В. Некоторые аспекты тенденции неологизации языка криминалистики // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвузовский сборник научных статей / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 121–123.

Казакова В.Ю. Повтор как одно из основных средств речевого воздействия в судебном дискурсе (на материале защитительных речей из кинофильмов) // Коммуникативные и социокультурные проблемы романо-германского языкознания: материалы межвуз. науч. конф. 29 ноября 2006 г. – Саратов: ООО Издательство «Научная книга», 2007. – С. 198–201.

Капанадзе Л.А. О жанрах неофициальной речи // Разновидности городской устной речи. – М.: Наука, 1988. – С. 230–234.

Карасик В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс: сб. науч. тр. / под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 24–45.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкознания РАН: Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.

Караулов Ю.Н. Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. Пособие / сост. Л.Н. Чурилина. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – С. 207–214.

Касьянова К. О русском национальном характере. – М.: Институт национальной модели экономики, 1994. – 367 с.

Катышев П.А. Ортологическое моделирование современной судебной речи // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 123–130.

Катышев П.А., Князькова Т.В. Эволюция нарративной структуры в речах А.Ф. Кони // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 96–107.

Кириллова И. А. Метаэлементы научной речи (на материале русских лингвистических трудов XVIII – XX веков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1993. – 18 с.

Кириллова Л.Е. Понятие дискурса и процедура лингвистического экспертного исследования // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 335–342.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. – М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1999. – 396 с.

Князькова Т.В. Роль нарративной системы в осуществлении авторского замысла (на примере обвинительной речи А.Ф. Кони «По делу об убийстве иеромонаха Иллариона») // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 130–147.

Кодекс судейской этики (2 декабря 2004) // Сайт Верховного Суда РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.supcourt.ru/print_page.php?id=2423 (дата обращения 5.01.2010)

Колтунова М.В. Актуализаторы внимания в профессиональном дискурсе // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. – Вып. 9. – С.101–109.

Кони А.Ф. Избранные произведения. – М.: Госюриздат, 1956. – 25 с.

Кормилицына М.А. Категоричность и способы ее смягчения в текстах современной прессы // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. – Вып. 7. – С. 62–72.

Кормилицына М.А. Наблюдение над разнообразием выражения личностного начала и идиостилем авторов на страницах «Литературной газеты» // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003а. – Вып. 2. – С. 56–64.

Кормилицына М.А. Усиление личностного начала в русской речи последних лет // Русский язык сегодня: сб. ст. / отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Азбуковник, 2003б. – Вып. 2. – С. 465–475.

Кормилицына М.А. Формирование имиджа политика средствами СМИ // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – Вып. 4. Власть и речь. – С. 65–70.

Кормилицына М.А., Шамьенова Г.Р. Категория вежливости в оценочных речевых жанрах // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУнц «Колледж», 1999. – Вып.2. – С.257–266.

Кострова М.Б. К вопросу об использовании изобразительно-выразительных средств языка в уголовном законе // Юрислингвистика-5: Лингвистические аспекты права и юридические аспекты языка: сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 201–216.

Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? // Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / сост. Л.Н. Чурилина. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – С. 214–217.

Красавцева Н. А. О различии функционирования средств диалогичности и метакоммуникации (на материале английских научных текстов) // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. – Пермь: Пермский ун-т, 1984. – С. 153 – 158.

Красовская О.В. О речевой коммуникации в судебной практике: учеб пособие. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 128 с.

Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. – М., 2001. – Т. 1. – С. 72–81.

Крылова О.А. Лингвистическая стилистика в 2 кн.: учеб. пособие для студ. вузов филол. спец. – изд. 2-е, испр. –М.: Высш. шк., 2006. – Кн.1. Теория. – 319 с.

Кузнецова Е.А. Композиционная организация судебной защитительной речи (на материале выступлений Ф.Н. Плевако) // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 108–113.

Кузнецова Н.И. Роль структурно-языковой организации текста в восприятии официально-деловых документов // Вопросы стилистики. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. – Вып. 27. Человек и текст. – С. 145–151.

Кузьмина Н.А. Дело о шантаже и идентификации личности шантажиста // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. статей / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 424–440.

Кэюнь Д. Юридическая лингвистика как научный предмет в Китае // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 36–42.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / сост. Л.Н. Чурилина. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – С. 267–293.

Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: монография. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 315 с.

Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. – М.: Наука, 1986. – 201 с.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.

Мамаев Н.Ю. К вопросу о построении инвариантной контекстуальной структуры для проведения лингвосемантического анализа спорных разговоров // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 359–369.

Матвеева Т.В. Тональность разговорного текста: три способа представления // Stylistyka V. – Opole, 1996. – С. 210–221.

Милехина Т.А. Речевые портреты жен бизнесменов // Личность – Язык – Культура: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. 28-29 ноября 2007 г. – Саратов: ООО Издательский Центр «Наука», 2008. – С. 29–37.

Милехина Т.В. Светская беседа // Хорошая речь / под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – С. 131–151.

Милославская Д.И. Типовые трудности семантической интерпретации юридического текста // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 103–117.

Минеева З.И. Языковые маркеры пола и статуса в современной публицистике // Личность – Язык – Культура: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. 28-29 ноября 2007 г. – Саратов: ООО Издательский Центр «Наука», 2008. – С. 82–96.

Михалкин Н.В. Логика и аргументация в судебной практике. – СПб.: Питер, 2004. – 336 с.

Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.

Мишанкина Н.А., Рожнева Ж.А. Юридический дискурс как отражение исторических и ментальных процессов (историко-лингвистический анализ) // Электронный журнал «Гуманитарная информатика». – 2005. – Вып. 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/2/mishank.htm> (дата обращения: 20.11.2009)

Моисеева Т.В. Обеспечение беспристрастности и объективности судей при рассмотрении уголовных дел // Журнал российского права. – 2003. – №6. – С. 46–53.

Монастырецкая О.В. Терминологизация слов общеупотребительного языка и транстерминологизация в рамках французской лексики сферы международных отношений // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – Вып. 7. – С. 96–99.

Мушнина М.М. О правовой лингвистике в Германии // Юрислингвистика-5: Лингвистические аспекты права и юридические аспекты языка: сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 18–30.

Насонов С. Напутственное слово председательствующего в суде присяжных: некоторые проблемы законодательства и судебной практики // Персональный сайт С. Насонова. [Электронный ресурс]. URL: <http://sergei-nasonov.narod.ru/Naputstvennoe.doc> (дата обращения: 17.11.2009)

Насыров Р.В. Нормативный текст и корпорация экспертов (или о способах институционализации права) // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 73–83.

Недашковская С.И. Оценочное воздействие в судебной речи // Юрислингвистика-5: Лингвистические аспекты права и юридические аспекты языка: сб. науч. трудов / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 156–164.

Никитина О.В. Текст закона глазами рядового носителя языка и лингвиста (на примере «Правил дорожного движения Российской Федерации») // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. – Вып.8. Материалы Международной науч.-практ. конф. «Современное состояние русской речи: эволюция, тенденции, прогнозы». – С. 361–366.

Николаева Т.М. Метатекст и его функции в тексте (на материале Мариинского евангелия) // Исследования по структуре текста. – М.: Наука, 1987. – С. 27–57.

Новикова Т.В. Лингвистические аспекты понятия добросовестности в российском гражданском законодательстве // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 52–55.

Ножкина Э.М. Языковая личность в структуре интервью // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – Вып. 2. – С. 39–50.

Овчинников В. Сакура и дуб // Роман-газета. – 1987. – № 4.

Панченко Н.Н. Специфика коммуникативного поведения типажа *демагог*// Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. – Вып.8. Материалы Международной науч.-практ. конф. «Современное состояние русской речи: эволюция, тенденции, прогнозы». – С. 323–329.

Паркина Н.В. Особенности функционирования средств выражения оценки в публичной речи юриста // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11-12 декабря, 2003 г.): труды и материалы в 2т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – С. 107–109.

Пахалов М.Ю. Ритуальность и иррациональность судебного процесса (на материалах средневековой Англии) // Государство и право. – 2007. – №6. – С. 114–120.

Плюхина З.А. Англичане говорят так: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1991. – 175 с.

Поляков А.В. Право и коммуникация. Тезисы доклада, прочитанного на Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы теории и истории государства и права 13 декабря 2001 г. (Санкт-Петербург, Университет МВД). // Сайт «Виртуальный клуб юристов». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yurclub.ru/docs/theory/article3.html> (дата обращения: 5.01.2010).

Правикова Л.В. Судебный дискурс: языковые аспекты // Вестник ПГЛУ. – 2003. – № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://pn.pglu.ru/index.php?module=subjects&func=printpage&pageid=41&scope=page> (дата обращения: 17.05.2008).

Прайд Ю.Ф. Юридическая лингвистика в Украине: вчера, сегодня, завтра // Юрислингвистика-5: Лингвистические аспекты права и юридические аспекты языка: сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 30–38.

Прибыток И.И. Дискурсивная роль слов “please” и “пожалуйста” // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. – Вып. 5. – С. 161–170.

Прибыток И.И. Роль категорий количества и способа в организации общeverификативных высказываний в суде // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – Вып. 7. – С. 3–8.

Пригарина Н.К. Оценки как средства манипуляции в юридическом дискурсе // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 229–235.

Прохватилова О.А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1999. – 364 с.

Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 224 с.

Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские. Коммуникативное поведение. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 328 с.

Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 240 с.

Развейкина Н.А. Напутственное слово председательствующего как средство неправомерного воздействия на присяжных заседателей // Вестник СамГУ. – 2007. – №5/1. – С. 123–130.

Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 272 с.

Рейнфилд Д. Заметки об Англии // Филиппова М.М. Английский национальный характер: учеб. пособие. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – С. 87–136.

Рейтинг арбитражных судов по представленности женщин в руководстве суда (по состоянию на 08.03.2009) // Сайт «Право.ru». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.ru/rating/judges/?type=13> (дата обращения 6.01.2010).

Рисинзон С.А. Функционирование этикетных средств разной степени конвенционализации в институциональном общении // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. – Вып.8. Материалы Международной науч.-практ. конф. «Современное состояние русской речи: эволюция, тенденции, прогнозы». – С. 270–293.

Рисинзон С.А. Этикетный вектор русского дружеского общения женщин // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. – Вып. 9. – С. 199–204.

Романова И.А. Концепт «вежливость» и его объективация в русском языке // Культура общения и ее формирование, 2001. – Вып.8. – С. 95–97.

Рыженкова Т.В. Типы семантических изменений при транстерминологизации номинативных единиц в терминологии правоведения // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – Вып. 7. – С. 85–96.

Рытникова Я.Т. Семейная беседа как жанр повседневного речевого общения // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 177–188.

Савочкина Е.А. Речевые жанры судебного разбирательства и их отражение в юридическом триллере // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 108–112.

Седов К.Ф. Анатомия жанров бытового общения // Вопросы стилистики. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. – Вып.27. Человек и текст. – С. 9–20.

Седов К.Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость» // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 188–195.

Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.

Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса/ пер. с фр. / общ. ред и вступ. ст. П. Серио. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. – С. 12–53.

Сидоров Е.В. Онтология дискурса. – изд. 2-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 232 с.

Сикевич З.В. Национальное самосознание русских (социологический очерк): учеб. пособ. – М.: Механик, 1996. – 204 с.

Смирнов А.В. Реформы уголовной юстиции конца XX века и дискурсивная состоятельность // Журнал российского права. – 2001. – №12. – С. 145–155.

Снегирева М.В. К вопросу о языковой и коммуникативной компетенции юристов // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 57–63.

Сологуб О.П. Исковое заявление: жанроведческий анализ // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации: межвузовский сборник научных статей / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 118–127.

Сорокин Ю.А. Человек говорящий в его модусах и отношениях (обзор-дискуссия) // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс: сб. науч. тр. / под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 7–23.

Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (Теоретический и экспериментальный фрагменты). – Самара: Русский лицей, 1994. – 94 с.

Спиридовский О.В. Интертекстуальность президентского дискурса в США, Германии и Австрии // Политическая лингвистика.– Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2006. – Вып. 20. – С. 161–169.

Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: РАН, Ин-т языкознания, 2000. – С. 178–185.

Стернин И.А. Коммуникативное поведение и национальная культура народа // Филологические записки. – 1993. – №1. – С. 180–186.

Тархова Е.В. Повторы и их функции в судебной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2007. – 22 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

Третьякова Т.П. Английские речевые стереотипы: Функционально-семантический аспект. – Спб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995. – 128 с.

Тютюнова О.Н. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса (на материале немецких и русских телевизионных передач): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 22 с.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 15 сентября 2008 года). – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. – 239 с.

Усманова Е.Ф. Речевая коммуникация в профессиональной деятельности юриста // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право:

межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 63–71.

Усова С.А. Сопоставительный анализ налоговых кодексов России и Франции (лингвистический аспект) // Актуальные проблемы коммуникации и культуры: международный сб. науч. тр. – Москва, Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2006. – Вып.4. – С. 217–225.

Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – изд. 2-е. – М.: РАН, Институт языкознания, 2000. – С. 135–170.

Федосюк М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997а. – С. 66–88.

Федосюк М.Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург: Арго, 1996. – С. 73–94.

Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. – 1997б. – №5. – С. 102–120.

Федотов А.В. Использование оценочных презумпций в процессе доказывания // Журнал Российского права. – 2002. – №5. – С. 87–96.

Фомина Л.Ю. Нормативная правовая терминология: современное состояние и вопросы унификации // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 158–167.

Формановская Н.И.. Русский речевой этикет: нормативный и социокультурный контекст. – М.: Русский язык, 2002. – 160 с.

Харламова Т.В. Текстобразующие средства в устной речи (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2000. – 21 с.

Хасина Л.И. Глаголы действия и глаголы состояния в юридических терминосистемах русского и английского языков // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – Вып. 7. – С. 99–102.

Хижняк С.П. Терминологичность языкового знака и специфика терминологизации номинативных единиц в юридической терминологии // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – Вып. 7. – С. 74–85.

Хижняк С.П. Формирование и развитие терминологичности в языковой системе (на материале юридической терминологии): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Саратов, 1998. – 39 с.

Чернышова Т.В. Особенности взаимодействия естественного и юридического языка в юридической практике (конструкция на основе сочинительной связи с союзом и как объект лингвистической экспертизы) // Юрислингвистика-5: Лингвистические аспекты права и юридические аспекты

языка: сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 75–85.

Чернышова Т.В. Публичная речь сквозь призму инвективности (типологический этюд) // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 393–401.

Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 296 с.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 248 с.

Чубай С.А. Речевое поведение современного политика в период предвыборных кампаний // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. – Вып.8. Материалы Международной науч.-практ. конф. «Современное состояние русской речи: эволюция, тенденции, прогнозы». – С. 405–409.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора): учеб. пособие. – Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2003. – 194 с.

Шамьенова Г.Р. Вежливость как качество хорошей речи // Хорошая речь / под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – С. 179–197.

Шамьенова Г.Р. О влиянии прагматических факторов на реализацию категории вежливости в общении // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – С.147–152.

Ширинкина М.А. Словесные технологии совершенствования законодательства (на материале налогового кодекса РФ) // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 171–180.

Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 88–98.

Юрислингвистика: Проблемы и перспективы: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – 186 с.

Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – 238 с.

Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. – 263 с.

Юрислингвистика-4: Юрико-лингвистические дисциплины на юридических, филологических и журналистских факультетах российских вузов / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 187 с.

Юрислингвистика-5: Лингвистические аспекты права и юридические аспекты языка: сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 355 с.

Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка: сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2005. – 417 с.

Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации: межвузов. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 348 с.

Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 531 с.

Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – 454 с.

Abraham K.S. Reading law and reading literature // ALSA Newsletter. – 1976. – No. 3. – P. 30–34.

Ainsworth J. “You have the right to remain silent...But you if you ask it just so”: the role of linguistic ideology in American police interrogation law // The International Journal of Speech, Language and the Law. – 2008. – Vol. 15. – No. 1. – P. 1–21.

Aldridge M., Luchjenbroers J. Linguistic manipulations in legal discourse: framing questions and ‘smuggling’ information // The International Journal of Speech, Language and the Law. – 2007. – Vol. 14. – No. 1. – P. 85–107.

Amsterdam A.G., Bruner J. Minding the Law. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press. – 453 p.

Atkinson J.M., Drew P. Order in Court: the Organisation of Verbal Interaction in Judicial Settings. – Guilford, London, Worcester: Billing & Sons Limited, 1979. – 275 p.

Badger R. Legal and general: towards a genre analysis of newspaper law reports // English for Specific Purposes Across Cultures. – 2003. – Vol. 22. – Issue 3. – P. 249–263.

Bauman R. Speech genres in cultural practice // Encyclopedia of Language and Linguistics. – Amsterdam, London: Elsevier, 2006. – P. 745–758.

Bazerman Ch. The life of genre, the life in the classroom // Genre and Writing: Issues, Arguments, Alternatives / Ed. W. Bishop, H. Ostrom. – Portsmouth, N.H.: Boynton: Cook, 1997. – P. 19–26.

Bazerman Ch., Little J., Chavkin T. The production of information for genred activity spaces: informational motives and consequences of the environmental impact statement // Written Communication. – 2003. – Vol. 20. – Issue 4. [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.education.ucsb.edu/bazerman/articles/4.activityspaces.html> (дата обращения: 23.11.2009).

Beeching K. Gender, Politeness and Pragmatic Particles in French. – Amsterdam: John Benjamins, 2003. – 246 p.

Bennett W.L., Feldman M.S. *Reconstructing Reality in the Courtroom. Justice and Judgment in American Culture.* – New Brunswick: Rutgers University Press, 1981. – 203 p.

Berger L.L. What is the sound of a corporation speaking? How the cognitive theory of metaphor can help lawyers shape the law // *Journal of the Association of Legal Writing Directors.* – 2004. – No. 169. – P. 169–208.

Berk-Seligson S. *Bilingual court proceedings: the role of the court interpreter* // *Language in the Judicial Process.* / Ed. J.N. Levi, A.G. Walker. – New York, London: Plenum Press, 1990. – P. 155–203.

Bhatia V.K. Genre analysis, ESP and professional practice // *English for Specific Purposes.* – 2008. – No. 27. – P. 161–174.

Bhatia V.K. Genres and styles in world Englishes // *The Handbook of World Englishes* / Ed. B.B. Kachru, J. Kachru, C.L. Nelson. – Oxford: Blackwell, 2006a. – P. 386–401.

Bhatia V.K. Legal genres // *Encyclopedia of Language and Linguistics.* – Amsterdam, London: Elsevier, 2006b. – P. 1–7.

Blanck P.D., Rosenthal R., Cordell L.D.H. The appearance of justice: judges' verbal and nonverbal behaviour in criminal jury trial // *Stanford Law Review.* – 1985. – Vol. 38:89. – P. 90–154.

Bloor M., Bloor Th. *The Practice of Critical Discourse Analysis: an Introduction.* – London: Hodder Arnold, 2007. – 207 p.

Boer M.G.W. den A linguistic analysis of narrative coherence in the courtroom // *Law, Interpretation and Reality. Essays in Epistemology, Hermeneutics and Jurisprudence* / Ed. P. Nehrot. – Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publ., 1990. – P. 346–378.

Brennan M. The discourse of denial: cross-examining child victim witnesses // *Journal of Pragmatics.* – 1995. – Vol. 23. – Issue 1. – P. 75–91.

Bugaj J. The language of legal writings in 16th century Scots and English: an etimological study of binomials // *English for Specific Purposes Across Cultures.* – 2006. – No. 3. – P. 7–22.

Canetti E. *Crowds and Power.* – London: Gollancz, 1962. – 495 p.

Carranza I.E. Metapragmatics in a courtroom genre // *Pragmatics.* – 2008. – No. 18:2. – P. 169–188.

Charnock R. Overruling as a speech act: performativity and normative discourse // *Journal of Pragmatics.* – 2009. – Vol. 41. – Issue 3. – P. 401–426.

Cheng L., Sin K.K. A court judgment as dialogue // *Dialogue and Rhetoric* / Ed. Edda Weigand. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2008. – P. 267–281.

Cheng L., Sin K.K., Li J. Legal narrative in court judgments: hegemonic construction of reality // *Samara AltLinguo E-Journal.* – *Discourse and Narrative Analysis.* – 2007. – №2. [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: http://samaraaltlinguo.narod.ru/ejournal/207_cheng_sin_li.pdf (дата обращения: 5.01.2010)

Chiles T. The construction of an identity as 'mentor' in white collar and academic workplaces: a preliminary analysis // *Journal of Pragmatics*. – 2007. – Vol. 39. – Issue 4. – P. 730–741.

Ciliberti A., Anderson L. Metapragmatics comments in institutional/semi-institutional talk: a comparative analysis across settings. [Электронный ресурс]. URL: <http://webhost.ua.ac.be/tispviewabstract.php?id=817> (дата обращения: 10.10.2004).

Collett M.E., Kovera M.B. The effects of British and American trial procedures of the quality of juror decision-making // *Law and Human Behavior*. – 2003. – Vol. 27. – No. 4. – P. 403–422.

Collins D.E. Indirectness in legal speech acts: an argument against the out of ritual hypothesis // *Journal of Pragmatics*. – 2009. – Vol. 41. – Issue 3. – P. 427–439.

Conley J.M., O'Barr W.M. *Just Words. Law, Language, and Power*. – Chicago and London: University of Chicago Press, 1998. – 168 p.

Conley J.M., O'Barr W.M. *Rules versus Relationships: the Ethnography of Legal Discourse*. – Chicago, London: University of Chicago Press, 1990. – 222 p.

Constantini E., Mallery M., Yapundich D. Gender and juror partiality: are women more likely to prejudge guilt? // *Judicature*. – 1983. – No. 67. – P. 120–133.

Cooper B. Taboo terms in a sexual abuse criminal trial // *The International Journal of Speech, Language and the Law*. – 2007. – Vol. 14. – No. 1. – P. 27–50.

Coulthard M. The official version: audience manipulation in police records of interviews with suspects // *Dialoganalyse VI: Referate der 6. Arbeitstagung, Prag 1996*. – Tuebingen: Max Niemeyer Verlag, 1998. – Teil 2. – P. 121–131.

Criminal Justice Act (2003). // Сайт службы общественного информирования Великобритании. [Электронный ресурс]. URL: www.opsi.gov.uk/acts/acts2003/ukpga_20030044_en_1 (дата обращения: 6.01.2010).

Criminal Justice and Courts Services Act (2000). // Сайт службы общественного информирования Великобритании. [Электронный ресурс]. URL: www.opsi.gov.uk/acts/acts2000/ukpga_20000043_en_1 (дата обращения: 6.01.2010).

Crown Court Bench Book: Specimen Directions (2008). // Сайт Комиссии по обеспечению деятельности судей Великобритании. [Электронный ресурс]. URL: www.jsboard.co.uk/downloads/specimendirections_oct08.doc (дата обращения 6.12.2010).

Cruse A. *Meaning in Language: an Introduction to Semantics and Pragmatics*. – Second Edition. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 441 p.

Dahl T. Textual metadiscourse in research articles: a marker of national culture or of academic discipline? // *Journal of Pragmatics*. – 2004. – Vol. 36. – Issue 10. – P. 1807–1825.

Dannerer M. Misunderstandings at work // *Dialogue Analysis VIII: Understanding and Misunderstanding in Dialogue: Selected Papers from the 8th IADA Conference, Goeteborg 2001* / Ed. Karin Aijmer. – Tuebingen: Max Niemeyer Verlag, 2004. – P. 103–117.

Devlin P. *The Judge*. – Oxford, Melbourne, Delhi: Oxford University Press, 1981. – 207p.

D'hondt S. Others on trial: the construction of cultural otherness in Belgian first instance criminal hearings // *Journal of Pragmatics*. – 2009. – Vol. 41. – Issue 4. – P. 806–828.

Dijk T.A. *van Discourse as Social Interaction*. – London: Sage publications, 1997a. – 336p.

Dijk T.A. *van Discourse as Structure and Process*. – London: Sage publications, 1997b. – 368 p.

Dorch E., Fontaine G. Rate of judges' gaze at different types of witnesses // *Perceptual Motor & Skills*. – 1978. – No. 46. – P. 1103–1106.

Dossena M. *Apud acta: the contribution of Latin to Scots legal vocabulary // English for Specific Purposes Across Cultures*. – 2005. – No. 2. – P. 47–57.

Doty K.L., Hiltunen R. Formulaic discourse and speech acts in the witchcraft trial records of Salem, 1692 // *Journal of Pragmatics*. – 2009. – Vol. 41. – Issue 3. – P. 458–469.

Drew P. Strategies in the contest between lawyer and witness in cross-examination // *Language in the Judicial Process / Ed. J.N. Levi, A.G. Walker*. – New York, London: Plenum Press, 1990. – P. 39–65.

Dubrovskaya T. Applying metaphor in the English legal discourse // *Language, Thought and Education / Ed. M. Kuczynski, J. Zawodniak*. – Zielona Gora: Uniwersytet Zielonogorski, 2008. – Vol. 1. – P. 29–41.

Dubrovskaya T.V. Politeness and impoliteness in Russian and English courtroom dialogue // *Dialogue Analysis XI: Proceedings of the 11th IADA Conference on Dialogue Analysis and Rhetoric, University of Münster, March 26-30, 2007 / Ed. Edda Weigand*. – 2009. – Vol. 1. – P. 57–68.

Dubrovskaya T. Speech strategies in the last word of the sentenced by Mikhail Khodorkovsky // *New Developments in Linguistic Pragmatics: 3rd Lodz Symposium, Lodz, 11-14 May, 2006*. – Lodz: Wydawnictwo Uniwersytetu Lodzkiego, 2006. – P. 34.

Dumas B. Jury instructions // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. – Amsterdam, London: Elsevier, 2006. – P. 143–148.

Eades D. Interviewing and examining vulnerable witnesses // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. – Amsterdam, London: Elsevier, 2006. – P. 772–778.

Evans K. *Advocacy in Court: a Beginner's Guide*. – London: Oxford University Press, 1995. – 206 p.

Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. – London, New York: Routledge, 2004. – 270 p.

Ferguson C. Dialect, register, and genre // *Sociolinguistics Perspectives on Register / Ed. D. Biber, E. Finegan*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. 15–30.

Feteris E.T. A normative reconstruction of arguments from reasonableness in the justification of judicial decisions // *Современные направления в лингвистике и преподавании языков: Материалы II международной научно-практической*

конференции / под ред. Т.В. Дубровской, Е.В. Китаевой. – М.: МНЭПУ (Пензенский филиал), 2008а. – Т.1 – С. 86–97.

Feteris E.T. Models for the analysis of legal argumentation // *Informal Logic*. – 2008b. – Vol. 28. – No.1. – P. 1–4.

Forms of Words in Sentencing (2006). // Сайт Комиссии по обеспечению деятельности судей Великобритании. [Электронный ресурс]. URL: http://www.jsboard.co.uk/downloads/specimen_directions_feb2006.doc (дата обращения 6.01.2010).

Fox K. *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour*. – London: Hodder, 2004. – 424 p.

Fuertes-Olivera, P.A., Velasco-Sacristan, M., Arribas-Bano, A., Samaniego-Fernandez E. Persuasion and advertising English: metadiscourse in slogans and headlines // *Journal of Pragmatics*. – 2001. – Vol. 33. – Issue 8. – P. 1291–1307.

Galotolo R., Mizzau V. Quoting dialogues and the construction of the narrative point of view in legal testimony: the role of prosody and gestures // *Studies in Communication Sciences*. – 2005. – Special issue: Argumentation in Dialogic Interaction. – P. 217–232.

Gee J.P. *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method*. – London: Routledge, 1999. – 176 p.

Gee J.P. Educational Linguistics // *The Handbook of Linguistics* / Ed. M. Aronoff, J. Rees-Miller. – Malden, Mass., Oxford: Blackwell, 2002. – Blackwell Reference Online. – [Электронный ресурс]. – http://www.blackwellreference.com/public/tocnode?id=g9781405102520_chunk_g978140510252029 (дата обращения: 3.03.2008).

Gephart R., Frayne C.A., Boje D., White J., Lawless M. Genres at ‘Journal of Management Inquiry’ // *Journal of Management Inquiry*. – 2000. – Vol. 9. – Issue 3. – P. 246–256.

Gibbons J. *Forensic Linguistics: An Introduction to Language in the Justice System*. – Oxford: Blackwell, 2005. – 337 p.

Gomez I.F. Enhancing the speaker-audience relationship in academic lectures // *Current Trends in Intercultural, Cognitive, and Social Pragmatics* / Ed. Pilar Garcés Conejos, Reyes Gómez Morón, Lucía Fernández Amaya, and Manuel Padilla Cruz, 2004. – Sevilla: Research Group “Intercultural Pragmatic Studies. – P. 83–96.

Goodrich P. *Legal Discourse*. – London: Macmillan Press, 1987. – 266 p.

Green G.M. Linguistic analysis of conversation as evidence regarding the interpretation of speech events // *Language in the Judicial Process* / Ed. J.N. Levi, A.G. Walker. – New York, London: Plenum Press, 1990. – P. 247–279.

Greenfield S., Osborn G. Film lawyers: above and beyond the law // *Criminal Visions: Media Representations of Crime and Justice* / Ed. Paul Mason. – Cullompton: Willian, 2003. – P. 238–253.

Guide to Judicial Conduct (2008) // Сайт судей Англии и Уэльса. [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: http://www.judiciary.gov.uk/docs/judges_council/judicialconduct_update0408.pdf (дата обращения 6.01.2010).

Guillot M.-N. Freedoms and constraints in semi-institutional television discussions: The case of mixed format panel discussions // *Journal of Pragmatics*. – 2008. – Vol. 40. – Issue 2. – P. 179–204.

Halliday M.A.K., Hasan R. *Language, Context, and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective*. – Oxford: Oxford University Press, 1989. – 126 p.

Halverson A.M., Hallahan M., Hart A.J., Rosenthal R. Reducing the biasing effects of judges' nonverbal behaviour with simplified jury instruction// *Journal of Applied Psychology*. – 1997. – Vol. 82. – Issue 4. – P. 590–598.

Hanks W. *Language and Communicative Practices*. – Boulder: Westview Press, 1996. – 335 p.

Harvey D. *The Condition of Postmodernity*. – Oxford: Blackwell, 1991. – 392 p.

Haworth K. The dynamics of power and resistance in police interview discourse // *Discourse and Society*. – 2006. – Vol. 17. – P. 739–759.

Heffer C. 'If you were standing in Marks and Spencers': narrativisation and comprehension in the English summing-up // *Language in the Legal Process* / Ed. J. Cotterill. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. – P. 228–245.

Heffer C. Legal-professional language in jury trial// *Encyclopedia of Language and Linguistics*. – London, Amsterdam: Elsevier, 2006. – P. 29–36.

Hempel S., Degand L. Sequencers in different text genres: academic writing, journalese and fiction// *Journal of Pragmatics*. – 2008. – Vol. 40. – Issue 4. – P. 676–693.

Henzl V.M. Language in courts // *Dialoganalyse VI: Referate der 6. Arbeitstagung*, Prag 1996. – Tuebingen: Max Niemeyer, 1998. – Teil 2. – P. 141–147.

Hibbits B.J. Making sense of metaphors: visuality, aurality, and the reconfiguration of American legal discourse // *Cardozo Law Review*. – 1994. – No. 16:229. [Электронный ресурс]. URL: http://faculty.law.pitt.edu/hibbits/meta_int.htm (дата обращения: 5.01.2010).

Hickey L., Steward M. (eds.) *Politeness in Europe*. – Clevedon: Multilingual Matters, 2005. – 334 p.

Hobbs P. Judges's use of humor as a social corrective // *Journal of Pragmatics*. – 2007. – Vol. 39. – Issue 1. – P. 50–68.

Hoffmannova J. How the interviewer accommodates his respondent (agreement, praise and identification as a co-operative strategy) // *Dialoganalyse VI: Referate der 6. Arbeitstagung*, Prag 1996. – Tuebingen: Max Niemeyer, 1998. – Teil 2. – P. 159–165.

Hyland K. Persuasion and context: the pragmatics of academic metadiscourse // *Journal of Pragmatics*. – 1998. – Vol. 30. – Issue 4. – P. 437–455.

Ifantidou E. The semantics and pragmatics of metadiscourse // *Journal of Pragmatics*. – 2005. – Vol. 37. – Issue 9. – P. 1325–1353.

Jameson F. *Postmodernism, Or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. – London: Verso, 1991. – 438 p.

Johnson A. Police questioning // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. – London, Amsterdam: Elsevier, 2006. – P. 661–672.

Jordan A. Imagery, humor, and the judicial opinion // *University of Miami Law Review*. – 1987. – No. 41. – P. 693–727.

Judicial and Court Statistics 2007. Presented to Parliament by the Secretary of State for Justice and Lord Chancellor by Command of Her Majesty The Queen September 2008 // Сайт официальных документов Великобритании. [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://www.official-documents.gov.uk/document/cm74/7467/7467.pdf> (дата обращения 28.11.2009).

Judiciary (2009) // Сайт судей Англии и Уэльса. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.judiciary.gov.uk> (дата обращения 5.12.2009).

Kadri S. *The Trial: A history from Socrates to O.J. Simpson*. – London, New York, Toronto, Sydney: Harper Perennial, 2006. – 476 p.

Kandel R.F. Why evidence scholars should study conversation // *International Commentary on Evidence*. – 2002. – Vol. 1. – Issue. 2. – Article 7. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bepress.com/ice/vol1/iss2/art7> (дата обращения 3.12.2004).

Kniffka H. *Working in Language and Law: A German Perspective*. – Basingstoke, New York : Palgrave Macmillan, 2007. – 304 p.

Koester A.J. Relational sequences in workplace genres // *Journal of Pragmatics*. – 2004. – Vol. 36. – Issue 8. – P. 1405–1428.

Konczol M. Law, fact and narratives in ancient rhetoric: the case of the *causa Curiana* // *International Journal for the Semiotics of Law*. – 2008. – No. 21. – P. 21–33.

Kryk-Kastovsky B. Legal pragmatics // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. – London, Amsterdam: Elsevier, 2006. – P. 13–20.

Kryk-Kastosky B. Speech acts in Early English court trials // *Journal of Pragmatics*. – 2009. – Vol. 41. – Issue 3. – P. 440–457.

Kurzon D. *It is hereby performed... Explorations in legal speech acts*. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. – 1986. – 84 p.

Kurzon D. Law and language: overview // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. – London, Amsterdam: Elsevier, 2006. – P. 728–731.

Kurzon D. The politeness of judges: American and English judicial behaviour // *Journal of Pragmatics*. – 2001. – Vol. 33. – Issue 1. – P. 61–85.

Kusse H. Diskurs und Metadiskurs als linguistische Objekte. Theoretische Anmerkungen zu den Begriffen // *Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс: сборник научных трудов / под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной*. – М: Азбуковник, 2003. – С. 66–80.

Lauerbach G., Aijmer K. Argumentation in dialogic media genres—Talk shows and interviews // *Journal of Pragmatics*. – 2007. – Vol. 39. – Issue 8. – P. 1333–1341.

Law Society (2003) // Сайт «Юридическое сообщество». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dmulawsociety.btinternet.co.uk> (дата обращения 20.11.2003).

Lea J. *The Criminal Court Trial* // Персональный сайт Дж. Ли. [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.bunker8.pwp.blueyonder.co.uk/cjs/26905.htm> (дата обращения: 28.11.2006).

Lenz F. Speaking of speech acts // Erfurt Electronic Studies in English. – 1997. [Электронный ресурс]. URL: http://webdoc.gwdg.de/edoc/ia/eese/journal_frame.html (дата обращения: 23.08.2006).

Levi J.N. The study of language in the judicial process // Language in the Judicial Process / Ed. J.N. Levi, A.G. Walker. – New York and London: Plenum Press, 1990. – P. 3–38.

Levine J.P. Juries and Politics. – Pacific Grove, Calif: Brooks/Cole; Andover: International Thomson, 1991. – 224 p.

Liu W., Liu S. Illocutionary and perlocutionary acts in Chinese judges' attached discourse // Lodz Papers in Pragmatics. – 2007. – Vol. 3. – P.137–144.

Llopis M.A.O. The analysis of a legal text: Lloyd's Institute Cargo Clauses// IATEEL ESP SIG Newsletter. – 1999. – No. 14.

Locher M.A. Power and Politeness Action: Disagreements in Oral Communication. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. – 365 p.

Longman Dictionary of Contemporary English. – Harlow: Longman, 2006. – 1950 p.

Luckmann T. Interaction planning and intersubjective adjustment of perspectives by communicative genres // Social Intelligence and Interaction / Ed. E. Goody. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – P. 175–189.

Luckmann T. On the communicative adjustment of perspectives, dialogue and communicative genres // The Dialogical Alternative / Ed. A. Wold. – Oslo: Scandinavian University Press, 1992. – P. 219–234.

Maier R. Dialogic characteristics of political and public debates // Dialogue Analysis and the Mass Media: proceedings of the international conference. Erlangen, April 2-3, 1998. – Tuebingen: Max Niemeyer Verlag, 1999. – P. 201–212.

Marley C. Assuming identities: The workings of intertextual metaphors in a corpus of dating ads // Journal of Pragmatics. – 2008. – Vol. 40. – Issue 3. – P. 559–576.

Martin J. R. English Text: System and Structure. – Amsterdam: Benjamins, 1992. – 620 p.

Matilla H.E.S. Legal language: history // Encyclopedia of Language and Linguistics. – London, Amsterdam: Elsevier, 2006. – P. 8–13.

Maynard D.W. Narratives and narrative structure in plea bargaining // Language in the Judicial Process / Ed. J.N. Levi, A.G. Walker. – New York and London: Plenum Press, 1990. – P. 65–97.

McKenna J.A. The judge as dramatist // ALSA Forum. – 1982. – Vol. 5. – No. 2. – P. 39–47.

Melnikoff D. The Language of the Law. – Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1963. – 526 p.

Metzger T.R., Beach W.A. Preserving alternative versions: interactional techniques fro organizing courtroom cross-examinations // Communication Research. – 1996. – Vol. 23. – No.6. – P. 749–765.

Mieroop D. van de The complementarity of two identities and two approaches quantitative and qualitative analysis of institutional and professional identity // *Journal of Pragmatics*. – 2007. – Vol. 39. – Issue 6. – P. 1120–1142.

Miller C. Genre as social action // *Quarterly Journal of Speech*. – 1984. – No. 70. – P. 151–167.

Mills S. *Discourse*. – New York: Routledge, 1997. – 177 p.

Mills S. Gender and impoliteness // *Journal of Politeness Research: Language, Behaviour, Culture*. – 2005. – Vol. 1. – No. 2. – P. 263–280.

Mills S. *Gender and Politeness (studies in interactional sociolinguistics)*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 278 p.

Moron R.G. *Gatekeepers* in media discourse: power, social distance and size of imposition in TV interviews // *Current Trends in Intercultural, Cognitive, and Social Pragmatics* / Ed. Pilar Garcés Conejos, Reyes Gómez Morón, Lucía Fernández Amaya, and Manuel Padilla Cruz. – Sevilla: Research Group “Intercultural Pragmatic Studies”, 2004. – P. 267–280.

Nicholson N.S. The law on language in the European Union: policy development for interpreting/translation services in criminal proceedings // *The International Journal of Speech, Language and the Law*. – 2009. – Vol. 16. – No. 1. – P. 59–90.

Nivelle N. Counterfactual conditionals in argumentative legal language in Dutch // *Pragmatics*. – 2008. – No. 18.3. – P. 469–490.

Noonan J.T. *Persons and Masks of the Law: Cardozo, Holmes, Jefferson and Wythe as Makers of the Masks*. – Berkeley, Calif.; London: University of California Press, 2002. – 227 p.

O’Barr W. *Linguistic Evidence. Language, Power and Strategy in the Courtroom*. – New York, London, Paris, San Diego, San Francisco, Sao Paulo, Sydney, Tokyo, Toronto: Academic Press, 1982. – 192 p.

O’Barr W.M., Conley J.M. Litigant satisfaction versus legal adequacy in small claims court narratives // *Language in the Judicial Process* / Ed. J.N. Levi, A.G. Walker. – New York and London: Plenum Press, 1990. – P. 97–131.

Ogiermann E. *On Apologising in Negative and Positive Politeness Cultures*. – Amsterdam: John Benjamins, 2009. – 293 p.

Pannick D. *Judges*. – Oxford, New York: Oxford University Press, 1987. – 263 p.

Partridge E. *Usage and Abusage: A Guide to Good English*. – London: Penguin Books, 1999. – 400 p.

Paxman J. *The English: A Portrait of a People*. – London: Penguin Books, 1999. – 309 p.

Penz H. Metacommunication in international project work. [Электронный ресурс]. URL: <http://webhost.ua.ac.be/tispviewabstract.php?id=194> (дата обращения: 15.09.2004).

Philips S. *Ideology in the Language of Judges: How Judges Practice Law, Politics and Courtroom Control*. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1998. – 205 p.

Placencia, M., Garcia, C. (eds.) *Research on Politeness in the Spanish-Speaking World*. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. – 456 p.

Prince E.F. On the use of social conversation as evidence in a court of law // *Language in the Judicial Process* / Ed. J.N. Levi, A.G. Walker. – New York and London: Plenum Press, 1990. – P. 279–291.

Prince S. “Cameras in court: what can cameras in Parliament teach us?” // *Contemporary Issues in Law*. – 1998. – No. 92. – P. 82–99.

Richmond Y. *From Nyet to Da: Understanding the Russians*. – Yarmouth, ME: Intercultural press, 1992. – 175 p.

Rudolph M. Judicial humor: a laughing matter // *Hasting Law Journal*. – 1989. – No. 41. – P. 175–200.

Salkie R. *Text and Discourse Analysis*. – London: Routledge, 1995. – 115 p.

Sank J. Is the barrister communicating most effectively in court when he “steps into the shoes of the jurors”? // *Электронный журнал «Адвокат»*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.barristermagazine.com> (дата обращения: 10.10.2004).

Sarat A. Rhetoric and remembrance: trials, transcription, and the politics of critical reading // *Legal Studies Forum*. – 1999. – Vol. 23. – No. 4. – P. 354–378.

Sarat A., Felstiner W.L.F. Legal realism in lawyer-client communication // *Language in the Judicial Process* / Ed. J.N. Levi, A.G. Walker. – New York and London: Plenum Press, 1990. – P. 133–143.

Schiffrin D. *Approaches to Discourse*. – Oxford, UK: B. Blackwell, 1994. – 470 p.

Schnurr S. Constructing leader identities through teasing at work // *Journal of Pragmatics*. – 2009. – Vol. 41. – Issue 6. – P. 1125–1138.

Scollon R., Scollon S.W. *Intercultural Communication: A Discourse Approach*. – Oxford: Blackwell, 2005. – 316 p.

Silveira J.C.P. Delivery strategies in classroom lectures: organizing the message // *Current Trends in Intercultural, Cognitive, and Social Pragmatics* / Ed. Pilar Garcés Conejos, Reyes Gómez Morón, Lucía Fernández Amaya, and Manuel Padilla Cruz. – Sevilla: Research Group “Intercultural Pragmatic Studies, 2004. – P. 97–114.

Solan L.M. Definitions/rules in legal language // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. London, Amsterdam: Elsevier, 2006. – P. 403–409.

Solan L.M. *The Language of Judges*. – Chicago, London: University of Chicago Press, 1993. – 218 p.

Solum L.B. The boundaries of legal discourse and the debate over default rules in contract law // *Southern California Interdisciplinary Law Journal*. – 1993. – Fall. – P. 311–333.

Solum L.B. The virtues and vices of a judge: an Aristotelian guide to judicial selection // *Southern California Law Review*. – 1988. – September. – P. 1735–1756.

Stubbs M. *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. – Oxford: Blackwell, 1983. – 272 p.

Stygall G. *Trial Language: Differential Discourse Processing and Discursive Formation*. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1994. – 228 p.

Svobodova M. The police interview as a dialogue // *Dialoganalyse VI: Referate der 6. Arbeitstagung*, Prag 1996. – Tuebingen: Max Niemeyer Verlag, 1998. – Teil 2. – P. 133–140.

Swales J. *Genre Analysis: English in academic and research settings*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 272 p.

Thaler P. *The Spectacle: Media and the Making of the O.J. Simpson Story*. – Westport, Connecticut, London: Praeger, 1997. – 325 p.

Thaler P. *The Watchful Eye: American Justice in the Age of the Television Trial*. – Westport, Connecticut, London: Praeger, 1994. – 239 p.

The A to Z Guide to Legal Phrases (2006) // Сайт «Кампания за понятный английский». [Электронный документ]. URL: <http://www.plainenglish.co.uk/legalaz.html> (дата обращения: 5.01.2010).

The Civil Procedure Rules (2007). // Сайт министерства юстиции Великобритании. [Электронный ресурс]. URL: http://www.justice.gov.uk/civil/procrules_fin/contents/parts/part32.htm (дата обращения: 6.01.2010).

The Criminal Procedure Rules (2005). // Сайт службы общественного информирования Великобритании. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opsi.gov.uk/si/si2005/20050384.htm#34> (дата обращения 6.01.2010).

Thompson S.E. Text-structuring metadiscourse, intonation and the signalling of organization in academic lectures // *Journal of English for Academic Purposes*. – 2003. – No. 2. – P. 5–20.

Tiersma P.M. *Communicating with Juries: How to Draft More Understandable Jury Instructions*. – Williamsburg: National Center for State Courts, 2006a. – 32 p.

Tiersma P. Language of legal texts // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. – London, Amsterdam: Elsevier, 2006b. – P. 549–556.

Tiersma P.M. Reforming the language of jury instructions // *Hofstra Law Review*. – 1993a. – Vol. 22. – No. 1. – P. 37–78.

Tiersma P. Textualizing the law // *International Journal of Speech, Language and the Law*. – 2001. – Vol. 8 – No. 2. – P. 73–92.

Tiersma P.M. The judge as linguist // *Loyola of Los Angeles Law Review*. – 1993b. – Vol. 27. – P. 269–283.

Tiersma P. The textualization of precedent // *Notre Dame Law Review*. – 2007. – Vol. 82. – No. 3. – P. 1187–1278.

Titles and Forms of Address: a Guide to their Correct Use. – 12th edition. – London: Adam & Charles Black, 1964. – 164 p.

Titles and Forms of Address: a Guide to their Correct Use. – 22nd edition. – London: Adam & Charles Black, 2009. – 240 p.

Titscher S., Meyer M., Wodak R., Vetter E. *Methods of Text and Discourse Analysis*. – London: Sage, 2000. – 278 p.

Tracy K. How questioning constructs judge identities: oral argument about same sex marriage // *Discourse Studies*. – 2009. – No. 11. – P. 199–221.

Tracy K., Robles J. Questions, questioning, and institutional practices: an introduction // *Discourse Studies*. – 2009. – No. 11. – P. 131–152.

Uelmen G.F. The trial as a circus: inherit the wind // *University of San Francisco Law Review*. – 1996. – Vol. 30. – No. 4. – P. 1220–1224.

UK Law Online (1998) // Сайт «Законодательство Великобритании» Университета г. Лидс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.leeds.ac.uk/law/hamlyn/toc.htm> (дата обращения: 28.11.2009).

Watts R.J. *Politeness (key topics in sociolinguistics)*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 318 p.

Weigand E. Conflict resolution in court // *Studies in Communication Sciences*. – 2005. – Special issue: Argumentation in Dialogic Interaction. – P. 193–202.

Weigand E. Principles of Dialogue. With a special focus on business dialogues // *Cooperation and conflict in ingroup and intergroup communication: selected papers from the Xth Biennial Congress of the IADA, Bucharest 2005*. / Ed. L. Ionescu-Ruxandoiu, L. Hoinarescu. – Bucharest: Bucharest University Press, 2006. – P. 35–51.

Weizman E. Individual intentions and collective purpose: the case of news interviews // *Dialoganalyse VI: Referate der 6. Arbeitstagung, Prag 1996*. – Tuebingen: Max Niemeyer Verlag, 1998. – Teil 2. – P. 269–280.

Wennerstrom A. Immigrant voices in the courts // *The International Journal of Speech, Language and the Law*. – 2008. – Vol. 15. – No. 1. – P. 23–49.

Wiener R.L., Pritchard Ch. C., Weston M. Comprehensibility of Approves Jury Instructions in Capital Murder Cases // *Journal of Applied Psychology*. – 1995. – Vol. 80. – Issue 4. – P. 455–467.

Willimas C. Legal English and plain English: an introduction // *English for Specific Purposes Across Cultures*. – 2004. – No. 1. – P. 111–124.

Witczak-Plisiecka I. A note on the linguistic in(determinacy) in the legal context // *Lodz Papers in Pragmatics*. – 2009. – No. 5.2. – P. 201–226.

Witczak-Plisiecka I. The relevance theoretic perspective on legal language // Сайт Университета Сарагосы. [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://www.unizar.es/aelfe2006/ALEFE06/1.discourse/26..pdf> (дата обращения: 23.11.2009).

Wodak R. *Disorders of Discourse*. – London: Longman, 1996. – 200 p.

Woodbury H. The strategic use of questions in court // *Semiotica*. – 1984. – Vol. 48. – Issue 3/4. – P. 197–228.

Yankova D. Thematic distribution of statutory texts: a suprasegmental contrastive study // *English for Specific Purposes Across Cultures*. – 2006. – No. 3. – P. 124–141.

Ziccolella S. Turn initial components in courtroom talk: “alright” and “well” // *Dialoganalyse VI: Referate der 6. Arbeitstagung, Prag 1996*. – Tuebingen: Max Niemeyer, 1998. – Teil 2. – P. 149–157.

Список исследованных материалов

Судебная речь

1. *ПрА 2008* – Приговор по делу А. (2008)
2. *ПрГ 2009* – Приговор по делу Г. (2009)
3. *ПрД 2009* – Приговор по делу Д. (2009)
4. *ПрЗ 2009* – Приговор по делу З. (2009)
5. *ПрК 2008* – Приговор по делу К. (2008)
6. *ПрМ 2009* – Приговор по делу М. и Т. (2009)
7. *ПрФ 2008* – Приговор по делу Ф. (2008)
8. *ПрЧ 2008* – Приговор по делу Ч. (2008)
9. *РЗ 1/2007* – Ручные записи судебного заседания в Центральном уголовном суде Англии по заявлению о снятии обвинения (2007)
10. *РЗ 2/2008* – Ручные записи судебного процесса по делу М. и С. (2008)
11. *РЗ 3/2008* – Ручные записи судебного процесса по делу организованной группировки (2008)
12. *РЗ 4/2008* – Ручные записи судебного процесса по делу П. (2008)
13. *РЗ 5/2009* – Ручные записи судебного процесса по делу П. (2009)
14. *РЗ 6/2008* – Ручные записи судебного процесса по делу Х. и М. (2008)
15. *РЗ 7/2009* – Ручные записи судебного процесса по делу К. (2009)
16. *РЗ Campbell* – Ручные записи судебного процесса REGINA v. Christopher R. Campbell (2007)
17. *Св.И. 1998-2001* – Стенограммы судебного процесса «О ликвидации религиозной организации "Свидетели Иеговы" и запрете её деятельности» (1998-2002) // Сайт общины Свидетелей Иеговы. [Электронный ресурс]. URL: http://www.jw-media.org/region/europe/russia/russian/moscow/u_courttranscripts.htm (дата обращения: 20.06.2007).
18. *СП 1991* – Напутственное слово председательствующего на процессе по делу Р., К., Т. (1991) // Персональный сайт С. Насонова. [Электронный ресурс]. URL: <http://sergei-nasonov.narod.ru/Resume.doc> (дата обращения: 6.01.2010).
19. *СП 2008* – Напутственное слово председательствующего на процессе по делу В. Макарова (2008) // Сайт в защиту В. Макарова. [Электронный ресурс]. URL: <http://vmakarov.ru/index.php> (дата обращения: 6.01.2010).
20. *Baby2009* – Приговор по делу REGINA v. (B) (The boyfriend of Baby Peter's mother), (C) (Baby Peter's mother) and Jason Owen // Сайт судей Англии и Уэльса. [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: http://www.judiciary.gov.uk/docs/judgments_guidance/sentencing-remarks-baby-p-220_509.pdf (дата обращения: 6.01.2010).
21. *Donovan 2009* – Приговор по делу REGINA v. Michael Donovan and Karen Matthews (2009) // Сайт судей Англии и Уэльса. [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. – URL:

http://www.judiciary.gov.uk/docs/judgments_guidance/r-v-donovan-matthews-sentencing-remarks.pdf (дата обращения: 6.01.2010).

22. *Huntley 2003* – Стенограммы судебного процесса REGINA v. Ian Huntley and Maxine Carr (2003) // Персональный сайт Б. О’Махони. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bernardomahoney.com/forthcb/pdt/hajdocuments.shtml> (дата обращения: 6.01.2010)

23. *Irving 2000* – Стенограммы судебного процесса David John Cawdell Irving (claimant) and Penguin Books Limited, Deborah E. Lipstadt (defendants) (2000) // Персональный сайт Д. Ирвинга. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fpp.co.uk> (дата обращения: 6.01.2010).

24. *Lund 2007* – Приговор по делу REGINA v. Frank Lund (2007) // Сайт судей Англии и Уэльса. [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: http://www.judiciary.gov.uk/docs/judgments_guidance/lund_sentencing_remarks240507.pdf (дата обращения: 6.01.2010).

25. *McDonald’s 1994-1995, 1997* – Стенограммы судебного процесса McDonald’s Corporation, McDonald’s restaurants limited (plaintiffs) and Helen Marie Steel, David Morris (defendants) (1994-1997) // Сайт противников сети Макдональдс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mcspotlight.org/case/trial/transcripts/index.html> (дата обращения: 10.07.2007).

26. *Palmer 2007* – Приговор по делу REGINA v. Thomas William Palmer (2007) // Сайт судей Англии и Уэльса. [Электронный ресурс]. URL: http://www.judiciary.gov.uk/publications_media/general/sentencing_remarks_200307.htm (дата обращения: 6.01.2010).

27. *Sellafield 2006* – Стенограммы судебного процесса REGINA v. British Nuclear Group Sellafield LTD (2006) // Сайт организации Гринпис в Великобритании. [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://www.greenpeace.org.uk/MultimediaFiles/Live/FullReport/8065.pdf> (дата обращения: 6.01.2010).

28. *Shipman 1999-2000* – Стенограммы судебного процесса REGINA v. Harold Shipman (1999-2000) // Сайт с материалами процесса по делу Ф. Шипмана. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.the-shipman-inquiry.org.uk/trialtrans.asp> (дата обращения: 6.01.2010).

29. *Smith 2007* – Приговор по делу REGINA v. Davina Smith (2007) // Сайт судей Англии и Уэльса. [Электронный ресурс]. URL: http://www.judiciary.gov.uk/publications_media/general/sentencing_remarks_020207.htm (дата обращения: 6.01.2010).

30. *Weddell 2007* – Фрагменты стенограммы судебного процесса REGINA v. Garry Weddell (2007) // Сайт судей Англии и Уэльса. [Электронный ресурс]. URL: http://www.judiciary.gov.uk/publications_media/general/weddell3001082.htm (дата обращения: 6.01.2010).

Публичные речи

1. *Зорькин 2008* – Выступление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина на VII Всероссийском съезде судей // Сайт Верховного Суда РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ssrf.ru/ss_detale.php?id=818 (дата обращения: 6.01.2010).
2. *Кузнецов 2004* – Отчетный доклад председателя Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации В.В. Кузнецова на VI Всероссийском съезде судей // Сайт Верховного Суда РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ssrf.ru/ss_detale.php?id=153 (дата обращения: 6.01.2010).
3. *Лебедев 2004* – Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева на VI Всероссийском съезде судей // Сайт Верховного Суда РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ssrf.ru/ss_detale.php?id=317 (дата обращения: 6.01.2010).
4. *Лебедев 2008* – Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева на VII Всероссийском съезде судей // Сайт Верховного Суда РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ssrf.ru/ss_detale.php?id=827 (дата обращения: 6.01.2010).
5. *Назаров 2008* – Доклад председателя Тамбовского областного суда В.В. Назарова «О доступности, справедливости правосудия в области по итогам работы в 2007 году, уроки и перспективы» // Сайт Тамбовского областного суда. [Электронный ресурс]. <http://www.tambov-court.ru/node/60> (дата обращения: 6.01.2010).
6. *Одинцов 2006* – «Особенности формирования общественного мнения о судебной системе в российских СМИ»: доклад начальника отдела по связям со СМИ Верховного Суда РФ П.П. Одинцова на совещании председателей судов // Сайт Верховного Суда РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.supcourt.ru/news_detale.php?id=2967 (дата обращения: 6.01.2010).
7. *Сидоренко 2004* – Сидоренко Ю.И. Отчетный доклад Совета судей Российской Федерации к VI Всероссийскому съезду судей // Сайт Верховного Суда РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ssrf.ru/ss_detale.php?region=0&id=151 (дата обращения: 6.01.2010).
8. *Eady 2009* – Mr Justice Eady “Privacy and the Press: Where are we now”. Justice Conference, 1 December 2009 // Сайт судей Англии и Уэльса. [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://www.judiciary.gov.uk/docs/speeches/eady-j-justice-conf.pdf> (дата обращения: 6.01.2010).
9. *Judge 2005* – The Atkin Lecture “The Sentencing Decision” by Sir Igor Judge, President of the Queen's Bench Division at The Reform Club, London // Там же. URL: http://www.judiciary.gov.uk/publications_media/speeches/2005/sp051125_1.htm (дата обращения: 6.01.2010).
10. *Moses 2006* – Lecture: “The Mask and the Judge” by Lord Justice Alan Moses at Trinity College, Oxford // Там же. URL:

http://www.judiciary.gov.uk/publications_media/speeches/2006/sp150506.htm (дата обращения: 6.01.2010).

11. *Phillips 2006* – Youth Justice Speech: Speech by the Lord Chief Justice, Lord Phillips of Worth Matravers at Royal Society of Edinburgh's 'Alternatives to Prison' conference // Там же. URL: <http://www.judiciary.gov.uk/docs/speeches/09122006.pdf> (дата обращения: 6.01.2010).

12. *Phillips 2007* – Role of the Judge: Speech by Lord Phillips of Worth Matravers, Lord Chief Justice of England and Wales at Cardiff Business Club // Там же. URL: <http://www.judiciary.gov.uk/docs/speeches/lcj260207.pdf> (дата обращения: 6.01.2010).

13. *Woolf 2002* – Keynote Speech “Rights of Child Defendants” at Michael Sieff Foundation Conference by Lord Woolf, the Lord Chief Justice of England and Wales // Там же. URL: http://www.judiciary.gov.uk/publications_media/speeches/pre_2004/lcj250402.htm (дата обращения: 6.01.2010).

Интервью

1. *Егорова 2007* – Интервью председателя Мосгорсуда Ольги Егоровой // Российская газета (Федеральный выпуск). – 2007. – №4542.

2. *Лебедев 2002* – Кодекс чести. Интервью председателя Верховного Суда России Вячеслава Лебедева // Итоги. – 2002. – №26.

3. *Майкова 2005* – Интервью Л.Н. Майковой // Судья. – 2005. – №8.

4. *Радченко 2007* – Владимир Радченко: Мнение о низком рейтинге наших судов не вполне справедливо // РФ сегодня. – 2007. – №11.

5. *Серов 2004* – Судьи обещают судить себя строго. Интервью председателя арбитражного суда Хабаровского края Н.Н. Серова // Тихоокеанская звезда. – 2004. – 30 декабря.

6. *Сидоренко 2005* – Беседа главного редактора журнала «Судья» В. Вербицкого с председателем Совета Судей России Юрием Ивановичем Сидоренко об итогах VI Всероссийского съезда судей // Судья. – 2005. – №1.

7. *Туманов 2004* – Владимир Туманов: досрочно освобождать из заключения надо по-умному // Российская газета (Федеральный выпуск). – 2004. – № 3640.

8. *Lord Chief Justice 2006* – The Lord Chief Justice Interview (2006) // Сайт судей Англии и Уэльса. [Электронный ресурс]. <http://clients.westminster-digital.co.uk/judiciary/> (дата обращения: 10.08.2009).

9. *Lord Chief Justice 2007* – The Lord Chief Justice Interview (2007) // Сайт судей Англии и Уэльса. [Электронный ресурс]. <http://clients.westminster-digital.co.uk/judiciary/2007/> (дата обращения: 10.08.2009).

Эссе

1. *Es1* – A day in the life of a Court of Appeal Judge // Сайт судей Англии и Уэльса. [Электронный ресурс]. URL:

http://www.judiciary.gov.uk/about_judiciary/roles_types_jurisdiction/judicial_profile_s/day_in_life_of/court_appeal_judge.htm (дата обращения: 6.01.2010).

2. *Es2* – A day in the life of a Circuit Judge // Там же. URL: http://www.judiciary.gov.uk/about_judiciary/roles_types_jurisdiction/judicial_profile_s/day_in_life_of/circuit_judge.htm (дата обращения: 6.01.2010).

3. *Es3* – A day in the life of a Master // Там же. URL: http://www.judiciary.gov.uk/about_judiciary/roles_types_jurisdiction/judicial_profile_s/day_in_life_of/master.htm (дата обращения: 6.01.2010).

4. *Es4* – A day in the life of a District Judge // Там же. URL: http://www.judiciary.gov.uk/about_judiciary/roles_types_jurisdiction/judicial_profile_s/day_in_life_of/district_judge.htm (дата обращения: 6.01.2010).

5. *Es5* – A day in the life of a Recorder // Там же. URL: http://www.judiciary.gov.uk/about_judiciary/roles_types_jurisdiction/judicial_profile_s/day_in_life_of/recorders.htm (дата обращения: 6.01.2010).

6. *Es6* – A day in the life of a Magistrate // Там же. URL: http://www.judiciary.gov.uk/about_judiciary/roles_types_jurisdiction/judicial_profile_s/day_in_life_of/magistrates.htm (дата обращения: 6.01.2010).

Список сокращений

ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

КА – коммуникативный акт

ОПГ – организованная преступная группировка

РЖ – речевой жанр

СМИ – средства массовой информации

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

Научное издание

Дубровская Татьяна Викторовна

Судебный дискурс: речевое поведение судьи
(на материале русского и английского языков)

Монография

Подписано к печати 12.01.2010 Формат 60x84 1/16
Бумага ксероксная. Печать трафаретная.
Усл. печ.л. 22. Тираж 500. Заказ №143

Издательство «Академия МНЭПУ»
127299, Москва, ул. Космонавта Волкова, 20
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии В.Б. Морозова
440600, г. Пенза, ул. Лобачевского, 6